

Евгений Яковлевич Гуляковский

Игры шестого круга

...Шел две тысячи триста второй год — год начала великого эксперимента по созданию искусственной человеческой расы. Впечатляющие успехи генетики последнего десятилетия позволили заложить в герметически закрытые и оснащенные по последнему слову техники поточные линии первые сорок тысяч человеческих зародышей со специально спроектированными генетическими кодами...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Олег Бирсов родился на три месяца раньше положенного, и именно это обстоятельство определило его дальнейшую судьбу.

Шел две тысячи триста второй год — год начала великого эксперимента по созданию искусственной человеческой расы. Впечатляющие успехи генетики последнего десятилетия позволили заложить в герметически закрытые и оснащенные по последнему слову техники поточные линии первые сорок тысяч человеческих зародышей со специально спроектированными генетическими кодами.

Как обычно, ученые слишком поздно обратили внимание на растущее в обществе недовольство по поводу создания расы «сверхлюдей», или «Танков» — как их тут же окрестили журналисты, после выступления по телевидению одного из многочисленных проповедников чистоты расы.

Позже это название, слегка видоизмененное и ставшее более благозвучным, Танны — вошло во все официальные справочники.

Случилось так, что Олег Бирсов сразу после рождения вместо обычного бокса для недоношенных младенцев был помещен в танк номер 63-бис одной из таннских поточных линий.

Искусственная плацента внутри танка была насыщена не только всеми необходимыми ему питательными растворами, но и целым набором так называемых заместантов. Заместанты — новый, недавно открытый биологами класс активных веществ — замещали в развивающемся организме собственные гены искусственными, специально сконструированными для расы Таннов.

Факт в случае с Олегом, нарушающий закон о правах младенцев, был умело скрыт в архивах федерального медицинского центра.

После того как заместанты выполнили свои функции, Олега перевели на специальный режим питания.

Три месяца его растущий организм снабжался искусственной пищей, насыщенной индивидуально подобранной большим медицинским компьютером смесью белков, аминокислот, ферментов и молекул ДНК, полностью совмещающихся с белками его собственного организма и отличающихся лишь структурой отдельных генов.

Изменения были настолько тонкими, что установить их прямым аналитическим методом не смог бы, наверное, ни один исследователь. Собственно, задачей эксперимента и было как раз определение влияния этих едва уловимых генетических изменений, внесенных в человеческий организм.

Для этого довольно смелого медицинского эксперимента не понадобилось даже согласия родителей Олега, поскольку его отец остался неизвестен, а мать отказалась от младенца во время родов, полностью передав его дальнейшую судьбу в руки федеральных

властей.

И хотя, благополучно закончив свое развитие в танке, Олег не стал полноценным Тайном, поскольку тех помещали в искусственную среду на стадии оплодотворенной яйцеклетки, трехмесячное питание растворами, насыщенными биологически активными веществами, изменяющими генную систему человека, оставило в его организме неизгладимый след.

К счастью для Олега, это выяснилось далеко не сразу.

Самое же интересное в этой истории было то, что даже профессор Конор, руководивший экспериментом, не мог с точностью предсказать его последствий.

Решившись в тайне от общества задать человеческой природе очередной каверзный вопрос, Конор скрыл от медицинской комиссии «рождение» или, точнее, извлечение младенца из танка номер 63-бис, когда подошел срок.

Он оставил Олега в медицинском центре под своим наблюдением, в то время как остальные младенцы этой серии были все как один немедленно отправлены на вновь образованную колонию, подальше от глаз любопытных журналистов и разгневанной общественности.

Судьба закаляла Олега, как кузнец закаляет кусок металла, бросая его из огненной купели в ледяную воду.

Когда двухлетнее наблюдение в клинике не дало в руки Конора практически ценных результатов — ни в развитии ребенка, ни в его генетической системе не было замечено никаких изменений, он потерял к Олегу всякий интерес и в конце концов отправил его в федеральный интернат для незаконнорожденных.

В графе метрической карты вместо фамилии матери появилось короткое слово «Бис», означавшее, скорее всего, приставку к номеру танка. Как бы там ни было, с этой минуты Олег стал Олегом Бирсовым.

Он рос худым, замкнутым мальчишкой, и хотя его пребывание в танке осталось тайной для окружающих, сверстники чувствовали в нем нечто инородное и инстинктивно сторонились жилистого мальчишки, никому не дающего спуска в драках.

Результат эксперимента начал проявляться лишь тогда, когда полностью сформировались все основные системы организма юноши.

Это случилось на последнем курсе федерального колледжа, в который Олег был принят по специальной программе помощи талантливым детям.

Он давно заметил, что его невзрачные мышцы таят необычную, постоянно возрастающую силу. Как-то раз, оставшись один в спортивном зале, Олег решил проверить границы своих возможностей.

Лишь после того как зашкалились и сломались два тренажера, он понял, что с ним не все в порядке. Когда же для штанги, которую он без всяких усилий выжимал одной рукой, не хватило грузов, он осознал, что это отклонение от нормы.

Судя по тому, что у него достало ума сохранить в тайне свое открытие, изменению подверглись не только мышцы Олега: его мозг работал быстрее, запоминал лучше и приходил к более правильным выводам, чем мозг рядового восемнадцатилетнего юноши.

Олег решил не спешить, как следует все обдумать и выяснить истоки своих необычных способностей, прежде чем открывать их окружающим. И уж затем, убедившись в том, что это ничем ему не грозит, найти им достойное применение.

С этого момента он обязал себя действовать с чрезвычайной осторожностью, опасаясь ненароком обнаружить свою необычную силу, которая в данный момент могла лишь осложнить его и без того непростые отношения с товарищами по курсу.

Анализируя различные известные ему обстоятельства, связанные сего рождением, Олег, в конце концов, связал вместе два факта — место своего рождения в ЭПИАКЕ и дату, известную любому мальчишке на Земле — время создания расы Таннов. Совпадение того и другого в сочетании еще с кое-какими обстоятельствами больше не казалось ему случайным. Но эти выводы он запрятал в дальних уголках своей памяти и до самого окончания курса ему

удалось сохранить свою тайну. В колледже он старался не выделяться и потому кончил его с довольно средними показателями, но, тем не менее, получил по итоговому баллу всех оценок аттестат, а также право самостоятельно решать свою дальнейшую судьбу. Собрав нехитрые пожитки, Олег навсегда покинул стены студенческого общежития.

В столицу Федерации Олег прилетел ранним утром. Бесшумный гравитационный флаер опустился на приемную площадку вокзала в самом центре столичного мегаполиса. Город еще спал, и Олег воспользовался редкостной возможностью познакомиться с огромным человеческим муравейником, улицы которого в этот час еще не были заполнены пешеходами.

Юноша никогда раньше не бывал в Ланке, и город произвел на него гнетущее впечатление. Даже сейчас, когда на улицах было мало народу, ощущение духоты, гари и металлического привкуса на губах мешало юноше дышать. Он знал, что внутри помещений мощные фильтры и кондиционеры избавят его от всех неприятных запахов — но общественные учреждения, магазины и супермаркеты были еще закрыты в этот ранний час. У него не было пристанища в этих гигантских каменных джунглях. Ни одного знакомого, ни одного человека, к которому он мог бы обратиться за советом. Он был полностью предоставлен самому себе, и почему-то ощущение пьянящего чувства свободы, охватившее его после того, как он навсегда оставил опостылевшие стены интерната, покинуло его.

Убедившись, что рядом никого нет, Олег достал свой старый потертый бумажник и пересчитал подъемные. Каждому выпускнику колледжа первой ступени, успешно сдавшему экзамены, выдавалось сорок кредитов. На этом заканчивалась забота государства о нем. Теперь он сам был обязан беспокоиться о пополнении содержимого своего бумажника.

Сорока кредитов должно хватить на неделю проживания в самом дешевом жилом блоке где-нибудь на окраине... Если он будет экономить на каждой мелочи — у него появится неделя резервного времени, потом придется наниматься на любую работу.

Скорее всего это будет мытье посуды в каком-нибудь самом дешевом ресторанчике. Или любая другая грязная, выматывающая все силы физическая работа, на которую только и могут рассчитывать такие, как он.

Если это случится — с мечтой о поступлении в школу колонистов придется проститься. Он знал, как сложны вступительные экзамены в этом престижном космическом колледже, но он знал и другое: колониальный колледж — единственное учебное заведение в Ланке, а возможно и во всей Федерации, где протекция не имела никакого значения. Это — единственное место, где у него есть шанс, пусть совсем ничтожный, но все же вполне реальный шанс устроить свое будущее, пробиться к давнишней мечте о долгой дороге в космос. Дороге, ведущей к иным мирам, где отношения проще и естественней, где человек занимает место в обществе согласно своим способностям...

Возможно, он заблуждался на этот счет. Его знания о жизни в колониях были почерпнуты в основном из популярных видеокристаллов, но сейчас думать об этом не стоило. Сейчас он должен собрать всю свою волю и попытаться изменить жалкий жребий, предопределенный ему клеймом рождения в интернате для брошенных детей.

Автоматические путеводные полосы в Ланке работали почти бесшумно. Задумавшись, Олег не заметил, что уже давно миновал центр. Метрах в ста впереди виднелось обшарпанное здание с яркой гостиничной вывеской. Судя по всему, цена здесь должна оказаться для него подходящей.

После долгой дороги он устал настолько, что решил не искать другого варианта. К тому же цены в гостиницах такого разряда скорее всего стандартны.

Однако прежде чем решиться войти в гостиницу, он пару раз прошелся мимо обшарпанного подъезда с вывеской и даже минут пятнадцать просидел на скамейке в сквере напротив отеля.

В своем провинциальном городке он наслушался немало жутких рассказов о столичной жизни. Часть из них, возможно, и не соответствовала истине. Но одно он знал наверняка: в столице постоянно и всегда почти бесследно исчезали люди. Чаще всего это были одинокие

бездомные бродяги, такие же, как и он. Возможно, столичные банды таким образом пополняли свои ряды, но скорее всего с пропавшими случались еще более страшные вещи. Человеческие органы, извлеченные из молодого тела, стоили недешево... Жуткие истории о найденных в столичных парках трупах, полностью выпотрошенных, не раз появлялись в газетах.

Тем не менее ему все равно придется искать какое-то временное пристанище. Не ночевать же в парке на скамейке, с наступлением темноты вряд ли это место покажется ему безопасней отеля...

Главная беда заключалась в том, что он совершенно не знал столицы. И не было ни единого человека во всем этом огромном городе, способного дать ему хотя бы простой совет — каких районов следует избегать и по каким признакам можно выбрать дешевый и относительно безопасный отель.

В конце концов, основательно разозлившись на себя за эти совершенно бесплодные рассуждения, которые не решали ни одной его проблемы, он решительно встал и направился к отелю.

Ему требовалось не так уж много — устроиться на ночь и продержаться хотя бы до завтра. Завтра понедельник, и с началом рабочей недели он отнесет свои документы в приемную комиссию, а там появятся новые знакомства, появится информация, а если повезет и его зачислят хотя бы в абитуриенты, то, возможно, и общежитие.

Внутри отель не производил такого мрачного впечатления, как снаружи. Стандартная убогая обстановка холла с искусственным — из пластика — деревом, стоявшим у конторки администратора, и обитыми под старину плюшевыми креслами производила скорее жалкое впечатление.

Администратор, усталый человек лет пятидесяти, видимо не ожидавший клиента в столь ранний час, был не слишком доволен появлением Олега у своей конторки. Его явное неудовольствие появлением раннего клиента рассеяло последние страхи Олега. В притонах потенциальных клиентов подпольных хирургических клиник вряд ли встречают презрительным броском регистрационной книги на стойку, последовавшим за его вопросом о цене номера.

Комната оказалась совсем крохотной. Выдвигающийся из стены столик, вделанный в дверь экран дисплея да узкий диван, автоматически выдвигавшийся из стены после нажатия специальной клавиши, составляли все ее убранство.

Едва успев принять паровой душ в крохотной туалетной кабинке, Олег упал на диван, не раздеваясь, и сразу же скрипучий голос автомата напомнил ему о том, что не дремлющее око кодекса гражданских правил, ни на минуту не оставлявшее своим вниманием ни одного законопослушного гражданина, остается на страже даже в этом богом забытом отеле.

Впрочем, иначе и не могло быть. Пришлось встать, снять ботинки, достать из шкафчика разовое белье, которое завтра все равно придется выбросить в мусороприемник, и аккуратно расстелить его на постели.

Закончив с приготовлениями ко сну, Олег выключил свет, но заснуть, несмотря на усталость, ему не удалось. То ли красноватый глазок ночной видеокамеры был тому причиной, то ли переутомление от долгой дороги перешло какой-то предел, но сон не шел, и мысли в невидимом водовороте возвращались к одной и той же, самой важной для него теме — к завтрашнему визиту в колониальный колледж.

Как только он сдаст свои документы приемной комиссии, он перейдет невидимый и опасный рубеж, за которым, возможно, вся его жизнь покатится совершенно в другую сторону.

Опасность подстерегала его за дверьми медицинской комиссии — он знал, каким строгим тестам и анализам подвергали будущих абитуриентов, правительство не желало тратить ни одного лишнего кредоса на экзамены для тех, чье здоровье не позволит им в будущем отправиться в космос. И если раньше в провинциальном колледже первой ступени ему удалось скрыть необычные возможности своего организма, то теперь это вряд ли

получится, а если его тайна откроется, что его ждет? Во всяком случае — не усыпанная розами дорога к неизвестным космическим мирам. Скорее всего его превратят в подопытную свинку для тех самых чокнутых медиков, что однажды уже засунули его в ванну для искусственных человеческих зародышей.

Но остановиться сейчас — значило упустить единственный шанс покинуть эту грязную планету и навсегда отказаться от своей мечты. Нет, этого он не мог сделать, нужно собрать всю свою волю, рассчитать и продумать каждый шаг, каждый ответ на тесты и каждое движение на измерительных стендах. Удавалось же ему в колледже дурачить старого доктора Грифста. Правда, у того не было особых причин подозревать Олега. В его глазах он был просто образцовым студентом с отличным здоровьем.

В конце концов, у него еще остается возможность сбежать, если его начнут подозревать. Хотя в глубине души Олег прекрасно понимал, что это вряд ли удастся сделать. Сегодня у него еще был выбор — завтра его не будет.

Стоит ему всерьез заинтересовать своей особой федеральные власти, и опытные профессионалы из вездесущего бюро общественной безопасности вычислят каждый его шаг. Не так уж много существует мест, в которых можно укрыться безработному человеку, истратившему свой последний кредит.

В любой гостинице, в любой ночлежке прежде всего требовали предъявить регистрационную карточку, и данные из нее тут же поступали в компьютерную базу.

Наверняка существовали способы избежать тотального контроля. Этими способами весьма успешно пользовались преступники всех мастей, годами скрывающиеся от закона, но ему они были неизвестны.

Постепенно усталость взяла свое, тревожные мысли отступили и растворились в здоровом, крепком сне без сновидений.

Глава 2

Проснулся Олег в какое-то неопределенное время. Вставать вроде бы уже было поздно, часов десять вечера... Но и попытка вновь заснуть успеха не принесла.

Он лежал расслабившись, выгнав из головы посторонние мысли, и старался убедить себя в том, что ему абсолютно нечего делать вечером в этом чужом, полном опасностей городе.

Усталость, преследовавшая его всю первую половину дня, сейчас уступила место лихорадочному возбуждению — казалось, неслышное дыхание столичного мегаполиса проникает сквозь стены. За пределами этой третьеразрядной обшарпанной гостиницы текла незнакомая ему, полная опасностей и приключений жизнь столицы, а он валялся на диване и силой пытался заставить себя заснуть. Когда в борьбе благоразумия с чувством голода Олег понял, что победило последнее, он встал, оделся и вышел из гостиницы, решив, по крайней мере, найти дешевое бistro, где можно было бы поужинать. В конце концов, обед сегодня он уже пропустил, сэкономив таким образом несколько кредитов, но оставаться еще и без ужина было, пожалуй, слишком...

Минут через пятнадцать вагон пневматички перенес его на несколько кварталов ближе к центру, и вскоре, несмотря на поздний час, его поиски увенчались успехом.

Совсем недалеко от станции подвесной пневматической дороги, которую он старался не терять из виду, чтобы не заблудиться в переплетении незнакомых улиц, он увидел яркую вывеску.

Смешной неоновый человечек налету подхватывал неожиданно возникавший из темноты ярко-оранжевый пончик и, раздувая щеки, перекачивал его между ладонями, с аппетитом затем откусывая сразу половину.

Вывеска принадлежала маленькому тихому заведению, обслуживаемому роботами. Здесь оказался даже музыкальный автомат. Посетителей в это время было совсем немного.

Олег собирался наскоро перекусить каким-нибудь дешевым синтетическим блюдом, но

потом не удержался, заказал еще и коктейль. Возвращаться в тесную клетушку гостиницы совсем не хотелось, и он тянул время, решив посидеть здесь, пока бистро не закроют.

Однако стрелки часов показывали уже полночь, а заведение все не закрывалось — возможно, оно работало до утра, что вполне вероятно, поскольку весь обслуживающий персонал здесь заменили механизмами.

Олег собрался уходить, когда дверь отворилась и в кафе вошла девушка. Она была одна в этот поздний час, и это удивило Олега, наслушавшегося рассказов о столичных бандах, державших под своим контролем целые районы столицы.

Обычно он не оставлял без внимания ни одной девушки. Эта показалась ему чрезмерно смелой. А может быть, она забрела сюда от одиночества, как и он? Что могло привести ее в эту автоматическую забегаловку в столь поздний час? Возможно также, что у нее назначена здесь встреча. Ему хотелось разгадать эту загадку. Если бы он хоть немного лучше знал столичную жизнь или обладал чуть большим жизненным опытом, то первое, что должно было прийти ему в голову, то, что молодая женщина, разгуливающая по этому району после двенадцати без сопровождения мужчины, либо принадлежит к древнейшей в мире профессии, либо какие-то особые обстоятельства заставили ее забыть о столичных бандах. И в том и в другом случае от нее стоило держаться подальше. Но эта благоразумная мысль не посетила Олега, с любопытством разглядывавшего незнакомку.

На девушке был светлый прозрачный плащ, блестящий от дождя, и когда она откинула капюшон, Олег увидел, как она красива. Теперь он продолжал украдкой следить за ней с удвоенным интересом.

Девушка выглядела растерянной и беспомощной. Внимательно осмотрев полупустое кафе, незнакомка выбрала ближайший к выходу столик. Похоже, она изо всех сил старалась не привлекать к себе внимания и в то же время тревожно оглядывалась на входную дверь, словно ждала оттуда опасность.

Она ничего не заказывала. Значит, не голод был причиной ее столь позднего визита — тогда что же? Возможно, именно любопытство помогло Олегу, преодолев робость, подойти к ее столику и спросить, не согласится ли она выпить с ним чашечку кофе? Вопрос нелепый в данных обстоятельствах.

Она отреагировала как-то странно. С минуту ничего не отвечая, она внимательно разглядывала его, и он невольно отметил, какие у нее темные, почти бархатные от глубины глаза.

— Вы из банды Костистого?

— Нет, что вы, я приезжий, я здесь вообще никого не знаю...

Он искренне растерялся от ее неожиданного вопроса и хотел уже отойти, когда незнакомка продолжила.

— Похоже, вы говорите правду. Я должна была догадаться, что вы не здешний. Хорошо, заказывайте ваш кофе. Только учтите — денег у меня нет.

— У меня их тоже немного, но на кофе хватит.

По крайней мере одно положительное обстоятельство заключалось для нее в том, что это бистро обслуживалось роботами. Они не умели изображать на своем лице оскорбленное достоинство, или, что еще хуже, презрение к клиенту, если его тощий кошелек позволял заказать всего лишь одну чашку кофе.

Когда она отхлебнула несколько глотков обжигающего горячего напитка, Олег осторожно спросил:

— Кто такой этот Костистый?

— Его банда контролирует весь западный район Ланки. Он давно уже за мной охотится. Я здесь спряталась от его людей, но это ненадолго. И пока не поздно, вам лучше пересечь обратно за свой столик. Олег ничего на это не ответил, только усмехнулся, вспомнив многочисленные драки в школе первой ступени, из которых неизменно выходил победителем. Он научился легко переносить боль, отключая от нее сознание, да и любая царапина или рана заживала на нем очень быстро. Правда, он не знал, что собой

представляли ланкские банды. Слышал только, что они отличались звериной жестокостью и, как правило, убивали тех, с кем вступали в драку. Но в его возрасте подобные пустяки редко приходят в голову, когда рядом находится красивая женщина, нуждающаяся в защите.

— Почему вы не уходите? Вы наверно старинных романов начитались в своей провинции, да? Тоже мне рыцарь! — В ее голосе слышались панические нотки.

И поскольку в ответ он лишь пожал плечами и продолжал молча прихлебывать свой коктейль из стакана, с которым так и не расстался, пересев за ее столик, она спросила, понимая, видимо, что ее попытка отделаться от него окончилась неудачей:

— Неужели случайное знакомство стоит того, чтобы рисковать жизнью? Со мной они ничего не сделают, в худшем случае доставят к Костистому. Но с вами даже разговаривать не станут, они вас просто убьют. Они же вооружены. В любую минуту они могут здесь появиться.

Лицо Олега посуровело, черты обострились. Но он все еще молчал, взвешивая каждое слово и каждое движение. Так всегда с ним бывало в минуты настоящей опасности, приближение которой он уже почувствовал.

— Я вас очень прошу, — тихо произнесла она. — Мне совсем не хочется, чтобы на моей совести оказалась ваша жизнь.

— А как бы вы поступили на моем месте?

— Я ведь не мужчина...

— Вот видите! Поэтому вы не понимаете. Если я сейчас оставлю вас одну, разве я смогу уважать себя после этого?

Возможно, из-за того, что у нее были такие глубокие печальные глаза, или из-за того, что, несмотря на свое отчаянное положение, на свой явный испуг, она беспокоилась о нем, он не бравировал, не красовался перед ней, хотя и чувствовал своим не поддававшимся логическому объяснению шестым чувством, что опасность может оказаться даже серьезней, чем она предполагала. Это особое обостренное чувство приближавшейся опасности досталось ему «в наследство» вместе с букетом других необычных свойств после экспериментов доктора Конора.

Вошли трое. Один, тот, что шел впереди, был среднего роста, худой, даже слишком худой. У него был кастет, и он прятал его под перчаткой. Глаза его блестели, как у наркомана, но скорее всего его возбуждал сам процесс погони и запах близкой крови, которую он собирался пролить.

Второй, следовавший за первым на расстоянии шага, в широкополой шляпе, надвинутой на лоб, и в черных очках, был молод. Молод настолько, что еще мог считать романтической профессией убийцы. Во всем его облике было нечто маскарадное.

Зато третий, тот, что шел последним, был самым опытным и самым опасным из этой троицы — он выглядел слегка сутулым, возможно от постоянного старания казаться незаметным. Он действительно легко мог потеряться в толпе, у него было заурядное, легко забывающееся лицо, и только глаза выдавали в нем человека, привыкшего отдавать приказы.

Олег сидел к двери спиной и не мог видеть вошедших, но вся картина встала у него перед глазами, едва троица переступила порог кафе. И это был уже не первый случай, когда в моменты нервного напряжения у него раздвигались границы нормального зрения и он видел все, что происходит вокруг.

— Она не одна, — сказал тот, что шел первым.

— Тогда убей его. Ты слишком много говоришь, — отдал короткий приказ тот, кто привык их отдавать. В руке второго, прежде чем первый занес над головой сидящего к нему спиной Олега свой кастет, блеснул молекулярный бластер мощное оружие, носить которое разрешалось лишь офицерам полиции и капитанам космических кораблей.

Время вытянулось в длинную, физически ощутимую цепь отдельных мгновений. Вытянулось и почти замерло.

Словно преодолевая невидимое вязкое сопротивление этого остановившегося времени, Олег бросил свое тело вбок и вниз, уходя прежде всего от выстрела и не заботясь особенно о

кастете. Через мгновение на спинке его стула распустился огненный цветок.

Падение еще продолжалось, когда в нескольких сантиметрах от пола, оттолкнувшись от него обеими руками, Олег послал свое тело вверх и мимоходом, словно случайно, задел локтем скулу человека, поднимавшего кастет. Но этого оказалось достаточно, чтобы тот скорчился, отшатнулся назад и наткнулся на стену.

Теперь дорога к самому опасному противнику оказалась свободной. Один длинный змеиный шаг перебросил Олега к двери. Бластер медленно поворачивался вслед за уходящей тенью, но тень двигалась быстрее пальца человека, еще раз нажавшего пусковую кнопку. Выстрел вновь запоздал, и это обстоятельство оказалось роковым для стрелявшего.

Теперь Олег был рядом с ним и без всякого сожаления одним коротким неуловимым движением коснулся ребром ладони его шеи. Нападавший выронил бластер и, закатив глаза, рухнул на пол. Его тело еще не успело коснуться пола, а Олег уже переступил через него, прорываясь вперед к своей последней, самой главной цели.

Но на этот раз он опоздал.

Третий из его противников — тот, который отдавал команды остальным, оказался быстрее, чем Олег ожидал. Входная дверь захлопнулась, щелкнул внутренний замок, и когда он, сломав щеколду, наконец выскочил в коридор, там не было уже никого.

Лишь свист поднимавшегося флаера сообщил о том, что эта история не закончится так просто. Слишком серьезно она начиналась. Даже Олег с его ничтожным столичным опытом догадался, что обыкновенные бандиты не могут себе позволить использовать флаер в ночных погонах за женщинами... Что-то другое скрывала в себе приключившаяся с ним история, что-то гораздо более грозное, чем случайная стычка с бандитами.

Узкая женская ладонь коснулась его руки.

— Нужно уходить отсюда!

Это он понимал и сам. Они уже бежали к станции пневматички, когда она спросила:

— Ты что, умеешь летать? Я не понимаю, как ты оказался у двери. Один из них был с бластером, но он даже не успел выстрелить...

— Я занимался в секции древних рукопашных искусств. — Он не понял, поверила ли она ему.

Им оставалось перейти улицу, станция с неоновой светящейся буквой «П» была уже совсем рядом.

— Ты ведь приезжий, да? Остановился в гостинице? — спросила она, не снижая темпа и забавно запрокидывая голову, словно хотела заглянуть ему в глаза. В ответ он молча кивнул, подумывая о том, не подхватить ли ее на руки и не сократить ли таким образом в несколько раз время, необходимое для того, чтобы скрыться в вагоне пневматички. Но у него были кое-какие сомнения по поводу того, что она поймет и одобрит подобный способ передвижения.

— Тебе нельзя возвращаться в гостиницу. У Костистого есть свои люди в полиции. Они найдут тебя очень быстро.

— У них нет ни моей фамилии, ни номера регистрационной карты.

— Этого и не требуется, есть много способов найти человека, особенно приезжего. Твои данные зарегистрированы в транспортной картотеке, а у Костистого достаточно людей, чтобы быстро разыскать нужные сведения. Ты поднял руку на его людей в его собственном районе. Такого они никому не прощают.

Она говорила короткими скупыми фразами и дышала быстро и часто, но не отставала от него ни на шаг. Они были уже у турникета. Девушка не произнесла больше ни слова, пока они, наконец, не оказались в пустом вагоне пневматички.

Хлопок ускорителя застал Олега врасплох. Он едва успел ухватиться за верхний ремень и поддержать свою спутницу.

Рука невольно задержалась на ее талии, но она тут же высвободилась и опустилась на сиденье.

Короткая полупрозрачная юбочка обнажила ее белые колени и высокие точеные бедра.

Они невольно притягивали взгляд Олега, точно магнитом, и чтобы избавиться от этого наваждения, пришлось сесть с нею рядом. Несколько обиженный ее холодным отстранением, он теперь соблюдал дистанцию и сел так, чтобы случайно не коснуться ее. Наверно она это заметила, потому что посмотрела на него внимательно и сказала:

— Если хочешь, можешь переночевать у меня. Там они тебя искать не станут.

Возражать он, естественно, не стал. Даже не поинтересовался, почему она считает безопасным собственный дом. В конце концов, ему некуда было идти, кроме гостиничного номера. Расставаться же с ней сейчас, в самом начале знакомства, ему совсем не хотелось.

Минут через пятнадцать она сказала, что пора выходить.

Спиральная лестница эскалатора понесла их вниз внутри огромной прозрачной трубы. Непривычный водоворот городских огней слегка кружил Олегу голову, но, возможно, чувство легкого опьянения, не покидавшее его с того момента, как он увидел девушку в кафе, имело под собой совершенно другую почву.

Довольно строгие правила школьного интерната да еще, пожалуй, обостренное чувство собственной необычности мешали ему приобрести опыт общения с женщинами. Только теперь он наконец догадался спросить, как ее зовут.

— Илей. А тебя?

— Олег. — И, усмехнувшись про себя, добавил: — Олег Бирсов. — Он всегда внутренне усмехался, когда вспоминал свою фамилию. Изучая библиотечные архивы еще в колледже первой ступени, он установил бесспорную связь своей фамилии с танновским баком. Латинская буква серии сопровождала каждую новую группу отправляемых на Марс Таннов.

Недолго они там пробыли. Стараясь замять разгоравшийся скандал и подальше спрятать концы этой неприглядной истории, правительство в конце концов выделило им какую-то почти не исследованную окраинную планету, переправило их туда и закрыло планету для полета всех кораблей.

В сопроводительном письме, написанном директору интерната собственноручно Конором, фамилия Олега еще значилась как «Бисов». Позже ее торопливо перечеркнули и сверху написали «Бирсов».

Глава 3

Квартира Илен чем-то напомнила Олегу конфетную коробку, украшенную цветным целлофаном. В углу, очевидно в том месте, где в неглубокой стенной нише скрывалась кровать, стояла забавная вазочка с искусственными цветами на толстеньких, почти поросячьих ножках.

Девушка сумела немногими совсем недорогими вещичками, незаметными в отдельности мелочами придать стандартному типовому блоку индивидуальность и едва уловимый, как тонкий аромат духов, уют.

Квартира была совсем крохотной. Олег все никак не мог привыкнуть к столичным стандартам жилой площади — из-за огромной скученности (в Ланке жило более сорока миллионов) каждому жителю разрешалось занимать не более пятнадцати квадратных метров площади.

Еще в дороге Илен спросила его, зачем он приехал в столицу, и, услышав ответ, не удивилась его выбору, хотя и не одобрила его.

— Многие хотели бы сбежать отсюда куда глаза глядят.

До сих пор он не думал о своем желании уехать и лишь сейчас понял, что она права. Ему надоела регламентированная до последних мелочей жизнь гражданина Земной Федерации. Чем больше увеличивалась плотность населения, тем больше становилось законов и правил и тем строже следили власти за их выполнением рядовыми гражданами.

— Ты, наверное, голоден?

Вопрос застал его врасплох. Синтетическое дежурное блюдо, которое он наспех

проглотил в кафе, не уменьшило его чувство голода. Но продукты в столице дороги, а судя по обстановке, зарабатывала она немного... Он отрицательно покачал головой, но Илен, не обратив на это внимания, уже гремела на кухне посудой.

Незаметно и естественно они перешли на «ты». Он чувствовал себя с этой девушкой легко и просто, словно она была его товарищем по классу. Лишь мысль о предстоящей ночи вдвоем в этой тесной комнате, где из стены выдвигалась одна-единственная кровать, несколько нарушала идиллический образ, созданный его воображением.

Происшествие в кафе не давало ему покоя, и, в конце концов, он не удержался от вопроса, хотя и понимал, что она вряд ли захочет на него ответить.

— Ты давно знаешь Костистого? У тебя с ним что-то было?

Ее глаза сузились и потемнели, казалось, вот-вот она ответит чем-нибудь резким, но, вспомнив, очевидно, как он вел себя в кафе, девушка решила, что он заслужил право на этот вопрос.

— Я работала в автовираме у Спирина.

— Что такое автовирама?

— Что-то вроде телевизионного театра для тех, кто берет напрокат кары. У меня был там собственный номер. Небольшой — но все же... Конечно, я не настоящая актриса, но моя работа мне нравилась. Потом банда Костистого взяла под свой контроль улицу, на которой находилась наша вирама. Видимо, я ему понравилась, потому что он предложил мне стать менеджером всей вирамы Спирина и отчислять ему пятьдесят процентов дохода.

К сожалению, ему было нужно не только это... Да и Спирин мне нравился, хороший старик, который посвятил созданию театра всю свою жизнь.

Костистый за один день разрушил и перетасовал сразу несколько чужих жизней. Мне все это не понравилось, и я отказалась. В результате я осталась без работы. И меня никуда не брали. Даже в соседних районах предпочитали не портить отношений с Костистым. Он решил, что надо просто подождать, пока я образумлюсь. Когда же ему ждать надоело — началась настоящая охота на меня.

— Ты ведь могла уехать.

— Могла. Но переезд стоит дорого, все мои сбережения ушли бы на дорогу. Пока я искала новое место работы, от них мало что осталось. На новом месте все пришлось бы начинать сначала, и рано или поздно там бы тоже появился свой Костистый.

Не знаю, как люди живут в провинции, но в больших городах за все приходится платить. Так что к тому моменту, когда ты появился, я уже готова была сдаться.

Чего-то она недоговаривала, чего-то очень важного. Он чувствовал это и знал, что при желании мог бы прикоснуться к ее сознанию и прочесть если не сами мысли — подобное ему никогда не удавалось — то хотя бы ее настроение, ее желания. Узнать, когда она говорит искренне, а может быть, даже и то, что она старалась от него скрыть.

Но природная порядочность не позволяла ему проделывать подобные эксперименты. Велика была и сила привычки, выработанной за долгие годы постоянной необходимости скрывать от окружающих свои способности. Не многие люди чувствовали его прикосновение к своему сознанию. Однако он знал, что такие встречались, и старался тщательно скрывать свои возможности. Постепенно это стало привычкой.

— Скажи... А ты не боишься поступать в колониальную школу?

Олег сразу же почувствовал, что этот вопрос задан неспроста и что Илей еще не решила, продолжать или нет этот весьма важный для него разговор.

— Почему я должен этого бояться?

— Говорят, если на экзаменах абитуриент не покажет хотя бы среднего балла, он лишается регистрационной карточки и никогда не сможет претендовать на квалифицированную работу.

Он понял, что она говорит совсем не то, что собиралась сказать минутой раньше, это получилось непроизвольно, само собой. Скорее всего потому, что дело тут было не в ее девичьих тайнах — она знала нечто чрезвычайно важное, возможно, касающееся его

дальнейшей судьбы.

— Ты что-то знаешь об этой школе? — рискнул он спросить, стараясь помешать ей увести разговор в сторону.

— Не больше, чем все остальные. В Ланке много говорят об этой школе и часто не слишком приятные вещи, хотя название — «Колониальный колледж» конечно, звучит красиво, к тому же многих привлекает сама возможность уехать.

— Что же о нем говорят?

— Ну например, то, что правительство старается пропустить через него как можно больше молодых людей, в особенности тех, кто проявил в школе первой ступени незаурядные способности...

— Я не проявлял никаких способностей — аттестат у меня самый средний.

— Они редко допускают до вступительных экзаменов случайных людей, и если тебя допустят, значит, у них есть для этого основания.

— Ты говоришь так, словно знаешь об этом колледже гораздо больше других.

— Возможно, так оно и есть.

— Может, расскажешь?

— Есть вещи, Олежек, которые каждый должен узнавать сам. Давай сменим тему. Я ведь не член приемной комиссии...

В этом она, безусловно, права. Но теперь он не сомневался в том, что она знает гораздо больше того, что сказала ему. Он подумал, что их встреча в кафе могла быть не такой уж случайной, и совсем незначительное усилие требовалось от него, чтобы разрешить эту загадку. Но он не стал ничего предпринимать. Парадоксальным образом ореол опасности придавал этой женщине лишь дополнительное очарование.

Когда скромный ужин был закончен, его уложили спать на кухне. Илен пришлось для этого пожертвовать своим единственным матрасом. Он долго не мог уснуть, ворочаясь на жестком ложе и испытывая странную смесь разочарования и почти благодарности за то, что она не разрушила тот романтический образ, который сложился в его сознании. Вот только продолжалось это недолго. В конце концов все превратилось в борьбу с банальным желанием встать и проверить, заперта ли дверь, ведущая в ее комнату. Щеколда вроде бы щелкнула, когда она ее закрывала, но полностью в этом он все же не был уверен. Он совсем было собрался подняться, но, повернувшись на другой бок, неожиданно заснул.

Олег проснулся глубокой ночью и долго не мог понять, где находится и сколько сейчас времени. В окно светила огромная луна — он знал, что она искусственная, как и само окно, но не знал, как выключается это чудо природы, и оттого никак не мог вновь уснуть. В квартире стояла удивительная тишина литые звуконепроницаемые стены, лишенные настоящих окон, не пропускали уличного рева. Щелканье и урчание электронных приборов контроля еще больше подчеркивало тишину.

Дверь в комнату Илен была слегка приоткрыта, и оттуда проникал едва уловимый аромат цветов. Только теперь он понял, что цветы в ее вазочке настоящие и, должно быть, стоили бешеных денег, вряд ли она покупала их сама, скорее всего это подарок. Возможно, даже от того самого Костистого...

В сущности, он о ней ничего не знает... Ее появление в кафе выглядело более чем странно. Если тебя преследуют бандита, то, наверно, далеко не лучший способ сидеть и ждать, пока они появятся...

Неожиданно эти трезвые мысли в его голове полностью заглушил вид приоткрытой двери. В первый раз, когда он уголком сознания отметил какую-то странность в положении двери, он не вспомнил того простого факта, что вечером, когда он укладывался на своем коротком матрасе, дверь была плотно закрыта. Он услышал и запомнил легкий щелчок электронной щеколды, отрезавшей его от той комнаты, где укладывалась Илен. Собственно, он уснул в тот самый момент, когда собирался проверить, действительно ли была заперта эта дверь, но в том, что она была плотно закрыта, сомневаться не приходилось.

Теперь же дверь была приоткрыта. Не распахнута настежь, но все-таки приоткрыта

настолько, что между нею и косяком образовалась щель толщиной с ладонь. Это смахивало почти на приглашение...

И если бы не ощущение опасности, явно исходящее от этой женщины весь прошлый вечер, он немедленно воспользовался бы подобным приглашением.

Наверно с минуту он пытался решить, что должна означать эта щель. И за это время понял лишь одно — бывают в жизни моменты, когда вся его врожденная осторожность и весь опыт, которого у него, в сущности, было так мало, не имеют ни малейшего значения.

Он встал и медленно, пошатываясь, как пьяный, пошел к этой двери. Он и в самом деле был опьянен, не алкоголем, а собственным воображением. Он представлял ее совершенно обнаженной, с отброшенным одеялом. Он видел полные белые ноги, которые запечатлелись в его памяти с того самого момента, когда она вошла в кафе, и грудь, ту самую грудь, округлость которой он лишь угадывал под тонкой кофточкой.

Дверь отошла легко, без скрипа. Действительность превзошла его ожидания. Илей спала. Правда, все же под одеялом, но одеяло частично сползло на пол, и свет ночника желтой полоской играл на ее груди. Нет, не совсем обнаженной, но под тонким прозрачным бельем она казалась лишь еще соблазнительней.

Полураскрытые губы словно ждали поцелуя... Он нагнулся и прикоснулся к ним своими пересохшими от возжелания губами.

Илей вздрогнула, будто и в самом деле спала, напряглась на секунду и тут же обмякла, покорно уступая его ласкам. Что-то неестественное было в этой покорности, что-то не совсем настоящее, словно она выполняла некий приказ, некую установку...

Так продолжалось недолго. Едва его рука, отбросив с плеча тонкую бретельку сорочки, коснулась ее обнаженной груди, как она твердо произнесла «нет» и рванулась из его объятий.

Но было слишком поздно. Туман страсти, смешанный с неожиданной яростью, залил голову Олега. Чувство незнакомое, никогда не испытанное раньше овладело им безраздельно.

Эта женщина — одна из тех, кто бросает своих младенцев на произвол судьбы, подкидывает в правительственные интернаты — еще смела ему сопротивляться?! Он почувствовал непреодолимое желание сделать ей больно, увидеть страдание на ее лице, и сделать это было так легко, так просто... Заставить ее почувствовать, что подобные игры, обман и ложь не всегда заканчиваются благополучно.

Заведя ее руки за спину, он легко предупредил все ее попытки вырваться. Другой, свободной рукой, одним движением сорвал с нее сорочку.

Одеяло во время этой борьбы упало на пол, и он наконец увидел воочию все то, что представлялось ему в мечтах: голое непокорное тело, бессильно извивающееся в его объятиях... Почему она не кричит? Самое время закричать, позвать на помощь. Но она не издала ни звука, после того единственного категорического «нет». И теперь лишь молча, яростно, изо всех сил сопротивлялась.

Он понимал, что насилует ее, но это лишь доставляло ему дополнительное наслаждение.

Стиснув зубы, Илен в конце концов прекратила бессмысленное сопротивление, но ни одним движением, ни одним жестом не ответила на его ласки.

В этом было что-то оскорбительное, неестественное, странное, но он уже утратил способность к самоконтролю и анализу. Его мозг заслонил багровый туман страсти. Он овладел ею грубо, совершенно не обращая внимания на то, что чувствует жертва. И когда, наконец, покончил с этим, когда отпустил ее посиневшие от его стальной хватки руки и, повернувшись спиной к растерзанной постели, пошел к себе, одна лишь единственная фраза нагнала его на пороге кухни:

— Надеюсь, теперь мы в расчете?

Эта фраза ударила его, как пощечина. Но, пошатнувшись, он даже не обернулся. Не потому, что она была не права, а потому, что только что открыл для себя темные инстинкты,

дремавшие в нем до сих пор, о которых даже не подозревал.

Не только нечеловеческую силу и трезвый, не по годам, ум почерпнул он на дне экспериментального бака в федеральном генетическом центре — не бывает абсолютно счастливых находок.

Оставшись один, плотно прикрыв за собой дверь, он уселся на табуретку, обхватил колени руками и, прижавшись к ним подбородком, сидел так, наверное, целый час, думая о той темной силе, которая зрела внутри его все эти годы и теперь вдруг выплеснулась наружу.

Он ни в чем не раскаивался, ни в чем себя не упрекал. Беспокоило его совсем не то, что, воспользовавшись открытой дверью, он вошел к ней в комнату, а та буря темных чувств и желание насилия, которые породила в нем, в сущности, первая близость с женщиной.

И одна-единственная мысль, как рефрен, стучала в его мозг: а не было ли для отправки Таннов в закрытую, изолированную от Земли колонию особой причины, которую тщательно скрывали от общества? Что если противники расы сверхлюдей не так уж не правы, и Танны действительно несли в себе настоящую, не выдуманную, опасность для Земной Федерации?

Что если у него не хватит сил бороться с тем, что сегодня лишь на секунду выглянуло наружу из его внутреннего «я»? Какие еще сюрпризы преподнесет ему собственная психика?

И много позже, перебравшись в свою скромную постель, он долго еще думал об этом, лишь под утро забывшись тяжелым, беспокойным сном.

Его разбудил стук в наружную дверь. В ту самую, что вела из кухни в общий коридор.

Он совсем было собрался встать и открыть ее, желая выяснить причину столь ранней пробудки, но вовремя вспомнил, что находится не дома и своим неожиданным появлением перед посторонними может не только скомпрометировать девушку, но и дожидаться звонка в полицию.

Он едва успел натянуть штаны и застегнуть рубашку, как на кухне появилась причесанная и одетая Илен — она выглядела так, словно вообще не ложилась. Лишь припухшие веки да несколько темных пятен на кистях рук напоминали о бурно прошедшей ночи.

— Это, наверно, соседка. Выйди, пожалуйста.

Вновь ему пришлось очутиться у нее в комнате, где, впрочем, уже ничто не напоминало о ночной схватке. Разве что из-под шкафа выглядывал незамеченный ею лоскут сорочки.

Олег задвинул его поглубже носком ботинка, испытывая странную смесь раскаяния и торжества — словно этот кусочек материи свидетельствовал о его победе. Но он знал, что все обстояло иначе.

Минут через пять, когда голоса затихли и закрылась входная дверь, он осторожно заглянул на кухню.

Соседки уже не было. Илен набирала заказ на пульте автоматической доставки продуктов. Олег чувствовал себя неловко и не знал, как себя вести дальше. Хотелось незаметно уйти, но следовало дожидаться более позднего часа, когда он сможет смешаться с толпой людей, спешащих на работу.

Он все еще опасался, что вчерашняя драка не пройдет бесследно, люди Костистого могли поджидать его на улице.

Но настоящая сложность заключалась в том, что ему предстояло, возможно еще в течение целого часа, как ни в чем не бывало общаться с женщиной, которую он изнасиловал прошедшей ночью.

В конце концов, стоя на пороге комнаты и не видя ее глаз, ему удалось выдавить из себя нечленораздельное извинение.

Она даже не обернулась, лишь произнесла, ни на секунду не отрываясь от своего занятия:

— Вчера мне показалось, что ты не такой, как все, да только все мужики одинаковые.

Он почувствовал, как в нем нарастает протест. В конце концов, извинившись, он сделал

первый шаг к примирению, но она его отвергла. В том, что он оказался в ее комнате, была не только его вина.

— Это ведь не я открыл дверь. Любой на моем месте воспринял бы это как приглашение. Она резко обернулась.

— Дверь? Какая дверь?

— Вот эта самая, возле которой я стою!

— Ты хочешь сказать, что ночью она была открыта?

— Вот именно! И не делай, пожалуйста, вид, что ты ничего об этом не знаешь!

Не обращая внимания на его слова, она подошла к двери и внимательно осмотрела автоматический электронный замок.

— Я думала, ты его сломал...

— Ты бы это услышала.

— Да, конечно... Кажется, теперь я начинаю понимать...

На ее лице отразился неподдельный страх, она побледнела и, прикусив нижнюю губу, молчала, наверное с минуту.

— Тебе лучше не ездить в федеральную школу. Лучше, если ты вообще сегодня же уедешь из столицы.

— Какое отношение имеет дверь твоей комнаты к моему поступлению в школу колонистов?

— Не знаю. Может быть, никакого...

Ему начинала надоедать вся эта история, вся эта комедия с открытой дверью, таинственные недомолвки, ночная драка и тому подобное.

Сейчас он думал лишь о том, что, как только сдаст заявление, со всей этой историей будет покончено раз и навсегда. Допущенным к экзаменам абитуриентам предоставляется общежитие.

Вот только он не знал тогда, что подобные истории никогда не заканчиваются, оставляют след или шрам, тянущийся через всю жизнь.

Глава 4

Зал приемной комиссии колониального управления выглядел величественно. Во всяком случае Олегу, не привыкшему к столичным масштабам, он показался огромным.

Абитуриенты, разбитые на группы по шесть человек, ожидали начала собеседования, сидя на длинной скамейке вдоль стены первой аудитории. Каждая группа имела своего управляющего. Группой Олега руководил молодой человек лет двадцати, скорее всего студент начальных курсов, мобилизованный комиссией по случаю приемных экзаменов. Он выглядел чрезвычайно важным и недоступным для простых смертных.

Все же Олег, понимавший, что эту важность он напускает не по собственному желанию, а лишь выполняя инструкции, полученные в деканате, осмелился обратиться к нему с вопросом. Управляющий представился по имени-отчеству, и Олег решил, что сумеет воспользоваться этой мелочью. До сих пор кандидаты обращались к управляющему строго официально — «господин курсант», и, возможно, ему будет приятно узнать, что кто-то из присутствующих запомнил его имя.

— Простите, Сергей Петрович, имеет ли право провалившийся на собеседовании повторить попытку?

Остальные пять человек, пораженные его дерзостью, повернули головы в сторону управляющего и, затаив дыхание, ожидали ответа.

— Только на следующий год, но лишь в том случае, если компьютер не выкинет вам темную карточку.

— А что это такое?

— Никогда не слышали про темную карточку? Она выдается тем, кого компьютер признает полностью непригодным для данного вида деятельности.

Олег мрачно поблагодарил управляющего за ценную информацию и погрузился в свои невеселые мысли.

Если он обнаружит необычные для среднего человека способности, то он почти наверняка попадет в генетический центр и превратится в подопытную свинку. Но, с другой стороны, если он переусердствует в конспирации и полностью провалит экзамены, ему навсегда придется распрощаться с мечтой о большом космосе. Так, может быть, Илен права, и ему вообще не следовало участвовать в этих экзаменах?

Слишком узкая тропинка вела его к заветной цели между двумя обрывами, сумеет ли он не сорваться? И, кроме того, в последний момент перед самым его уходом Илен явно дала понять, что с колониальным колледжем для него связана какая-то опасность — гораздо большая, чем перспектива лишиться возможности попасть в число переселенцев. О его опасениях, связанных с таннскими генетическими экспериментами, она знать не могла, тогда что же имелось в виду? Скорее всего существовала другая опасность, о которой он не имел ни малейшего представления.

Когда динамик над дверью произнес его фамилию, он почувствовал себя как человек, бросающийся с обрыва в пропасть. Обратной дороги не будет. В эту минуту он мог бы еще, наверно, не привлекая к себе особого внимания, попросту уйти, и это в его положении было бы наверняка самым благоразумным. Но время благоразумных поступков для него еще не пришло.

Он открыл дверь и очутился в кабине для психологического тестирования. Кроме дисплея, компьютера и табуретки, намертво вделанной в пол, здесь не было ничего.

— Садитесь, — произнес невыразительный голос из динамика над его головой. Олег повиновался, чувствуя, как внутри него все сжалось.

На этом самом первом экзамене сыпалось большинство кандидатов. Чертова машина с хорошо продуманной и совершенно непонятной для экзаменуемого системой психологических тестов отсеивала большую часть из тех, кто входил в эту комнату.

Не давая Олегу времени освоиться с обстановкой, она с ходу обрушила на него свой первый, совершенно неожиданный вопрос:

— Что общего между кошкой и яблоком? Найдите двадцать сходных свойств. У вас пять минут времени.

Сразу же на дисплее вспыхнули часы с минутной стрелкой.

Стараясь не следить за движением стрелки, мешавшей ему сосредоточиться, Олег начал перечислять:

— Цвет. И яблоки и кошки бывают желтыми.

— Без комментариев. Только свойство.

— Падение с высоты.

В углу экрана, рядом с вращавшейся стрелкой часов, выскочила цифра два.

— Органическая материя. — Появилась тройка.

— Округлость поверхностей. — Четыре. Больше ничего не приходило в голову. Стрелка продолжала свое неумолимое движение.

Черт возьми! А он еще собирался следить за тем, чтобы не набрать лишних очков. «Ну же, — приказал он себе, — не отвлекайся, думай о свойствах. Только о свойствах кошки и яблока, и не смотри на эту проклятую стрелку!»

— Пятнистость! — Пять.

— Способность к росту! — Шесть.

— Мяуканье.

— Яблоки беззвучны.

Так, этой чертовой машине юмор не присущ... Что же еще?

— Отсутствие крыльев! — Если бы этот номер прошел, то с отрицательными свойствами он бы закончил тест за минуту, но голос в динамике сразу же проскрипел:

— Только положительные свойства!

И тут Олега осенило:

— Наличие внутренней жидкости! — Появилась цифра семь. Секундная стрелка пошла по второму кругу.

— Внутренние полости. — Восемь.

— Внутренние уплотнения! — Девять.

— Наличие растворенного сахара! Есть же в крови у кошек сахар? Есть.

На дисплее появилась цифра десять. И стало проще. Аминокислоты, белки, ДНК, соли магния — все пошло в дело. Он остановился на восемнадцатом свойстве, решив, что этого достаточно.

Второй тест оказался проще. Не отрывая от дисплея световой карандаш, нужно было пройти лабиринт за минуту. Олег все время следил за собой, не позволяя увлечься и притормаживая движение руки.

Перед третьим тестом Олег освоился настолько, что решил кое-что проверить. В управляющий блок любого современного компьютера вводятся специальные командные утилиты, не позволяющие машине игнорировать прямой приказ человека. Если в данном случае нет специальной блокировки этих утилит, то перед ним откроются совершенно неожиданные возможности.

— Умеете ли вы производить впечатление на окружающих? — прокаркала машина свой очередной вопрос.

— А ты умеешь производить впечатление? — в свою очередь спросил он у компьютера.

— Отвечайте «да» или «нет».

— Требую предварительного ответа на свой вопрос.

— Машины не производят впечатление. Впечатление производят только люди. Отвечайте на поставленный вопрос. Умеете ли вы производить впечатление на окружающих?

Это была серьезная победа. Теперь Олег не сомневался, что сумеет заставить машину выдать ему нужную информацию. Однако сначала игру в тесты придется продолжить. Умеет ли он производить впечатление на окружающих?

— Да, когда в этом возникает необходимость.

— Без всяких комментариев — только «да» или «нет». — Машина прекрасно усвоила менторский тон, и сбить ее с наезженной колеи было не так-то просто.

— Да.

— Вы обладаете чувством собственного достоинства?

— А кто им не обладает?

— Да или нет?

— Да.

— Вы благородны?

— Безусловно.

— Да или нет?

— Да.

— Вы хвастливы?

— Это зависит от обстоятельств.

— Да или нет?

— Скорее нет, чем да.

— Отвечайте прямо.

— Нет.

— Вы откровенны?

— Смотря с кем.

— Да или нет?

Ему никак не удавалось сбить с толку этот упрямый кусок железа. Если он не изменит тактику, то игру придется вести по чужим правилам, но прежде чем пытаться их изменить, нужно закончить тест.

— Да. — Машина удовлетворенно хрюкнула. На секунду Олегу показалось, что за серой поверхностью экрана скрывается человек. Впрочем, нет. Это бы он почувствовал. К тому же слишком расточительно тратить драгоценное преподавательское время на каждого абитуриента. Восемьдесят процентов испытуемых отсеиваются на первом этапе собеседования. Нет, он имеет дело с машиной, хотя и с несколько странной машиной, способной к определенного рода эмоциям.

— Вы всегда дружелюбны? — задала она свой следующий вопрос.

— Нет.

— Вы эгоистичны?

— Нет.

— Вы часто попадаете впросак?

— Стараюсь этого не делать.

— Да или нет?

— Нет.

— Вы стремитесь к успеху?

— Нет.

— Я советую вам отвечать искренне. Тест все равно выявит все ложные ответы, за каждый ложный ответ общий балл будет уменьшаться.

Этого, пожалуй, ей говорить не следовало. Такая добренькая машина, еще и советы дает... Что-то здесь было не так...

— Вы стремитесь к успеху? — повторила машина вопрос.

— Нет, — твердо повторил Олег, с интересом ожидая ответной реакции. Ее не последовало, вместо этого прозвучал очередной вопрос:

— Вы злопамятны?

— Да. Особенно если меня донимать слишком сильно. Тогда я зверею и за себя не ручаюсь.

В форму шутки он постарался облечь достаточно важные вещи. Тестирование становилось взаимным. Олег искал и время от времени находил слабые места в программе машины. Правда, и она не оставалась в долгу.

Постепенно у Олега складывалось впечатление, что в машине заложена необычная интеллектуальная программа. То самое шестое чувство, что всегда выручало его в сложных ситуациях, упрямо твердило ему, что он играет с огнем.

Тестирование продолжалось с переменным успехом. И когда оно, наконец, закончилось, Олег решительным тоном задал вопрос, ради которого и затеял всю эту опасную игру:

— Какова программа дальнейших испытаний для получивших в тестах высший балл?

— Тестирование закончено. Покиньте аудиторию.

— Они проходят специальное обследование?

— Покиньте аудиторию.

— Отвечать только «да» или «нет»! Получившие высокий балл проходят специальное обследование?

— Да.

Он встал и вышел из кабины, так и не зная, удалось ли ему победить невидимого противника и чего он, собственно, добился, получив подтверждение тому, о чем и так уже догадался.

В коридоре над дверью, ведущей в комнату тестирования, висело табло, на котором высвечивалось число баллов, полученных очередным кандидатом. Бросив на него тревожный взгляд, Олег наконец-то позволил себе немного расслабиться. Пока все шло как надо.

Двадцать три балла... Проходной двадцать, наивысший тридцать. Кажется, на этот раз ему удалось удержаться на узкой тропинке между двумя пропастями.

С расспросами к нему бросились те, кто еще не прошел испытания. Олег отделался

короткими, ничего не значащими фразами, он чувствовал себя совершенно вымотанным. Сейчас ему была дорога каждая минута. Нужно было собраться с мыслями, определить тактику дальнейшего поведения. Он знал, что передышка будет недолгой. Поединок только начинался: главный бой предстоял в медицинской комиссии.

Получившие проходной балл на психологическом тестировании в тот же день должны были пройти медицинскую комиссию. Олег надеялся, что у него будет несколько часов передышки перед этим самым серьезным испытанием. Однако через пару минут после того как он, совершенно опустошенный, рухнул на скамейку в коридоре, динамик над дверью произнес:

— Кандидат Бирсов, пройдите в четвертую аудиторию!

Почему в четвертую? Почему туда вызывают его одного? До сих пор их группу не разделяли ни разу. Он почувствовал, как холодный страх пробирается у него между лопаток липкими ручейками пота. Что-то не сработало. Что-то было неладно... Должен ли он идти в четвертую аудиторию или лучше попытаться, пока не поздно, покинуть институт?

Нет. Если он сейчас прекратит борьбу и сбежит, его наверняка разыщут. От службы безопасности не спрячешься — именно она займется его делом, если он проиграет. Просто так студенты не сбегают с экзаменов. А Танны не должны свободно разгуливать по улицам земных городов... Ему придется довести до конца опасную игру, которую он так легкомысленно начал.

Олег встал, подошел к двери четвертой аудитории, открыл ее и очутился в светлой комнате. За столом сидели трое служащих. Двое листали какие-то толстые папки, а третий, в белом халате, копался в чемоданчике с медицинскими инструментами. Казалось, в обстановке комнаты не было ничего тревожного, но Олег своим безошибочным внутренним чутьем понял, что это не так, и попятился обратно к двери, все еще не зная, как поступить.

— Олег Бирсов, вы почему не прошли прививку против гриппа? — спросил один из тех, что листали папки с документами.

— Какую прививку?

— В городе эпидемия гриппа, и все кандидаты обязаны сделать прививку. Закатайте рукав!

Тот, что был в белом халате, достал из чемоданчика маленький пневматический шприц-пистолет и решительно направился к Олегу.

Чувствуя в этом какой-то подвох, Олег продолжал медленно отступать к двери.

— Вы что, боитесь уколов? — спросил один из сидящих за столом. И Олег понял, что попался. Он не мог показать, что чего-то боится, во всяком случае, не в приемной комиссии.

Шприц блеснул на свету, поднимаясь к его предплечью. Боли от укола он не почувствовал, но комната почему-то завертелась перед глазами, и через секунду Олег потерял сознание.

После целой вечности, проведенной в темноте, что-то для него начало наконец проясняться. Олег смог пошевелить пальцами ног. Хотя это простое движение и далось ему с огромным трудом, оно, по крайней мере, означало, что он еще жив и постепенно вновь обретает контроль над собственным телом.

Он лежал в палате с приглушенным искусственным светом. Его раздели и уложили в постель. На нем осталось только нижнее белье, но и это не имело никакого значения, поскольку к нему еще не вернулась способность владеть своим телом.

Действие введенного ему препарата сопровождалось волной странного равнодушия к своей дальнейшей судьбе. Впрочем, он не был уверен, что в этом виновата доза, полученная в институте — за время, проведенное в постели, ее вполне могли повторить.

Он смутно помнил усамого человека в грязном халате со шприц-пистолетом в руке... Сколько же времени он здесь находится? Мысль о времени заставила его вспомнить женское имя «Илен»... Он не сразу сообразил, что оно означает, его мозг все еще опутывал туман от введенных лекарств, но это имя породило в нем странное беспокойство.

Тот, кто уложил его на эту койку, мог добраться и до нее... Если ею передали в

генетический центр для исследований, они начнут замечать следы, и все, у кого с ним были контакты, могут исчезнуть. Он слышал о том, что служба безопасности никогда не оставляет свидетелей своих операций.

Неожиданно, в ответ на эту мысль, в нем поднялась волна протеста и гнева, разорвавшая плену дурмана, затемнявшего его мозг.

Те, кто проделал с ним эту подлую штуку, должны за это ответить. Он не собирался превращаться в бессловесного подопытного кролика, а раз так, он не должен подавать виду, что его мозг вновь обрел способность нормально функционировать, и к моменту очередного визита врача необходимо восстановить способность двигаться.

Эта задача оказалась непростой. Каждое мелкое движение порождало волну тупой боли.

После длинной череды болезненных упражнений ему удалось заставить нормально двигаться только руки. Спрятав их под одеялом, Олег упорно продолжал сжимать и разжимать пальцы, массировать кисти, чувствуя, как постепенно сила возвращается к нему. Теперь в случае необходимости он сможет согнуть пальцами металлический прут.

Его врачи или, скорее, тюремщики не должны догадаться о том, что он вновь обрел способность двигаться. И еще об одном он не забывал ни на минуту: в стенах наверняка вмонтирована следящая аппаратура. Она имела почти в любом федеральном учреждении, а уж в таком месте и подавно.

Каждая минута имела сейчас огромную цену.

Медленно повернувшись на бок и старательно изображая человека, находящегося в беспомощности, он занялся ногами.

Несмотря на свои иезуитские тесты, его противники не рассчитали точной дозы препаратов, не учли всех возможностей его организма.

Время ожидания тянулось невыносимо медленно. Но за эти минуты его мозг проявился настолько, что он смог понять: палата, в которой он находился, не похожа на палату медицинского учреждения и вряд ли принадлежит генетическому центру. Скорее это какая-то частная клиника. Здесь не было даже автоматических регистрационных приборов, следящих за состоянием пациента и передающих эти данные на центральный пульт. Именно отсутствие этих приборов и давало ему надежду осуществить задуманное.

Когда матовая стеклянная дверь в палате раздвинулась, он был почти готов использовать свой единственный шанс — неожиданность.

Вошли двое. Один, высокий и мускулистый, с усами, встал у двери. Этого человека Олег видел в своем полубредовом забытии.

Второй, низенький, в белом халате, с каким-то медицинским прибором в руках, приближался к постели Олега, не ожидая подвоха. Сквозь прикрытые веки Олег внимательно разглядывал прибор.

Это не был знакомый ему шприц-пистолет, скорее какой-то анализатор... Придется действовать прежде, чем его противник подойдет вплотную. Он не мог рисковать. Некоторые анализаторы выдают информацию о состоянии пациента на расстоянии...

Он рванулся вперед, оттолкнувшись ногами от спинки кровати, когда его отделяло от противника не меньше двух метров.

Но Олег не учел всех последствий от введенных ему препаратов.

Вместо ожидаемого броска его тело изогнулось дугой, и он попросту грохнулся на пол рядом с кроватью. Однако и эта неудавшаяся попытка произвела на врача столь сильное впечатление, что на какую-то долю секунды тот буквально остолбенел. Этого оказалось достаточно.

Не теряя ни времени, ни сил на повторную попытку подняться на ноги, Олег перекатился по полу и с размаху, всем телом, ударил врача по ногам.

Тот нелепо взмахнул руками, прибор отлетел в сторону, и через секунду они лежали на полу рядом.

Все это время Олег не выпускал из поля зрения второго, наиболее опасного

противника.

Хотя тело еще плохо повиновалось Олегу, но постепенно к нему возвращались прежние силы.

Санитар еще только начал двигаться по направлению к Олегу, угрожающе наклонившись вперед и, очевидно, собираясь обрушиться на него всем весом своей огромной туши. Но Олег уже успел схватить довольно тяжелый анализатор, который за минуту до этого выронил врач, и, размахнувшись, сильным броском послал его в голову санитару.

Однако и на этот раз непослушные мышцы подвели его. Прибор лишь слегка задел плечо санитару и, отскочив, рассек ему скулу. Этого оказалось недостаточно, чтобы остановить нападающего. Санитар лишь злобно зарычал, выставив вперед руки и падая на Олега.

В лицо Олегу ударила волна вони из не выдавшего зубной щетки рта этого громилы, а брызги слюны и крови на какое-то время выбили его из колеи. В результате он оказался прочно прижатым к полу, и попытки вырваться не приносили успеха. Ему не во что было упереться на скользком полу, чтобы сбросить с себя огромную тушу санитару. Положение казалось безнадежным, врач начинал уже подавать признаки жизни, с минуты на минуту здесь могли появиться другие охранники.

Олег сделал последнюю отчаянную попытку освободиться. Кистью правой руки ему удалось вцепиться в поврежденное плечо своего противника. Он изо всех сил сжал пальцы и почувствовал, как они погружаются в живую плоть, разрывая мышцы.

Санитар взвыл от боли, рванулся в сторону, и через секунду Олег уже стоял на ногах. Прежняя сила и скорость движений возвращались к нему с каждым мгновением.

Впоследствии в своих показаниях ни врач, ни санитар не смогли объяснить, что произошло дальше.

Олег неожиданно пропал из их поля зрения, словно растворился в воздухе. Какая-то тень мелькнула около экрана, изображавшего окно, послышался звон разбитого стекла, затем чья-то невидимая рука сорвала с запястья врача брелок с контрольной магнитной картой, открывавшей дверь в палату, и пациент исчез навсегда.

Глава 5

Он забыл, что окна в этом городе ненастоящие, и потому вначале попытался найти выход там, где его не было, но лишь повредил руку осколками стекла. Зато потом ему повезло. Клиника располагалась на втором уровне, и в коридорах не оказалось охраны. Благополучно миновав последнюю дверь в здании, Олег подумал, что в таком месте должна находиться более серьезная охрана, да и все двери не должны были открываться одной контрольной картой.

Тем не менее он беспрепятственно выбрался на улицу. Моросил мелкий нудный дождь. Низкие облака, почти всегда прикрывавшие небо столицы, и на этот раз не сделали исключения.

Он взглянул на большое электронное табло в верхней части соседнего здания — часы показывали пять утра. Самое подходящее для побега время — город еще не проснулся, но пневматички уже ходили. Все складывалось слишком удачно, и он подумал, что за такие удачи потом придется расплачиваться целой кучей неприятностей.

Но пока его даже не преследовали. Чтобы убедиться в этом, он позволил себе задержаться у входа на станцию пневматической подвесной дороги. Город выглядел совершенно пустынным. Серые громады домов, перечеркнутые дождем, затаились в глубине темных провалов улиц. Столица напоминала ему коварного хищного зверя, притаившегося в засаде для последнего смертельного броска.

Он задумался над тем, где найти хотя бы временное пристанище до той поры, пока начнется регулярное движение на монорельсах. В гостиницу возвращаться нельзя. Так что

часа два придется провести в городском транспорте и лишь потом можно попытаться выбраться из города. Придется пожертвовать теми немногими вещами, которые он привез с собой. В другую гостиницу обращаться также не имело смысла. Полиция схватит его через пять минут после того, как он не сможет предъявить портье регистрационной карты, которой у него больше не было...

Эта мысль вызвала в нем глухую ярость. Он не был преступником, он не нарушал законы и тем не менее за ним охотились, как за диким зверем. Он даже толком не знал, кто эти люди. Для медицинского центра они действовали слишком уж коварно. Да и место, из которого он только что сбежал, совершенно не походило на серьезное медицинское учреждение. Прежде всего ему следовало выяснить, кто именно за ним охотился и какое отношение имели эти люди к колониальному колледжу.

Он знал одно место, где ему удастся получить ответы на многие свои вопросы...

Однако если Илен действительно имела какое-то отношение к происшествию в колониальном колледже, визит к ней — предприятие рискованное.

Но опасность поджидала его за каждым углом этого города, к тому же он не мог исчезнуть из Ланки просто так, даже не попытавшись разобраться в том, что, собственно, произошло.

Оставалась вероятность, что за ним охотились не федеральные власти. Но если это так, он должен выяснить, кто эти люди и что им от него нужно.

Было и еще одно обстоятельство. Если он сейчас покинет Ланку, у него не останется ни номера фона, ни даже почтового адреса — никакой ниточки, ведущей в квартиру, похожую на конфетную коробку, в которой он провел такую необычную ночь...

В конце концов он вынужден был признать, что не хочет покидать столицу, не увидев Илен еще раз.

Время от времени вагон пневматички, в котором, кроме Олега, находились еще два пассажира, проскакивал стеклянные трубопроводы, расположенные над центральными улицами Ланки, и тогда на короткие доли мгновения ему открывался город с птичьего полета, утонувший в море рекламных огней. С такой высоты в нем было что-то величественное и бесконечно далекое ото всей его предыдущей жизни. Наверно, именно так выглядит из иллюминатора звездного лайнера поверхность чужой планеты, на которую он так стремился попасть еще совсем недавно. Теперь, похоже, этот путь закрыт для него навсегда.

Самым несправедливым, вызывавшим в нем наибольший протест было то, что он не чувствовал за собой никакой вины.

Разве спрашивали его согласия, когда помещали его в экспериментальный бокс? Разве виноват он в том, что вследствие этого стал не похож на остальных людей? И разве этой причины достаточно, чтобы устраивать на него охоту, как на дикого зверя?

И опять в который уж раз за это долгое утро он сравнивал и перебирал в уме мелкие детали обрушившихся на него событий, пытаясь свести концы с концами, и по-прежнему ничего не понимал.

Больше всего ему хотелось выяснить, какое место во всей этой истории занимала Илен. И кому он мог понадобиться до такой степени, чтобы устраивать его похищение из колониального института. Организовать подобную операцию было не так-то просто...

Наркотики, клиника — во всей этой истории чувствовалось что-то театральное и совершенно нелепое. Так не станет действовать ни одна серьезная организация. Но и на бандитов эти действия тоже не тянули. Люди Костистого давно бы его пристрелили.

Так кто же его тогда преследует? От ответа на этот вопрос зависело слишком многое. Возможно, вся его дальнейшая судьба. И он решил добраться до истины, чего бы это ни стоило.

Занятый своими мыслями, он почти механически менял маршруты, сверяясь со светившейся на стене картой. Название конечной станции, недалеко от которой жила Илен, прочно врезалось в память.

Когда пневматичка подошла к нужной ему остановке, он просто так, на всякий случай, окинул взглядом соседний вагон и сразу же узнал одно лицо.

Хотя это лицо заросло двухдневной щетиной и принадлежало какому-то грязному старикану, он его вспомнил.

Лицо этого человека уже пару раз мелькало за стеклом соседнего вагона во время его долгого маршрута через всю Ланку. Сначала он видел его в переднем вагоне, теперь старикан ехал в заднем...

Случайное совпадение на таком запутанном маршруте исключалось. Значит, за ним следили... Значит, те, кто его похитил, знают, где он находится. Знают и ничего не предпринимают! Теперь он почти не сомневался, что за ним следили непрофессионалы. Профессионала он никогда бы не увидел. Похоже, в его истории не замешаны федеральные органы.

Эта мысль придавала ему немного уверенности и несколько уменьшила чувство затравленное и обреченности, всецело владевшее им после побега из клиники.

Если он не ошибся, если за ним охотилась не безлика и чудовищная в своей неотвратимости государственная машина — тогда он еще посмотрит, кто кого...

Проехав нужную станцию и пропустив еще пару остановок, Олег неожиданно вскочил и рванулся к выходу в тот момент, когда поезд собирался тронуться после очередной остановки.

Выставив вперед обе руки, Олег раздвинул смыкавшиеся двери. Стальной цилиндр пневматического компрессора заскрежетал от напряжения, но вынужден был уступить давлению мышц, не уступавших ему в силе.

Когда двери с грохотом захлопнулись у Олега за спиной, он резко обернулся и самодовольно ухмыльнулся, глядя на старика в проносившемся мимо вагоне.

Еще несколько раз поменяв поезда и внимательно разглядывая попутчиков — к счастью, немногочисленных в столь ранний час — он наконец решил, что оторвался от непрошенных наблюдателей.

В вагоне, доставившем его к последней станции, вообще не было ни одного пассажира... Хотя и это не значило ровным счетом ничего.

История, начавшаяся неожиданным знакомством с красивой девушкой, оборачивалась совсем не просто.

По лестнице ее подъезда он поднимался медленно, крадучись, прислушиваясь к каждому шороху. Он предпочел забыть о лифте, и правильно сделал, потому что на третьем этаже обнаружил в коридоре парочку подозрительных типов, абонировавших кабину одного из лифтов. Они смахивали на бомжей, но у Олега не было в этом полной уверенности. За последние несколько часов его подозрительность и осторожность возросли в несколько раз.

Илен жила двумя этажами выше, и он проскользнул мимо бомжей незамеченным.

Едва Олег прикоснулся к звонку, приготовившись к долгим объяснениям через закрытую дверь, как она неожиданно приоткрылась.

— А, вот и ты... — Словно Илен ждала его все это время. Словно в его повторном визите, о котором они не договаривались, не было ничего необычного...

Она широко распахнула дверь, и только сейчас, переступив порог, он увидел сидящего на кухне человека лет сорока в темно-синем мундире. Сердце гулко ударило два раза и замерло у самого горла.

Собственно, он почти догадался, почти знал, что идет в заранее подготовленную ловушку, и все-таки шел. Словно его магнитом через весь город тянула эта проклятая дверь!

— Извини. Я не знал, что ты не одна.

— Капитан Корсинский. Он хотел с тобой поговорить. — И словно этим было все сказано и не требовалось никаких других объяснений, она повернулась и ушла в свою комнату, плотно прикрыв за собой дверь. А Олег так и остался стоять у порога кухни, пригвожденный к месту безмерным удивлением.

Скрещенная с мечом серебряная ракета на бляхе мундира Корсинского могла означать

лишь одно: космическая разведка, служба безопасности. Та самая овеванная легендами организация, о подвигах которой сделано столько видеокристаллов, но с сотрудниками которой никому из обывателей не доводилось встречаться.

В этом не было ничего удивительного, сфера деятельности этой организации лежала за пределами Земли...

— Долго ты себя заставляешь ждать. Не устал бегать по городу?

— Ждать? Меня?

— А ты как думал, с чего бы я стал тут чай распивать? — Он повернулся и теперь смотрел на Олега в упор холодным, оценивающим взглядом. Первое удивление уже прошло, и Олег молчал, ожидая продолжения этого невероятного разговора.

— Мы давно за тобой наблюдаем. С того самого момента, когда медики попытались замести следы своего преступления и вычеркнули из списка живых твою настоящую фамилию.

— Так вы все знаете... — Удивление Олега возрастало после каждой фразы Корсинского. Пока только удивление. Он еще не успел сопоставить все факты. Олег болезненно воспринимал все, что касалось истории его рождения, да и гордости и самолюбия у него, пожалуй, тоже хватало на двоих. Вот только страха перед этим человеком он не испытывал совершенно. Хотя должен был после всего, что с ним приключилось.

— Мы ждали все эти годы. Дали тебе возможность спокойно учиться, набраться опыта, проявить свои настоящие способности.

— Иными словами, вы ждали результатов эксперимента, проделанного надо мной.

Теперь уже Корсинский с удивлением посмотрел на Олега.

— Вероятнее всего, так. Похоже, с тобой можно разговаривать без обиняков. Это хорошо. Я предпочитаю разговаривать прямо, без дипломатических тонкостей. Естественно, мы не могли упустить из виду единственного оставшегося на Земле представителя новой расы. — Он сделал останавливающий жест, оборвав попытку Олега возразить ему.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Да, не в полной мере. Зародыш твоего организма не конструировали искусственно и не выращивали в колбе. Тем не менее ты ближе всех нас стоишь по генетическому уровню развития к расе Таннов. В чем-то ты даже их превзошел. Не знаю, я не медик и не ученый.

Зато я точно знаю, насколько нам нужен такой человек, как ты. Человек, способный сойти за полноценного Танна.

Вот уже скоро пятнадцать лет, как мы утратили контроль над их колонией. Если сказать честно, мы вообще не знаем, что там происходит.

— Одним словом, вы знаете обо мне все... — Пока что Олега больше занимало лишь то, что касалось его лично. И в этом не было ничего удивительного. Едва увидев бляку агента космической службы безопасности, открыто приколотую на отвороте кителя Корсинского, он понял — с этой минуты его жизнь уже никогда не будет прежней.

— Чуть-чуть больше, чем знаешь ты сам. Такая уж у нас специальность.

— Мне не нравится такая специальность.

— Думаешь, мне она нравится? Но кто-то должен следить за тем, чтобы этот мир не взорвался. Ты что-нибудь знаешь о Рутянах?

— Только то, что сообщалось в официальной прессе.

— Там не много сообщалось. Но, возможно, их первый визит всего лишь начало. Начало большой космической войны, и они пришли с Острана.

— Планета Таннов?

— Теперь ты понимаешь, почему я здесь?

Какое-то время Олег молчал, пытаясь разобраться в собственных чувствах. В том, например, почему он не испытывал ни малейшей радости от визита Корсинского. Хотя не далее как вчера он готов был отдать все, чтобы вырваться за пределы опостылевшей ему старой и грязной планеты. Из мира, в котором для него за восемнадцать лет так и не нашлось родного уголка. Теперь, вероятно, ему подобную возможность предоставят. Словно прочитав

его мысли, Корсинский сказал:

— Корпус космической разведки — совершенно особое учреждение. Это даже не учреждение — это одна большая семья, в который каждый отвечает за другого.

— Красиво сказано...

— Это правда. Мы занимаемся жестокими, а порой и грязными вещами. Если при этом не стоять друг за друга — никому из нас не выжить. Может быть, именно у нас ты найдешь то, что безуспешно искал все эти годы.

— Зачем вам понадобилось устраивать комедию с больницей?

— Мы должны были знать, как ты поведешь себя в экстремальной ситуации. Наши психологи хотели убедиться в предсказуемости твоего поведения.

— Довольно странная манера проводить тесты. Почему вы просто не предложили мне служить в вашем ведомстве? Я бы согласился не раздумывая.

— Ты и сейчас согласишься. А что касается предложения служить у нас, мы никому этого не предлагаем. Работа всех наших служб построена таким образом, что окружающие даже не догадываются об их существовании.

На прямые контакты, такие, как сейчас с тобой, мы идем крайне редко, в особых чрезвычайных обстоятельствах, да и то лишь тогда, когда человек практически уже завербован нашими службами.

— Я никем не завербован! — Олегом все больше овладевал гнев, мешавший ему контролировать свои действия.

— Конечно, ты еще не завербован. Пока еще нет. Ты всего лишь получил предложение поступить в школу наших кадровых агентов, стать полноправным гражданином, на всю жизнь обеспечить себе защиту и поддержку нашей организации. И у тебя есть право выбора. Ты можешь отказаться и вернуться в медицинский центр. Они будут рады, если мы вернем им ценный экспериментальный материал.

— Иными словами, выбора у меня нет.

— Почти всегда кто-то делает за нас наш выбор. Право собственного выбора надо заслужить.

Предложение Корсинского нравилось Олегу все меньше. Но он еще не решил, как поступать дальше. Слишком неожиданно было случившееся, слишком круто предлагали ему изменить собственную судьбу.

Меньше всего в этом предложении ему нравилось то, что за него все уже решено другими людьми. Весь этот разговор, в сущности, пустая формальность. В коротких взглядах, которые изредка бросал на него капитан, он чувствовал тщательно скрываемое презрение. «Кто ты такой, чтобы я тратил на тебя свое драгоценное время? Всего лишь грязный неудавшийся бак. И он еще смеет говорить о собственном выборе...»

Баками бульварные газетенки окрестили искусственно выращенных в танках людей, это слово употреблялось как презрительная кличка, и Олег не сомневался, что именно так про себя именует его Корсинский. Огромная пропасть в общественном положении лежала между ними, и сейчас капитан дал ему это почувствовать.

— Могу я хотя бы подумать? Капитан отрицательно покачал головой и достал из внутреннего кармана кителя бумагу контракта.

— Мы и так потратили на тебя слишком много времени. Или ты подписываешь этот документ, или мы расстаемся, и ты поступаешь в распоряжение медицинского центра.

Олег взял в руки официальную бумагу с водяными знаками и гербами. В глазах его появился ледяной блеск, когда он нарочито медленно стал читать отдельные пункты соглашения: «Два года учебы на полном государственном обеспечении... Звание суперлейтенанта по окончании учебы с правом выполнения персональных заданий». Он еще раз прочитал этот пункт, вспомнил об Острани и о том, для чего он им понадобился. Никто, кроме него, не сможет войти в контакт с колонией Таннов на Острани. А это означало, что там он будет предоставлен самому себе.

И, в конце концов, все это вместе взятое означало не что иное, как освобождение от

Земли... Перед ним лежала долгая, нелегкая дорога в космос. И в конце ее, пока что не совсем отчетливо, проглядывали контуры свободы.

В одном Корсинский, несомненно, прав: подписав эту бумагу, он станет полноправным членом человеческого сообщества, обретет могущественную защиту и хотя бы на время учебы станет недостижим для всех своих врагов.

На какую-то долю мгновения у него мелькнуло сомнение в том, были ли они на самом деле, эти враги, или все происшедшее с ним лишь хорошо разыгранная постановка по сценарию, написанному психологами департамента космической разведки.

Уже взяв ручку и отыскав в документе нужную графу, он все-таки спросил:

— Илен случайно оказалась замешана в ваших делах или выполняла специальное задание?

Капитан не спешил с ответом. После того как подписанный контракт вновь оказался у него в руках, он сказал:

— Есть одно условие, не обозначенное в контракте. Вы должны будете и впредь сохранять в тайне собственное происхождение и свои необычайные способности, по крайней мере на время учебы. Надеюсь, вы понимаете, что это в ваших же интересах.

— Не совсем, сэр, хотя догадываюсь, что вы желаете избежать лишних конфликтов среди курсантов.

— Не только это. Необходимость срочного получения информации по Острану обеспечит для вас слишком быстрое продвижение по службе.

Вся деятельность нашего ведомства основана на взаимной вырубке — члены корпуса космической разведки пользуются многими привилегиями и всегда поддерживают друг друга в сложных обстоятельствах. Нам бы не хотелось вызывать в ваших будущих сослуживцах зависть и тому подобные чувства.

— Когда какой-то недоношенный бак становится еще и выскочкой, это может повредить всему делу, — тихо, почти про себя, пробормотал Олег.

— Вы что-то сказали? — уточнил Корсинский.

— Нет, сэр, просто повторил свой вопрос о хозяйке квартиры, в которой мы с вами находимся.

— Ах, это... Она наш давний агент. Наши люди ничего не делают без приказа начальства, — Корсинский улыбнулся, и эта улыбка навсегда осталась в памяти Олега.

Гнев, нараставший в нем с первого момента этой встречи, остался глубоко внутри его и, не найдя выхода, превратился в едкую горечь. Подтвердилось все, о чем он догадывался с самого начала и во что не желал верить.

По крайней мере теперь он свободен. Последняя ниточка, привязывавшая его к этому городу, к этой планете и ко всей Земной Федерации, оборвалась.

В чем-то психологи разведкорпуса все-таки ошиблись. В чем-то очень важном.

Глава 6

Иногда во сне он видел свою планету. Это было дикое место. Дикое и прекрасное. Там у него не было врагов и, самое главное, там у него были друзья. В конце концов, он достаточно молод, чтобы подождать еще пару лет. Он знал, что даже в случае успешного прохождения экзаменов в школу космических колонистов это не гарантировало ему желанной свободы. Многие из вновь осваиваемых миров не представляли собой ничего привлекательного, и жизнь колонистов в таких местах регламентировалась еще более жесткими правилами, чем в земных городах.

Хотя никто не знал, как живут Танны в своей абсолютно закрытой резервации на окраинной планете, куда много лет не заходил ни один Земной корабль, в одном Олег не сомневался — когда придет время, он окажется там среди таких же, как он. Никто больше даже мысленно не назовет его «баком». Он будет жить среди себе подобных, и что бы ни ждало его на этой планете, он примет ее законы, он бросит там якорь и найдет наконец свой

дом...

Посетив на следующий день столичное отделение космической разведки, расположенное в невзрачном здании с вывеской частной адвокатской конторы, он получил командировочные и предписание прибыть в учебный центр к двадцатому марта. Центр располагался на Аркуре, планете двойной звезды альфы Тельца, на месте старой космической базы, от которой в свое время отказался флот.

Чтобы добраться до Тельца, понадобится около месяца, и до двадцатого марта у него останется еще недели две свободного времени. На его месте любой нормальный молодой человек использовал бы это время, чтобы познакомиться с соблазнами, приготовленными столицей для тех, у кого есть деньги. Теперь деньги у него были, и все же он не стал откладывать отъезд ни на один день.

Он мог сам выбирать маршрут, впрочем, только до беты Прокциона. Дальше рейсовые корабли не ходили, и ему предстояла пересадка на попутный военный глайдер.

Олег понимал, что ощущение полной свободы, охватившее его, весьма обманчиво, стоит ему сделать всего один неверный шаг, и всевидящее тайное око разведки обратит на него свое внимание.

Он чувствовал за собой непрерывную слежку, из чего лишний раз сделал вывод, какую ценность он для них представляет в качестве будущего источника информации об Острани.

В дальнейшем, если возникнет необходимость, он сможет использовать этот факт себе на пользу.

Олег знал, что обнаружить ведущееся современными техническими средствами наблюдение обычный человек не в состоянии. Однако пользы от этого знания не было никакой. Скорее, наоборот, он лишний раз осознал свою полную беспомощность.

Людей, ведущих за ним слежку, он не видел ни разу, если не считать того старика в пневматичке, хотя при желании смог бы, наверно, установить место, откуда велось наблюдение.

Один раз ему пришла в голову идея воспользоваться скоростными линиями городского транспорта и еще раз повторить трюк с пересадками. Просто для того, чтобы насолить своим соглядатаям. Но он тут же остановил себя. Даже если ему удастся уйти от наблюдателей, пользы от этого не будет никакой, зато его противники станут гораздо осторожнее и узнают кое-что новенькое о его способностях.

Еще во время беседы с капитаном Корсинским он понял, что знают они далеко не все. Он сам время от времени открывал в себе новые свойства. Видимо, его организм к восемнадцати годам еще не закончил свое развитие.

Уже здесь, в Ланке, пару дней назад он вдруг почувствовал, что может слышать слабые звуки на расстоянии нескольких километров. Для этого надо было лишь сосредоточиться, отключить от сознания шумовой фон города и как бы приблизить к себе нужное место. Тогда он мог разобрать даже шорох гусеницы, ползущей в траве. Похоже, расстояние здесь вообще не играло никакой роли.

По-настоящему свое новое общественное положение Олег осознал, когда посетил городские кассы космопорта, чтобы впервые в жизни купить билет на космический лайнер. На свои подъемные он мог выбирать между вторым и третьим классом и решил не экономить. Не так уж часто происходят подобные события...

Корабль отправлялся во вторник, и он едва дотерпел, когда кончатся последние дни ожидания, самые долгие дни на Земле. Наконец день отправления наступил.

Космопорт располагался высоко в горах, в стороне от городских мегаполисов. Хотя аварий космических лайнеров не случалось уже несколько лет, меры безопасности после того, как «Росток» из-за отказа двигателей рухнул на жилой район, соблюдались очень строго.

Готовый к старту рейсовый корабль (его корабль!) стоял на ускорительной платформе и напомнил Олегу выброшенного на сушу кита.

Он выглядел некрасивым, почти нелепым, но внешнее впечатление оказалось

обманчивым.

Едва Олег переступил порог скоростного гравитационного лифта, как очутился в волшебном мире современного пассажирского лайнера...

Стюард, проверивший его билет, поздравил нового пассажира с отличным выбором корабля, вручил ему рекламный проспект, электронную карточку, заменявшую ключ от каюты, и маленький плоский мешочек, сшитый из гладкой кожи, с тонким шнурком, чтобы вешать на шею.

— Что это такое? — с удивлением спросил Олег, разглядывая незнакомый для него предмет.

— Внутри зашит белый песок Сахары. Каждый, кто уходит в большой космос, всегда берет с собой частичку родной планеты. Такова традиция.

Традиция Олегу понравилась, он тут же надел ладанку на шею и забыл о ней до того самого времени, пока на нее не указал перст судьбы.

Каюта второго класса оказалась совсем маленькой (зато одноместной!). Этого он никак не ожидал и почему-то постеснялся спросить в кассе, когда покупал билет. Зато теперь этот приятный сюрприз в сочетании с идеальной чистотой и порядком заметно улучшил ему настроение.

Оказалось даже, что у него есть свой собственный вход в туалетную кабину с душем, рассчитанную на две каюты. Но когда он ею пользовался, двери автоматически запирались и никто не мог его потревожить.

Он тут же привел себя в порядок, достал свой лучший костюм, приобретенный специально для этой поездки, и отправился в кают-компанию своего класса ужинать.

О том, что настало время ужина, его своевременно известило информационное табло над дверью.

Никогда он не бывал на космических кораблях. Он, конечно, читал про них, видел в реалах, но в жизни все выглядело иначе.

Никакой реал не мог передать запах натуральной кожи, звон хрусталя или это бесподобное выражение, навсегда застывшее на лице робота-метрдотеля в золоченой ливрее, назначившего ему обеденное место в салоне второго класса.

Начало путешествия было похоже на сон. Мягкий беззвучный старт, никаких перегрузок.

Когда на огромном обзорном экране, стилизованном под иллюминатор, появилась обратная сторона луны, музыка зазвучала тише, свет приглушили и капитан торжественно поздравил пассажиров с выходом в открытое пространство.

Олег одиноко сидел за своим столиком, разглядывая шикарно одетых дам, словно сошедших с обложек модных журналов. Сейчас он чувствовал себя еще более отчужденно и одиноко, чем раньше. Этот мир роскоши и показного блеска ему не принадлежал. Возможно даже, он видит его в первый и последний раз...

Когда он подумал об этом, легкая прохладная рука коснулась его локтя. Олег вздрогнул, словно от удара электрического тока, и резко обернулся.

Перед ним, слегка порозовев от волнения, стояла Илен.

— Ты?.. — только и сумел он промолвить, а она лишь пожала плечами.

— Неужели ты думал, что они отпустят тебя без провожатого? Ты слишком много для них значишь.

— Выходит, ты и есть тот самый провожатый?

— Можно назвать это и так. Но я сама хотела тебя увидеть. У меня тридцать вторая каюта. До двенадцати дверь будет незаперта — зайди, если захочешь поговорить.

Она сразу же исчезла, заслоненная танцующими парами, а он все еще не мог прийти в себя от этого неожиданного предложения, от желания и вспыхнувшего гнева одновременно. Слишком свежи еще были воспоминания их первой ночи. Лишь вчера он простился с ней, навсегда поставив точку на этом подстроенном разведслужбами знакомстве...

И вот теперь она летит вместе с ним. Она даже не скрывает, что ей поручено за ним

следить, и в то же время приглашает к себе. Что это? Порочность, бесстыдство или что-то иное?

Он, конечно, никуда не пойдет! Но удовольствие, смешанное с грустью, испытываемое им от прощания с Землей, неожиданно померкло.

Его мысли помимо воли все время возвращались к Илен. Он вспоминал мельчайшие подробности их единственной ночи и последовавшего за тем расставания.

Наскоро закончив ужин, он вернулся к себе в каюту в надежде заснуть и избавиться тем самым от мучительных часов борьбы с самим собой.

До двенадцати оставалось еще целых два часа! Зачем она ему сказала время? Она ничего не делает случайно. Каждый шаг — тонкий расчет. Каждое слово очередная ложь. Он ненавидел ее тем сильнее, чем мучительней становилось желание послать к черту все благоразумные мысли и очертя голову броситься к ней в каюту.

Его удерживала лишь одна-единственная мысль, мысль о плате. Не важно, что платит ей не он, раз плата существовала — свидание становилось унижительным.

Вся его мужская гордость восставала против такого варианта. Он думал лишь о том, сколько подобных заданий до него она уже выполнила. Сколько мужских рук равнодушно и по-хозяйски уверенно касались ее тела...

Оставалось непонятным и нелогичным лишь одно обстоятельство — почему его так сильно волнует все, что связано с Илен?

И дело не только в сегодняшней встрече. Он думал об Илен непрерывно, до самого отлета. Он хотел ее увидеть еще раз, и у него едва хватило благоразумия не пойти к ней проститься перед отлетом. И вот теперь она летит на том же корабле... Нужно всего лишь открыть дверь каюты, подняться на третий уровень и отыскать на дверях табличку с номером тридцать два...

Чтобы прекратить эту унижительную пытку, он открыл дверь и вышел в коридор. До двенадцати оставалось ровно пятнадцать минут. Так что по крайней мере он может считать, что сдался лишь в самый последний момент.

Было и еще одно обстоятельство, которое, в конце концов, оказалось сильнее всех его благоразумных рассуждений. Он знал, что Илен ждет его и хочет, чтобы он пришел. Он просто чувствовал это.

Корабль словно, вымер. Многие пассажиры, утомленные сборами и переменой привычной обстановки, уже спали в своих каютах. Те же, кто искал развлечений, оставались в барах и кают-компаниях.

Но тишина была что-то уж слишком полной. Словно Олег очутился в глубоком вакууме. Так с ним уже бывало, и он догадывался о причине своего состояния.

Если появлялась какая-то серьезная опасность, если чужой человеческий разум замышлял против него что-то недоброе, его чувства словно отрезали все внешние, не имеющие отношения к возникшей опасности раздражители, и он переставал слышать, а иногда и видеть окружающее. Но зато в сотни раз обострялось ощущение того, что в данную минуту несло в себе потенциальную угрозу.

Вот и сейчас он услышал легкий металлический щелчок. Кто-то за его спиной, за поворотом коридора, снял с предохранителя парализатор. Он не понимал, откуда взялась у него полная уверенность в том, что это был именно парализатор, но знал, что не ошибся.

Он бы нашел выход из этой ситуации, если бы у него был только один противник. Но подготовившие засаду люди, видимо, знали, что им придется иметь дело с необычным человеком.

Еще один противник, защищенный сенсорной маской, не пропускающей никаких мозговых излучений, ждал его впереди, притаившись за голографическим изображением двери.

Настоящая дверь этой каюты, снятая с направляющих, благополучно покоилась в шкафу, и как только Олег поравнялся с изображением несуществующей двери, к нему протянулась рука с зажатым в ней холодным металлическим прямоугольником.

Очнулся Олег уже в кресле. Его руки были умело привязаны к подлокотникам, а само кресло намертво закреплено в полу. Он мгновенно все вспомнил. Единственным утешительным открытием было лишь то, что он находился не в тюрьме и не в больничной палате, а в обыкновенной пассажирской каюте.

Его противники явно не пользовались на этом корабле абсолютной властью иначе допрос велся бы совсем в другом месте.

Напротив него сидел очень худой человек с глубоко ввалившимися глазами. Несколько шрамов на лице и ледяной, давящий взгляд не оставляли сомнений в том, что такие слова, как жалость или сострадание к ближнему, ему не знакомы. Справа от кресла стоял еще один, и мельком взглянув на него, Олег похолодел. Его память на лица, как, впрочем, и на многое другое, была безупречной. И он сразу же узнал человека из банды Костистого, которого ударил в ночном кафе в день знакомства с Илен.

Выходит, люди Костистого не забыли о нем. Но почему они ждали так долго? И почему решили разделаться с ним на космическом лайнере, один билет на который стоил целое состояние?

Похоже, им тоже от него что-то нужно. А раз так — у него появится время, много ему и не надо. Минут пять-шесть, чтобы прийти в себя после выстрела парализатора. И тогда можно будет проверить, что прочнее — любительские веревки, которыми его привязали к креслу, или его мускулы.

Похожий на скелет бандит разглядывал Олега с ленивым любопытством, как какую-то редкостную букашку, насаженную на булавку.

— Меня зовут Костистый. Ты, вероятно, слышал обо мне — эту кличку придумали мои люди, и она меня устраивает. Если ты думаешь, что я стану тратить на тебя свое личное время из-за уличной драки, то ты слишком высокого о себе мнения, парень.

Такие вещи улаживают мои помощники. Тебе разрешили сесть на этот лайнер лишь потому, что у меня возникло желание встретиться с тобой. Да и жив ты до сих пор именно поэтому.

Мы знаем, какие большие надежды питает федеральная разведка, подготавливая тебя для отправки на Остран. Мы знаем также, что ты наполовину человек, а наполовину бак и что именно поэтому у тебя есть шанс добраться туда, куда никто еще не смог проникнуть.

Речь этого человека не походила на речь обыкновенного бандита. Впрочем, и по другим признакам Олег понял, что ночная драка в кафе была всего лишь прелюдией и что настоящее действие начинается лишь теперь.

До сих пор ему удавалось показывать всем своим видом, насколько он испуган. Впрочем, для этого не требовалось особых усилий — ему и в самом деле было не по себе. Сейчас самое главное — не утратить до конца внутренний контроль. И правильно выбрать момент. Он думал, что живым из этой комнаты его не выпустят. Не было причин для серьезного интереса Костистого к его личности. «Здесь какая-то ошибка, как только они поймут, что я ничего не смогу для них сделать, они начнут... Возможно, это будет выстрел или удар ножом, это не имело особого значения... Газеты писали о том, что трупы случайно умерших в дороге пассажиров выбрасывают в открытый космос... Если я упущу момент, опоздаю хотя бы на одно мгновение — со мной произойдет то же самое».

— Так чего же вы все-таки хотите?

— Совсем немногого. Я должен получить информацию, которую ты раздобудешь на Острани, раньше федералов.

— Для чего вам нужна эта информация?

— Вообще-то я не отвечаю на подобные вопросы. Но тебе, в виде исключения, отвечу. Во время войны тот, кто знает, что происходит в лагере противника, всегда может заработать на этом большие деньги. Кстати, я человек не жадный, и если тебя интересуют хорошие деньги...

— Меня не интересуют деньги.

— Я так и думал. Человек, собирающийся посетить Остран, не должен интересоваться

деньгами.

— А что будет, если я сейчас соглашусь, а затем выдам вас федеральной разведке?

— Ты поступишь нехорошо. Со мной не стоит так поступать. Но я тебя понимаю — ты хочешь знать, какие у меня есть гарантии твоего правильного поведения. Кроме того, что ты, конечно же, не доживешь до возвращения на Землю, если обманешь меня. А что касается гарантий... — Он усмехнулся, и Олег почувствовал холод его ледяной усмешки. — Если ты решишь остаться на Острани и если тебе это удастся, то никто не получит от тебя информации. Ни я, ни федеральная разведка. Однако если тебе не безразлична Илей, то у меня все-таки больше шансов получить от тебя информацию. Ну как, правильно я рассуждаю?

Разговор начинал интересовать Олега, он попытался пошевелить кистями рук, но тугие веревки лишь сильнее врезались в тело. Однако и этого движения было достаточно, чтобы он понял — время еще не пришло, его мышцы еще не восстановили всю свою силу.

— Освободить я тебя не могу, мои люди слишком хорошо знают, на что ты способен.

Этот человек замечал малейшее его движение.

— По-моему, вы знаете об Острани гораздо больше федеральной разведки.

— Конечно. Я давно собираю информацию об этой планете.

— В таком случае в ваших же интересах поделиться со мной этими сведениями. Это увеличит шансы удачного завершения моего визита на Остран.

— Ты ведь еще не решил, как поступишь с информацией, не так ли? Я уж лучше подожду, пока ты окончательно определишься.

— Вы хотите сказать, что у вас будет возможность передать мне сведения на самом Острани?

— Ты задаешь слишком много вопросов, а тебя сюда пригласили, чтобы получить некоторые ответы.

Костистый кивнул человеку, стоявшему за спиной Олега, и тот, размахнувшись, ударил Олега в живот, но мышцы его живота напряглись до такой степени, что кулак бандита ударил словно в бетонную стену. Тот взвыл от боли и согнулся, схватившись за руку. Сообразив, что за спиной у него теперь нет охранника, Олег изо всех сил рванулся из кресла. Деревянные поручни, привязанные к его предплечьям, не выдержали нагрузки и переломились. Олег поднялся и, волоча за собой обрывки веревок, двинулся в сторону Костистого, мимоходом нанеся короткий удар по шее все еще согнутого пополам охранника. Тот без звука рухнул на пол.

Теперь они остались один на один с Костистым.

— Стой где стоишь, парень. Уж больно ты быстрый...

Костистый не спеша достал из кармана прибор, величиной чуть больше коробки сигарет, включил его и положил на стол.

— Знаешь, что это такое?

Олег молча кивнул, не сводя глаз с кумулятивной радиомины, направленной ему в лицо. Взрыватель скорее всего был спрятан в большом перстне на пальце Костистого, который тот демонстративно поворачивал у него перед глазами. Олег знал, что не успеет, даже мгновенная реакция ему не поможет, если Костистый надавит на камень — его сразу же разнесет на куски направленным в его сторону взрывом.

— Собственно, я не хотел, чтобы нам мешали. Такие переговоры лучше всего вести один на один.

Олег проговорил это нарочито медленно, опускаясь за стол с противоположной от Костистого стороны, прямо напротив радиомины. Теперь, если ему удастся повернуть прибор в противоположную сторону...

— Я так и подумал. И можешь не сомневаться, к нашей встрече я хорошо подготовился. Это не единственный сюрприз, — проговорил Костистый, забирая со стола мину и вновь опуская ее в карман. — Здесь нас невозможно подслушать. Даже твои шефы из разведки не сумеют этого сделать — а они большие доки на этот счет. Можешь говорить все,

что хочешь, не стесняйся.

— Если я соглашусь, каким образом я смогу передать вам информацию, находясь на Острани?

— Ты не собираешься возвращаться обратно? Меня это вполне устроит. Мне нужен свой человек на этой планете. Жаль, что тебя не интересуют деньги, но мы найдем способ с тобой рассчитаться. Я свои долги, в отличие от правительства, всегда отдаю. А насчет передачи сведений — можешь не беспокоиться.

— Но это технически невозможно. Для того, чтобы принять сигнал передатчика с Острана, ваш человек должен находиться на орбитальном крейсере поддержки.

— Значит, он будет там находиться. В набедренном кармане скафандра, в котором тебя высажат на Остран, ты найдешь вот это.

Он достал из нагрудного кармана маленький плоский предмет, похожий на пуговицу среднего размера, и положил перед Олегом.

— Уходя отсюда, возьми его с собой, ознакомься с работой передатчика. Только не откладывай надолго. Через шесть часов прибор самоликвидируется. Шумовых эффектов не будет. Он просто превратится в порошок. Я не могу оставить этот прибор тебе. У федералов слишком хорошие средства обнаружения различной электроники. Но в кармане скафандра, как я уже сказал, ты найдешь точно такой же.

Жаль, конечно, что мощность батареи у него невелика — всего несколько минут работы. Воспользуешься им лишь в крайнем случае. На Острани часто возникают непредвиденные ситуации. Если понадобится, я сделаю то, чего не собираются делать федералы. По этому передатчику ты сможешь вызвать корабль и группу поддержки, которая вытащит тебя с планеты, если вдруг ты решишь вернуться.

— Вы хотите сказать, что у вас есть собственные корабли?

— Чем меньше ты будешь знать о деталях, не относящихся к твоему собственному делу, тем лучше.

— Да кто вы такой?

— А кто такой ты? Не человек, но и не Танн. Ты запутался между двух цивилизаций и не знаешь, где твой настоящий дом. Когда ты это поймешь, мы, возможно, вернемся к нашему разговору.

— Зачем вам все это? Корабль, группа поддержки... Даже если вы сможете организовать такую операцию, она будет стоить баснословных денег, никакая информация ее не окупит.

— Ты многого не понимаешь. С Острана к нам идет большая война, война на долгие годы. Тот, кто первый сумеет прибрать к рукам военные поставки на эту планету, откроет там собственное Эльдorado. Поверь, я своих денег зря не бросаю, и дружбой моей пренебрегать не стоит.

Глава 7

Олег шел по коридору, сжимая в руке пуговицу передатчика. Казалось, она жгла ему руку. А тишина теперь пульсировала в такт с ударами его сердца. Кровь шумела в ушах, заглушая все остальные звуки. Он чувствовал, как в нем нарастает гнев, совладать с которым становилось все труднее. Разные люди пытались им управлять, словно он был механической куклой. Им манипулировали, как роботом, и самое отвратительное во всей этой ситуации было то, что он ничего не мог противопоставить своим врагам. Не было у него достаточных знаний — а раз их не было, ему приходилось подчиняться обстоятельствам.

«Раз вы все так интересуетесь Остраном, я доберусь до Острана. Я узнаю, что именно вас там интересует. Какую тайну скрывает в себе эта планета, как магнитом притягивающая к себе интересы разных людей. Возможно, там я найду то, что требуется. Единомышленников. Людей, которые захотят изменить ситуацию в Федерации, прогнившей от коррупции и предательства. Людей, у которых есть для этого силы и желание. Не зря

корабли Рутян, разгромившие Второй космический флот землян, стартовали с Острана — это что-нибудь означает».

И он узнает, наконец, почему Танны поддерживали Рутян. Лишь тогда, быть может, он поймет, по какую сторону находится его место в этой войне.

Вот, наконец, и тридцать второй номер. Он шел к нему не меньше часа. Было далеко за полночь. Дверь наверняка уже заперта, не зря она назвала точный час.

Но тем не менее он должен попытаться увидеть ее, пока свежи впечатления от встречи с Костистым. Возможно, ему удастся выяснить, на кого работает Илен и кто такой Костистый на самом деле.

Теперь Олег не сомневался, что ролью предводителя банды Костистый лишь прикрывается, за ним стоят какие-то иные, весьма могущественные силы.

Он прикоснулся к пластинке сенсорного замка, и неожиданно дверь поехала в сторону, открывая ему вход в каюту Илен.

Она еще не ложилась. Начатая бутылка дорогого вина на столе, измятые окурки со следами губной помады говорили о том, что она ждала его достаточно долго, ждала и почему-то сильно нервничала при этом. И уж, конечно, вовсе не из-за проклятого вопроса: «Придет — не придет». Разумеется, она знала, что ему предстоит встреча с Костистым. Так же, как и тогда, она знала, что произойдет во время этой встречи. Она в очередной раз сыграла привычную для себя роль приманки.

Илен стояла к нему спиной, разглядывая звезды на панорамном экране. Даже жужжание сервомоторов двери не заставило ее повернуться.

— Меня немного задержали твои друзья, так что прости за опоздание.

— Они не мои друзья!

— Ты знаешь, кого я имею в виду?

— Разумеется, знаю. Не такая уж я дура, чтобы не понимать того, что происходит рядом. — Она наконец повернулась к нему, и он, разжав ладонь, показал ей серую пуговицу передатчика.

— Ну тогда ты, наверно, знаешь, что за хорошее поведение мне полагается награда... — Он сказал это, желая сделать ей больно, дать почувствовать хотя бы маленькую частицу того, что пришлось вынести ему самому за этот вечер, организованный не без ее участия.

Олег совершенно не ожидал того эффекта, который произвели его слова на Илен. Ее лицо исказилось, словно от боли, словно он ударил ее. Медленно, дрожащей рукой, она начала расстегивать пуговицы на блузке. Вначале он лишь хотел посмотреть, как далеко она зайдет, и не остановил ее сразу. Но вот буквально содранная блузка упала на постель. Она сняла юбку. Взявшись за края сорочки, она секунду помедлила, словно ждала, что он ее остановит, но зрелище уже захватило Олега, и он молчал.

Сорочка последовала за блузкой, теперь Илен стояла перед ним лишь в трусиках и лифчике. Он снова увидел ее полные длинные бедра, тонкую талию, нежную, нетронутую загаром кожу — все то, что столько раз вспоминал в эти дни и долгие, одинокие без нее вечера.

Взявшись за застежку лифчика, она остановилась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Продолжать? — В тоне вопроса Илей чувствовался нарастающий гнев, он понимал, что игра зашла слишком далеко и вряд ли закончится мирно.

— Разумеется, продолжать! — Эти слова слетели с губ сами собой. Он удивился жесткости своего тона и ярости, словно перед ним стоял враг. Возможно, так оно и было на самом деле. Но в то же время острое желание пронзило его.

Тогда она сорвала лифчик и швырнула его на кровать вслед за остальной одеждой. Кровь бросилась ему в лицо. Он помнил, какая у нее красивая полная грудь, но сейчас она произвела на него еще большее впечатление.

— Труссы! — приказал тот другой, сидящий в нем человек.

Порозовев от гнева, она исполнила и это. Когда же он шагнул к ней, Илей размахнулась

и изо всех сил ударила его по лицу.

Его настолько поглотило зрелище ее обнаженного тела, что он не успел уклониться, и этот удар вместо того, чтобы отрезвить его, лишь вызвал ответную вспышку ярости. Он набросился на нее как дикий зверь, ломая и выкручивая руки, своей чудовищной силой подавляя малейшие попытки к сопротивлению.

Это случилось с ним на следующий день. Вернее, на следующий вечер, когда Олег, чтобы случайно не столкнуться с Илен, не пошел в кают-компанию ужинать, а обошелся несколькими сэндвичами и банкой холодного пива, купленными в палубном буфете. Почему он не хотел ее видеть? Что это было: страх, боязнь повторения той дикой, необузданной близости, которая сейчас казалась ему столь постыдной?

Как бы там ни было, он старался не показываться в многолюдных местах, чтобы избежать новых встреч не только с Илен. Люди Костистого тоже находились на этом корабле. Хотя Олег понимал, что после встречи с их предводителем они не станут попадаться ему на глаза, он все время ощущал их присутствие, побуждавшее его забираться в свою каюту и запираť дверь, создавая таким образом хотя бы иллюзию безопасности. Он знал, что если снова им понадобится, никакой замок их не остановит.

К сожалению, внутри замкнутого пространства каюты оставались вместе с ним и его мысли. С этим он ничего не мог поделать.

Он оставил Илен посреди растерзанной постели, ушел, не произнеся ни слова, не извинившись. Была ли это месть за те подлые игры, в которых она участвовала, или он просто пытался таким образом оправдаться перед самим собой? Скорее всего было и то и другое.

Во всяком случае вчера он снова дал выход тем темным силам, что дремали в глубине его сознания. Однако на этот раз это не прошло безнаказанно.

Ничего не подозревая, он сидел в своей каюте и смотрел корабельное видео на большом плоском экране, занимавшем едва ли не четверть противоположной стены. Неторопливо, стараясь растянуть удовольствие, Олег потягивал холодное пиво. Его мысли лениво блуждали по немногочисленным эпизодам неумелых юношеских контактов с женщинами, которые у него были до знакомства с Илен.

На втором курсе начального колледжа он познакомился с очаровательной толстушкой Зоней. Ни у него, ни у нее не было в то время собственного отдельного помещения, и они уезжали далеко за город, в национальный парк. Там был очаровательный уголок, заросший кустами вереска и высокой травой.

Сидя на этой траве, они часами целовались взад-вперед, его руки блуждали по ее телу, иногда она позволяла снять с себя кружевную кофту и расстегнуть лифчик этим все и ограничивалось.

Однажды Зоня сказала, что ее утомляют их встречи, и исчезла из его жизни. Тогда он так и не понял, почему это случилось, зато сейчас, вспоминая подробности своих ощущений, он вдруг осознал, что уже тогда поднималось в нем с трудом сдерживаемое желание силой сломить ее сопротивление, заставить ее кричать от боли...

В случае с Зоней это так и не вылилось в конкретное действие, возможно потому, что он был еще слишком юн. Его организм стремительно развивался, гораздо быстрее обычного человеческого организма, не прошедшего обработку в генетическом баке.

Неожиданно он почувствовал леденящий страх — он понял, что вместе с другими свойствами в нем растет и крепнет желание причинять людям боль. Не только женщинам, он вспомнил драку со своим сокурсником Лентом, который во время перемены, просто чтобы позабавиться, запустил в него наполненный чернилами резиновый шарик.

Он подстерег Лента в тот же вечер. Подстерег в таком месте, где их драку никто не мог увидеть, и избил так, что тот два дня не появлялся в школе. Избил умело, не оставляя следов, и лишь сейчас понял, что не только испытал чувство удовлетворения, восстанавливая справедливость. Он наслаждался воплями Лента...

Сейчас, до конца осознав этот факт, Олег сидел с застывшим лицом, ощущая, как

нарастает в нем ледяная волна страха. Он думал о том, во что превратится лет через пять, когда закончится формирование его организма.

И тут это случилось. Видеоэкран неожиданно погас. На секунду все поплыло у него перед глазами, и когда противоположная, теперь уже темная стена вновь обрела резкость, он ее не узнал.

Со стенами произошло нечто странное. То ли они приблизил ИС1, то ли, наоборот, отдалились.

Они как бы раздались в стороны, словно он смотрел на них сквозь гигантское увеличительное стекло. Точнее, не стекло, а электронный микроскоп, потому что привычная монолитная структура стен распалась, обнажая скрытые в их материале пустоты.

Олег видел вполне отчетливые, геометрически правильные фигуры молекулярных связей, образующих кристаллическую решетку.

Он видел пустоту, замкнутую в ячейки силовых полей, и еще он увидел что-то уж совсем невообразимое, что-то заставившее его подумать, что он, наверное, сходит с ума.

Внутри каждой геометрической ячейки шевелилось некое подобие червя. Олег почувствовал, как тошнота подступила к горлу.

Почти сразу же он ощутил сильное постороннее давление на свой мозг, словно кто-то извне пытался заглянуть к нему в сознание, и этот «некто» определенно не был человеком.

Занимаясь своими робкими неумелыми экспериментами с управлением сознанием, Олег давно обнаружил, что во время телепатического контакта, независимо от воли инициатора этого контакта, всегда происходит взаимное проникновение сознаний. Человек, обладающий даже незначительными телепатическими способностями, может многое узнать о вошедшем с ним в контакт субъекте.

— Чего ты хочешь? — послал Олег резкий беззвучный вопрос, и тот, другой, не ожидавший, что будет обнаружен, сразу же сжался, ушел из его сознания, словно захлопнув за собой дверь Стены вновь обрели привычный вид.

Придя в себя от эмоционального стресса, последовавшего за контактом с чужим нечеловеческим сознанием, Олег понял, что у него появился новый могущественный враг. В этом он нисколько не сомневался. Он не понимал конкретных мыслей вошедшего с ним в контакт существа, но общую враждебную направленность этого чужого сознания ощутил в полную силу.

Кто оно, это существо? Какие у него могут быть причины ненавидеть его, Олега Бирсова? Он никогда раньше не бывал в космосе. Откуда же взялся этот новый враг? Можно было сколько угодно ломать голову над этим вопросом, ответа все равно не находилось. Следовало заняться чем-то более продуктивным. Но он никак не мог взять себя в руки, с ужасом ожидая новой попытки контакта. Ему казалось, что-то изменилось в его сознании после соприкосновения с чужим разумом.

Мир больше не выглядел целостным. Весь мир казался ему теперь вылепленным из нестойкого тумана.

Частицы — наполовину волны. Волны, из которых рождаются частицы. Волновая природа поля — вся эта фантазмагория современной физики, отложившаяся в его голове в период обучения как нечто отвлеченное, не имеющее непосредственно к нему никакого отношения, вдруг обрела совершенно новый, неожиданный и грозный смысл.

Одно дело теоретически знать, и совсем другое — убедиться воочию в том, что стальные стены каюты содержат внутри себя миллиарды кубических сантиметров пустоты.

Последующие два вечера Олег со страхом ожидал нового появления незваного гостя. Но ничего не происходило, разве что к концу второго вечера от постоянного напряжения у него разболелась голова.

Он решил при каждом удобном случае совершенствовать свои ментальные способности и научиться ставить заслон проникновению чужого сознания. Это единственное, что он мог противопоставить потерявшему прочность миру. И своему новому, невидимому врагу, обитающему где-то в его глубинах.

Больше всего он боялся, что очередной контакт произойдет, когда он будет спать, и что чужой, воспользовавшись его беспомощностью, полностью подчинит его сознание своей воле.

Увы, он слишком мало знал о том, что именно нужно делать. Он заказал по фону список имеющихся в библиотеке книг по телепатии и ментальным возможностям человеческого мозга и вскоре получил на своем каютном дисплее ответ.

К сожалению, здесь не обнаружилось ничего серьезного. Только старые литературные обработки, засоренные мистикой и художественными потугами авторов. Кастаньеда, Форст, Лама. Ни одной серьезной научной работы.

Он слышал еще в колледже, что публикации на эту тему крайне редки: Правительство опасалось манипуляций общественным сознанием недобросовестными экстрасенсами.

К этому времени наука уже знала, на что способен хорошо натренированный мозг одаренного от природы человека.

Единственный реальный способ приобрести в этой области практические навыки состоял в том, чтобы найти учителя. Но для этого пришлось бы раскрыть свои необычные способности постороннему человеку.

Сейчас рядом с ним не было такого человека, да и на Земле он не знал никого, кому без страха мог бы доверить свою тайну. Годы постоянной настороженности и скрытности не позволили ему приобрести настоящих друзей.

Последующие дни своего добровольного затворничества он провел за изучением того, что удалось найти в библиотеке, и неожиданно обнаружил за литературной шелухой весьма серьезные вещи. Многие авторы использовали литературные приемы лишь для маскировки, и пытливый, заинтересованный человек мог обнаружить в их работах много полезного для себя, в том числе и практические советы.

Больше всего Олега поразило способ получения голубого пера по методу Ричарда Баха:

— Прекрасно. Пусть будет голубое перо. Представь себе это перо. Постарайся увидеть его — каждую черточку, края, кончик, хвостик, пушок около основания. Всего лишь на минуту. Этого хватит.

Я на минуту закрыл глаза, и перед моим внутренним взором предстал четкий образ. Небольшое, по краям ярко-голубой цвет переходит в серебристый. Сияющее перо, плывущее во тьме.

— Если хочешь, окружи его золотистым сиянием. Обычно его используют при лечении, чтобы материализовать процесс, но оно помогает и при магнетизации.

Я окружил свое перо золотистым сиянием.

— Сделал.

— Отлично. Глаза можешь открыть.

Я открыл глаза.

— Где мое перо?

— Если ты его четко вообразил, в данный момент оно уже пулей летит тебе навстречу.

— Мое перо? Пулей?

— В переносном смысле, Ричард.

Олег решил проверить этот рецепт и в течение часа представлял себе окруженное ореолом голубое перо.

В результате пера он так и не получил, зато значительно усовершенствовал свою способность концентрировать внимание на каком-то одном конкретном предмете, не позволяя сознанию переключаться на посторонние темы.

Как выяснилось впоследствии, это и было одним из важнейших практических упражнений для менталистов.

Следующим шагом стала попытка контакта с другой человеческой личностью. Он решился на это не сразу, потому что прекрасно понимал — в данном случае им движет всего лишь уязвленное мужское самолюбие.

День проходил за днем, а Илей его так и не вызывала... Вифон упорно молчал.

Странно, конечно, что после всего происшедшего он ждал от нее первого шага. Но ведь именно она согласилась за ним следовать. Мужская гордость не позволяла ему первому набрать номер.

Но на что он мог надеяться? Он слишком сильно, и теперь уже дважды, оскорбил ее. В конце концов он решился на следующее, возможно, еще более постыдное действие.

Все его оправдания, все попытки объяснить это тем, что он лишь готовится противостоять новому могущественному врагу, ничего не стоили по сравнению с тем фактом, что он нарушил самое священное право любой человеческой личности: право на неприкосновенность сознания, на тайну мыслей. Право, зафиксированное даже в федеративной конституции Земли. Возможно, единственное из всех, неуклонно соблюдавшееся последние две сотни лет, с тех пор как был принят закон, запрещающий эксперименты над человеческим сознанием.

Ничто уже не могло остановить его в неудержимом стремлении узнать, что думает Илей о нем после всего происшедшего. Есть ли у него шанс хоть как-то исправить положение?

Он пробирался ощупью, в потемках, словно шел через галерею неосвещенных комнат.

Послышался какой-то шум слева. Нет, это всего лишь стюард, несущий поднос с прохладительными напитками. Дальше, выше, следующий горизонт. Шепот: «Ты ведешь себя просто нелепо! Ты должен был познакомить меня с Ратинским, а ты...»

Какая-то супружеская пара. Взаимные упреки. Недоверие, ревность... Дальше.

Он понял, что стоит у двери ее каюты. Он чувствовал это так, словно и в самом деле стоял там во плоти. Он протянул руку, желая коснуться двери, открыть ее, и не смог. Плотная темная завеса остановила движение его ментального усилия, и незнакомый голос в глубине его сознания произнес: «Не делай этого. Ты даже представить себе не можешь, как много уже разрушил. Ты поймешь это позже...»

Олег лежал на постели в собственной каюте, обливаясь холодным потом, часы над его изголовьем показывали половину первого.

Услышав голос, он немедленно отступил, так и не начав контакта. Но даже простого приближения оказалось достаточно, чтобы понять, как сильно заблуждался он относительно Илен. И еще ему показалось, что он узнал голос, остановивший его перед дверью, и теперь у него почти не осталось сомнений в том, что это был его собственный голос. Голос его второго «я». Тот самый голос, который мы иногда называем совестью.

Несмотря на все опасения, а может быть, благодаря принятым мерам предосторожности, до пересадочной станции с ним ничего больше не произошло.

На небольшом астероиде, вращавшемся вокруг гигантской безжизненной планеты Либерия, находились склады с продовольствием, заправочные контейнеры с горючим для межзвездных лайнеров. Под относительно небольшим куполом с искусственной атмосферой располагалась вся станция. Там была даже маленькая гостиница на сорок мест для таких, как он, транзитных пассажиров. Здесь Олегу предстояло провести почти две недели в ожидании попутного военного лихтера, направлявшегося на учебную базу.

Туша звездолета, припарковавшегося к заправочному контейнеру, заполняла собой почти весь горизонт этой крохотной планетки.

С неожиданно острым сожалением Олег вдруг понял, что его путешествие на «Рамиросе» закончилось и настала пора прощаться. Не только с кораблем — с целым периодом собственной жизни. И еще с человеком, с которым он так и не осмелился поговорить.

Глава 8

Лихтер прибыл на Либерию точно по расписанию, и перелет до Аркура прошел без осложнений.

Олег привык к строго регламентированной жизни военного корабля, в чем-то она ему

даже нравилась. Возможно, поэтому, когда полет закончи и корабль причалил к стыковочному комплексу базы, он испытал легкое разочарование.

Еще один отрезок жизни оставался позади. С тех пор, как был подписан контракт, его жизнь приобрела новое ускорение. События вокруг него сменялись с бешеной скоростью. Он едва успевал осваиваться с новыми условиями.

Вот и сейчас один только вид места, где ему предстояло провести целых два года, поразил его своими масштабами и непривычным видом.

Он, конечно, знал, что старая база космического флота, занятая впоследствии учебной базой, располагалась на месте какого-то древнего сооружения Лидянской цивилизации.

Но одно дело знать, а другое увидеть воочию это гигантское двухкилометровое каменное яйцо, вплавленное в материнскую породу планеты. Однако то, что ждало его внутри, оказалось куда более поразительным, чем внешний вид станции.

Олег почувствовал удар по своей психике, едва процедура дезинфекции и воздухообмена закончилась. В тот самый момент, когда толстенная металлическая дверь приемного шлюза, соединявшего космический ангар с жилыми помещениями учебной базы, неторопливо поползла в сторону.

Он ощутил присутствие какого-то огромного постороннего существа (или разума?), настолько мощного, что непроизвольно сжался, затаился, притворился слепым и глухим.

Неужели окружающие его люди, все эти техники в синих одеждах, патрульный с парализатором на боку, проверивший у него документы, старшина наряда, проводивший его в канцелярию, неужели все они не чувствовали, не ощущали этого повисшего в воздухе груза чужого разума?!

В первое мгновение Олегу показалось, что мыслеволны излучали сами стены защитного купола. Позже он понял, что источник располагается гораздо ниже.

Спустя какое-то время ему удалось создать вокруг собственного мозга защитный экран, хотя и не полностью отгородивший его от излучения, но, по крайней мере, дающий возможность не выдать себя, не показать своего страха, нормально работать и попытаться узнать, что же здесь, черт побери, находится, на этой древней Лидянской базе? Знают ли об излучении руководители учебного центра, имеют ли они к нему какое-то отношение?

Его привычка никому не доверять и не делиться без необходимости полученной информацией пригодились и на этот раз. Он сумел сохранить в тайне свое открытие и не привлечь к себе излишнего внимания начальства.

Олег прекрасно понимал, что только оставаясь в тени, ничем не выделяясь из общей массы курсантов, он может надеяться найти источник этого излучения и попробовать выяснить, что он собой представляет.

Разрушенную космическую крепость Лидян обнаружили на Аркуре довольно давно. Вначале флот пытался использовать находку для собственных нужд и даже провел здесь комплекс реставрационных работ. Но затем выяснилось, что содержать стационарную базу с мощным техническим обеспечением в этом удаленном от основных трасс месте — удовольствие не из дешевых.

В конце концов восстановительные работы были прекращены, базу законсервировали, а затем и вовсе передали космической разведке.

На чертеже база напоминала гигантское яйцо, на две трети скрытое под поверхностью планеты.

Реставрационные работы провели лишь в ее верхней, выступавшей наружу части. Трещины заделали, установили регенерационные установки. Ядовитая атмосфера Аркуры не позволяла находиться на поверхности планеты без скафандра, но внутри гигантского купола воздух постоянно обновлялся.

Флот не полностью отказался от планов использовать в будущем это дорогостоящее сооружение как свой дальний форпост. Учебную базу разместили здесь временно. По крайней мере это было дешевле, чем проводить полную консервацию базы.

Все эти сведения Олег почерпнул из краткой памятки новобранца, полученной вместе с

подъемными, а выводы сделал самостоятельно, и, как потом выяснилось, они оказались довольно далеки от действительности.

Часа через два после прибытия его пригласили в учебную аудиторию, где состоялось знакомство начальника базы генерала Гриценко с новыми курсантами. Они прибывали в течение целого месяца различными попутными рейдерами, и Олег был одним из последних.

Генерал, седовласый, худощавый, похожий на высушенную рыбу человек, обвел аудиторию отсутствующим равнодушным взглядом и начал, вероятно, в сто первый раз свою вступительную хорошо отработанную речь: «Итак, дорогие мои, сегодня вы все стали кадетами нашей школы, а в будущем те из вас, кто успешно сдаст экзамены, станут самостоятельными сотрудниками корпуса разведки. Чтобы избежать ненужных вопросов, я постараюсь сразу же объяснить, для чего существует корпус космической разведки и чем он, в сущности, занимается. Вам придется забыть все расхожие представления, бытующие на гражданке, о задачах и методах действия корпуса. Многие из этих представлений специально разработаны и успешно распространяются нашими же агентами. Позже вы познакомитесь с наукой дезинформации и поймете, как важно для хорошего разведчика овладеть ее методами. Сейчас же о самом главном — для чего был создан разведкорпус. Его главная, официальная задача — следить за целостностью Земной Федерации. Собирать информацию о настроениях в колониях, о назревающем недовольстве в тех или иных местах. В зародыше ликвидировать возможные очаги конфликтов. Изолировать, а если понадобится, и уничтожать главарей мятежников. Наши агенты довольно свободно обращаются с юридическими правами граждан, такова prerogative их службы. Но большая власть накладывает и огромную ответственность. Однажды ошибшийся агент перестает быть нашим сотрудником. Иногда, в особенно тяжких случаях, отдается приказ о его ликвидации.»

— Что-то я не слышал об агентах космической разведки, вышедших на пенсию, — прошептал сосед по столу, — похоже, подобные приказы отдаются достаточно часто...

— Многие погибают во время выполнения заданий, — возразил ему Олег.

— Разница небольшая...

Дальнейшую речь генерала Олег слушал уже вполуха, потому что в этот момент почувствовал исчезновение давящего на его мозг чужого ментального поля.

Он знал, что это могло произойти лишь в одном-единственном случае: объект, производивший это излучение, перестал существовать. Живой мозг не может полностью выключиться. Даже во сне, даже под наркозом его постоянно окружает аура излучения. Сейчас же Олег не чувствовал ничего, и сожалел лишь о том, что не решился установить хотя бы приблизительное местонахождение источника сразу же, как только прибыл на станцию. Теперь найти объект излучения и узнать, что он собой представляет, будет намного сложнее.

Он почти не сомневался, что люди к ментальному полю, поразившему его силой своего излучения, не имели никакого отношения.

Выходит, где-то на станции среди бесчисленных этажей и переходов скрывалось нечто чужое, наблюдавшее за ними, а возможно, и не только наблюдавшее... Шла космическая война — люди почти ничего не знали о своих противниках Рутянах. Их корабли неожиданно появлялись всегда в районе одной и той же планеты Остран, наносили очередной удар, а затем бесследно исчезали. До сих пор не удалось захватить ни одного пленного.

Перебирая в уме все эти обстоятельства, Олег не мог не вспомнить и ночного ментального визита в свою каюту во время полета на «Леонардо», когда начали распадаться стены.

Обнаруженное им на станции излучение принадлежало к совершенно иному источнику — любое мозговое излучение имело свои тончайшие индивидуальные особенности, по которым его легко было узнать. Тем не менее он не мог отделаться от ощущения, что оба эти события как-то связаны между собой.

Во время перерыва Олег познакомился со своим соседом. Курсанты, раньше его

оказавшиеся на станции, могли знать о ней немало интересного.

Стивенс попал в кадеты так же, как и Олег, провалившись на вступительных экзаменах в школу колонистов. Похоже, разведкорпус предпочитал пополнять свои кадры именно оттуда. Это было удобно. Не афишируя своего присутствия, эмиссары разведки отбирали нужных им людей по результатам предварительных экзаменов и многочисленных тестов. Затем этих людей проваливали на экзаменах и вынуждали тем или иным способом принять порой совершенно неожиданное для них предложение.

Олег не стал расспрашивать Стивенса, почему он подписал контракт, но из его скупых замечаний понял, что произошло это совсем не добровольно.

Первый день занятий закончился рано. Видимо, начальство специально предоставило новичкам время для ознакомления с базой. И Олег получил возможность по горячим следам попытаться узнать, что за тайну скрывала в своих недрах древняя Лидянская база.

Нижние этажи изолировали от жилой зоны герметичными переборками. Доступ туда персоналу базы был закрыт, по слухам, там располагались складские помещения космофлота, где размещали списанное и законсервированное военное снаряжение, оружие и еще бог знает что.

Стивенс охотно согласился сопровождать Олега в ознакомительной экскурсии по базе. Он прибыл на десять дней раньше, и роль экскурсовода ему нравилась. Вот только о нижних этажах он знал не больше Олега. Они предприняли несколько попыток спуститься ниже жилых горизонтов, но каждый раз, как только лифт останавливался на нужном уровне, у дверей возникала охрана.

Без специального пропуска путь вниз был заказан. И даже идея Стивенса попытаться обойти посты, минуя лифтные шахты, не принесла успеха.

У дверей каждого шлюза они наткнулись на охрану и, в конце концов, получив выговор от дежурного офицера, вынуждены были вернуться ни с чем.

— Как ты думаешь, для чего здесь понадобилась такая сильная охрана? — Олег уже не скрывал своей тревоги. Весьма вероятно, руководство базы что-то прятало от посторонних глаз и, возможно, знало о таинственном излучении...

Стивенс внимательно посмотрел на Олега, словно решая, стоит ли начинать разговор, и наконец сказал:

— Одно из двух. Или они здесь засекретили что-то очень важное, или чего-то боятся.

— Боятся? С их вооружением, опытом, имея в наличии десантный батальон космических беретов, ты всерьез считаешь, что они могут чего-то бояться?

— Назови это по-другому. Осторожностью, например. После атаки Рутян в районе Ригаса почти все военные службы проявляют нервозность. А откуда ты узнал о беретах? Официально они расквартированы на другой базе...

— Недавно споротые нашивки трудно не заметить, к тому же они ходят, как надутые индюки. Стивенс усмехнулся:

— Похоже, нас здесь ждет немало сюрпризов. И знаешь, что мне больше всего не нравится? Из этого гигантского каменного мешка нет запасного выхода. Я занялся его поисками задолго до твоего приезда, но выхода так и не нашел. Случись что-нибудь серьезное со шлюзом, и мы все окажемся в мышеловке.

Постепенно у Олега сложилось странное впечатление, что Стивенс знает о базе гораздо больше, чем должен знать обычный курсант первого года обучения, хотя и старается не обнаруживать свою осведомленность. Правда, и сам он не объяснил новому товарищу, в чем причина его повышенного интереса к нижним этажам базы.

Приближалось время отбоя. Им пришлось вернуться в жилой сектор, так ничего и не выяснив.

Не успел Олег освоиться в отведенной ему крохотной (но все-таки отдельной!) комнатке, как информационный фон над дверью объявил, что он должен немедленно явиться к декану факультета полковнику Берстину.

По удивленному взгляду адъютанта, поспешившего о нем доложить, Олег понял, что

вызов к Берстину для курсанта первого года обучения считается здесь чем-то из ряда вон выходящим.

Полковник, высокий худой брюнет лет сорока, со вздувшейся то ли от радиационного ожога, то ли от флюса Бехтерева правой щекой, коротким взмахом руки отослал посыльного и сразу же приступил к делу:

— Мне доложили, что, не успев приехать, вы проявили повышенный интерес к нашей базе. Чем это вызвано? Может быть, в школе первой ступени вы увлекались археологией или изучали историю Лидян?

Несмотря на ироничный тон этого замечания, полковник сам подсказывал ему удобное и простое объяснение. Но Олег, отрицательно качнув головой, сказал нечто совсем иное, впрочем, столь же далекое от истинной причины своего интереса:

— Нет, сэр. Мне хотелось побольше узнать о фортификации базы, ее запасах и вооружении.

— Для чего вам это понадобилось?

— Я предпочитаю как можно больше знать о месте, в котором мне предстоит жить и учиться. Тем более, что время сейчас военное и возможны любые неожиданности.

Полковник усмехнулся, и Олег почувствовал, что этот человек догадывается о подлинной причине его повышенного интереса к нижним этажам.

— Я слышал, вы не хотели служить в разведке, и Корсинскому пришлось применить нечто, весьма смахивающее на шантаж, чтобы заставить вас подписать контракт.

— Это так, сэр.

— Скажу сразу, я не одобряю методов Корсинского и считаю, что в разведке должны служить только добровольцы. Тем не менее раз уж вы здесь, не могли бы вы объяснить, чем вам так не угодил разведка?

— Дело не в разведке, сэр, меня вообще не привлекает служба в воинских частях.

— В космос тем не менее вы собирались отправиться.

— Простите, сэр, но разве космос и армия — это одно и то же?

— В какой-то мере... Во всяком случае, для вас.

Не удосужившись пояснить свое последнее замечание, полковник подписал какую-то бумажку, лежавшую перед ним на столе, и протянул ее Олегу.

— Здесь освобождение от занятий на завтра и пропуск в нижние этажи, можете считать это наградой за «откровенность».

В ироническом тоне последнего замечания Олег почувствовал скрытую угрозу. Тем не менее за пропуск он поблагодарил полковника вполне искренне, хотя и понимал, что теперь каждый его шаг будет под особым контролем начальства. Придется в своих поисках соблюдать максимальную осторожность.

После отбоя Олег долго не мог уснуть, раздумывая над тем, что скрывалось за странной щедростью полковника. Зачем начальник факультета тратил свое драгоценное время на какого-то первокурсника? Для чего им понадобилось показать ему закрытую для всех, засекреченную зону нижних этажей? Может быть, это очередная проверка, очередной тест?

«Многовато тестов и слишком сложно. Должно быть более простое объяснение. Наверняка они знают об излучении и хотят использовать мои ментальные способности для обнаружения его источника».

Но если это верно, получалось, что его главная тайна давно известна начальству. Это открытие Олега вовсе не обрадовало.

Была и еще одна проблема. Он не знал, нужно ли о полученном пропуске говорить Стивенсу? Выделяя его своим вниманием из общей массы студентов, полковник тем самым вольно или невольно создавал вокруг него некий вакуум. Во всех школах, а тем более в военных закрытых колледжах, любимчики начальства не пользовались симпатией у своих сокурсников.

Однако последняя проблема разрешилась для Олега совершенно неожиданным

образом. Сразу после завтрака к нему подошел Стивенс и сообщил, что сегодня осматривать базу они опять будут вместе.

— Ты знаешь о пропуске?

— Более того. У меня есть такой же.

Стивенс усмехнулся, достал из кармана зеленый кусочек картона и помахал им, самодовольно улыбаясь.

Задумчиво разглядывая рыжеватое, покрытое оспинами лицо Стивенса, Олег подумал, что разведка будет теперь подбирать для него не только любовниц, но и друзей...

Им удалось спуститься всего на три горизонта. Ниже начиналась зона «Д», на которую действие выданных им пропусков не распространялось. Часа два они бродили по армейским пакгаузам, забитым промасленными ящиками с номерами вместо этикеток. Никакой новой информации почерпнуть из этой прогулки Олегу не удалось. С тех пор, как излучение прекратилось, оно не возобновлялось ни разу. Возможно, того, что он искал, больше не существовало. Если от источника излучения что-то и осталось, то найти здесь некий предмет, не зная даже, как он выглядит, задача практически невыполнимая.

Склады собирали из полевых блоков в несколько этажей, стремясь максимально заполнить огромные пространства помещений Лидянской базы. Строителям это вполне удалось, но такое многоэтажное размещение оборудования превратило поиски Олега в совершенно безнадежную задачу.

В одном месте он заметил черную трубу, сделанную из незнакомого материала, не похожего ни на металл, ни на пластик. Ему показалось странным, что она, нигде не меняя направления, шла от стены станции куда-то вниз, к центру, и на своем пути прошивала сверху вниз несколько армейских складов. Но как узнать, имеет ли отношение эта труба к тому, что он искал?

— Что это такое? — спросил Олег у Стивенса, не надеясь, впрочем, на ответ.

— Может быть, энерговод, может быть, какое-то крепление, эту штуку нашли здесь вместе с базой. Ее устанавливали не наши строители.

Для курсанта Стивенс знал слишком много и теперь уже не пытался этого скрывать, понимая, очевидно, что Олег догадался о его роли.

— Не проще ли было ее разрезать, вместо того чтобы прорубать отверстия сразу в нескольких перекрытиях?

— Пробовали. Обычным инструментам она не поддается, а применять лазерную технику наши инженеры не решились — это и в самом деле может быть энерговод.

— Ну, энергия за прошедшие тысячелетия здесь вряд ли сохранилась.

— Это не совсем так. Некоторые узлы станции функционируют до сих пор.

— Хотел бы я на них посмотреть...

— В таком случае нам придется спуститься в зону «Д».

— Но наши пропуска там недействительны.

— Да черт с ними, с пропусками. Мне приказано показать тебе станцию. Нет смысла ставить охрану на каждой лифтовой шахте. Верхние жилые зоны надежно изолированы, оттуда ни одна мышь не проберется. Сюда попадают лишь те, кто имеет на это право. Поэтому бдительность охраны в нижних горизонтах совсем не та, что наверху. Хочешь попробовать обойти посты?

Олег чувствовал, что Стивенс втягивает его в опасную авантюру, по заранее написанному в разведке сценарию, но отказаться от соблазна не смог. Слишком велико было желание узнать, что происходило на базе. Несмотря на то что излучение прекратилось, он чувствовал вполне определенное желание спуститься вниз еще на несколько этажей.

Существо, чье мощное ментальное поле он ощущал в первые часы после прибытия на станцию, похоже, все-таки не исчезло. Каким-то образом оно умело экранировать свое излучение или даже совсем его отключать. Но оно все еще находилось на станции, и теперь Олег знал, где именно. У него было такое чувство, словно кто-то неслышным голосом звал его из шестисотметровой глубины седьмого уровня...

— Что произойдет, если охрана обнаружит нас в запретной зоне?

— Вообще-то в таких случаях открывают огонь без предупреждения. Скорей всего нас просто пристрелят.

Олег усмехнулся. Ему нравился Стивенс, независимо от той роли, которую он сейчас исполнял. Олег понимал, что, поручая Стивенсу следить за ним, начальство не спрашивало у него согласия на выполнение приказа.

— Ты давно в разведке?

— Третий год.

— А выглядишь молодо. Вполне можешь сойти за первокурсника.

— Наверно, поэтому они и выбрали меня на роль твоего ангела-хранителя. Одного не могу понять, что ты за персона такая, чтобы к тебе приставляли специального агента? Может, объяснишь?

Несмотря на все расположение к Стивенсу, своего главного секрета Олег открывать не собирался и потому сказал:

— У них на меня какие-то особые виды. Вообще-то я и сам не слишком понимаю, чем заслужил столь пристальный интерес начальства.

Незначительные для постороннего уха фразы многое сказали каждому из них, и потому Олег продолжил, не слишком рассчитывая на правдивый ответ:

— Тебе приказали доставить меня вниз или это твоя инициатива проникнуть в зону «Д»?

— Мне было приказано ни в коем случае не допускать тебя в район «Д» зоны.

— Тогда зачем ты это делаешь?

— А мне интересно узнать, чего они так боятся и какое ты к этому имеешь отношение.

— Ну что же, тогда пошли... Мне самому это интересно.

Примерно через полчаса, миновав трехсотметровый проход в длинном складе, заставленном вездеходами на магнитных подушках, они оказались напротив шахтного туннеля, обозначенного на схеме нижних этажей номером четыре «А».

То, что у Стивенса была схема станции, у Олега удивления не вызвало. Странно было лишь то, что он открыто ею пользовался в его присутствии. Все-таки они знали о нем не все. Ему понадобился всего один взгляд, чтобы план станции со всеми мельчайшими деталями зафиксировался в памяти. Теперь он сможет им воспользоваться в любой момент, как только в этом возникнет необходимость.

Укрывшись в кабине одного из крайних вездеходов, они могли беспрепятственно наблюдать за передвижением охраны. Лишь после того, как график смены постов и интервалы движения патрулей были полностью рассчитаны, они решились на завершающий бросок к лифту.

Олег не слишком верил в то, что их отчаянный план завершится успехом, но кабина антигравитационного лифта стояла на их этаже, на ней не оказалось даже замка.

Едва Стивенс нажал кнопку, как они очутились внутри. Пока что им сопутствовала удача. Олег подумал, что это не может продолжаться слишком долго.

На боковой стене располагалось большое сенсорное табло с кнопками этажей.

— Куда теперь? — спросил Стивенс. — Сразу в зону «Д»?

— Я думаю, да? Нас могут обнаружить в любой момент. Чем больше увидим, тем лучше.

Олег старался не показать охватившее его странное нетерпение оказаться в зоне «Д» как можно быстрее. Он словно спешил на свидание...

— Если нас все-таки обнаружат, не важно, сколько мы увидим до того, как охрана откроет огонь, — пробормотал Стивенс, нажимая кнопку последнего уровня.

В первую секунду у Олега захватило дух — так всегда бывает в гравитационных лифтах. Они начинают движение со свободного падения вниз, и это продолжается несколько секунд, пока не включится генератор.

— Тебе приходилось бывать в зоне?

— Всего один раз.
— Значит, ты знаешь, что там прячут?
— Я не уверен, что это именно то, что ты ищешь.
— Так что же там? Теперь ты можешь сказать. Через пару минут я все увижу сам.
— Это трудно передать словами. Есть такие места и вещи, внешний облик которых мало соответствует их сути. Я не хочу, чтобы мое мнение повлияло на твои собственные выводы.

Глава 9

Лифт остановился неожиданно, без всякого толчка. Антиграв полностью погасил инерцию. Створки распахнулись, открывая перед ними пространство огромного зала, размерами напоминавшего футбольное поле.

Здесь не было ни складов, ни механизмов. В самом центре трехсотметрового куба, ярко освещенное скрытыми в стенах прожекторами, висело ни на что не похожее сферическое сооружение светло-серого цвета. От него во все стороны расходились линии трубопроводов или, скорее, стоек, державших на весу всю эту массивную сорокаметровую конструкцию.

Поверхность сфероиды не была гладкой — вся покрытая бороздами и складками, она напоминала скорлупу гигантского грецкого ореха. Кроме того, поверхность эта время от времени пульсировала и слегка меняла свою форму. Отдельные складки разглаживались и исчезали, на их месте появлялись новые.

— Что это такое? — спросил потрясенный Олег, чувствуя, что воздух вокруг них перенасыщен энергетическими волнами, излучаемыми сфероидом во всех диапазонах. Они несли в себе какую-то непонятную информацию и достаточно четкий призыв — почти приказ, обращенный лично к нему, — подойти ближе, может быть, даже войти внутрь.

Приказ тем более странный, что на поверхности этого огромного морщинистого мешка не было ни единого отверстия.

— Перед тобой действующий Лидянский механизм. Единственный, насколько мне известно, во всей исследованной части Галактики. До сих пор нам не попадалось ничего подобного. Его нашли вместе с базой на этом самом месте.

— Почему об этом ничего не сообщалось?

— Спроси у наших генералов. Наверно, они до сих пор надеются извлечь из этой штуки какую-то выгоду. Только не знают, как к ней подступиться. Грубые методы исследования здесь не проходят. У нее есть защита. Двое техников были испепелены энергетическим разрядом при попытке вскрыть внешнюю оболочку сфероиды.

— А эти тяжёлые... Или энерговоды — пытались установить, куда они идут?

— Конечно. Они проходят через все помещения станции и крепятся к внешним стенкам. Там нет никаких других механизмов. Источник энергии скорее всего находится внутри сфероиды, а это всего лишь крепления. Впрочем, попытки вскрыть их также не привели к успеху. Неизвестный материал, из которого они сделаны, при резкой смене внешней обстановки вступает в энергетическую реакцию с окружающей средой.

— Что-то вроде аннигиляции?

— Как ты догадался?

— Не знаю... Почувствовал, наверное. Мне кажется, я должен подойти к нему поближе.

— Тогда пойдем вместе.

— Нет. Это опасно.

— А для тебя не опасно?

— Для меня — нет. Я знаю, что это звучит странно, но чувствую, что по отношению ко мне у него нет дурных намерений. Тебе же лучше остаться там, где ты сейчас стоишь, и не делать лишних движений.

Стивенс пробормотал что-то, похожее на ругательство. Очевидно, перспектива

позволить своему подопечному самостоятельно заняться изучением Лидянского механизма ему не слишком понравилась. Но едва он сделал шаг вслед за Олегом, как голубая искра, с громким хлопком вырвавшись из ближайшего энерговода, ударила прямо перед ним в пол.

Вид малиновой лужи на месте каменной плиты оказался настолько убедительным, что Стивенс не сделал больше ни шагу.

Наиболее широкий рукав шел из середины сфероида перпендикулярно вниз и заканчивался в полу под механизмом. Олег остановился в полуметре, чувствуя легкое покалывание кожи, словно находился в горах во время сильной грозы.

Конец рукава плавно переходил в поверхность пола, не видно было ни следов сварки, ни каких бы то ни было креплений. Толщина рукава вблизи оказалась не меньше двух метров. И Олег подумал, что не хотел бы оказаться внутри этой серой кишки, слегка вздрагивающей и периодически вздувавшейся от бегущей снизу вверх волны расширения.

Словно подслушав его мысли, рукав вдруг раскололся над самым полом. Серые губы вокруг расщелины сморщились и разошлись в стороны, открыв перед ним часть цилиндра, заполненного непроницаемым мраком.

— Ну уж нет — только не это!

Но что-то толкало его в спину, пытались убедить, что он не прав, что он должен сделать этот шаг в неизвестное, сделать его для того, чтобы стать сильнее, чтобы знать больше, чем знают его враги...

Он бы, возможно, так и не решился на последний шаг, если бы труба вдруг резко не расширилась, со свистом втянув в себя воздух.

Воздушный поток, толкнув Олега в спину, сбил его с ног, и через секунду он очутился внутри трубы. Створки за ним тут же захлопнулись, раздался чмокающий звук, и упругая подушка, образовавшаяся под ногами, плавно понесла его по трубе вверх.

Ветвистые трескучие искры вспыхивали и гасли перед ним в полной темноте. Затем мрак неожиданно сменился ровным зеленоватым свечением, и стремительный подъем прекратился.

Теперь Олег плавал внутри какой-то гигантской полости, наполненной странной светящейся жидкостью, впрочем, он не был уверен, жидкость ли это, поскольку дышалось по-прежнему легко. Олег подумал, что среда напоминает антиперегрузочную ванну... Сразу после этой мысли без всякого перехода в его мозгу вспыхнула очень яркая картина.

Он увидел станцию как бы с птичьего полета. Только стены были абсолютно прозрачны, и в центре, раскачиваясь на своих тяжах, висел проглотивший его мешок.

Неожиданно тяжи стали лопаться один за другим и, отсоединившись от сфероида, аккуратными спиралями свиваться на полу. Верхняя часть гигантского купола станции раскололась на шесть одинаковых лепестков.

Лепестки разошлись в стороны, открывая широкую дорогу к небу, и почти сразу же от сфероида вниз ударила череда молний. Рисунки созвездий над куполом станции дрогнули, сместились со своих мест и поплыли навстречу Олегу.

— Так вот что это такое!

И сразу же, вместе с этой догадкой, в его сознании прорезался скрипучий шершавый голос, напоминающий звук плохо смазанной оси. Он узнал его — не сам голос, а картину ментального поля, поразившую его в момент прибытия на станцию. Гигантский мозг заработал вновь.

— Да, меня сделали для того, чтобы летать к звездам. Анализ структурной лингвистики твоего языка закончен. Теперь мы можем общаться не только с помощью образов. Твои собраты — те, что не понимают истинного языка, испортили ворота, и я не могу подняться. Я знаю, ты хочешь улететь отсюда, но я не смогу исполнить твоего желания.

Снова у Олега перед глазами, в глубине зеленоватой жидкости, замелькали расплывчатые образы, словно подвыпивший киномеханик торопливо крутил испорченную пленку.

Олегу показали начало работ по освоению станции. Высокие механические краны

подавали к вершине купола металлизированный пластик. Другие роботы, похожие на сороконожек, быстро бегали по поверхности купола, заваривая трещины, а заодно и швы между створками ворот, ведущих в открытое пространство.

— Мои хозяева — те, кто создал меня, приказали ждать здесь, пока какое-нибудь разумное существо, понимающее истинный язык, не поднимется ко мне на борт. Я ждал очень долго, шесть временных циклов, и вот теперь, когда это случилось, я не могу исполнить их волю...

Олег почувствовал, что волнение мешает ему дышать, словно зеленоватый газ, окружавший его со всех сторон, стал настоящей жидкостью.

— Ты знаешь, куда они ушли? — спросил он на том самом «истинном языке».

— Этого они не сказали. Просто велели ждать.

— Но ведь должен же ты помнить хоть что-нибудь! Не могли они исчезнуть бесследно! И потом... — От неожиданной догадки у него перехватило дыхание. Потом, когда ты дождешься, ты же должен куда-то доставить вошедшего к тебе на борт человека, иначе зачем было ждать столько лет?

Голос долго молчал, словно корабль обдумывал, достоин ли его пассажир ответа на такой вопрос. Впервые Олег в своих мыслях с уважением назвал эту штуку кораблем, и ответ в конце концов прозвучал:

— Когда меня создали, звезды, которую я должен теперь найти, еще не было. Лишь на четвертом временном круге развития она должна была появиться в вашей Вселенной. Должно пройти еще два круга, прежде чем она станет готова к нашему визиту.

Олег не много понял из этих фраз, во всяком случае, корабль Лидян не собирался возвращаться домой, он искал во Вселенной не родную планету, а что-то совсем другое...

— Координаты того места, где должна появиться Черная Планета, заложены в моей памяти. Но с тех пор прошло так много времени, что даже звезды сменили свои места. Рисунок созвездий изменился. Мои создатели не смогли правильно рассчитать все хаотические изменения в движении галактических объектов, и теперь все их расчеты потеряли смысл.

— Все потеряет смысл, если сейчас мы не найдем правильного решения. А вдруг те, кто создал тебя, все еще ждут ответа?

— Какого ответа?

— Разве твое задание, то, что ты ждал здесь тысячи лет, разве все это не было вопросом?

— Вопросом о чем?

— О существовании иного разума. О надежде на то, что твои создатели не одиноки во Вселенной...

— Нет. Ты не понимаешь. Возникновение разумной жизни в любой точке Вселенной можно предсказать. Помощь чужого разума была нужна мне лишь для того, чтобы установить контакт и передать послание...

— Послание кому?

— Не знаю, удастся ли мне объяснить все это на твоём языке, в нём слишком мало абстрактных понятий и математической логики...

Рождение и смерть Вселенной чередуются друг с другом. Даже ваша наука знает о таких циклах.

Когда приходит время перемен, в конце шестого круга появляется Черная Планета. Она приносит с собой зародыш нового разума. Того самого, что еще через три временных круга начнет управлять вашей Вселенной.

— Управлять Вселенной? Разве ею управляет разум? Разве все, что происходит вокруг нас, разумно?

— Теперь уже почти нет. Сейчас пришло смутное время перемен. Старый разум, тот, что управлял материей вашей Вселенной весь предыдущий временной круг, состарился и близок к смерти. Новый еще не достиг в своем развитии нужного уровня, и от того, получит

ли он наше послание, зависит путь, по которому пойдет развитие жизни в течение следующего временного круга.

В глубине жидкости вспыхивали голубые искры, вспыхивали и гасли...

Олегу казалось, что перед ним в ускоренном темпе разворачивается картина Вселенной, а вспыхнувшая на мгновение искра вмещает в себя жизненный цикл целой звезды...

Он постарался охватить взглядом всю картину, но это было невозможно. Слишком быстро вспыхивали искры, слишком стремительно меняли свои места, и ни одного знакомого рисунка, хотя бы намека на знакомое созвездие...

— Видишь, как давно это было?.. Даже память о моих создателях исчезла из вашего мира, зачем ворошить прошлое? Иногда мне кажется, что мое задание вообще не имело смысла. Во всяком случае, оно потеряло смысл после второй тысячи лет ожидания...

Что-то бесконечно мудрое, мудрое и усталое послышалось Олегу в его тоне. Он все больше и больше сомневался, что имеет дело с механизмом.

— Почему твои создатели сами не передали свое послание? Зачем вам понадобился посредник?

— Никого из них не осталось в живых. Они пытались. Последняя экспедиция, искавшая зародыш будущей Черной Планеты, исчезла на краю галактики много тысячелетий назад.

Любые цивилизации смертны. Но перед тем, как уйти навсегда из этого мира, они предприняли еще одну попытку. Они знали, что во Вселенной зародится новый разум, появятся новые цивилизации. И они оставили меня ждать. Ждать, когда это произойдет, ждать когда сюда придет человек, достаточно разумный, чтобы передать послание...

Даже мои создатели не могли знать, что собой будет представлять первозданный разум, с которым придется иметь дело нашему посреднику. Ведь информацию нельзя просто передать. Нужно каким-то образом добиться, чтобы она была прочитана и усвоена. Дети не любят ходить в школу, и никто не мог сказать, что получится из всей этой затеи. Сумеют ли они хотя бы понять друг друга... Вот почему мне нужна была помощь.

— Значит ты ждал, ждал и ждал... Проходили тысячелетия, и ты продолжал свое бесконечное ожидание... У моего народа есть сказка — о джинне. Злого волшебника заперли в сосуде и бросили на дно моря. Он должен был дожидаться, пока кто-нибудь найдет и откроет сосуд, в который его заключили. После первой тысячи лет ожидания джинн пообещал исполнить любое желание того, кто поднимет его на поверхность. После второй тысячи лет он решил, что убьет своего спасителя.

— И что же случилось, когда его выпустили?

— А почему ты решил, что его выпустили? Гораздо логичней предположить, что сосуд с этим джином до сих пор валяется где-нибудь на дне океана...

— Это была бы неинтересная сказка. У нее должен быть другой конец.

Олег еще раз убедился в том, что имеет дело не с машиной. Во всяком случае, совсем не с тем, что люди привыкли считать машинами.

— Что же, ты прав: когда его выпустили, джинн не смог выполнить свое обещание — человек оказался хитрее.

— Человек обманул волшебника?

— Он его перехитрил, что, впрочем, одно и то же. А мораль этой сказки гласит: не стоит выпускать джинна из бутылки, его потом очень трудно загнать обратно.

— Вот видишь. Ты подтверждаешь мои худшие опасения. Наблюдая за твоей расой все эти годы, с тех пор, как здесь появились первые разведчики, я пришел к выводу, что люди коварны, эгоистичны и властолюбивы. Они способны испакостить все, что их окружает, они приносят с собой только смерть. Но ты Первый из них, кто способен понимать истинный язык, поэтому я решил поговорить с тобой.

— Рутяне лучше?

— О них я ничего не знаю.

— И о космической войне ты ничего не знаешь?

— Только из ваших радиопередач. Сфера моего влияния ограничена куполом станции и окружающим Аркур космическим пространством. С тех пор, как заварили створки, мои автоматические разведчики потеряли возможность покидать купол.

Вопрос не имел особого смысла — вряд ли этот мудрый механизм (или все-таки разум?) станет вмешиваться в дела чужой цивилизации. К войне он не имеет отношения, во всяком случае пока. Пока люди не сделали все от них зависящее, чтобы ликвидировать его нейтралитет. «Не случайно я попал на эту станцию, совсем не случайно...» — подумал Олег, представив себе, что бы он стал делать на месте правительства, обнаружившего подобный корабль в то время, когда идет война.

Если генералы не получают с его помощью нужной информации, они разберут Лидянский корабль до последнего винтика, чтобы узнать технологические секреты, заложенные в его механизмах.

На какое-то время Олег забыл о том, что каждая его мысль доступна для невидимого собеседника, и неожиданно получил ответ:

— У меня нет винтиков. И кроме того, у меня достаточно мощные средства защиты. Вплоть до самоуничтожения.

— Они этого не знают и все равно рискнут. Они пришлют сюда техников, которые не догадываются о том, что их ожидает. Рисковать чужими жизнями довольно просто... Они ждали до сих пор, потому что надеялись найти человека, который сможет проникнуть внутрь и понять, что именно можно от тебя получить. Теперь они нашли такого человека.

— Мне нравится твоя откровенность. Но должен же быть какой-то выход из создавшейся ситуации.

— Думаю, они предусмотрели все. Как только я спущусь вниз, они возьмутся за меня всерьез — у них есть средства, которые позволят выкачать из меня всю полученную информацию.

— Пока ты находишься на станции, им это не удастся.

— В таком случае меня здесь не оставят.

— Для того, чтобы вывезти тебя, им понадобится корабль. Ни один корабль не сможет покинуть станцию без моего разрешения.

Только сейчас Олег начал понимать, какого могущественного союзника он неожиданно приобрел.

— Вскрыть купол самостоятельно ты не можешь?

— Ремонтные механизмы давно вышли из строя. Я мог бы его взорвать. Но тогда погибнут все, кто здесь находится.

Так вот что его останавливало...

Олег давно уже чувствовал, что его дыхание постепенно затрудняется, словно среда — жидкость или газ, он так и не понял — становилась все плотнее. И едва он об этом подумал, как сразу же получил подтверждение.

— Я не могу сразу приспособить кабину к твоему метаболизму. Для этого нужно время. Тебе придется вернуться. В следующий раз ты сможешь находиться здесь неограниченно долго.

Прежде чем он успел понять, что происходит, прежде чем успел задать десятки новых, еще не оформившихся вопросов, силовой вихрь развернул его. Зеленые искры вокруг Олега погасли, и он почувствовал, что стремительно падает вниз.

Через несколько мгновений падение замедлилось, его вновь мягко перевернуло, и Олег оказался на ногах, лицом к раздвинувшимся стенкам центрального трубопровода.

Он стоял на том самом месте, с которого несколько минут (или часов?) назад начал свое необычное путешествие.

Олег взглянул на висящий над ним гигантский разумный механизм (или все-таки существо?), способный улететь к звездам, и замер потрясенный — он все еще не мог поверить, что это произошло именно с ним.

— Ты меня слышишь, друг? — спросил он на истинном языке, не разжимая губ.

Но ответа не было. Контакт прервался. Он вновь перестал ощущать присутствие чужого разума. Он не успел спросить о средствах связи и об этих странных провалах в функционировании корабля... Что, если это какая-то неисправность или нехватка энергии, сможет ли он попросить у него помощи в нужный момент, и как это сделать? В том, что такая помощь очень скоро ему понадобится, он нисколько не сомневался.

— Ну что? Что ты узнал? Что ты увидел внутри этой штуки?

Стивенс... Он совсем забыл о нем. Зато Стивенс не забыл... Но Стивенс не должен ничего знать... не должен знать даже о том, что он побывал внутри сфероида... Возможно, это на какое-то время удержит начальство от решительных действий. Хотя бы до тех пор, пока он не найдет способ постоянной связи с кораблем...

— Прости, Дэн, но ты должен забыть все, что только что видел.

Секунду назад Олег не предполагал, что сможет сказать нечто подобное. Слова сорвались сами собой, и теперь оставалось лишь подкрепить их усилием воли.

Никогда раньше он не пытался изменять чужую память и не знал, что из этого получится. Он сконцентрировал свою волю в узкий, похожий на ланцет пучок. Ему нужны лишь самые верхние, последние слои... Самые последние воспоминания должны исчезнуть, их надо попросту стереть, как стирают запись в магнитном кристалле...

Неожиданно Стивенс спросил:

— Какого черта ты тут стоишь? Ты же вроде собирался залезть в эту штуку?

— Как я могу это сделать? В ней нет ни единого отверстия.

Действительно, полость в нижней части сфероида закрылась, и теперь ничто не напоминало о происшедшем.

— Но мне казалось, ты собирался сделать именно это...

— Всего лишь иллюзии, Дэн. Здесь, в непосредственной близости от энергетического поля, они кажутся излишне реальными.

— Энергетическое поле? Значит, ты тоже думаешь, что это какой-то энергетический центр?

— Несомненно. Я чувствую пульсацию энергетического поля и думаю, что потенциал его огромен. При неосторожном обращении здесь все может превратиться в пар.

— Похоже, нам не стоит находиться слишком долго поблизости от этой штуки...

— Ты прав, — согласился Олег. Только сейчас он полностью осознал, что ему удалось то, что никогда не удавалось раньше. Контроль над чужой памятью... Он не знал, радоваться этому или ужасаться и какие еще неожиданности обнаружит он в своем собственном сознании. Сейчас было ясно лишь одно. Контакт с Лидянским мозгом не прошел для него бесследно.

Они осторожно приблизились к третьему подъемнику, у входа в который полчаса назад не было ни одного поста. Сейчас Олег вовсе не был уверен в том, что им так же просто позволят вернуться обратно, и его худшие опасения оправдались.

До пакгауза, забитого старыми вездеходами, осталось не больше двадцати метров, когда сразу с двух сторон появился наряд патрулей с парализаторами в боевом положении, направленными в их сторону.

Это были не простые патрули. Звездных Котиков Олег узнал сразу же.

В первую секунду у него мелькнуло желание показать им все, на что он способен, но благоразумие взяло верх.

Опередить выстрел он не успеет, и даже если это получится, он не сможет вечно прятаться на складах. Усиленный наряд, оснащенный биологическими искателями, найдет его через несколько часов, и все равно ему не избежать встречи с офицером, руководившим этой специально для него разработанной операцией. Больше он не сомневался в том, что о его посещении Лидянского корабля знают. Наивно было полагать, что Стивенс — их единственный источник информации. Наверняка они задействовали самые совершенные технические средства наблюдения.

Но раз так, если они знают о том, что он побывал внутри сфероида, то представляет для них особую ценность, следовательно, у него будет время для того, чтобы выработать какой-то план. Собственно, именно эта последняя мысль и заставила его позволить защелкнуть на себе наручники.

Олег удивился не скорости, с которой была проделана эта операция, а тому, что вместе с ним был арестован и Стивенс.

Скорее всего они все еще надеялись поймать его на старинном трюке с подсадной уткой. А из этого следовало, что по крайней мере в ближайшее время психологический зондаж ему не грозил.

Превратившись в идиота после этой операции, он потеряет для них всякую ценность, но прежде чем приступить к ней, они захотят убедиться в том, что полученная внутри сфероида информация стоит его жизни. Ведь цена ее, с их точки зрения, также непомерно высока — установление контроля над планетой Остран.

Выходит, время у него еще было — а значит, оставалась и надежда...

Глава 10

— Я почему-то сразу же подумал, что для тебя у них не найдется отдельной комнаты, — не скрывая иронии, произнес Олег, как только остался наедине со Стивенсом в камере гарнизонной гауптвахты.

— Радуйся тому, что этот номер лучший. Вся подслушивающая аппаратура фирменная.

— И почему ты мне об этом сообщаяешь?

— А мне поручена роль откровенного парня, вот я и стараюсь во всю для начальства.

Олег давно уже понял, что Стивенс ведет тонкую двойную игру, и лишь в одном не смог до конца разобраться, насколько он искренен в своей враждебности к армейскому начальству. После истории с Илен Олег запретил себе проникать в чужие мысли раз и навсегда.

— Ну и как ты думаешь, что нас ждет дальше?

— Ничего хорошего, Олег, ничего хорошего... Как только они поймут, что ошиблись на мой счет, они возьмутся за тебя всерьез. Скорее всего за нас обоих.

— Ты говоришь так, словно они нас не слышат.

— А мне плевать. Какое-то время они будут думать, что я добросовестно выполняю их указания насчет «честного парня», а когда поймут... Остальное лишь вопрос времени.

— Думаешь, они применят психологическое зондирование?

— Не сомневаюсь и даже удивлен, почему они этого до сих пор не сделали.

У Олега были по этому поводу свои собственные соображения, но он не собирался ими делиться со скрытыми в стенах электронными ушами.

В конце концов, разговор под надзором невидимых соглядатаев угас сам собой, и чтобы не показать тюремщикам своего угнетенного состояния, Олег демонстративно растянулся на пластиковых нарах.

Он прислушался ментальным слухом к окружающему, пытаясь отыскать хотя бы намек на тот могучий фон излучений, который сопутствовал работе Лидянского корабля (или все-таки некоего искусственно созданного разумного существа?), но ничего не услышал. Он даже попробовал его вызвать, стараясь передать в своем ментальном послании некий вопросительный знак, недоумение и надежду.

Но никто ему не ответил. Если в стенах камеры, куда их поместили, много заземленного железа, то он не сможет связаться с Лидянцем... Он попытался составить план дальнейших действий, найти какой-то выход, но ничего не приходило на ум.

Неожиданно для самого себя Олег задремал и проснулся от нестерпимо яркой картины звездного неба.

Даже после того, как он открыл глаза, перед его мысленным взором все еще стояла эта удивительно четкая картина знакомых созвездий, окружавших Аркур планету, на которой

располагалась учебная база.

Сейчас среди звезд быстро, слишком быстро для искусственных объектов, двигались непонятные светлые пятнышки. Почти сразу же Олег догадался: ему передана картина того, что в настоящее время фиксируют радары базы.

Атака на учебную базу началась в семнадцать сорок по местному времени. Флот Рутян разгромил земную эскадру, патрулировавшую сектор Острана и пытавшуюся преградить ему путь в центральные районы Земной Федерации.

Озлобленные многочисленными потерями в этой битве, сорок рутянских крейсеров и двенадцать кораблей поддержки, двигаясь по направлению к Ланке, уничтожали на своем пути все живое.

За всю историю войны с Рутянами прорыв такого масштаба произошел впервые, и последствием его могла стать гибель всей Земной Федерации.

Два оставшихся у Землян флота находились в это время в районе созвездия Лебедя.

Никто не предвидел массовой атаки Рутян. Считалось, что Остран надежно прикрыт и прорвать заслоны в районе этой планеты невозможно.

Как всегда, информация Рутян обо всех передвижениях земных космических сил оказалась абсолютно достоверной. Все их атаки на земные корабли начинались из одного и того же района Острана. Схватки с федеральными патрулями, барражировавшими вокруг этой планеты, часто заканчивались мелкими прорывами, которые затем ликвидировали вторая и третья линии обороны.

Такого разгрома, как в этот раз, земной флот еще не испытывал.

Прорвавшиеся космические крейсера Рутян уничтожили все резервы земного флота, и теперь на их пути к столице Федерации не было никаких преград.

Их задерживало, пожалуй, лишь излишнее чувство мести. Они выжигали на своем пути все базы, колонии и даже наблюдательные спутники Землян.

Со стратегической точки зрения учебная база на Аркуре не имела никакого значения. Тем не менее флот Рутян обрушил на нее всю свою колоссальную мощь.

Первыми вспыхнули в лучах лазерных пушек короткими ослепительными звездами наблюдательные спутники и пересадочные станции.

Затем, покончив с тремя старыми, списанными военными кораблями, использовавшимися в учебных целях, Рутяне произвели по куполу древней космической базы один-единственный ракетный выстрел.

Телеуправляемая ракета, оснащенная нейтронной бомбой, понеслась к поверхности Аркура. До полного уничтожения всего живого внизу оставались считанные минуты.

Однако случилось нечто невероятное. Едва ракета, войдя в плотные слои облачности, исчезла с радаров Рутян, ее управляющие механизмы перестали подчиняться командам заложенной в нее программы и корректирующим импульсам компьютера флагманского крейсера.

Ракета отклонилась от курса и, вместо прямого попадания в базу, врезалась в поверхность планеты на два километра южнее расчетной точки Рутяне, по-видимому, даже не обратили на это внимания. И в двух километрах от эпицентра нейтронный взрыв не оставляет ничего живого...

— Твой мозг соображает слишком медленно! Мне пришлось сжечь экранирующую сеть на комнате, в которой тебя закрыли. На это тоже понадобилось время. Теперь у тебя осталось не больше десяти минут для того, чтобы найти и надеть защитный скафандр.

— Интересно, каким образом я смогу это сделать?! Нас посадили в закрытую металлическую камеру с очень надежными засовами! — прокричал Олег, вскакивая с нар.

— Через десять минут станцию накроет ударная волна нейтронного взрыва. От того, сумеешь ли ты найти скафандр, зависит твоя жизнь, да и не только это...

— Я не знаю, где находятся эти чертовы скафандры! — Олег чувствовал, как им овладевает настоящая паника. Он полностью утратил контроль над происходящим и хотел лишь одного, забиться в какой-нибудь безопасный уголок, где его оставят в покое. Но такого

уголка, к сожалению, не было.

— Я знаю, где находятся скафандры для наружных выходов, если бы не дверь.

Он совсем забыл о Стивенсе и, похоже, разговаривал вслух со своим невидимым собеседником. Стивенса это почему-то нисколько не удивило.

Дверь после его слов начала как-то странно розоветь. На ней пузырилась и лопалась краска, и как только сгорели микросхемы электронных запоров, повинувшись невидимой силе, она распахнулась. У них не было времени обсуждать свое необычное освобождение, настала пора стремительных действий.

В коридоре, затянутом низким слоистым дымом от сгоревшей двери, никого не было. Сигнализация вместе со всей следящей аппаратурой была выведена из строя, да и некому было за ними следить.

Сигналы боевой тревоги звенели по всей станции уже несколько минут. Люди бросились к своим боевым послам согласно тревожному расписанию.

Но мало кому это помогло. Упреждающий сигнал о подходе вражеского флота успела передать лишь ближайшая к Аркуру станция. До нейтронного ракетного удара оставались считанные минуты.

Тем не менее база дала по противнику один-единственный ответный ракетный залп.

Залп этот не имел для Рутян никаких серьезных последствий. Антиракетные комплексы вражеских крейсеров сработали безупречно. Через минуту после того как последняя ракета, запущенная с Аркура, была уничтожена, на его поверхности уже бушевал огненный смерч, сметающий все на своем пути.

В момент удара взрывной волны, когда верхняя часть купола, сорванная раскаленным ураганом, неожиданно исчезла, Олег все еще пытался справиться с магнитными застезками скафандра, и прежде чем ему это удалось, он успел глотнуть ядовитой атмосферы Аркура. Обычному человеку хватило бы глотка такого воздуха, чтобы отправиться к праотцам, но Олег выдержал и минут через пять, когда вокруг уже бушевало море пожара, вновь обрел способность двигаться и видеть окружающее.

Только тогда он понял, кто помог ему в последний момент справиться с застезками.

В этом огненном аду Стивенс не оставил его одного, не бросил на произвол судьбы... И Олег почувствовал, как в нем вновь просыпается надежда — вдвоем у них появился реальный шанс. Нет, не выбраться на поверхность. Над головами у них зияла раскаленная воронка, оставшаяся от верхних горизонтов станции, и подняться по ее оплавленной поверхности попросту невозможно. Но пол под ними выдержал удар и, судя по всему, зона «Д» не слишком пострадала. Если им удастся добраться до корабля Лидян...

Он даже не пытался думать, что делать потом. В этом кромешном огненном аду у него появился по крайней мере стимул к действию. Какая-то реальная, вполне достижимая цель.

Они медленно продвигались среди сгоревших обломков к тому месту, где совсем недавно располагалась лифтная шахта. Вокруг не было никого. Несколько минут назад начали плавиться внутренние пластмассовые переборки станции.

Оба включили все системы автономной защиты. Скафандры типа С-3 хоть и были довольно громоздки, зато в случае необходимости могли защитить человека не только от космического вакуума, но и от высоких температур.

Олег понимал, что им долго не продержаться. Аккумуляторы скафандра оказались заряжены менее чем на четверть, и обнаружили они со Стивенсом это слишком поздно. Температура вокруг продолжала стремительно повышаться.

Им еще повезло, что взрывная волна отбросила купол станции в сторону и сверху на них не рухнули его обломки.

На месте шахтного колодца бывшего лифта осталась лишь оплавленная квадратная дыра, сквозь которую они ничего не сумели рассмотреть, все нижние помещения заполнил густой дым пожаров.

Оставался единственный путь к спасению — пробиться на аварийные лестницы, ведущие в подземные этажи станции.

Вокруг не работал ни один механизм и не осталось ничего живого. Олег увидел, как начали обугливаться и корчиться от жара лежавшие на полу тела мертвецов.

Через пятнадцать минут кончится заряд аккумуляторов, питающих защитные системы скафандров, и они разделят судьбу остального персонала станции.

Им никак не удавалось пробраться к тому месту, где начиналась аварийная лестница. Вокруг образовалось слишком много завалов. Стены из титанового пластика при такой температуре лопались, выбрасывая из своих недр языки темного пламени.

Выдерживали пока лишь остатки наружных стен купола. Добравшись до одной из этих стен, оба, не сговариваясь, двинулись вдоль нее. Кроме этой стены у них не осталось других надежных ориентиров. Где-то рядом находились шахтные стволы грузовых лифтов и идущие вокруг них аварийные лестницы, но они их не видели.

Уже довольно долго они двигались вдоль наружной овальной стены, и Олег подумал, что круг давно завершен и они идут здесь по второму разу.

Окружавшие их предметы в пламени пожара все время менялись, любые ориентиры выглядели ненадежными... И тут Олег вспомнил о черных тяжах, идущих к кораблю из разных направлений. Они должны были проходить к наружной стене выше того горизонта, на котором они сейчас находились. Он остановился и, задрав голову, попытался рассмотреть что-нибудь в клубящемся черном дыму над своей головой. Но ничего не увидел.

Энергии в их скафандрах почти не осталось, когда Стивенс наконец обнаружил место, которое они искали. Вместо лифтовой шахты перед ними зиял захватывающий дух провал, уходящий в темную глубину.

От лестниц кое-где сохранились лишь беспомощно свисавшие вниз металлические перила. Стрелка индикатора энергии приближалась к красной черте. Времени искать новую лестницу у них уже не осталось.

— Скафандры серии С-3 оборудованы ракетным ранцем, способным в случае отказа парашютной системы обеспечить плавную посадку на поверхность планеты. Здесь достаточно большая дыра. Давай попробуем спуститься на ракетной тяге. Все равно больше мы ничего не успеем.

Голос Стивенса в наушниках рации звучал неестественно. Только сейчас Олег понял, что не прекращающийся у него в ушах свист был дыханием Стивенса.

— Думаешь, в наших ранцах есть ракеты?

— По уставу аварийный комплект всегда должен быть на месте, сейчас проверю... Ракеты есть, но эти скафандры предназначались только для выхода на поверхность Аркура, так что ракеты могут и не сработать.

— Нам придется это проверять на себе, и прямо сейчас. Батарей осталось на пару минут.

Вокруг бушевало все усиливающееся пламя пожара. Рванув стартовую рукоятку тормозных ракет, Олег, не раздумывая, бросился вниз, в черную пропасть провала. Он знал, что если ракеты не включатся, то ему придется лететь в своем шестидесяти килограммовом скафандре несколько сотен метров, и после такого удара от него не останется даже мокрого места.

В наружных микрофонах засвистел ветер, но почти сразу же его перекрыл грохот запалов тормозных ракет. Рывок оказался таким сильным, что на какую-то долю мгновения Олег потерял сознание. Его швырнуло вверх и в сторону. Управлять ракетами он оказался не в состоянии, и через минуту вторично потерял сознание от удара о стену шахты.

Однако тормозные ракеты все же сделали свое дело, а пожар на нижний горизонт не проник.

Во рту Олег чувствовал отвратительный солоноватый привкус. Перед глазами плавали зеленоватые круги, он двигался медленно, словно во сне, и трудно было сказать, был ли тому причиной удар или гнев и горечь, душившие его с того самого момента, как он увидел тела людей, превращенные в угли адским атомным пламенем.

Олег не любил этот мир, у него здесь не было друзей, если не считать Стивенса, но он

не мог смириться с тем, что некто, чье лицо он не мог себе даже представить, лишал людей жизни, сжигая, как спички. Те, кто это сделал, должны заплатить за свое злодеяние.

Лишь сейчас он сообразил, что Стивенса нет рядом с ним. Он включил прожектор скафандра и осмотрел внимательно груды обломков, оставшуюся от рухнувшей сверху аварийной лестницы. Стивенса там не было. Ракетные двигатели не могли отнести его слишком далеко от того места, где приземлился сам Олег. Оставалось предположить, что по какой-то причине Стивенс отказался от прыжка. Но почему? Это ведь была его идея...

Установить истину не было ни малейшего шанса. Возможно, энергия в скафандре его товарища кончилась раньше, чем тот успел прыгнуть...

И, стиснув зубы, преодолевая боль, Олег сделал единственное, что еще мог сделать, медленно побрел к центру купола — туда, где должен был находиться Лидянский корабль.

Он шел довольно долго, потеряв реальное представление о времени. Ему казалось, что он идет уже несколько часов и наверняка спутал направление. Небольшое пятно света от нашемного фонаря плохо помогало ориентироваться в окружающей обстановке. Батареи давно должны были сесть, но все еще почему-то работали.

В конце концов он догадался погасить фонарь и лишь тогда заметил впереди голубоватое свечение, ореолом окружавшее Лидянский корабль.

Глава 11

Олег стоял напротив Лидянского корабля, недоуменно оглядываясь, словно не мог вспомнить, для чего он здесь оказался. Кроме него, вокруг не было ни одного живого человека. Те немногие счастливчики из охраны, которые уцелели после первого огненного удара, разрушившего купол базы, и, пытаясь спастись от огня, сумели сюда добраться, теперь, скорчившись, лежали на полу, удушенные ядовитой атмосферой планеты, свободно вливавшейся в разбитое яйцо купола. Наверно, та же судьба постигла и Стивенса.

Олег впервые за все то время, которое провел в разведшколе, ощутил свою принадлежность к этим мертвым людям. Возможно, оттого, что он единственный из всех сохранил жизнь. Мысль о том, что он отомстит за них, если когда-нибудь ему представится такая возможность, на какое-то время помогла ему справиться с отчаянием и с равнодушием к собственной судьбе.

Он шел еще довольно долго, ориентируясь на слабо светящуюся массу корабля, пока не уперся в аспидно-черную, наглухо замкнутую поверхность центрального трубопровода.

Он привалился к ней плечом, ожидая, когда раздвинутся створки, но ничего не произошло. Лишь теперь он вспомнил, что уже давно, еще до прыжка вниз, он вновь перестал ощущать ментальное поле, излучаемое кораблем в то время, когда работали его механизмы.

Во время первого своего визита внутрь корабля он так и не успел спросить, из-за чего происходят эти перебои, и вот теперь его окружало полное немое молчание.

С этим он ничего не мог поделать. Он медленно опустился на пол, сел, привалившись спиной к трубе, и взглянул на индикатор батарей. Цифры в его окошке изменились всего на несколько десятых долей, хотя теперь это ровно ничего не означало. Стрелки индикаторов давно перешли красную черту и показывали вчерашний день. В огненном аду, наверху, несмотря на защиту, все приборы вышли из строя.

Однако воздух исправно регенерировался, и это все, что сейчас имело значение. На нижнем уровне температура намного ниже — тепловая волна не прошла сквозь перекрытие, и — значит энергия батарей на эмуляцию защитного поля почти не расходовалась. Ему предстояло жить еще несколько долгих часов.

Он подумал, не стоит ли снять шлем, чтобы сократить эти мучительные часы ожидания. Нет ничего хуже, чем знать время собственной смерти, но тут же отбросил эту мысль. Он обязан бороться до конца, хотя бы ради тех, кто погиб. У него больше возможностей и больше шансов выжить, и он использует их все, до последнего. Почти сразу

вслед за этой мыслью в его голове прозвучал знакомый голос:

— Итак, ты вернулся... — Сразу же на Олега обрушился удар ментального поля. Механизмы корабля вновь заработали...

— Объясни, как ты здесь оказался, секунду назад я оставил тебя возле камеры, и вот ты уже здесь...

Выходит, мозг, управлявший кораблем, ничего не знал о собственных остановках. Они воспринимаются им, как провалы во времени, и даже не вызывают удивления.

— Разве у тебя нет внутренних часов?

— Они показывают, что с момента нашего последнего разговора прошло не более минуты.

— Значит, твои часы останавливаются вместе со всем остальным...

— Подожди, ты хочешь сказать... Да, очевидно, мои функциональные возможности расстроились. Странно, что я не почувствовал этого раньше.

— Ты и не мог почувствовать. Твое время останавливалось вместе с тобой и включалось лишь тогда, когда ты просыпался.

— Недаром мне казалось, что последнее время мир стал состоять из фрагментов. Логика отдельных событий все время прерывалась, но лишь сейчас я понял причину этого. Значит, времени у меня остается совсем немного.

На нижнем рукаве появилось знакомое отверстие входа.

— Заходи. Наши проблемы лучше обсуждать внутри. Это сохранит энергию в твоём скафандре.

Секунду Олег колебался, подумав о том, что с ним случится, если отключение механизмов корабля произойдет, когда он будет внутри.

— Не беспокойся об этом, я обеспечу тебя механическими средствами для выхода наружу, не зависящими от моих управляющих центров.

Стены трубы раздвинулись, и он вошел внутрь. Олегу показалось, что свечение зеленоватой жидкости в кабине на этот раз было значительно слабее.

— Что, если я не буду снимать скафандра? Мне трудно привыкать к новой среде, которой ты меня окружаешь.

— Как хочешь, Олег. Хотя причина в другом. Ты стал намного осторожнее, чем в прошлый раз. Но это не имеет значения.

— У тебя есть способ выбраться наружу из этой огненной ямы? Мне кажется, перекрытие долго не выдержит. Наверху слишком высокая температура, да и радиация все время повышается.

— Хотя большинство моих наружных датчиков выведено из строя, я все еще получаю достаточно информации для того, чтобы определить точное время, когда рухнет последнее перекрытие.

Олег почувствовал раздражение от спокойной и отстраненной манеры выражаться своего невидимого собеседника. Он говорил так, словно происходящее его вообще не касалось. Возможно, так оно и было. Возможно, с ним говорит механический разум, не способный ни к каким эмоциям — посторонний наблюдатель собственной гибели.

— Ты можешь установить, что случилось с моим... — Он чуть не сказал «с моим другом», но почему-то остановился и поправился: — С человеком, который меня сопровождал во время побега.

— Я уже не контролирую большую часть территории станции. Там, где датчики еще сохранились, давно нет ничего живого.

— Так мы сможем отсюда выбраться?

— Только с твоей помощью. Я тебе уже говорил, меня сконструировали таким образом, что самостоятельно, без слияния с мозгом пилота я не могу сдвинуть с места этот корабль.

— В таком случае мы сдвинем его вместе. Что я должен делать?

— Не торопись. Я хочу, чтобы ты знал все, прежде чем примешь окончательное решение. Я должен тебя предупредить, что управление моими системами потребует от тебя

гораздо большего, чем простой контакт, который был у нас до сих пор. Ты будешь видеть моими локаторами. Ощущать окружающее пространство моими сенсорами. Любые неполадки в моих системах, любые повреждения будут тобой восприниматься, как сильные болевые импульсы. Если ты с этим не справишься, если в результате наступит шок твоего сознания, управление будет потеряно. Возможно, в самый ответственный момент...

Ты ведь, конечно, понимаешь, что как только мы поднимемся над поверхностью Аркура, нам придется принять бой. Рутянские корабли все еще здесь, и их локаторы засекут нас в течение нескольких минут.

— У тебя есть необходимые системы защиты?

— И оружие тоже. Дело за тобой, за твоим решением. Моим создателям не были свойственны обычные человеческие слабости, они одним волевым импульсом умели подавлять любую боль. Тебе будет гораздо труднее... Но это еще не все. Последствия такого полного слияния наших мозговых структур обязательно скажутся на твоей психике, может быть, не сразу, но скажутся.

Я не могу предсказать, что из этого выйдет. Возможно, твой рассудок не выдержит чудовищной нагрузки. Совсем не просто быть кораблем во время боя. Каждый мой узел, каждый механизм ты будешь ощущать так, словно это твои собственные пальцы, твои собственные органы... И если учесть непредсказуемые изменения в твоей психике, то все вместе это весьма смахивает на того джинна, о котором ты мне рассказывал.

Подумай хорошенько, прежде чем решишься на такой шаг. Ты еще мало знаешь об этой войне, ты даже не знаешь толком, какая из воюющих сторон отстаивает свою независимость. Стоит ли рисковать собственной жизнью и рассудком ради мести? Может быть, нужно подождать, пока здесь появятся спасатели? Я мог бы обеспечить тебя всем необходимым на долгие годы... Даже когда перекрытие рухнет, его обломки не смогут проломить мои защитные поля.

— Если флот Рутян достигнет Земли, спасатели могут не появиться вообще, а я превращусь в узника, влачащего жалкое существование внутри каменного мешка. Возможно, для тебя такая жизнь привычна, но человеческая психика устроена иначе. Что же касается твоего вопроса о том, кто прав и кто виноват в этой войне, я не хочу в этом разбираться. Я вообще ничего не хочу знать об этой войне! Я хочу, чтобы она прекратилась. Ведь мы не собираемся нападать на их планеты, не собираемся уничтожить мирное население, мы лишь попытаемся остановить или хотя бы ослабить их флот, вырвать у них зубы. Можешь ты мне дать информацию об окружающей обстановке?

— Конечно. Большинство моих наблюдательных систем внутри базы выведены из строя, но планетарные спутники функционируют вполне исправно.

Аркур атаквали сорок Рутянских крейсеров тяжелого класса. Сейчас они закончили атаку, убедились в том, что цель поражена, и готовятся следовать дальше. Судя по курсам, на которые они ложатся, их следующая цель — твоя родная планета. На десятки парсеков вокруг нет ни одного военного корабля. Перехватить рутянскую эскадру никто не сможет.

— Мы слишком много времени теряем на бесполезные разговоры. Не пора ли что-нибудь предпринять?

— Не спеши, Олег. На разгон у них уйдет не меньше месяца. Несколько лишних минут не имеют значения. — Голос звучал все тише, издали, словно с ним разговаривал бесконечно усталый и бесконечно мудрый человек. Еще не войдя с тобой в полный контакт, я знал о тебе больше, чем ты сам. Твое подсознание открыто для меня. Я знаю, например, что ты считаешь себя отщепенцем, изгоем в человеческом обществе и тем не менее готов рискнуть ради него, пожертвовать своим самым дорогим достоянием — рассудком. Подумай и о моей миссии... Хотя ты не в состоянии оценить ее подлинного значения — просто потому, что твоя жизнь слишком коротка для вселенских масштабов, все же подумай о ней.

Ведь если я не найду Черной Планеты, не доставлю своего послания, жизнь в этой части космоса скорее всего будет уничтожена или превратится в кошмар, который ты даже представить себе не можешь.

— Хорошо. Давай попробуем еще раз. Объясни мне, как может какое-то послание изменить судьбу целой галактики?

— Это не простое послание. Я должен был передать информационный кристалл, в котором заключены знания, накопленные моей цивилизацией за многие миллионы лет.

— Передать кому?

— Многие ваши философы догадались о том, что материя разумна. Всякая материя, в том числе и та, которая считается мертвой. Каждая планета в той или иной степени обладает собственным разумом.

— Выходит, стихийные бедствия тоже направляются разумом?

— Конечно. Чаще всего это лишь ответ на не слишком разумные действия обитателей данной планеты, а иногда просто проявление функций гигантского планетарного организма. Он существует в ином временном измерении, и потому его действия часто остаются для вас непонятны.

Подумай, легко ли понять муравью действия человека, разворошившего его муравейник просто так, из озорства, или удовлетворяя свое любопытство? Скорее всего они покажутся ему проявлением слепой стихии.

— Ну хорошо, я могу себе представить разумную планету. В космосе чего только нет. Мы знаем о нем слишком мало

— Это не простая планета, она несет внутри себя зародыш могучего разума, который впоследствии распространится на всю эту часть галактики.

— Хотя многое из того, что ты сказал, кажется мне невероятным, я готов признать, что у тебя есть своя, пусть даже недоступная моему пониманию, но очень важная миссия.

Олег говорил с ним, как с больным ребенком, и неожиданно почувствовал его горькую усмешку. Он не знал, каким образом с помощью ментального поля Лидянцу удастся передавать оттенки своего эмоционального состояния, но тем не менее ему это удавалось.

— Помоги мне остановить этих мерзавцев. Потом ты сможешь улететь, куда захочешь.

— Это невозможно. Без управляющего мозга пилота я не могу двигаться.

— Тогда я улечу с тобой.

— Ты мне это обещаешь?

Олегу не потребовались слова, чтобы подтвердить свое согласие — общение шло на таком уровне, когда обман невозможен.

— Ты действуешь под влиянием настроения, а не трезвого анализа ситуации, но это твое право, и раз ты принял решение... Однако есть еще одно обстоятельство. Во время этого боя мы оба можем погибнуть. За прошедшие тысячелетия мои функции расстроились и многие системы, в том числе и управляющие, работают нестабильно. Я сделаю все возможное, чтобы сохранить тебе жизнь. Если случится так, что после боя ты останешься один, ты должен обещать мне, что все-таки передашь кристалл.

— Конечно, я мог бы сказать тебе «да!». Но как я найду эту чертову планету, если у меня не будет даже корабля?

— Тебе не придется ее искать. Она сама тебя найдет. Судьбы личностей, способных повлиять на развитие событий такого масштаба, в известной степени предопределены. Как только в твоих руках окажется информационный кристалл...

Неожиданно Олег ощутил на ладони сквозь ткань защитной перчатки своего скафандра некий посторонний гладкий и твердый предмет. Несмотря на слабое зеленоватое освещение, он рассмотрел его достаточно ясно. Не такой уж большой кристалл, похожий на необработанный алмаз, около двух сантиметров в длину. И здесь могут помещаться знания целой цивилизации?

— Да. Запись сделана на уровне субатомных частиц, использована их волновая природа. Атом в глубине своей структуры похож на галактику. Его возможности неисчерпаемы, ваша наука коснулась лишь к самому краешку...

Поверив в это, он внезапно почувствовал, какая драгоценность лежит сейчас на его ладони. Кристалл словно потяжелел и теперь давил на его руку непомерным грузом.

Олег хотел оттолкнуть его, отказаться, спросить, почему он, почему именно он? Но вместо всего этого спросил лишь о том, что в настоящий момент показалось ему имеющим наибольшее практическое значение.

— Ты уверен, что не совершаешь ошибки? Кристалл может попасть в чужие руки. Слишком уж похож на драгоценный камень... Может случиться так, что он не долго останется у меня.

— Да, об этом стоит подумать. Что за мешочек носишь ты на своей груди?

— Это такая традиция. Каждый, кто покидает Землю, берет с собой ее крохотную частицу. Почти все, кто работает в дальнем космосе, не расстаются с этими ладанками.

— Мы воспользуемся этим. Меньше всего твои соотечественники склонны замечать привычные вещи. Ты спрячешь кристалл в своей ладанке, и там я превращу его в песок. В таком раздробленном состоянии он не будет представлять никакой ценности и не привлечет к себе внимания. Даже информацию с него невозможно будет считать.

Но когда ты окажешься на Черной Планете, когда наступит время контакта, отдельные частицы кристалла вновь соединятся. Я снабжу его для этого достаточной энергией, и тебе не придется сомневаться в том, действительно ли ты попал в нужное место.

Когда ты окажешься в зоне контакта, кристалл уловит ментальную волну планетарного разума, заключенная в его частицах энергия высвободится, и он вновь станет единым целым. Так ты согласен?

Олег хотел возразить. Он хотел сказать: «Нет, только не я...»

Но короткое слово согласия уже родилось в его сознании. Оно еще не было произнесено, не сорвалось с губ сочетанием определенных звуков, но этого и не требовалось. Достаточно было самой мысли.

Лопнули и свились кольцами поддерживавшие корабль гигантские трубопроводы. Двигатели тонко свистнули, синеватое сияние, окружавшее сфероид, стало стекать с него вниз. Неожиданно Олег почувствовал собственной кожей, как раскаленный воздух струится по наружной обшивке корабля. Ощущение было настолько болезненным, что он едва не закричал, едва сумел совладать с собой, чтобы не потерять контроль над парой огненных столбов, выросших у него вместо ног...

Сферическое тело появилось одновременно на всех сорока радарх рутянских крейсеров. Искусственный летающий объект шел снизу, от горячей поверхности планеты, и потому мгновенно привлек к себе внимание управляющих центров рутянских кораблей.

Хотя форма этого предмета не походила ни на один известный рутянам военный корабль — они не стали раздумывать слишком долго.

Навстречу Лидянскому кораблю понеслись ослепительные вспышки лазерных разрядов — наиболее быстрого и самого эффективного оружия в скоротечном космическом бою. Но поверхность Лидянского корабля способна была выдержать даже чудовищный жар короны сверхновой звезды. Лазерные удары были для нее не опасней булавочных уколов.

Однако боль, которую испытывал Олег с того момента, как взял на себя управление, усилилась настолько, что он уже не мог сдерживать рвущегося из легких крика. Это сейчас не имело никакого значения — главное не потерять контроль над огромным куском космического пространства, раскинувшегося перед ним. Голова кружилась от информационного водопада, обрушившегося на его полностью открытый и не умеющий защищаться мозг. Он видел свод окружающего космоса во всей его огромности. Он видел все сорок вражеских кораблей одновременно. Ему трудно было дистанцироваться от этой общей панорамы, выделить из нее главное, оценить детали — но именно это от него требовалось, поскольку они уже приблизились к первому кораблю на расстояние энергетического удара и ливень огненных стрел, исходящих от него, становился все нестерпимее.

Нужно было протянуть к врагу собственные руки, обожженные атомным огнем, разжать ладони и выпустить из них раскаленный шар антипротонной плазмы.

В конце концов он сделал это, и горизонт вокруг постепенно начал замедлять свое

безостановочное вращение. Рутянский корабль превратился в пар, перестал отвлекать его внимание, но впереди уже вырастала новая цель...

Бой продолжался слишком долго, и нагрузка оказалась непомерной для его психики. Олег медленно, но верно терял контроль над окружающей обстановкой.

Он не знал, сколько вражеских кораблей оставалось невредимыми и в каком состоянии находится его собственный корабль.

Неожиданно мир вокруг него мгновенно изменился. Исчезли десятки раскаленных огненных шаров, летящих к нему со всех сторон, исчезли несущие непереносимую боль шпаги лазерных разрядов, и он очутился внутри наглухо закрытой коробки кабины, на которую один за другим обрушивались чудовищной силы удары.

Произошло то, чего он так опасался. Мозг корабля отключился в самый разгар боя. И теперь он превратился в мишень... «Как мышь в консервной банке», — с горечью подумал Олег, прикидывая, сколько времени у него еще осталось. Теперь он жил только благодаря резервам жизнеобеспечения собственного скафандра. Но прочность наружной оболочки не беспредельна. Рано или поздно в ответ на очередной удар произойдет та самая хорошо знакомая техникам базы реакция аннигиляции и его тело растворится внутри огненного шара плазмы.

Он подумал об этом почти равнодушно. Усталость мозга перешла тот предел, когда человека перестает интересовать даже собственная судьба.

В последний момент перед стартом мозг корабля передал ему что-то важное, что-то касающееся именно этого случая — но на то, чтобы сосредоточиться и вспомнить, у него уже не осталось сил.

Неожиданно нужные слова всплыли в сознании сами собой, он увидел их словно напечатанными большими черными буквами на белом экране: «Не беспокойся об этом, я обеспечу тебя механическими средствами для выхода наружу, не зависимиыми от моих управляющих центров». Он не знал, была ли это попытка передачи умирающего мозга корабля, или эту шутку сыграла с ним собственная память. Он включил нашлемный прожектор и осмотрелся.

Олег находился в овальной полости метров пяти в поперечнике. Он плавал почти в центре нее, погруженный в мутноватую жидкость. Совершенно гладкие стенки этого каменного яйца не несли на себе ничего, хотя бы отдаленно напоминающего механические или электронные устройства. «Ну вот и все. Я сделал последнее, что еще мог сделать», — подумал Олег, выключая прожектор, но в его мозгу вновь вспыхнула надпись: «Нет, не все. Ты должен повернуть стартовую рукоятку катапульты. Она находится прямо над твоей головой. И помни о своем обещании. Камень теперь у тебя».

Ладанка у него под рубашкой стала чуть теплее и мягче. Он не знал, как Лидянцу удалось измельчить кристалл, не повредив при этом ткань скафандра. Но это не имело никакого значения. Он дал обещание и выполнит его, если останется жив...

Олег снова включил прожектор, с трудом повернул свое измученное тело и рванул эту чертову рукоятку, торчавшую из совершенно гладкой стены.

И после этого, прежде чем в брюхе корабля образовалась щель, прежде чем он вывалился наружу в сорока километрах над поверхностью планеты и камнем полетел вниз, прежде чем через положенное число минут включились тормозные ракеты его скафандра, в его мозгу появилась последняя надпись. На этот раз тусклого, едва различимого цвета: «Прощай, друг».

Глава 12

Камера была сырой и холодной. В который раз Олег обвел отсутствующим взглядом отведенные ему десять метров замкнутого пространства. Похоже, это стало дурной традицией. Он кочует из одной камеры в другую. Странно, ему даже не изменило чувство юмора.

Служебное расследование закончилось. Завтра состоится заключительное заседание пентанала — ему будет вынесен приговор как рутянскому шпиону.

Марсианские рудники, от пяти до десяти лет. Срок не имеет значения. Это простая формальность, в судебном приговоре наверняка будет параграф о полном сканировании мозга. Так всегда поступали со всеми рутянскими шпионами. Правда, Олег теперь не был уверен в том, был ли среди них хоть один настоящий. Командованию необходима информация, хранящаяся в его мозгу, и оно готово получить ее любой ценой.

Их не удовлетворили его ответы. Они не поверили ни одному его слову, и правильно сделали. Он все равно не сказал ничего существенного.

Из-под подушки выползло отвратительное скользкое насекомое и уставилось на него, шевеля усиками, словно приняхиваясь.

«Мокрица! Наверняка здесь водится гадость и почище этой».

Он проводил ее равнодушным взглядом, но неожиданно пришедшая в голову мысль заставила его содрогнуться. У насекомых короткая жизнь, но у этого она, возможно, окажется длиннее его собственной.

Олег не испытывал ни горечи, ни отчаяния. Тупое равнодушие охватило его. Чудовищная несправедливость происшедшего все еще не укладывалась у него в голове. Из сорока рутянских кораблей всего два дошли до Земли и были уничтожены сторожевыми спутниками и ракетами «земля — воздух». Скорее всего и эти два крейсера были серьезно повреждены, иначе бы они не попали в зоны обстрела.

Но о том, что произошло в небе Аркура, Олег не сказал ни слова. Да и кто бы ему поверил? Лидянский корабль исчез. Они не нашли даже его обломков, и в этом тоже обвинили Олега — не в том, что корабль исчез, а в том, что Олег утаивает от командования важную информацию. Ведь он остался последним человеком на Аркурианской базе, последним и единственным очевидцем событий, объяснить которые никто не мог.

В сложившейся ситуации любое объяснение звучало неправдоподобно.

На месте следователей он бы тоже заподозрил неладное в самом этом факте: один-единственный человек остается в живых на базе, подвергнутой нейтронной бомбардировке...

А флот Рутян растворился в небе Аркура. Нечто похожее случалось и раньше. Никто не знал, откуда берутся Рутянские корабли и куда они исчезают...

Расскажи он о последнем бое — один человек против целого флота — над ним бы даже смеяться не стали. Отправили бы на психиатрическое освидетельствование, а затем в любом случае провели бы сканирование мозга. После чего его рассказу пришлось бы поверить. Возможно, его бы даже сделали национальным героем — посмертно. Кому нужен живой герой с выжженным мозгом, не способный самостоятельно поднести ко рту даже ложку супа?..

Но самое главное — после этого они получили бы доступ ко всей информации, скрытой в его подсознании, не доступной пока что ему самому...

Что там отложилось в темных уголках его памяти во время непосредственного контакта с управляющим мозгом Лидянского корабля? Координаты планеты, которой адресовано послание? Они не имеют особого значения. Значение имеет информационный кристалл, но его они не получают в любом случае, даже если проведут сканирование.

Он вновь, который уж раз, ощупал висящий под рубашкой гладкий кожаный мешочек... Сержант, проводивший обыск, даже не взглянул на него, у каждого внеземлянина есть подобная ладанка. Чистый песок Сахары... О том, что это не так, они не узнают. Об этом он позаботится. Хотя Лидянец и говорил, что в раздробленном состоянии кристалл невозможно прочитать, Олег не собирался рисковать. Даже часть информации из него, попади она в недобрые руки, могла принести огромный вред.

Он не знал, хватит ли у него силы воли остановить работу собственного сердца, но надеялся, что хватит, во всяком случае, он не сомневался, что сумеет это сделать в случае крайней необходимости. «Вы ведь имеете дело с баком, господа, с паршивым недоношенным

баком...» — прошептал он едва слышно.

Приговор был вынесен спустя две недели, и в нем не оказалось ничего неожиданного.

До полного сканирования мозга Олегу оставалось ровно десять дней. Обычно этот срок бывает больше, но, видимо, в его случае власти слишком уж торопились получить ценную информацию.

Сразу после вынесения приговора его перевели в военную тюрьму на Ганимеде.

Здесь было все необходимое для того, чтобы быстро и без шума избавляться от неугодных личностей, и не было ничего лишнего.

Самое же ценное для властей состояло в том, что побег из Ганимедской тюрьмы практически исключался. Этот спутник Юпитера, покрытый ледяным панцирем, имел слишком разряженную, не пригодную для дыхания атмосферу. Небольшое помещение тюрьмы, накрытое герметическим куполом, было полностью отрезано от внешнего мира.

Сюда отправляли тех, кто уже никогда не возвращался обратно. Смертная казнь отменена сотни лет назад, и право на жизнь каждому гражданину Федерации гарантировалось всенародно одобренной конституцией.

Но ведь эвтаназия — это не казнь, это всего лишь медицинская процедура. Гуманная процедура для общественно опасных личностей, для отбросов общества, не умеющих пользоваться собственным мозгом. Таких людей следовало избавлять от лишнего органа, и на Ганимеде с этим успешно справлялись.

А так как государственно опасные преступники, подобные Олегу, появлялись здесь не так уж часто, местная администрация позаботилась о том, чтобы свои последние дни они проводили в достаточно комфортной обстановке.

Одиночная камера была оборудована кондиционером, телейным экраном, передающим сводки новостей и развлекательные программы. Здесь были даже отдельный душ, туалет и неплохое питание.

Жаль, конечно, что всеми этими благами приходилось пользоваться не слишком долго, но с этим ничего не поделаешь, каждый лишний день пребывания на Ганимеде людей, приговоренных к выжиганию мозга, обходился администрации недешево.

Горячая пища подавалась в камеру по специальному трубопроводу в герметически запаиваемой капсуле три раза в день, и всякое общение с тюремным персоналом запрещалось.

Впрочем, в первый же день пребывания Олега в Ганимедской тюрьме это правило неожиданно нарушили.

На экране его телевизора появилось хмурое лицо начальника тюрьмы полковника Ковалева, печально известного тем, что он всегда лично присутствовал при всех сканированиях мозга, хотя правила его к этому не обязывали.

Его можно было понять, жизнь в маленьком изолированном от остального мира гарнизоне достаточно однообразна. Ковалев коллекционировал видеозаписи с чужими воспоминаниями, особенно те, которые были связаны с женщинами. Во время сканирования девяносто процентов материала шло через видеоряд...

Одна мысль о том, что эти тусклые невыразительные глаза могут присутствовать при всех его встречах с Илен, заставила Олега побледнеть от гнева. Ну уж нет, он покончит со всем этим прежде, чем они до него доберутся.

Секунду Ковалев молчал, с интересом и даже некоторым сочувствием разглядывая нового заключенного. Он уже привык оценивать свои будущие жертвы как коробку со скрытыми пока видеокристаллами.

— По закону перед приведением приговора в исполнение вам разрешено одно двухчасовое свидание. Вы можете известить выбранное вами лицо по космосвязи, и если оно изъявит согласие прибыть на Ганимед, то свидание будет разрешено. Разумеется, оплатить дорогу и связанные с нею расходы придется вам самим.

— Не думаю, чтобы такое лицо нашлось. Мой счет с остатками стипендии конфискован, да и сумма была смехотворная... Вы ведь наверняка назначили такие цены на билет, которые исключают самую возможность подобных свиданий.

— Вы ошибаетесь. Мы получили уже две заявки на свидание с вами от людей, согласных взять на себя все расходы. Собственно, поэтому я вас и беспокою. Вам придется выбрать, кого именно вы хотите видеть. Цена визита на Ганимед действительно значительная. Нам приходится изыскивать дополнительные средства на содержание нашего учреждения. Правительственных субсидий на это не хватает.

От волнения у Олега так сильно сжало горло, что какое-то время он не мог выдать из себя ни слова в ответ. Ковалев терпеливо ждал, с интересом наблюдая за его реакцией, словно Олег был всего лишь коллекционным насекомым, уже наколотым на булавку, но все еще дрыгающим лапками.

Вихрь мыслей пронесся в голове Олега. У него не было богатых друзей. У него вообще не было друзей. Лишь один-единственный человек из всех, кого он знал, мог бы решиться на подобное путешествие, но Олег сделал все от него зависящее, чтобы навсегда потерять этого человека...

— Так кто же эти люди? — наконец удалось ему выдать из себя нужный вопрос.

— Илен Ликранова и Дэн Стивенс.

— Но Стивенс мертв!

— Однако от него поступила заявка.

— Но, позвольте, если он жив, значит, есть свидетель того, что произошло на Аркуре! Во время судебного разбирательства об этом не было сказано ни слова!

— Этот вопрос не в моей компетенции. Возможно, этот человек объявился уже после судебного разбирательства или не пожелал в нем участвовать. В любом случае решения пентанала окончательны и пересмотру не подлежат.

— Я должен подумать.

— Хорошо. Я свяжусь с вами через час. Дорога до Ганимеда занимает почти трое суток, и ни при каких обстоятельствах срок сканирования не может быть отодвинут. Так что поторопитесь.

Лицо Ковалева исчезло с экрана.

Какое-то время Олег сидел, совершенно оглушенный этой новостью. Стивенс жив... Но если он жив, почему не объявился раньше и не дал показаний в суде, если по каким-то причинам он не посчитал нужным это сделать, то для чего ему понадобилась их встреча?

И вообще, почему Стивенс не здесь, не в тюрьме? Он был вместе с ним на Аркуре, он знал о происшедших там событиях столько же, сколько и сам Олег. «Почти столько же...» — поправил он себя. Дэн не был внутри корабля, но в любом случае разгром Рутянского флота в небе над Аркуром он не мог не видеть...

Концы с концами не сходились... А Илен? Она могла захотеть его увидеть. Даже после всего, что произошло между ними, впрочем, может быть, именно поэтому женщины странные существа...

Но она ведь не просто женщина — она сотрудник разведки, и не только разведки... И такой визит без согласия начальства для нее попросту невозможен.

Скорее всего какие-то могущественные силы решили побороться за его жизнь. Что, если это Костистый? Ведь он не может действовать по официальным каналам, и тогда Илен должна передать какую-то важную информацию...

Но и Дэн вряд ли предпримет такое путешествие ради того, чтобы просто повидать старого друга... Не такие уж они друзья, к тому же Дэн тоже штатный сотрудник разведки...

Впервые с момента вынесения приговора в нем проснулась надежда и, взломав коросту обреченности и полного равнодушия к будущему, заставила думать, отчаянно искать выхода, бороться, бороться за жизнь, отбросив всякие этические нормы, используя все свои возможности...

У тех, кто посадил его в эту клетку, этических норм не было вообще, и это развязывало ему руки...

Он попытался дотянуться своими ментальными щупальцами до знакомого разума, все равно какого, лишь бы аура была ему знакома, но поблизости не оказалось никого. И

впервые он понял, что его возможности ограничены расстоянием. Во всяком случае, за пределами Ганимеда он ничего не чувствовал. На Аркуре это было не так — там на него обрушивался целый водопад чужих полей, образов, мыслей. Чтобы не оглохнуть, ему приходилось применять все свои способности для экранирования мозга. На Ганимеде он не слышал никого, кроме персонала станции. Но из их мыслей, даже из мыслей самого Ковалева, он не почерпнул ничего существенного.

Он попытался еще раз выйти за пределы станции — но там, в космосе, царила абсолютная тишина. Возможно, в этом виноваты постоянные магнитные бури, характерные для этого района. Как бы там ни было он ничего не слышал. Молчала даже его хваленая интуиция.

Прекрасно понимая, что от сделанного выбора будет зависеть все, он в конце концов отбросил все мудрые рассуждения и сделал то, что ему хотелось. Возможно, последний раз в этой жизни...

Нажав кнопку вызова охранника, охрипшим от волнения голосом он произнес в зарешеченный микрофон:

— Передайте начальнику тюрьмы: пусть пошлют вызов для Илен Ликрановой.

Сразу после прибытия земного транспортного корабля с запасами пищевых концентратов и топлива для энергоблоков Ганимедской тюрьмы охрана доставила его единственную пассажирку в кабинет Ковалева. Он лично занимался инструктажем и досмотром всех прибывающих на последнее свидание женщин и строго следил за выполнением этого приказа.

Илен оказалась в апартаментах, мало похожих на кабинет правительственного чиновника. Многие заключенные, у которых не было родственников, способных нанять дорогих адвокатов, изъявляя в завещании свою последнюю волю, оставляли Ковалеву те двадцать пять процентов состояния, которыми по закону могли распоряжаться самостоятельно. Все остальное забирало правительство.

Имея возможность ознакомиться с результатами сканирования чужой памяти, Ковалев не жалел времени на изучение материалов и никогда не ошибался в выборе очередной жертвы, составляя завещания лишь для тех несчастных, интересы которых некому было защитить во внешнем мире.

В массивных керамических вазах на полу его кабинета стояли живые цветы роскошь, невиданная для космических станций. Их доставляли в вакууме из земных оранжерей.

В баре сверкал настоящий хрусталь. Огромный стол, инкрустированный бронзой под старину, был весь заставлен самой современной аппаратурой. Лишь небольшая гладкая кушетка, обтянутая кожей и скромно стоящая в углу, выбивалась из общего стиля комнаты.

Хозяин всего этого великолепия сразу же вежливо поднялся навстречу Илен и, представившись, предложил сесть на стоявший возле стола неудобный стул.

На полковнике был просторный домашний костюм. Заметив ее недоуменный взгляд, он пояснил:

— Мы тут далеко от столицы, и формальную часть устава соблюдаем лишь по мере необходимости. Итак, чем могу быть вам полезен?

Илен удивленно вскинула бровь — ох уж эти чинуши! Он сразу же сумел дать ей понять превосходство своего положения, изобразив, что может и не знать, зачем она проделала столь дальний путь.

— Разве не вы подписывали мне вызов?

— Ах да, конечно, подписывал. — Он выдержал довольно длинную паузу, внимательно рассматривая ее своими холодными невыразительными глазами. И она, несмотря на всю свою выдержку, приобретенную за годы службы в разведке, почувствовала себя неудобно.

Илен прекрасно разбиралась в мужских взглядах и охотно прощала вспыхивавшее в них вожделение, особенно у тех, кто по долгу службы был лишен женского общества. Иногда такие взгляды ей даже нравились.

Но во взгляде полковника она не заметила никакого живого чувства. Он смотрел на

нее, как смотрят на лягушку в зоологическом кабинете, примеряясь, где лучше произвести первый надрез.

— Так могу я получить обещанное свидание? — наконец не выдержала Илен затянувшегося молчания.

— Конечно, можете. Нужно лишь выполнить небольшую формальность.

— Какую еще формальность? — Она почувствовала, как в глубине ее рождается непонятный страх. Ей были знакомы кровавые схватки и напряженные психологические поединки, и она, не без оснований, считала себя мужественным человеком. Но этот чиновник внушал ей самый настоящий страх.

— Перед свиданием по закону полагается пройти личный досмотр. Иногда на такие свидания пытаются пронести самые неподходящие предметы, поэтому эту формальность мы вынуждены соблюдать неуклонно.

— Ну так в чем же дело? Приглашайте вашу досмотрщицу.

— У нас мужская тюрьма, мадам, и, во избежание ненужных инцидентов, мы вынуждены отказаться от услуг женского персонала. Здесь нет ни одной женщины, кроме вас.

Илен почувствовала, как горячая кровь хлынула ей в лицо.

— Вы хотите сказать, что я вынуждена буду раздеться в присутствии мужчин?

— О нет, множественное число здесь совсем не обязательно. Вполне достаточно моего присутствия. И вообще вы слишком волнуетесь.

Полковник дотянулся до бара и поставил перед ней стакан с какой-то светлой жидкостью.

— Вот выпейте это, и вы на все станете смотреть гораздо проще.

— А что будет, если я откажусь?

— Откажетесь выпить?

— Не прикидывайтесь идиотом, полковник! Как вы поступите, если я откажусь от досмотра?

Она уже не считала нужным скрывать свой гнев. В конце концов, вернувшись в столицу, она сумеет доставить этому чинуше весьма серьезные неприятности. Если бы он знал, к каким людям она могла обратиться в случае необходимости за помощью, он бы разговаривал совершенно иначе... Но в том-то и дело, что от этих людей ее сейчас отделяли миллионы километров космического пространства, и даже сама возможность связи с Землей целиком зависела от полковника.

— В таком случае вам придется вернуться обратно следующим рейсом нашего грузовика. В свидании вам будет отказано.

— Мне нужно позвонить по космосвязи.

— Это исключено. У нас закрытый военный объект, и мы не можем предоставлять посторонним наши внутренние линии связи. И учтите, мадам, обратный рейс состоится не скоро. У нас здесь нет гостиницы, и вам придется провести далеко не в комфортабельных условиях почти два месяца. Конечно, при желании я мог бы пойти навстречу и ускорить ваш отъезд, но это уже будет зависеть от вас. Думаю, что в конце концов вы сами попросите меня об этом.

Наш обслуживающий персонал не видит женщин по полгода, и я не могу ручаться за их безупречное поведение. К тому же рейс может и задержаться...

Теперь она почувствовала настоящий ужас. И лишь мысль о том, что от нее зависит судьба Олега, помогла ей снова взять себя в руки.

— Вам ведь не нужен этот досмотр, полковник, у вас достаточно сканирующей аппаратуры, и вы знаете, что у меня с собой нет ничего недозволенного.

— Вы умный человек, мадам.

— В таком случае давайте договоримся так — сначала будет свидание, а потом все остальное.

— А если вы меня обманете?

— По-моему, у вас достаточно убедительных аргументов.

— Ну что же... В разумных пределах я всегда готов пойти навстречу женщине.

Свидание состоялось в назначенное время, и едва Илей вошла в специально отведенную для таких случаев комнату, как Олег почувствовал, что сердце его сжалось от надежды, от радости видеть ее и от горечи — от всего сразу...

Илен была бледна, уголки губ сурово опущены, прическа и платье были тоже совершенно для него незнакомы. Мгновения, пока она шла к столу и еще не заговорила, он привыкал к ее новому облику и к своему новому отношению к этой женщине. Новому с тех пор, как после их последнего свидания на лайнере он прикоснулся к ее сознанию и почувствовал такое же беспредельное одиночество и боль, как и его собственные.

Но именно тогда он узнал и понял, что в этом темном океане вдруг появилась светлая точка.

Он встретил женщину, он успел оскорбить и оттолкнуть ее от себя, прежде чем узнал, что не безразличен ей, что он, презренный в этом обществе Танн, может быть кому-то нужен...

Эти мысли вихрем пронеслись в его голове, пока она шла к нему через всю комнату. Но вот Илен опустилась на скамью напротив него, и прежде чем успела заговорить, он сделал ей знак, которому научился в разведшколе: «Нас подслушивают».

— Но мне придется...

Он отрицательно покачал головой.

— Еще успеем наговориться. Впереди целых два часа. Расскажи лучше, как ты доехала, — этой дурацкой фразой он как бы задавал ей тему разговора, запрещая говорить о важном, выигрывая столь необходимое ему время. Необходимое для того, чтобы пробиться к ее сознанию.

«Илен! Илен! Ты должна меня сейчас слышать. Пожалуйста, Илен, помоги мне!» Он говорил эти слова, не разжимая губ, не произнося ни звука. Он лишь смотрел ей в глаза, не осмеливаясь даже прикоснуться к ее руке.

Ни разу еще он не пытался выйти на прямой взаимный контакт с другим разумом — он не знал, что из этого получится, он лишь подозревал, что это может зависеть от врожденных способностей Илен к такого рода слуху, и знал, что на карту поставлена его жизнь.

А минутой позже, когда он соприкоснулся с внешними, ближайшими слоями ее памяти, понял, что и она рискует ничуть не меньше, чем он.

Наконец в ее лице что-то изменилось — дрогнули губы, изумленно приподнялась бровь.

— Не понимаю, что это?!

«Не говори вслух, пожалуйста, не говори вслух! Просто повторяй про себя нужные слова!»

«Но телепатия такой силы... Я никогда не слышала про такое... Только у Таннов...»

«А я и есть тот самый распроклятый, недоношенный Танн!»

Наконец она заговорила на нужном ему языке, пока еще отрывочно, неровно, но это не важно. Самое трудное теперь позади — она его слышала! А он мог почувствовать любое движение мыслей в ее голове. Даже еще не родившиеся слова становились для него понятны, словно он смотрел в открытую книгу.

Не зря он запретил себе подобные эксперименты! Слишком дорого обходится погружение в чужое сознание. Он чувствовал ее боль, гнев, оскорбленное достоинство. Он ощущал ее ужас перед возможным надругательством над собой и готовность пожертвовать всем ради любимого человека.

Но главное — она его слышит! Он почти уже перестал на это надеяться.

«Не молчи! Все время продолжай нести какую-нибудь чушь!»

«Но не могу же я одновременно...»

«Придется, Илен. Иначе они заподозрят неладное и прервут наше свидание».

Впервые с той минуты, как она вошла, он назвал ее по имени и не подозревал, что даже

произнесенное в мыслях ее имя вызовет в нем такой всплеск эмоций. Но важно было лишь то, что она почувствовала этот всплеск, и он сейчас же узнал об этом в ответной волне ее ментального поля.

«Видишь, какой это трудный способ общения — он, в принципе, исключает ложь. Возможно, поэтому люди так боятся его... И, кажется, лишь сейчас я начинаю понимать, за что они так ненавидят Таннов».

Глава 13

За стеной комнаты свиданий сидели в удобных креслах полковник Ковалев и его заместитель лейтенант Громов.

Стена, покрытая специальным поляризующим свет составом, казалась полностью прозрачной, а благодаря хорошей звуковой аппаратуре, невидимые для тех, кто находился с противоположной стороны, они чувствовали себя, словно зрители в ложе первого класса театра. На Ганимеде было не так уж много развлечений, и спектакли, поставленные самой жизнью и лишь слегка подправленные их посильным участием, доставляли им истинное наслаждение.

— Она все время несет какую-то чушь! — недовольно поморщился Ковалев, Можно подумать, эта женщина прилетела с Земли специально для того, чтобы рассказать Бирсову о том, что на транспортном корабле не было буфета!

— Прошло всего десять минут, — возразил Громов. — Возможно, это эмоциональный шок. Во время последнего свидания такое иногда бывает. Все зависит от их предыдущих отношений.

— Не знаю. Я с подобным поведением наших визитеров еще не сталкивался. Что, если в ее словах есть закодированный смысл?

— В нашем аналитическом компьютере отличные программы расшифровки. Машина сразу же заметит скрытый логический алгоритм, если он появится в ее речи.

— Но он-то почему молчит?! Он вообще не сказал ни одного слова, и весь сморщенный, словно проглотил что-то кислое!

— Через несколько дней мы получим ответ. Мы узнаем все, что сейчас думает Бирсов.

— А с ней что будем делать?

— Что вас беспокоит? Процедура обычная...

— Она красивая женщина — как бы не возникли осложнения с персоналом...

— А кто знает о том, что она здесь?

— Достаточно экипажа транспорта. Такие новости распространяются слишком быстро.

— Придумаем что-нибудь. Это ведь не первый случай, когда наши гости не возвращаются обратно. Сложности с командой легко уладить. У них там своя очередь существует, договоримся.

— Не нравится мне, как они себя ведут! Что-то здесь не так. Дадим им еще десять минут и, если не произойдет ничего интересного, прекратим свидание.

— Ну вот. Теперь ты можешь рассказать, с чем приехала, только не торопись, думай медленно. Самые важные места повторяй раза по два.

— Корсинский приказал организовать для тебя побег.

— Я полагал, у разведкорпуса есть более верные способы вытащить меня отсюда. Тебе не кажется это странным?

— Все дело во времени. Разные ведомства, обычная правительственная бюрократия. Прежде чем наше прошение достигнет цели, тебе успеют выжечь мозг. Не зря военное министерство так торопится и скрывает всю информацию, касающуюся тебя.

— Но с Ганимеда невозможно бежать. Они никогда не оставляют корабль на стыковке — он и сейчас вертится вокруг Ганимеда.

— Корсинский распорядился выслать специальный рейдер.

— Ничего себе! Вот это размах.

— Да, кажется, твоя персона интересует не только меня... Но корабль долетит до Ганимеда лишь через восемь дней, расстояние от ближайшей разведбазы не позволяет им уменьшить этот срок, и ты должен продержаться до его прибытия. Я постараюсь тебе помочь, чем смогу...

— Тебе вообще нельзя выходить из этой комнаты, я ведь знаю обо всем, что ты думаешь...

— С этим я справлюсь сама.

— Нет, Илен. Тебе не придется с этим справляться. Я этого не допущу.

— Не говори глупостей, Олег. Тогда мы погибнем оба.

— Ты не имеешь представления о моих возможностях. Они и раньше были необычны, но после общения с Лидянским мозгом значительно усилились.

— Лидянский мозг?

— Потом я расскажу тебе, это долгая история. В ней причина того, что за мной устроена настоящая охота. Вернее, даже не за мной, а за той информацией, которую я получил от него. Не удивлюсь, если после побега Корсинский тоже захочет заглянуть в мою память.

— Что же нам делать, Олег?

— Надо воспользоваться тем, что интересы наших противников не совпадают. И еще одно я знаю. Они меня ни за что не убьют. Они будут оберегать мою жизнь, даже рискуя собственной.

— Так велика цена того, что ты знаешь?

— Да, Илен, она достаточно велика. И поэтому они с удовольствием растерзают мой мозг на кусочки, чтобы добраться до моей памяти. Но они будут беречь мою жизнь до тех пор, пока этого не сделали. Нам надо найти такое место, где они не смогут нас достать.

— Такого места не существует, Олег.

— Космос велик, мы знаем лишь ничтожную его часть! Вокруг целый океан неоткрытых планет. Там может быть все, что угодно. В одном я абсолютно уверен — там не будет того, что окружает нас здесь. И если уж на то пошло, я знаю одну недоступную для них планету, на которой могут жить люди.

— Что же это за планета?

— О стран.

— Может, ты и вправду Рутянский шпион?

— А что мы знаем о них, о Рутянах, кроме того, что они приходят с Острана и уничтожают наши города? Мы не знаем даже, почему они на нас напали и как они Связаны с Тайнами. Мы ничего о них не знаем!

— Ты сейчас сказал «наши города». Даже в мыслях не так-то просто забыть планету, на которой родился. Не так просто поменять родину.

— Конечно, это не просто — но я готов это сделать, хотя бы ради того, чтобы понять, почему началась эта война. Рутяне уничтожают земные транспорты и земные поселения. Но они до сих пор ни разу не вступали с нами в переговоры, не захватывали наших кораблей или наших поселений, не требовали дани или выкупа. Мы не знаем, почему они это делают!

— Неужели до сих пор никто не пытался этого выяснить?

— Пытались. Но космический бой скоротечен, и пленных в таком бою не бывает. На Остране живут Танны, обычному человеку туда не проникнуть. Только у меня есть шанс...

— И ты надеешься, что мы, мы вместе, сможем жить на этой совершенно чужой, враждебной Земле планете?

— Эта надежда — все, что у меня осталось...

— Свидание окончено. Гражданка Ликранова, немедленно покиньте помещение! — неожиданно проревел скрытый в стене репродуктор.

— Но прошло всего полчаса! — попытался возразить Олег.

— Повторяю. Свидание окончено!

— Ну вот и пришла пора действовать.

— Мне лучше вернуться, Олег. Это поможет выиграть время. Одному тебе с ними не справиться.

Он знал, что она действительно готова это сделать ради того, чтобы сохранить ему жизнь. И потому, не говоря больше ни слова, схватил ее за руку и потащил за собой. Да и времени на споры не оставалось...

Он давно чувствовал рядом, за тонкой стеной, два гаденьких разума, которые подслушивали их, нет, не настоящую речь, а ту ерунду, которую они говорили специально для них. Один из этих разумов он узнал, и это намного облегчило ему задачу. Оставалось лишь проникнуть к нему через тонкую стенку...

Он действовал интуитивно, без всякого плана. Сейчас важно было выиграть время и не позволить им захватить Илей.

Теперь, когда он знал, что через неделю за ним пришлют корабль, можно было начинать действовать.

Внутри его мозга творилось что-то странное. Там словно бушевал ураган. Ураган гнева, заключенный в прочные стены его воли и направленный в одну определенную точку.

Полковник неожиданно поднялся со своего места и медленно, неуверенной походкой, направился к висевшему на стене пульта управления. Его глаза остекленели, а на лице выступили мелкие бисеринки пота.

— Что с вами, полковник, вам нехорошо?

— Напротив, ему сейчас очень хорошо, — ответил полковник, почему-то в третьем лице, чужим, незнакомым Грому голосом. Прежде чем тот понял, что, собственно, происходит, Ковалев уже запустил механизм, открывающий выход из комнаты свиданий в аварийный кольцевой коридор. Этот коридор опоясывал весь купол станции и предназначался для спасения людей в случае разгерметизации наружной оболочки. Ни при каких других условиях двери аварийного шлюза не должны открываться.

— Что вы делаете, полковник! Там же нет охраны, и если они...

Договорить он не смог, потому что полковник, обернувшись, нанес ему сокрушительный удар по голове рукояткой своего табельного парализатора.

Двойные двери шлюза приоткрылись и сразу же захлопнулись за ними. Немедленно взвыла сирена общей тревоги.

— Плохо... Проклятая сигнализация! Я надеялся, что у нас будет больше времени. Но теперь за нас возьмутся всерьез.

Они очутились в узком круглом коридоре, похожем на бублик, обхвативший снаружи купол станции.

— Сюда выходят двери из всех служебных помещений, — задыхаясь, произнесла Илен. — И отпусти, наконец, мою руку, ты ее чуть не оторвал.

— Нам нужно успеть раньше охраны добраться до аварийного пульта. Тогда у нас в руках будут все важнейшие агрегаты, в том числе и блокировка дверей, ведущих в этот коридор из других помещений.

— Откуда ты это знаешь?

— Я вижу в твоей памяти карту станции со всеми пояснительными надписями.

— Да, я выучила ее наизусть, но не думала, что до такой степени...

— Увы, это так. Сейчас, когда речь идет о нашей жизни, я вынужден использовать твою память, даже не спросив на это согласия. Одновременно с этим я знаю все, о чем ты думаешь... Со мной тебе будет непросто... Кстати, откуда у тебя эта карта?

— Наши агенты раздобыли ее в архивах научного ведомства.

— Научного?

— Когда-то здесь была научная станция по исследованию Юпитера.

— Мне следовало об этом догадаться, слишком много внимания уделено безопасности. Осторожней! Впереди засада! — неожиданно крикнул Олег, одним сильным и в то же время осторожным движением заставив ее лечь на пол.

Парализаторы стреляли широким лучом, достигавшим в зоне поражения нескольких

десятков сантиметров, и Олегу приходилось все время помнить об этом, упреждая глаза и руки тех, кто наводил на них оружие. Впрочем, не только его тело участвовало в этом поединке — он успевал блокировать двигательные рефлексy наиболее опасных противников. Во всяком случае ему удалось в достаточной степени замедлить их реакцию.

И все же прежде чем он до них добрался, они успели пару раз выстрелить. От одного выстрела он уклонился, мышцы второго стрелка свела судорога, и ствол парализатора повернулся совсем не в ту сторону, куда он его направлял.

Стрелявший охранник дернулся и рухнул на пол. Теперь противников оставалось четверо. Времени для повторных выстрелов у них уже не было.

Илен увидела, как пятеро людей, преградивших им путь, ни с того ни с сего оказались на полу. Что именно сделал Олег, она так и не успела рассмотреть. Когда-то она присутствовала при схватке Олега с боевиками Костистого и знала о необычной скорости его тела, сейчас ей снова показалось, что он умеет летать.

И в этот напряженный, совершенно неподходящий для отвлеченных мыслей момент она вдруг с отчаянной ясностью поняла, что никогда не сможет разделить судьбу этого дорогого и одновременно такого чужого ей человека...

«Да ведь он же и не человек вовсе — он Танн...» Словно только сейчас с оглушительной ясностью она осознала эту давно известную истину. Но впервые так холодно и отчужденно, так конкретно прозвучало для нее короткое слово «Танн». Впервые оно выкристаллизовалось в ее сознании и соединилось с образом Олега.

И самое неприятное в новом для нее образе было то, что ему известна каждая ее мысль... Каждая... Даже эта.

Сможет ли она с этим когда-нибудь примириться? Сможет ли жить с ним в чуждом для нее мире, куда он звал ее за собой? Ответа на этот вопрос у нее не было. Оставалось лишь странное предчувствие того, что он ей и не понадобится этот ответ.

Через каждые сорок метров коридор перекрывали герметичные переборки, оснащенные шлюзовыми камерами. Вся эта сложная система безопасности создавалась в то время, когда считалось, что главную опасность вблизи Юпитера будут представлять метеорные потоки, притянутые могучим гравитационным полем планеты. Ганимед своей разряженной атмосферой не мог защитить постройки от метеорных ударов. Однако со временем выяснилось, что сложная конфигурация Юпитерианского поля тяготения выметает весь мусор за границу пояса астероидов, оставляя космос вблизи планеты совершенно чистым. Кольцо безопасности вокруг станции к тому времени было уже создано, и сейчас им предстояло миновать один из его шлюзов...

— Все эти двери перекроют, если они доберутся до пульта раньше нас, тогда мы окажемся в мышеловке... — хрипло проговорил Олег, чувствуя в голове нарастающую пульсацию боли, он потратил слишком много сил на последний поединок, и у него перед глазами плавали темные пятна.

К счастью, ближайшие двери оказались открытыми, они закрывались автоматически лишь в случае разгерметизации центрального защитного купола, изменить программу управляющего компьютера их противники не успели.

— Когда в отделе разрабатывали план твоего побега, эти двери считались самым сложным элементом. Если нам удастся захватить аварийный пульт, они ничего уже не смогут сделать.

— Нужно еще найти скафандры, ведь подачу воздуха можно перекрыть, и тогда мы здесь задохнемся.

— Об этом позаботился наш агент. Он здесь всего один и ничем другим помочь нам не сможет, но полностью снаряженные скафандры должны быть спрятаны недалеко от пультовой, в заранее условленном месте. Кстати, большую часть информации, необходимой для твоего побега, мы получили именно от него.

— Меня всегда восхищала обстоятельность наших оперативников.

Они успешно миновали третий сектор. До пультовой оставалось не больше пятидесяти

метров, когда в коридор ворвались наконец солдаты тюремной охраны со стайерами в руках. Эти, не раздумывая, без лишних разговоров, открыли стрельбу на поражение.

Но теперь в руках Олега был парализатор, и его реакция позволила опередить их первые выстрелы.

Игольчатые пули, выпущенные охранниками, веером ушли в потолок.

Когда они поравнялись с неподвижно лежавшими на полу солдатами, Олег увидел на них небольшие пластиковые маски и почти сразу же обнаружил причину на поясе всех четверых висели боевые газовые гранаты — опоздай он хоть на мгновение, и эта атака стала бы для них последней.

Когда Илей, отставшая на несколько шагов, оказалась рядом, он не услышал от нее слов благодарности за успешно проведенную схватку.

— Ты, кажется, говорил, что они будут заботиться о твоей драгоценной жизни?

— Ну эти могли не знать, какую ценность она собой представляет.

— Ты слишком рискуешь, Олег! Ты нарушил план всей операции, ты должен был еще неделю тихо сидеть в своей камере, пока корабль не подойдет к Ганимеду! Что я доложу Корсинскому?

— Ты скажешь ему, что я спас твою жизнь...

— Боюсь, он этого не оценит. А что ты собираешься делать дальше, когда прилетит корабль, захватишь его и полетишь к своей планете?

— Я не настолько глуп, но при первой возможности...

— Ее у тебя не будет, этой возможности. Корсинский сразу же собирается отправить тебя на Остран. События в этой войне разворачиваются совсем не так, как их планируют наши штабы. Ты улетишь, а я вернусь в свой отдел и буду выполнять очередное задание. Так что все твои планы — это пустые мечты... — В ее голосе чувствовалась неподдельная горечь. — Но все равно я тебе благодарна. Благодарна за то, что ты не послушался меня и нарушил приказ, за то, что подарил мне несколько минут этой замечательной мечты...

— Не будь такой пессимисткой, обстоятельства могут измениться...

— По-моему, они уже меняются, следующая дверь закроется раньше, чем мы до нее доберемся!

Олег бросился вперед, вложив в этот бросок всю скорость, на какую только был способен, но все равно он почти опоздал. Оставалась лишь узкая полоска между смыкающимися створками, когда он оказался рядом, но он все же успел вставить в проем ботинок. Упершись ладонями в створки двери и вложив в это усилие всю свою нечеловеческую силу, Олег стал медленно раздвигать двойные металлопластовые створки, преодолевая давление гидравлического поршня.

В конце концов ему удалось справиться с проклятым механизмом. Самым трудным оказалось удержать створки двери, пока Илей вслед за ним продиралась в узкое отверстие.

Платье, разорванное во время этой операции, висело на ней клочьями, и даже сейчас, даже в этом отчаянном положении он не мог не отметить, как она красива и как желанно ее тело...

Впервые эта мысль не вызвала в нем звериного, жестокого инстинкта, которого он так боялся.

Теперь до пультавой оставалось, судя по карте, хранившейся в памяти Илей, метров тридцать.

Неожиданно мир перед глазами Олега смазлся и медленно стал расползаться на составные части.

Схватившись за раскалывавшуюся от боли голову, он медленно осел на пол. Илен едва успела подхватить его. Ей пришлось волоком тащить его бесчувственное тело до двери пультавой. Здесь не было шлюза, и с замком ей удалось справиться, лишь полностью разрядив в него батарею парализатора.

Дверь после этого не закрылась, но зато они оба оказались внутри узкой маленькой комнатки, заполненной пультами приборов аварийного контроля.

Олег не приходил в сознание, и, уложив его на пол, она беспомощно огляделась. Ничего похожего на шкаф с аптечкой первой помощи обнаружить не удалось. Единственное, что она еще могла сделать — отыскать спрятанные здесь скафандры.

Обнаружив их в условленном месте, она попыталась натянуть скафандр на бесчувственное тело Олега, надеясь, что свежая струя кислорода поможет ему прийти в себя. Но, несмотря на все ее усилия, Олег почти не подавал признаков жизни. Даже пульс снизился до сорока ударов в минуту. Она чувствовала полную растерянность. Скафандр ей так и не удалось на него натянуть, пришлось ограничиться лишь шлемом, но и кислород не изменил состояния Олега. Все ее медицинские знания ограничивались курсами полевой помощи и небольшой практикой, которую проходили все разведчики, но причина шокового состояния Олега оставалась для нее совершенно непонятной, никаких ран у него не было, и она не знала, как ему помочь.

Открытая настежь дверь с выжженным замком еще больше усиливала паническое настроение молодой женщины. Илен понимала, что, если в течение ближайших минут она не найдет выхода из сложившейся ситуации, с ними будет покончено.

Олег собирался найти скафандры и, выведя из строя компьютер, управлявший дверьми аварийного коридора, немедленно уходить. Уходить наружу, на поверхность Ганимеда.

Среди беспорядочного нагромождения скал им было бы легче скрыться от преследователей. Он считал, что только там у них появится реальный шанс продержаться оставшееся до подхода корабля время. Жизнеобеспечения скафандров, ресурс которых был рассчитан на четверо суток, для этого было недостаточно, но, соблюдая режим строжайшей экономии воды и воздуха, они все-таки могли продержаться до подхода корабля.

Это был хороший, правильный план. Он не учитывал лишь одного — у нее не было физических сил, чтобы сдвинуть с места неподвижное, тяжелое, как свинец, тело Олега. Она не понимала, каким образом смогла затащить его из коридора в пультую, и сейчас сама мысль о том, что ей, возможно, придется одной остаться на поверхности безжизненного спутника, приводила ее в ужас. С другой стороны, она понимала, что никогда не бросит Олега одного на произвол судьбы

— Вы не можете сладить с двумя преступниками, один из которых женщина?!

Полковник Ковалев был не просто взбешен, он чувствовал, как внутри его, за маской показного бешенства нарастают глухая тоска и страх.

Его заместитель с проломленной головой находится в госпитале. Государственный преступник бежал, пульту захвачена беглецами, и большинство приборов наверняка уже выведены из строя...

Расплата за все это последует достаточно быстро... Самое меньшее, что ему грозило — потеря должности. Но это потом. Сейчас и здесь он все еще являлся хозяином своего крошечного мира. Господином и богом для сержанта с окаменевшим лицом, стоявшего перед ним навтыжку.

Была и еще одна причина для его глухой и тоскливой ярости. Проклятая баба все-таки обманула его... Что-то она передала этому Бирсову, какой-то неизвестный аппарат, способный затуманивать психику. Ничем другим нельзя объяснить унижительное чувство беспомощности, испытанное им в зеркальной комнате.

Неожиданно мысль об аппарате породила надежду в его безысходном отчаянии. Если что-то и может ему сейчас помочь, так это аппарат Бирсова. За такое оружие ему, возможно, простят все прегрешения...

Сержант под его тяжелым взглядом начал, наконец, дергаться и жалко оправдываться:

— Господин полковник, ведь вы же запретили применять оружие...

— Да? И вы его действительно не применяли?

— Только чтобы испугать преступников...

— Прекратите лгать, Зебров! Ваши люди стреляли на поражение, не забывайте, что я все видел на экране мониторов. Результат налицо: один из преступников ранен или убит. Если это Бирсов, я вас уничтожу! Вы подготовили новую группу захвата?

— Так точно, господин полковник! Туда вошли наши лучшие люди.

— Я пойду с ними сам.

— Но, господин полковник...

— Никаких «но», готовьте группу к выходу и сами собирайтесь, будете нас прикрывать.

— Слушаюсь, господин полковник!

Илен так и не успела ничего сделать до того, как они появились. Зато теперь, когда начался настоящий бой, от ее бывлой растерянности не осталось и следа. Сейчас она чувствовала себя в родной стихии и знала, как дорого придется заплатить их противникам за ее жизнь и за жизнь Олега.

Солдаты вновь использовали фанаты с усыпляющим газом — но теперь на ней был скафандр, а на Олеге шлем с автономным кислородным питанием.

Она ответила им безжалостным огнем вдоль коридора из своего парализатора. Это оружие внутри металлического коридора, перекрытого многочисленными переборками и изобиловавшего поворотами, оказалось недостаточно эффективным, но какое-то время заставило держаться ее противников на расстоянии.

Неожиданно верхняя часть косяка над дверью аппаратной расцвела огненным цветком. Звук глухого удара, от которого содрогнулся купол, заставил ее плашмя броситься на пол. Это был энергетический станер, и если бы не скафандр...

Время, отпущенное для ответного хода, исчислялось теперь долями минуты. Следующий выстрел почти наверняка станет для нее последним...

Перекатившись по полу к самой двери и не обращая внимания на капли расплавленного металла, лишь надеясь на то, что защита скафандра с этим справится, она выглянула в коридор.

Здесь все заволочло густым дымом от сгоревшей резины. Неподалеку валялось бесчувственное тело одного из нападавших, пораженного огнем ее парализатора, и в руках у него... Она не сразу поверила в свою удачу — но это был именно станер! Теперь они вновь смогут разговаривать на равных!

Ее первый выстрел разворотил защитную переборку и открыл перед ней все пространство коридора, в котором скрывались нападавшие. Второй и третий выжгли в борту станции порядочную дыру. Вокруг засвистел вырывающийся наружу воздух.

Это был настоящий вихрь, усиливавшийся по мере приближения к пробитому ею отверстию, он подхватил тех из нападавших, что еще оставались живы, и вместе с обломками вышвырнул их прочь, в разряженную атмосферу Ганимеда.

Но у нее были только одни глаза, одни руки, и она не могла контролировать оба конца коридора...

Когда сзади раздался выстрел, который ледяным огнем ударил по ее телу, все, что она успела сделать, это повернуться и, посмотрев в глаза тому, кто причинил ей эту невыносимую боль, в последний раз нажать спусковую кнопку станера.

Ослепительная вспышка станерного разряда оборвала жизнь и неудавшуюся карьеру полковника Ковалева, превратив его тело в облако раскаленного пара.

Олег чувствовал себя так, словно всплывал на поверхность свинцовой реки. Ни один мускул не слушался его, зато дышалось легко и голова была ясной как никогда. Он лежал на полу незнакомого помещения, заваленного обломками. Вокруг похлывал пожар. Непроницаемые автоматические переборки отрезали разгерметизированную часть коридора, и внутри еще сохранилось достаточно кислорода, для того чтобы поддерживать огонь.

Благодаря скафандровому шлему, защищавшему его голову, едкий дым, заполнявший помещение, не мог добраться до него.

Только сейчас он понял, что лежит в этой маленькой комнате один. И, мгновенно вспомнив все остальное, попробовал произнести ее имя. Губы подчинились ему, и рация скафандра работала исправно. Об этом доложил ему крохотный огонек над смотровым стеклом шлема. Но никто не откликнулся на его вызов.

Тогда он попробовал позвать способом, которому научил ее совсем недавно, но в ответ на свой ментальный призыв ощутил лишь ледяную, пугающую пустоту. Силы быстро возвращались к нему. Олег поднялся на ноги и, выглянув в коридор, обнаружил у самого порога ее холодное тело с прожженной на спине скафандра дырой. Рядом с Илен валялся станер с полностью разряженной батареей.

Через неделю над Ганимедом завис военный корабль, принадлежавший разведкорпусу. Он обнаружил здесь лишь обломки полностью разрушенного здания тюрьмы и одного-единственного человека, оставшегося в живых на мертвой планете.

Человек этот вырубал могилу в ледяных скалах Ганимеда и не обратил никакого внимания на снижавшийся рейдер.

Глава 14

Новый командующий Второго космического флота землян Корсинский, несколько поспешно произведенный в контр-адмиралы после гибели своего предшественника, принял Бирсова в своей каюте на флагманском крейсере.

Рейдер доставил Олега на флагманский корабль всего час назад, и он едва успел привести себя в порядок. Впрочем, теперь его внешний вид не имел для него никакого значения. Ничто не имело значения, кроме одного, пожалуй. Он по-прежнему хотел покинуть этот злобный и кровавый мир.

Илей тоже этого хотела. Вспомнив ее, он постарался вернуть себе хотя бы внешнюю маску самообладания. Беседа предстояла нелегкая, и Олег прекрасно понимал, что она и здесь может закончиться сканированием его памяти. После внезапной потери сознания во время схватки на Ганимеде, до последнего предела используя все возможности своего организма, он полностью утратил ментальные способности.

Ледяная немота с тех пор окружала его вместо прежнего мира, наполненного звуками, отголосками чужих мыслей, схваченными на лету образами.

Он не знал, вернется ли к нему когда-нибудь его прежняя способность слышать и контролировать чужие мысли, и в своем теперешнем положении ощущал себя совершенно беспомощным перед многочисленными врагами.

Пока все шло хорошо. Встретили его нормально, отвели лучшую каюту, накормили и позволили привести себя в порядок, прежде чем вестовой проводил его к адмиралу.

Корсинский выглядел усталым и постаревшим со встречи в Ланке, когда он завербовал Олега в разведшколу. Стремительный взлет в карьере не пошел ему на пользу, по крайней мере внешне. Держался он просто, но Олега не обманывала эта напускная простота. Слишком хорошо он знал, сколько коварства и хитрости таится за этим открытым, с широкими пролысинами лбом.

— Рад, что твой побег оказался удачным.

— Не совсем так. Агент, которого вы посылали мне в помощь, погиб. Погибли и многие другие люди.

— Война. На войне всегда бывают жертвы.

— Те, кто навсегда остался на Ганимеде, не были нашими врагами.

— Во время схватки, когда гибнут целые планеты, нелегко разобраться в том, кто на самом деле друг, а кто враг. Надеюсь, ты понимаешь, что в военное время, ради достижения определенного успеха, командование всегда готово пойти на определенные жертвы, лишь бы результат того стоил.

Сейчас ты для нас представляешь ценность большую, чем целая дивизия.

Еще один такой рейд, как тот, что закончился в небе над Аркуром, и от нас не останется мокрого места... Кстати, ты случайно не знаешь, что там все-таки произошло, на этом самом Аркуре?..

— Ничего особенного, адмирал. Ничего такого, что могло бы представлять для военного ведомства действительную ценность.

— Ты в этом так уверен?

Олег прекрасно понимал, что Корсинский знает достаточно много. Вся разведслужба Федерации работала фактически на него. Врать адмиралу было очень опасно — если он заподозрит неладное в ответе на свой внешне совсем простой вопрос, то, возможно, чаша весов перевесит, и Корсинский решит, что информация, которой уже располагает Олег, ценнее той, которую он, возможно, раздобудет на Острани. В этом случае сканирование мозга станет неизбежным, поскольку адмирал доверял только полностью проверенным и подтвержденным данным.

— Там был военный Лидянский корабль. Очень старый корабль.

— Да, я слышал о нем. Военному ведомству так и не удалось к нему подступиться.

— У них были неважные специалисты. Корабль оказался вполне работоспособным, и мне удалось его запустить.

— Что же, он оказался таким мощным, что?..

— Не иронизируйте, адмирал, мы не знаем и сотой доли возможностей Лидянской расы.

— Звучит мало правдоподобно, но хоть как-то объясняет бесследное исчезновение целого флота Рутян.

— Два корабля остались.

— А Лидянский корабль?

— Он был уничтожен.

— Тебе не кажется странным, что вот уже второй раз ты один выживаешь на целой планете. Может быть, я не все знаю о твоих настоящих возможностях?

Олег понял, что их поединок подошел к решающему моменту. И именно сейчас Корсинский решит, как поступить с ним дальше...

— Уверяю вас, адмирал, вы знаете обо мне почти все. Возможно, не знаете лишь того, что по желанию я могу прекратить работу собственного сердца. Кислородное голодание достаточно легкий способ умереть. Гораздо более легкий, чем мучения, которые испытывают люди во время сканирования мозга.

Корсинский нахмурился и долго беспечно переставлял с места на место небольшую коробочку с видеокристаллами. Он не любил, когда ему навязывали решение, но всегда умел правильно оценить вновь полученные данные.

Судя по тому, из каких переделок выбрался стоящий перед ним человек, такая способность его организма вполне вероятна. Эти проклятые медики исследовали возможности баков слишком мало, прежде чем решили от них навсегда избавиться.

Если Бирсов не лгал, то сканирование ничего не даст, никаких новых данных. Зато они наверняка лишатся единственной возможности заслать в колонию Таннов своего агента.

— Хорошо. Через два дня тебя высажат на Остран.

— А как же разведшкола?

— Сейчас не до учебы. Обстоятельства изменились. И, кроме того, результаты двух твоих последних походов настолько впечатляющи, что мне кажется, ты подготовлен лучше любого из моих агентов.

— Хорошо. Но перед высадкой я хотел бы поговорить с теми, кто участвовал в предыдущих неудачных попытках. Не сомневаюсь в том, что они были, и мне должны предоставить все имеющиеся материалы по Острану.

Корсинский задумчиво потер затылок и исподлобья глянул на Олега.

— Еще ни разу мой подчиненный не ставил мне условий, получая приказ.

— Вы сами учили нас перед отправкой на задание изучать всю имеющуюся информацию. Я посещал ваши лекции, когда вы ненадолго прилетали на Аркур.

— И он еще говорит о своей недостаточной подготовленности. Из тех, кто участвовал в предыдущих высадках, в живых остались всего два человека, да и то из группы сопровождения. Ни один агент не вернулся. Этих людей сейчас нет здесь, оба проходят курс лечения в госпитале, но я распоряжусь, чтобы сюда доставили того, кто сможет перенести

дорогу. Что касается материалов, это сложнее, поскольку твоя группа допуска к секретным материалам не позволяет мне... Впрочем, сейчас не время соблюдать формальности — материалы будут тебе предоставлены.

Олег стоял перед огромным обзорным экраном, заполнявшим половину стены в пустой в этот ранний час кают-компания федерального крейсера поддержки.

Иллюзия прозрачного иллюминатора была настолько полной, что ощущалась огромная глубина трехмерного пространства, раскинувшегося перед ним.

Коричневый шар Острана медленно поворачивался навстречу идущему по орбитальной траектории кораблю — планета, на которой сорок лет назад расположилась колония изгнанников, ставшая в конце концов проклятием Земной Федерации.

Рано или поздно за все приходится платить, вот и для него настало время уплаты по всем счетам. Он знал, что когда-нибудь все закончится именно так прощанием с миром, в котором он родился, к которому привык. Жестокие законы жизни здесь ему были, по крайней мере, понятны... А что ждет его на Остране?

Огненные пятнышки звезд за коричневой дугой поверхности Острана казались ледяными кристаллами. От них веяло холодом, словно иллюзия стала реальностью и его больше не отделяла от дыхания космоса трехметровая толщина переборки.

На секунду изображение на экране слегка смазалось, или в этом виноваты были его собственные глаза?

Звезды на какое-то неуловимое мгновение сдвинулись с предназначенных им орбитой корабля мест и поплыли ему навстречу, заворачиваясь в огненную спираль.

Видение тут же исчезло и больше не возвращалось, сколько он ни напрягал зрение. Осталось лишь ощущение холода.

Вредно слишком долго смотреть на звезды в одиночку, когда глубокий космос находится от человека всего в трех метрах, отделенный лишь корабельной броней, не слишком надежной, как показывала практика полетов.

Он протянул руку к переключателю и наугад нажал одну из многочисленных кнопок в нижнем зеленом ряду.

За окном появился лес, умытый холодной утренней росой, такой же холодный и еще более отчужденный, чем исчезнувшее изображение космоса. Слишком далеко до этого леса...

Он хотел было снова переключить изображение, но передумал, возможно, оттого, что перед глазами теперь не сверкали ледяные костры звезд, он думал именно о них. О том, что с годами тайна, скрытая за их холодным светом, не стала понятнее. Она лишь отодвинулась вдаль, как отодвигается горизонт. И где-то там, далеко, в неисследованных глубинах космоса, по-прежнему скрывались ответы на все проклятые вопросы человечества. О смысле жизни, о предназначении личности, о времени, отпущенном в этом мире каждому живому существу в строго отмеренных пределах. Не в эту ли сверкающую спираль уходят все, чей срок окончен?

Он давно уже слышал шорох шагов за своей спиной и по характерному покашливанию узнал адмирала, но поворачиваться не стал, не желая прерывать своих раздумий. Для человека, получившего задание, с которого до него не вернулись трое, табель о рангах перестает существовать.

— Прощаешься? — сразу поняв его состояние, тихо спросил Корсинский. Олег не повернулся и не отвечал до неприличия долго. Они сыграли свою игру, и теперь ему не было до этого человека никакого дела.

— Нет. Пока рано, — наконец сказал он, так и не повернувшись.

— Ты что-нибудь почувствовал? — Похоже, Корсинский был хорошо информирован о ментальных способностях Олега.

— После Ганимеда я плохо слышу окружающий мир. Почти ничего не осталось от прежнего... А что касается Острана, он слишком далеко. Но любой человек на моем месте почувствовал бы, что находится на краю, откуда нет возврата.

— Ты должен вернуться. От этого зависит слишком многое.

— Вам ведь нужен не я, а информация о Таннах и об этой чертовой планете, выбрасывающей в космос Рутянские корабли. Там нет космодромов, нет городов, похоже, нет и следов развитой промышленности, а корабли тем не менее прилетают оттуда.

— Ты неплохо изучил материалы по Острану. А беседа с уцелевшим техником что-нибудь прояснила?

— Пожалуй, только то, что при спуске не стоит применять посадочные ракеты. Лучше всего воспользоваться парашютом.

— Но тогда ты будешь представлять собой мишень слишком долгое время.

— И тем не менее мне показалось, что именно ракеты вызывают ответную реакцию. Во всяком случае, именно они явились причиной гибели посадочной группы.

— Ну что же, этот вопрос ты вправе решать самостоятельно.

Они снова надолго замолчали, прежде чем Олег задал вопрос, не имевший для него самого никакого значения.

— Скажите... А те, остальные, вы предпринимали попытку снять их с планеты после неудачного приземления?

— Корпус никогда не оставлял своих людей на произвол судьбы. Ты же знаешь, это один из основных принципов нашего кодекса. Что касается тех троих, которые не вернулись, они вообще не вышли на связь, кроме Шустова. Он успел сказать всего одну фразу: «Я их вижу. Воронка увеличивается. Меня начинает затягивать внутрь. Прощайте». Шустов находился на поверхности планеты, когда связь прервалась, это установлено достоверно. Трудно сказать, что он имел в виду. На Остране нет морей. Нет даже озер.

— Этого не было в официальных отчетах! Адмирал лишь пожал плечами в ответ.

— В официальные отчеты попадает далеко не все. И запомни еще одно. Ты должен вернуться не позже двадцатого марта по земному календарю.

— Почему такой конкретный срок?

— К этому времени на Остране начинается период магнитных бурь. И именно тогда чаще всего появляются Рутянские крейсера. Земля не может рисковать своим последним космическим флотом. Двадцатого марта наши корабли уйдут отсюда. Так что на операцию у тебя остается не так уж много времени.

Лишь значительно позже, уже на Остране, Олегу стал понятен скрытый в словах адмирала зловещий смысл. В тот момент он не обратил на них особого внимания, слишком велика была его уверенность в том, что для него сроки ухода кораблей не имеют никакого значения.

Изменять решение о его высадке было сейчас слишком поздно, и он рискнул кое о чем спросить напрямую. Ему хотелось понять мотивы, которыми руководствовался этот человек.

— А вы не боитесь одного отпускать меня на Остран? Я ведь могу не вернуться по собственной воле. Помните, каким способом вы завербовали меня в космическую разведку? В тот день я мечтал о таком вот часе — о часе прощания, после которого я буду предоставлен самому себе и смогу принимать решения самостоятельно. Ждать этого осталось совсем недолго.

— Я бы не подписал приказ о высадке, если бы сомневался в твоём возвращении. Пустая бравада, Олег, куда ты от нас не денешься. Ты пока еще по-настоящему не испытал на собственной шкуре того, что там. — Адмирал кивнул на ледяные звезды, затемненные заметно увеличившейся сферой Острана. — Там все настолько чужое для всех нас, что ты не выживешь и минуты, если не будешь знать, что у тебя за спиной корпус, флот, просто твой дом. Это не пустые слова, сынок.

— Кто знает, где мой дом? — спросил Олег сам себя.

Он понимал, что видит адмирала последний раз, что ни при каких обстоятельствах, как бы ни сложилась его судьба в этом ледящем душу чужом мире, обратно он не вернется.

— Мне пора.

Адмирал взглянул на часы и кивнул:

— Да. Передаю тебя в руки полковника Казьмина. В точности выполняй его инструкции. Этот человек руководит всей операцией высадки и прикрытия.

— Надеюсь, на Остран он за мной не последует?

— На Острани ты будешь один, и не раз об этом пожалеешь. Это я тебе гарантирую.

Посадочная ракетная шлюпка выглядела совсем крошечной в огромном ангарном зале. Олег стоял перед трапом в полном боевом облачении, только шлем был еще не надет и не закреплен в бортовых креплениях шланги походного жизнеобеспечения. Возможно, именно поэтому он не чувствовал себя одним целым с холодным и мертвым куском металла, называвшимся боевой посадочной шлюпкой. Он знал, что если ощущение слияния с этим крошечным кораблем заставит ждать себя слишком долго, ему скорее всего не удастся преодолеть даже внешний пояс защиты.

— Почему она такая черная?

— Новое антирадарное покрытие.

Пилот и техник заканчивали последнюю предстартовую проверку основных узлов. Это было ему понятно — если бы он сам был пилотом маленького корабля, он бы поступил точно так же. Провел бы последнюю проверку вручную, не доверяя показаниям контрольного компьютера, хотя инженеры и уверяли, что эти машины никогда не ошибаются.

— Так где вы собираетесь меня высаживать? — еще раз уточнил Олег, теперь уже непосредственно у пилота, все еще не веря в то, что безумный план высадки, разработанный им самим, собираются осуществить на самом деле.

— Мне приказано выбросить вас на высоте десяти тысяч метров. Точку выброса вы укажете сами.

— Хотел бы я знать, позволят ли нам снизиться до такой высоты...

— На Острани нет настоящей противовоздушной обороны.

— Зато у них есть другие, гораздо более эффективные средства уничтожения наших ракет. Никому еще не удавалось снизиться менее чем на десять тысяч метров — это предел, за которым ракета начинает разрушаться.

— Незвестное излучение?

— От излучения нашли бы защиту. Никто не знает, почему ракеты разрушаются.

— А люди?

— Каминскому удалось приземлиться. Правда, он все равно не вернулся...

Олег считал, что пилот, который поведет его ракету, имеет право знать не меньше его самого. И потому, не задумываясь, делился с ним сведениями из папок с устрашающими грифами «АСМ» — Абсолютно Секретные Материалы.

Что же касается Каминского, то его молчание ровным счетом ничего не означало. Олег подумал, что от него они тоже не дождутся ни одной передачи.

Прозвучала команда занять свои места, и беседу пришлось прекратить.

Конечно, в скафандре работал радиотелефон, но теперь все разговоры экипажа записывались контрольной аппаратурой и сразу же передавались в командный центр.

Теперь от него требовалось всего одно простое действие — нажать кнопку готовности к старту, что он и сделал, и лишь после этого понял, как много скрывалось за этим простым движением.

Он словно поставил точку на всей своей прежней жизни.

Двигатели взревели всего один раз, его вдавило в спинку кресла, и ракета, похожая на темный продолговатый снаряд, вырвалась из стартового шлюза.

Лишь после того как двигатели закончили разгон и перешли в режим торможения, Олег вспомнил о разговоре с Костистым. Слишком много времени прошло с той поры... Слишком много изменилось... Не стало Илен, и угроза Костистого потеряла свое значение. Тем не менее скорее из простого любопытства он начал методично проверять карманы скафандра один за другим. Их было слишком много, и лишь в последнем он обнаружил невзрачную с виду пуговицу передатчика.

Костистый не забыл обещания и ни на минуту не выпускал его из поля зрения. Все они вцепились в него, как клещи, заботясь лишь об осуществлении собственных планов.

Олег положил передатчик на металлический пол кабины и с неожиданной для себя яростью раздавил его каблуком.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 15

Снижение проходило спокойно. Пожалуй, слишком спокойно. Олег болтался на парашютных стропах на высоте восьми тысяч метров так, словно выполнял учебный прыжок. Абсолютно ничего не происходило, если не считать медленного вращения панорамы местности под ним. Турбулентные потоки то и дело разворачивали его вместе с парашютом. Единственное, что ему оставалось, сравнивать местность внизу с запечатленной в его памяти картой — лучшей из всего, что могли составить люди за кровавые годы этой странной войны. Внизу под ним, в точном соответствии с данными многочисленных фотосъемок, виднелись, задернутые дымкой, редкие квадратики возделанных полей, утонувшие в зеленом океане диких лесов и лугов, кое-где перечеркнутых блестящими на солнце реками. Облаков почти не было, атмосфера Острана оказалась на редкость прозрачной.

Хотя службы слежения и отмечали появление Рутянского флота именно с этой стороны планеты, Олег не видел под собой ничего такого, что могло бы сойти за какое-нибудь техническое сооружение. Корсинский считал, что все комплексы упрятаны под землю и надежно замаскированы. Вскоре он узнает, насколько это соответствовало действительности.

Странно, но он все еще рассуждал как солдат, получивший боевое задание. Однако с того момента, как над ним раскрылся купол парашюта, медленно, словно во сне, несущий его теперь вниз, к поверхности планеты, которую он столько раз представлял в своих мечтах о свободе и собственном доме, Олег надеялся, что после приземления само слово «солдат» ему удастся выбросить из своего лексикона.

Хотя, кто знает, что его ждет внизу. Рутянские корабли стартовали именно отсюда...

— Семнадцатый, семнадцатый, почему молчите?! — завел свою нудную песню радиопередатчик.

Олег отстегнул от скафандра тяжелый ящик межпланетной рации и швырнул его вниз, с удовольствием представив, как, набрав скорость, он врежется в какую-нибудь скалу. Еще одна ниточка, связывавшая его с Землей, оборвалась навсегда. Оставался еще, правда, небольшой, но очень мощный растровый передатчик, рассчитанный на короткую экстренную связь. Его он решил пока оставить. В конце концов, если ему удастся выяснить причину этой проклятой войны, он не собирается скрывать полученные сведения от правительства федералов.

Первое предупреждение о том, что это вовсе не тренировочный прыжок, а под ним поверхность чужой и враждебной планеты, пришло на высоте пяти тысяч метров. Что-то его коснулось. Вернее, это «что-то» коснулось его сознания. Он полностью утратил свои ментальные способности, но на уровне подсознания, очевидно, остались какие-то неразрушенные зоны. Как бы то ни было, он это почувствовал. Контакт продолжался не больше ничтожной доли секунды — вполне достаточно для того, чтобы он ощутил равнодушную, холодную жестокость чужого разума.

Когда контакт прекратился, он почувствовал, как ледяные струйки пота потекли по его спине, и понял, что только что избежал смерти.

Приземление прошло вполне буднично. Он оказался на небольшой поляне, примерно в трех километрах от сельскохозяйственного хутора или фермы. Никто его не встречал. Не было ни фанфар, ни выстрелов.

С трудом содрав с себя тяжелый скафандр, Олег, не заботясь о его сохранности, забросал все свое планетарное снаряжение вместе с оружием ветками. Забросал скорее по привычке, и еще оттого, что груды металлического хлама, совсем еще недавно навешанного на него, выглядела почти неприлично на этой зеленой поляне.

«Что же я теперь должен делать?» — впервые по-настоящему серьезно спросил он сам у себя. И только сейчас понял — до последнего момента он не верил, что достигнет поверхности Острана невредимым. И ничего всерьез не планировал, приготовившись к самому худшему.

«Найти первого попавшегося Танна и сказать ему „здрасьте“? Вряд ли он слишком обрадуется моему визиту...»

Тем не менее теперь ему не оставалось ничего другого, как направиться к тому самому хутору из пяти непритязательных бревенчатых строений, который он хорошо рассмотрел, пока болтался под стропами своего парашюта. Поблизости километров на двадцать не было следов человеческой деятельности. Олег подумал, что Танны живут здесь довольно разбросанно, не сбиваясь в компактные поселения. Возможно, они чувствуют себя на Остране в полной безопасности или, напротив, не могут терпеть друг друга...

Через полчаса неспешной ходьбы он оказался перед высоким забором с деревянными воротами и калиткой, украшенной сверху вычурной резьбой. Поскольку здесь, видимо, никто не проявлял интереса к приземлившемуся, Олег, пожав плечами, дернул за шнурок звонка, болтавшийся над калиткой.

Она сразу же распахнулась. Олег оказался лицом к лицу с человеком невысокого роста, сухощавым и какого-то неопределенного возраста. Сеть морщин, покрывавшая его лицо, с одинаковой степенью вероятности могла свидетельствовать о почтенном возрасте или о тяжелой физической работе на открытом воздухе.

— Скажите пожалуйста — к нам визитер пожаловал! Издалека?

Олег неопределенно повел рукой вверх, не зная, поймет ли его собеседник, но тот, видимо, понял.

— Я так и думал, что оттуда. Из другого места к нам не прилетают. Ну раз уж тебя Стражи пропустили, обустраивайся. Участок можешь занять рядом с моим, напротив того ручья. Там уже и колышки вбиты. На первых порах, пока не обстроишься, тебе понадобится помощь, так ты не стесняйся — обращайся ко мне. Я здесь специально для этого и живу, чтобы встречать новых поселенцев, только их уже, почитай, сорок лет никто не видел. Ты будешь, стало быть, первым.

Олег окончательно опешил от такого приема. Не ферму же строить он сюда прилетел... Хотя, если быть честным с самим собой, он до сих пор не решил, что, собственно, будет делать на Остране.

Поселенец, встретивший его, все время улыбался. Вероятно, от этого улыбка словно приклеилась к его губам, затерявшись среди морщин, и оттого производила неприятное впечатление.

— Есть тут у вас еще кто-нибудь? Могу я поговорить со старостой, или как тут у вас называется правительственный начальник?

— У нас нет правительства и не бывает начальников. А Старший будет с тобой разговаривать, когда сам захочет. Ты лучше поспеши со стройкой — дни у нас короткие, ночи длинные, а Мары голодные.

Холодные, несмотря на улыбку, глаза приемщика смотрели пристально, и Олег все никак не мог понять, какого они цвета. Некая бесконечная линиялая голубизна переливалась в них, скрывая зрачки. Такие глаза бывают у наркоманов и алкоголиков. Ничего больше не спросив, Олег повернулся и пошел прочь, к лесу.

Тропинка извивалась невдалеке от тех самых новеньких, только что обтесанных колышков, обозначавших границы отведенного ему участка. Сорок лет никого не было, а колышки только что выстрогали...

Посреди участка блестела на солнце сваленная как попало горка металлических

инструментов. Даже отсюда, с тропинки, было видно, что инструменты новые и что там есть все, что может понадобиться для стройки.

— Не буду я ничего строить, слышите, вы? — крикнул Олег, не останавливаясь.

Он обогнул участок и углубился в подлесок. Тропинка кончилась. Высоко в вершинах могучих пирамидальных деревьев со стручками вместо листьев свистел ветер. Хотелось есть, но свой НЗ он закопал вместе со всем остальным снаряжением и не собирался к нему возвращаться. Однако пищу каким-то образом придется добывать.

Олег никак не мог справиться со смятением, охватившим его после встречи. Кто он такой, этот человек? Танн? Впрочем, других поселенцев человеческой расы здесь быть не должно... Но Танны представлялись ему некими сверхлюдьми, по крайней мере, способными к телепатии. Ничего похожего на телепатию во время встречи он не почувствовал. Зато здесь были Стражи, прикосновение которых он ощутил во время спуска, и были еще Мары... Впрочем, о них он подумает ближе к вечеру, когда придется искать укрытие для ночлега. Сейчас его одолевали более насущные нужды.

Ориентируясь на звук текущей воды, он вышел к небольшому ручью и остановился, глядя на бегущую у его ног прозрачную воду. Хотелось пить, но универсальный анализатор остался в могиле, которую он устроил для своего снаряжения. Теперь он не мог даже узнать, годится ли эта вода для его организма. Есть ли в ней микробы, против которых у него нет иммунитета? Впрочем, сейчас об этом думать поздно. Здесь живут люди, а значит, выживет и он. Хотя, может быть, и нет. В конце концов, он был готов и к такому повороту событий, когда готовился к спуску. В любом случае это лучше, чем сканирование мозга. Ему придется принять этот мир таким, каков он есть.

Не раздумывая больше, он напился из ручья кристально чистой воды, вкуса которой не знал.

Земная вода, прошедшая систему городских очистительных сооружений, всегда отдавала сернистым запахом. Эта же ничем, кроме свежести, не пахла. От нее заломило зубы и слегка закружилась голова, словно он напился молодого вина.

Затем он сел на корягу, поросшую жестким, упругим, похожим на подушку лишайником и стал обдумывать свое новое положение.

Собственно, у него были три возможности. Можно остаться в лесу, питаясь неизвестными плодами и мясом местных животных, если он, разумеется, сумеет их поймать. Олег не собирался превращаться в Робинзона, но этот вариант сохранял за ним известную свободу поведения. Например, он мог попытаться найти другое поселение, хотя вряд ли оно будет сильно отличаться от этого.

Он мог вернуться к своему снаряжению и, если никто на него до сих пор не польстился, используя для передвижения ракетный ранец, попытаться исследовать поверхность планеты сверху. Этот вариант нравился ему меньше всего. Во-первых, потому, что был слишком опасен, и, во-вторых, он означал бы его полную капитуляцию и отказ от первоначальных намерений приспособиться к жизни Таннской колонии на Острани.

Оставался третий вариант — принять предложенные ему правила игры и посмотреть, что из этого получится.

Танны или кто-то еще, возможно, тот, кто поставил над планетой таинственных невидимых Стражей, наверняка знал о нем. Если не все, то во всяком случае знал, кто он и зачем здесь оказался.

Если это так, то за встречей, которую ему приготовили, за этим странным предложением построить собственный дом наверняка крылось нечто большее, чем простая случайность или глупость.

Приняв, наконец, окончательное решение, Олег наполнил водой фляжку, с которой никогда не расставался, и неторопливо направился обратно, на свою строительную площадку.

Сначала следовало срубить необходимое количество деревьев. Следующим утром, возможно, удастся их обтесать. Работа предстояла нудная и тяжелая, но все оказалось совсем

не так плохо, как он представлял себе вначале.

Широкий топор, едва Олег примерился к первому толстому дереву, вошел в древесину, как в масло.

Он снес дерево с первого же удара и едва успел отскочить в сторону от рухнувшего ствола. Причина странного поведения топора была вовсе не в его необыкновенной силе. Похоже, местный инструмент брал на себя львиную долю работы. Пила сама собой вгрызалась в сучья, топор легко распарывал прочную и твердую древесину. Ему оставалось лишь направлять их действия, помня о том, что именно он желает получить из необработанного древесного ствола.

Проблема обеда неожиданно решилась сама собой. Разделявая очередной ствол, Олег случайно рассек один из больших, с ладонь шириной, продолговатых стручков, наполненных, как оказалось, фиолетовым соком. Этот сок от его неловкого удара брызнул ему прямо в лицо, попал на губы, и он, не желая того, ощутил его пряный и довольно приятный вкус. После этого осторожничать уже не имело смысла, и Олег неплохо пообедал мясистыми стручками, чем-то ему напомнившими соевое желе, из которого готовили концентраты для космонавтов.

Работа с таким инструментом доставляла никогда ранее не испытанное наслаждение, и Олег не заметил, как прошло еще несколько часов. Он остановился лишь тогда, когда над лесом прорезалась узкая, красноватая полоса вечерней зари, и, оценив результаты своих дневных трудов, не поверил собственным глазам.

Весь материал, необходимый для кладки стен, был готов. Гладко обструганные бревна, всего шестьдесят восемь штук, белея ровной, очищенной от коры поверхностью, красовались в аккуратном штабеле. Впечатление создавалось такое, словно здесь хорошо поработала бригада плотников.

Самое же странное заключалось в том, что он совершенно не устал и лишь досадовал на то, что быстро приближающаяся темнота прервала увлекательное занятие по валке и очистке деревьев.

Тем не менее следовало подумать о ночлеге. Для первого раза он решил, что будет достаточно устроить себе некое подобие логова среди очищенных бревен. На всякий случай в качестве оборонительного оружия от ночных хищников он положил рядом с собой тот самый широкий и легкий топор, способный одним ударом перерубать стволы деревьев.

Проведя по нему пальцем, Олег убедился, что, несмотря на целый день работы, лезвие по-прежнему остро, как бритва.

— Похоже на лазерную заточку пакетной стали... — пробормотал он. Неплохая технология для натурального хозяйства.

Бревна оказались не такой уж удобной постелью, а вскоре резкий запах свежесрубленной древесины и вовсе заставил его покинуть наспех сооруженное логово.

Однако темнело здесь быстро, и выбирать новое место ночлега было уже поздно. Олег сел на краю бревна и осмотрелся. Небо висело низко, усыпанное крупными незнакомыми звездами, и где-то там среди них затерялись огоньки звездолетов.

Корсинский по-прежнему ждал от него сообщений, и в чем-то он был, безусловно, прав, когда говорил, что человек не сможет полностью принять чужой мир, ощутить себя его частью...

Не потому ли его и попросили прежде всего построить здесь дом? Не зря ведь древние считали, что в строительство дома человек вкладывает частицу своей души. И место, на котором он его построил, становится его собственным местом, местом жизни...

Крупные ночные насекомые, похожие на разноцветные лепестки орхидей, порхали среди веток деревьев, излучая мягкое фосфорическое свечение. Теплая ночь тихо и незаметно опустилась на землю Острана. Лес стоял от него в нескольких шагах, и мягкая ватная тишина обволакивала все вокруг. Неожиданно он почувствовал, как что-то изменилось в этой тишине.

Полной тишина бывает лишь в космосе, да и то не всегда. На Земле Олег привык

считать тишиной мягкий звуковой фон, настолько привычный, что ухо перестает на него реагировать. Сейчас к подобному фону прибавилось нечто новое, и он никак не мог понять, что именно.

Наконец звуки стали отчетливей. Хруст сухих веток под осторожными, большими, крадущимися в темноте лапами — вот что это было такое.

Олег вскочил и, сжимая в руках топор — единственное оружие, оставшееся ему после того, как он расстался со всем своим снаряжением, мгновенно поменял позицию.

Теперь он стоял, прижавшись спиной к торцам бревен. Штабель полностью исключал нападение сзади. Кто бы он ни был, этот ночной недобрый гость, нападать ему придется сверху, со штабеля или спереди. Но штабель достаточно высок, даже если у зверя очень длинные лапы, он вряд ли достанет его оттуда.

Вскоре размышления Олега были прерваны скрипом над головой. Ночной хищник все-таки выбрал для атаки штабель — позицию не слишком удобную для жертвы.

На всякий случай Олег присел, чтобы увеличить расстояние до верхнего края бревен, и повернул лезвие топора так, чтобы зверь наткнулся на него, если решится прыгнуть сверху.

Неожиданно возшло сразу две луны, залив окрестности неправдоподобным, серебристым светом. «Словно прожектора включили на сцене», — раздраженно подумал Олег, хотя свет был ему на руку. Ночной хищник в темноте наверняка ориентировался лучше его.

Разочарованный тоскливый вой подтвердил его предположение. Нападавший больше не считал нужным скрываться, хотя Олег по-прежнему не видел притаившегося на штабеле зверя.

«Какого черта он не нападает?!» Нет ничего хуже, чем выматывающее нервы ожидание невидимого противника.

Наконец над ним бесшумно пронеслось длинное размытое тело. Зверь приземлился метрах в четырех от Олега, и теперь он смог его хорошо рассмотреть. Больше всего существо походило на гигантского кальмара, поросшего шерстью. Даже в бреду трудно было представить себе что-нибудь более нелепое.

Восемь толстых гибких лап, росших из центра, поддерживали узкое конусообразное туловище, увенчанное головой с двумя круглыми, светящимися в отраженном лунном свете глазами.

Под глазами располагалась почти метровая пасть, из которой то и дело показывался длинный язык, покрытый блестящей на свету слизью. Капли этой желеобразной жидкости, упав на траву, какое-то время продолжали светиться, и Олег подумал, что липкая и клейкая слюна этого существа может быть ядовитой.

Когда зверь приподнялся на лапах, а затем присел, готовясь к новому прыжку, Олег определил его рост — не меньше трех метров. Ему здорово повезло, что противник не напал сверху.

Если бы зверь использовал свои длинные лапы, увенчанные кривыми когтями, не покинув площадки над его головой, Олегу пришлось бы совсем плохо.

Теперь, однако, у него появилась возможность эффективно использовать топор. Противник весь находился у него на виду, а в быстроте реакций Олег ему не уступал.

Зверь прыгнул. Олег мгновенно отскочил в сторону, успев в прыжке нанести удар топором по одной из лап.

Теперь их осталось только семь, и вновь жуткий вой, от которого стручки посыпались с деревьев, потряс окрестности. Затем вой превратился в тонкий, переходящий в ультразвук диапазон свист, от которого у Олега заломило в висках.

Почти сразу же после этого чудовищная тварь плюнула в него. Это случилось так неожиданно и стремительно, что полностью уклониться ему не удалось, клейкий снаряд попал в правое плечо, мгновенно парализовав руку, державшую топор.

Руку пронзила такая боль, словно она попала под плазменный удар. Олег не мог даже разжать пальцы, чтобы выпустить рукоять топора, все мышцы свела судорога.

Видимо, в слюне, кроме клея, были парализующие и ядовитые вещества.

Думать об этом у него не осталось времени, еще одна лапа с тремя кривыми и острыми, как кинжалы, когтями нацелилась ему в лицо. Он успел перехватить ее здоровой рукой у самых когтей и стал выворачивать вниз, используя всю свою нечеловеческую силу.

Видимо, чудовище не ожидало подобной силы от своего невысокого противника и не успело парировать его стремительное движение. Лапа хрустнула и бессильно повисла вдоль туловища. Теперь их осталось только две, этих несущих смерть лап.

Четыре из восьми лап монстра не были приспособлены для боя, они заканчивались круглыми толстыми подошвами и служили только для передвижения, но и двух было вполне достаточно...

Не дожидаясь следующего удара, Олег изо всех сил оттолкнулся ногами от земли, направляя прыжок назад и вверх.

Малое тяготение планеты помогло выполнить этот немыслимый акробатический трюк. Теперь он стоял на штабеле из бревен, лицом к оставшемуся внизу противнику.

Зверь вновь взвыл и вдруг, повернувшись к лесу, умчался прочь, решив, очевидно, поискать более легкую добычу.

Теперь Олег смог заняться своей пострадавшей рукой. С трудом разрубив долотом окаменевшую слюну вместе с одеждой, он начал осторожно, кусок за куском, освобождать из плена поврежденную руку.

К счастью, непосредственно с кожей слюна соприкоснулась лишь в одном месте, у ворота рубашки. Там образовался волдырь, как от ожога. Пришлось снимать остатки отвердевшей слюны вместе с кожей.

Когда он закончил эту болезненную операцию, над Остраном занимался рассвет. Теперь единственное, что ему оставалось — отправиться к своему соседу-Танну и попросить противоядия против слюны ночного хищника. Если противоядия не окажется, ему придется совсем плохо. Олег чувствовал, что яд уже начал действовать. Температура повысилась, а кожа вокруг поврежденного места опухла и покраснела.

Должно быть, Танн не ложился. Калитка на стук Олега сразу же распахнулась.

Все та же неизменная улыбочка на лице, те же равнодушные, а теперь еще и недоверчивые, линиялы глаза.

— Ты один справился с Марой?

— Скорее уж она со мной справилась... Видишь, что с рукой?

— От Мары редко уходят живыми. А слюна — это ничего. Мы все ею лечились. Что-то вроде прививки. Лихорадка через два дня пройдет, зато потом твой организм станет нечувствителен ко многим местным болезням. Но если ты действительно с ней столкнулся один на один и остался после этого жив, то из тебя может получиться неплохой воин.

— С кем же вы здесь воюете?

— С Марами, с Летающими Котами, с Улами. Князья воюют друг с другом.

— Князья?

— Так себя называют те из нас, кто собрал военные дружины.

— Кто же тогда воюет с Землей, если вы все так заняты? — Рука болела все сильнее, и Олег не скрывал иронии и злости. Он ожидал хоть какой-то помощи, но, видимо, ничего хорошего от этого аборигена ему не дожидаться.

— Мы к вашей войне не имеем отношения. С тех пор как нас отправили в изгнание на эту планету, мы забыли о Земле и живем своей собственной жизнью.

Заметив, наконец, что Олег едва стоит на ногах, Танн скрылся в доме, попросив его подождать, и вернулся с банкой какой-то зеленоватой мази.

— Намажь руку прямо сейчас. Это протертые листья калоринеса, они действуют очень быстро.

Олег, не слишком поверив в чудодейственные свойства мази, за неимением лучшего последовал совету фермера и почувствовал себя так, словно принял какой-то сильный наркотик. Боль ушла, спряталась за гранью сознания, все стало казаться простым, не

имеющим никакого значения.

— Сегодня ты переночуешь у меня. Думаю, через день уже сможешь продолжить строительство дома.

— А если я не захочу? — теперь уже и сам улыбнувшись неестественной улыбкой, спросил Олег.

— Не захочешь ночевать у меня?

— Не захочу строить дом.

— Ты не понимаешь... Не построив дома, ты не можешь стать членом нашей общины.

— А для чего мне нужна ваша община?

— Человек, не входящий в общину, становится легкой добычей для любого встречного. Община защитит тебя, поможет освоиться, обеспечит самым необходимым.

— Вы хотите сказать, что у вас любой встречный может напасть на мирного путника?

— У нас простое общество. Все человеческие, замаскированные в вашей цивилизации инстинкты здесь вышли на поверхность. У вас грабят с помощью банковских договоров — у нас просто отнимают кошелек. У вас голодные люди, месяцами не получая зарплаты, работают в шахтах — у нас их просто обращают в рабство. Все гораздо понятнее и проще. Кроме того, тебя запросто могут съесть.

— Здесь процветает людоедство?

— Разве напавшая на тебя Мара выглядела людоедом?

— Вы Хотите сказать, что членство в вашей общине может защитить меня от нападения диких зверей?

— Ну, звери здесь не такие уж дикие. И защитит от них не община, а хранитель.

— Это еще что такое?

— У каждого члена общины есть свой хранитель. Завтра я объясню, что нужно сделать для того, чтобы он появился и у тебя.

— Чтобы войти в вашу общину, достаточно всего лишь построить дом?

— Нет. Не только. Еще нужно вырастить самого хранителя.

Глава 16

Рука заживала быстро. Уже на четвертый день Олег смог приступить к выращиванию хранителя. Эндерхил — так звали вылечившего его аборигена сказал, что здесь самое главное — выбрать хорошее место. Какое место на его участке является лучшим, должен решить сам Олег. Советы исключаются. Олег долго ходил по участку, не зная, что, собственно, следовало выбирать — все места на его будущем, пока еще не вскопанном и не очищенном от сорняков огороде казались ему совершенно одинаковыми.

Потом он вспомнил теорию Карасана о магнитных узлах планеты. Остругал ветку в форме рогатины и, взявшись за ее концы, стал медленно ходить по участку, пока совершенно определенно не почувствовал, что ветка в его руках начинает излучать с трудом различимое, но все же совершенно явственное тепло.

Отметив это место, Олег очистил его от сорняков, вскопал и разрыхлил довольно твердую фиолетовую почву. Обнеся частоколом грядку около трех метров в поперечнике и чувствуя себя полным идиотом, он приступил к выращиванию хранителя.

Сажать ничего не требовалось — никаких семян, никакой рассады. Нужно было лишь следить, чтобы на грядке не появились сорняки, и регулярно, два раза в сутки, поливать пустую землю водой.

Еще необходимо было не меньше часа проводить на специальной, сооруженной внутри ограды скамеечке за размышлениями о будущем хранителе.

— Что именно ты будешь при этом думать — не важно, — сказал Эндерхил.

Олег думал как раз то, что вряд ли могло способствовать успешному процессу выращивания.

Много разных не совсем хороших слов чуть не срывалось у него с языка. Но в чужой

монастырь со своим уставом не ходят — тем более на чужую планету. В конце концов, он знал места, где для встречи новичков придумывали гораздо более идиотские правила, и решил терпеливо вынести все до конца.

Дом он закончил недели через две, продолжая строительство параллельно с процессом выращивания хранителя, и сам удивился тому, как скоро шла работа. Оставалось лишь законопатить стены мхом и приступить к внутренней отделке.

Однако этого не потребовалось. Проснувшись на следующий день, он обнаружил, что мох, проложенный между бревен и еще вчера свисавший длинными неряшливыми полосами, теперь сросся со стенами.

Не осталось никаких щелей. Стены превратились в монолитную, не пропускающую холодный ветер, а главное — весьма прочную конструкцию.

С крышей тоже не возникло никаких проблем. Все растения на этой планете отличались удивительной жизнестойкостью, и даже срезанная на болоте длинная трава, похожая на земной тростник, продолжала какое-то время жить, сплетаясь при этом в плотную водонепроницаемую подушку.

Ему следовало уже тогда обратить внимание на все эти особенности, на то, что дом строился словно бы сам собой. Но он слишком увлекся самим процессом работы и все объяснил неизвестными свойствами местной флоры.

Эндерхил, осмотрев его строение, удовлетворенно кивнул и сказал, что он работает, как настоящий Танн.

В устах Эндерхила это должно было означать похвалу, но Олег вздрогнул, услышав слово, которое еще совсем недавно означало для него ругательство.

Теперь у него появилось собственное укрытие от диких зверей, и он мог больше не беспокоить Эндерхила своим присутствием.

После нападения Мары тот отвел для него небольшой сарайчик при входе, но его дом изнутри Олегу так ни разу и не удалось увидеть. Он решил, что, не зная местных традиций и обычаев, не стоит на это обижаться.

Олег решил в знак признательности за лечение и ночлег предложить Эндерхилу осмотреть огороженную грядку, чтобы продемонстрировать заодно свою старательность. Но Эндерхил лишь нахмурился и отрицательно покачал головой.

— Хранителя нельзя никому показывать. Он должен знать лишь одного хозяина и будет принадлежать только тебе.

Олегу не нравилось, что во всем остальном прагматичный и уравновешенный Танн к этой дурацкой затее с хранителем относился почти что с религиозным чувством.

— А ты не думаешь, что я его давно выполол вместе с остальными сорняками, этого самого хранителя?

— Не беспокойся. Когда он появится, ты узнаешь об этом сразу.

Олегу начинала надоедать нудная и однообразная жизнь на ферме. Время словно остановилось. Но не это его беспокоило. Он так и остался на обочине, колония Таннов по-прежнему была для него тайной за семью печатями. Одиночество, которое он всегда испытывал на Земле, здесь стало еще глубже и острее.

Встретив однажды утром Эндерхила на тропинке, ведущей к ручью с питьевой водой, он сказал ему, что собирается уходить.

— Жизнь фермера, пожалуй, не для меня.

— Это твое дело. Куда же ты пойдешь?

— Пойду искать другие поселения. На север, на юг, какая разница?

— Действительно, никакой. Куда бы ты ни пришел, во всех наших колониях одинаковые правила. Тебе придется все начинать сначала. Снова строить дом и выращивать хранителя. Не проще ли здесь довести дело до конца, раз уж ты проделал большую часть работы? Ждать осталось недолго. Тебе не хватает терпения. Я бы на твоём месте дождался появления хранителя и лишь затем решал, как поступать дальше.

— Сколько же мне нужно ждать этого невероятного события?

— Думаю, осталось немного. Возможно, несколько дней.

На Олега произвело впечатление то обстоятельство, что Эндерхил не пытался уговаривать его остаться. Он лишь советовал, оставляя решение вопроса на усмотрение Олега.

В конце концов, Олег решил подождать еще неделю.

Нападение Летающего Кота произошло через три дня после этого разговора.

Олег заканчивал ежедневную работу по прополке и поливу фиолетовой грядки, на которой не было ни единого росточка, когда заметил в небе странный летающий предмет.

Сначала он решил, что это унесенный ветром листок бумаги, но потом вспомнил, что здесь довольно трудно найти бумагу. К тому же предмет все время увеличивался в размерах. Он стал похож на игрушечного детского змея, затем на крыло дельтаплана. Но лишь тогда, когда темная тень закрыла над домом солидный кусок неба, Олег понял наконец, что это живое и, возможно, весьма опасное существо.

Огромный черный ромб с трепещущими перепончатыми концами крыльев спускался все ниже. Теперь стало видно, что брюхо у него светлое, гораздо светлее спины. А крыло в передней части плавно переходит в треугольную голову с пастью, расположенной прямо на туловище, где-то между головой и брюхом. Глаз с того места, где стоял Олег, видно не было, но, очевидно, тварь располагала достаточно совершенными органами ориентации и прекрасно знала, где находится намеченная для нападения жертва.

Дельтаплан спускался очень медленно, плавно и красиво. Его планирующий полет заворожил Олега, он слишком долго разглядывал приближающееся к нему существо, а когда опомнился, было уже поздно.

Черный ромб неожиданно повернулся к земле своим острым углом и перешел в стремительное пики.

Олег бросился на землю и перекатился поближе к дому.

Промажнувшись, Черная Молния чиркнула по земле длинным тонким хвостом с костяным жалом на конце и вновь стремительно рванула вверх, набирая высоту для нового пики.

Но теперь у Олега появилось время, те самые драгоценные доли мгновения, которые и решают судьбу большинства рукопашных схваток. Не пытаясь подняться — для этого не было ни секунды — он нащупал рукоять топора, лежавшего недалеко от крыльца, и точным, сильным движением послал его навстречу приближавшейся треугольной морде.

Топор сделал в воздухе два оборота, и его лезвие в нужный момент оказалось в гой именно точке пространства, куда послала его рука Олега.

Фонтан темной крови ударил вниз, и Олегу пришлось еще раз откатиться в сторону, чтобы не попасть под удар сорокакилограммового тела. Именно столько весил этот монстр, потерявший ориентировку от удара и сломавший себе шею, врезавшись в землю в метре от Олега.

Эндерхил, появившийся на месте событий, когда все уже было кончено, деловито принялся разделять тушу, скрупулезно взвешивая каждый отделенный от хрящей кусок мяса, не обращая никакого внимания на залитого чужой кровью и все еще не пришедшего в себя Олега.

— У Летающих Котов очень вкусное мясо. На рынке за него можно выменять много полезных вещей. Добыть его удастся чрезвычайно редко, эти твари очень осторожны, так что тебе повезло.

— Да, мне здорово повезло... Этот котик едва не позавтракал мною. Кстати, что общего у него с кошками?

— С кошками ничего. Их называли так, потому что они похожи на морских котов. Есть такие скаты.

— Да, я знаю. Не пойму, как такая махина держится в воздухе?

— Сам скат не такой уж большой по сравнению со своими перепончатыми крыльями. Крылья практически ничего не весят, а в брюхе у него есть полости, заполненные легким

газом.

— Почему, интересно, он не напал на твой дом?

— У тебя нет хранителя — все звери это чувствуют.

Отмывшись от крови летающего ската, Олег присел на крыльце своего недостроенного дома и несколько минут молча наблюдал за работой Эндерхила.

Ему не нравилось это место, и вечно улыбающийся Эндерхил нравился ему все меньше. Если разобраться, то и вся ситуация, в которой он оказался, не представляла собой ничего хорошего.

«А чего, собственно, ты ожидал? — спросил он сам у себя. — Ты ведь собирался жить на этой планете — вот и живи!» Но все было не так просто...

— Я не вижу твоих родственников. Жена, дети — где они? — обратился он к Танну, не отрывая взгляда от его рук, методично и споро справлявшихся с грязной, кровавой работой.

Впервые улыбка сбежала с лица Эндерхила. Он подвесил на крюк очередной кусок мяса, отложил нож и мрачно посмотрел на Олега.

— Об этом надо спросить федералов, которые проделывали свои опыты над нами. После высадки начались болезни. Первыми умирали женщины. Мужчины, в конце концов, выздоровели и научились жить одни. Если бы не хранители, мы все бы давно погибли.

— У вас совсем нет женщин?

— Когда у тебя появится свой хранитель, ты поймешь, что без них можно вполне обходиться. Женщин осталось так мало, что князя устраивают военные походы ради того, чтобы добыть одну из них.

— Ты помнишь Землю?

— Мне было двадцать лет, когда всех Таннов оттуда выдворили.

— С виду тебе гораздо меньше шестидесяти.

— Танны стареют медленнее людей.

— Скажи, Эндерхил, — Олег помедлил секунду, не надеясь получить честный ответ на свой вопрос. — Ты можешь прочесть мои мысли?

— Телепатия — это байки, которые выдумывали про нас ваши псы журналисты. Некоторые из нас обладали повышенной способностью к гипнотическому внушению. Но на этой планете все мы оказались без прививок, без иммунитета. Прежде чем мы научились использовать слюну Мары в качестве вакцины, половина из нас умерла от черной лихорадки. Остались калеки, не способные уже ни к чему.

— Но ты не похож на калеку.

— Ваши медики собирались вывести расу сверхлюдей. Разве я похож на сверхчеловека?

— Ты, наверное, ненавидишь Землю и федералов...

Ничего не ответив, Эндерхил снова взял нож и мрачно принялся кромсать мясо на длинные тонкие полосы, пригодные для вяления.

Наконец наступило воскресенье. День, который Олег наметил себе для ухода. Он подготовился к нему заранее, сделал запас продуктов, проверил снаряжение. Немного подумав, привязал к поясу топор, посчитав, что мясо Летающего Кота будет достаточной за него платой.

Воды он решил набрать по дороге, и теперь оставалось лишь обойти в последний раз участок. Это была давняя привычка, появившаяся у него еще тогда, когда он был в отряде скаутов. Лагерь или любое другое место стоянки никогда нельзя покидать, предварительно не осмотрев — не забыл ли чего, потушен ли костер, чтобы потом не вспыхнул пожар...

Подойдя к загородке с мифическим хранителем, Олег решил и здесь не изменять своему правилу, он открыл калитку в загородке и остолбенел.

В центре пустой грядки пробилась наружу коническая зеленоватая вершина огромной почки. Над землей вершина зеленого конуса возвышалась сантиметров на тридцать, а в диаметре у самого основания было не меньше сорока сантиметров...

Отбросив рюкзак, Олег опустился на корточки и стал разгребать землю вокруг

необычного ростка, но вскоре, оставив это малоперспективное занятие, бросился к дому и вернулся с лопатой.

Через полчаса он стоял по пояс в широкой круглой яме. Еще через час лопата звякнула о материнскую породу — почва кончилась.

Не было никаких корней, только валик в базальте, окружавший основание зеленого фаллоса, вознесшегося над ним к серенькому небу Острана.

Это было совершенно необъяснимо с точки зрения биологической науки, а если уж быть до конца честным, это было необъяснимо с точки зрения любой науки.

Отшвырнув лопату и с трудом выбравшись из ямы, Олег бросился к дому Эндерхила. Но всегда открытая калитка на этот раз оказалась запертой, на стук никто не ответил, а его попытка одним махом преодолеть забор тоже не принесла успеха.

Над невысоким забором вверху, насколько он смог дотянуться, простиралось нечто вроде невидимой силовой стены. Упругой и в то же время непреодолимой.

Олег понял, что никаких объяснений получить ему не удастся. Вполне возможно, что и самого Эндерхила он больше не увидит. В конце концов, Олег уже сделал все, что от него требовалось. Вырастил это зеленое «нечто» и теперь старался понять, что его так разволновало. Зачем ему понадобились какие-то немедленные объяснения от Эндерхила, ведь тот все ему рассказал об этом хранителе. Вернее, рассказал то, что счел нужным, небольшую толику правды, за которой может спрятаться любая ложь.

Он стоял перед забором Эндерхила, тяжело дыша, все еще не зная, на что решиться. Собственно, выбор был у него небольшой. Он может немедленно уйти или остаться и посмотреть, что из всего этого получится.

Но самое неприятное заключалось в том, что он понимал: никуда ему не уйти, он уже попался на это зеленое чудо, и если уйдет сейчас, не разобравшись, что все это значит, то никогда себе этого не простит.

Кроме того, он совершенно неожиданно понял, что за всеми его колебаниями прятался самый обыкновенный страх. Ему очень не хотелось в этом признать, но тем не менее, следовало признать, что он боялся возвращаться к собственному дому, боялся этого зеленого столба, выброшенного наружу из материнского тела планеты.

Глава 17

Все его попытки проникнуть на ферму Эндерхила успеха не принесли.

Даже подкоп под забором в конце концов уперся в непреодолимую силовую стену. «Вот тебе и натуральное хозяйство».

На эти подвиги Олег решил после того, как понял, что зеленая тварь, растущая у него в огороде, весьма опасна. Первым его поражением в начавшейся борьбе с будущим «хранителем» стало понимание того, что он не в силах справиться с неодолимым желанием закопать яму, вырытую вокруг ростка. Он боролся с этим весь день, однако в конце концов уступил. Закопал яму и даже полил этот чертов росток, подросший за несколько часов его отсутствия на добрый десяток сантиметров, после чего, блаженно расслабившись, долго сидел на скамейке возле грядки, рассматривая зеленое чудовище, которому помог явиться на свет, и представляя, что из всего этого получится в недалеком будущем.

Больше всего эта штука напоминала кактус, лишенный колючек. Только величина и строение кожиры свидетельствовали о его неземном происхождении. Кожура, по-видимому, состояла из очень крупных клеток. Всю поверхность растения покрывали их шестигранные выпуклые крышечки.

Олег попытался сделать на кожеure небольшой надрез, чтобы ознакомиться с ее строением, но тут же был остановлен острой болью в правой руке, прикоснувшейся к растению лезвием ножа.

На следующий день после этого случая он проснулся среди ночи, встал, достал из-под кровати топор, с которым теперь не расставался, и, открыв многочисленные засовы, вышел

на крыльцо.

Он всегда предпочитал выходить навстречу опасности. Сейчас он решил выяснить, что именно его разбудило и почему необъяснимый страх не умолкал внутри его с тех пор, как он начал возделывать грядку с хранителем. Словно сработал звоночек — предупреждение.

Светили сразу обе Остранские луны. Вечером, когда загорались первые звезды, Олег всегда чувствовал странную тоску. Наверное, человек, летавший среди звезд, никогда не сможет об этом забыть и никогда не избавится от чувства неполноценности, лишившись этой возможности. Была еще и тревожная память о тех, кто терпеливо ждал среди этих ярких звезд его сообщения, сообщения, которое никогда не придет.

Левой рукой он провел по толстому кожаному поясу — единственной вещи из прежнего снаряжения, которую решил оставить при себе, объясняя это тем, что пояс с многочисленными карманами здесь ему пригодится. Лишь сейчас он признался себе, что это была ложь. Пряжка, которую в темноте нащупала его рука, напомнила об этом. Именно в ней скрывался сенсорный передатчик разового действия.

Но если бы сегодня он и решился отправить свое единственное сообщение, он не мог бы сказать ничего существенного, ничего такого, что помогло бы Корсинскому направить удар флота в нужное место. Его разведывательная миссия провалилась. Да и как могло быть иначе, если вместо разведки он занялся выращиванием идиотского зеленого столба на своем огороде?

Он знал, что Корсинский не будет ждать до бесконечности, в конце концов, федералы решатся провести ковровые бомбардировки планеты нейтронными бомбами, чтобы уничтожить на ней все живое. Если, конечно, им позволят это сделать. И получалось так, что как бы ни повернулись события, добром все это не может кончиться.

Неожиданно он поймал себя на том, что с тех пор, как исчез Эндерхил, вновь рассуждает как землянин.

Ночные светящиеся бабочки водили свои нескончаемые хороводы в вершинах деревьев. Казалось, лес состоял из сплошных рождественских елок.

И внутри всей этой сверкающей мишуры подарок в его огороде продолжал свой неумолимый рост. Не он ли стал источником тревоги, разбудившей его среди ночи, но почему именно сегодня?

Теперь даже в неверном свете Остранских лун он мог различить торчавшую над загородкой коническую вершину столба.

Ему пришла мысль о том, что сейчас еще не поздно прекратить все это действие несколькими ударами топора. Возможно, хватило бы даже одного удара.

Правда, рука, недавно державшая нож, все еще болела, и он сильно сомневался, удастся ли ему столь простым способом покончить с опасным существом. Но можно придумать что-нибудь оригинальней. Пожар, яд, упавший сверху камень... К сожалению, он понимал, что если планы по уничтожению хранителя увенчаются успехом, то многие вопросы так и останутся без ответов.

Интуитивно он чувствовал, что зеленый росток на его грядке неким невероятным и необъяснимым образом связан с одной из самых значительных тайн этой планеты.

Время от времени взгляд Олега сам собой возвращался к темневшей посреди огорода небольшой изгороди. В эту ночь там определенно что-то происходило. Сначала Олег не понял, почему так решил. Но потом все же догадался — бабочки.

Ночные бабочки всегда стороной облетали место, где рос хранитель, а сегодня их плотный хоровод вился прямо над изгородью. Такой рой они образовывали только над вершинами цветущих деревьев — но сейчас их интересовало что-то другое...

Казалось, так просто подойти и посмотреть, что там делается. Но Олег никак не мог преодолеть в себе непонятную смесь страха и отвращения. Трудно управлять своими чувствами, идущими из глубин подсознания и не подчиняющимися законам повседневной логики.

В конце концов, он все же с этим справился. Соорудил из тряпок факел, обмакнул его в

банку с топленным жиром, потом отыскал огниво, но факел пока зажигать не стал. Зато лишний раз проверил, насколько надежно подвешен топор у него на ремне. Затем медленно, осторожно, словно подкрадывался к опасному зверю, начал двигаться от дома к изгороди.

Когда до грядки хранителя осталось несколько метров, он почувствовал, что все поля вокруг этого места сжаты в тугой, плотный комок. Если бы у него был магнитометр, он мог бы в этом убедиться, но он и так знал, что не ошибся, некоторые люди обладали повышенным чутьем к концентрации силовых линий, таким чутьем обладали Танны, и Олег мог определить силу магнитного поля и даже вычислить количество гауссов. Здесь речь шла о тысячах. Подходить к такому магниту небезопасно, но он упрямо продолжал свое движение к намеченной цели.

Он знал, что не должен здесь находиться в это время, ощущение было очень сильным. Он едва справлялся с желанием повернуть обратно к дому.

Остановившись около загородки, он ударил по кремню куском хорошо обточенной углеродистой стали, и сноп искр сразу же поджег пропитанную жиром тряпку. Факел вспыхнул ярким желтым пламенем, Олег, стиснув зубы, распахнул калитку, сделал несколько шагов и поднес факел к растению.

Оболочка стебля лопнула. Свернувшись кольцами, словно кожура гигантского банана, она лежала теперь на земле, выделяя какую-то зеленую, резко пахнущую слизь. Внутри колец, покрытая толстым слоем все той же слизи, неподвижно застыла скорчившаяся человеческая фигура.

Существо сидело, обхватив колени руками и прижав к ним голову, словно не успело еще распрямиться, освобождаясь из тесного плена зеленой кожуры.

Когда свет его факела коснулся существа, оно медленно приподняло голову и, открыв большие, сверкнувшие в отраженном свете глаза, глянуло прямо в лицо Олегу.

«Уходи, — услышал он в своем мозгу четкий сигнал, первый с тех пор, как лишился своего дара на Ганимеде. — Ты не должен здесь находиться».

Сил сопротивляться у него уже не было, он израсходовал все свое мужество, пока двигался к изгороди. Послушно повернувшись, Олег побрел обратно к дому.

Ощупью, словно лунатик, он отыскал постель и, свалившись на нее, сразу же забылся тяжелым, без сновидений, сном.

Поздним утром, когда яркое солнце уже заливало все вокруг своими желтоватыми лучами, Олег проснулся от странного мелодичного звяканья. Будто время от времени кто-то дотрагивался до серебряного колокольчика, не решаясь в него позвонить... В доме кто-то был, кто-то посторонний...

Олег попытался отыскать топор, но его не оказалось на обычном месте, под кроватью. Болтались лишь обрывки шнурка, которым он был вчера привязан к поясу. Чувствуя себя без своего единственного оружия совершенно беспомощным, Олег на цыпочках подошел к двери и осторожно заглянул на кухню через щель в приоткрытой двери. Картина, которую он там увидел, могла вывести из равновесия кого угодно.

За столом, накрытым белой скатертью и уставленным старинным серебром, сидела женщина...

Но какая это была женщина! Длинные густые локоны непокорной волной спадали на белоснежную шею. Лицо утонченное, с той особой, почти прозрачной кожей невероятной белизны, какая бывает лишь у восточных красавиц из сказок Шахерезады, с глазами темного бархата и бездонной глубины... Плечи открыты роскошным вечерним платьем, две руки — словно белые птицы, порхавшие над столом...

Потрясенный Олег, еще не поверивший в реальность этого видения и не сумевший связать его с результатами ночного кошмара, перевел глаза на стол, где дымился обильный завтрак.

Бекон с яичницей — его любимое блюдо, о котором он старался не вспоминать со дня высадки. Кофе — лучший бразильский сорт, обоняние на этот счет его никогда не подводило...

Ему не хотелось просыпаться. Такой сон должен длиться бесконечно. Но голос, чистый певучий голос назвал его имя:

— Олег! Хватит прятаться за этой дверью, ты и так заставил ждать себя слишком долго. Завтрак совсем остыл.

Он все еще не мог соединить в своем сознании сидящую за столом красавицу с тем ночным комком слизи, воспоминания о котором вызывали лишь тошноту.

— Откуда посуда? — Ничего умнее этого вопроса он не сумел из себя выдавить, открыв наконец разделявшую их дверь.

— Тебе больше не нужно будет ни о чем беспокоиться, милый, я обо всем позабочусь. У тебя будет все, что тебе нравится.

Только сейчас в нем вновь проснулась способность рассуждать здраво.

Женщина... И, разумеется, очень красивая. При таких возможностях, как у них, ничего не стоит использовать эталоны земной красоты. Современный компьютер способен воспроизвести в любом материале точную копию статуи Венеры Милосской. Каким-то образом они сумели это проделать с биологической субстанцией. Он не знал, что собой представляют эти таинственные «они», но не сомневался, что в конце концов разберется и в этом.

Теперь же Олег вообразил себе, как должна была бы выглядеть студия по производству совершенных биологических роботов.

В кабине ставят статую или живую, специально отобранную красотку, «Мисс Федерация» например. Впрочем, подсознательно он тут же поправился. В данном случае это вряд ли была «Мисс Федерация».

Луч лазера, вращаясь вокруг ее фигуры, запечатлеет на золотом компьютерном диске информацию о пространственных координатах каждого миллиметра ее кожи. Затем уже другой аппарат, используя полученные голографические координаты, воссоздаст точную копию объекта...

Как просто можно все объяснить, особенно если не смотреть в ее фантастические глаза, в глубине которых вспыхивали фиолетовые искорки.

Он по-прежнему не понимал, кто мог воплотить в жизнь столь сложный биологический объект — живую копию земной женщины — но не сомневался в том, что этот «кто-то» существует и что именно он и ответственен за кровопролитную космическую войну.

И еще в одном он больше не сомневался — в том, что этот могущественный разум находится именно здесь, на Острани.

У него был небольшой опыт, связанный с ментальной работой мозга. Он прочитал на эту тему все работы, какие сумел достать. Ментальное воздействие на материю такой интенсивности возможно только с близкого расстояния.

Самой малости им не хватило, чтобы он попался на предложенную приманку. Ночной визит в огород все испортил. Теперь он не мог отделить в своем сознании сидящее за столом существо от ночной грядки.

Все эти мысли пронеслись в его голове за то короткое время, пока он проделал два неверных шага, отделявшие его от стола.

Он сидел за него так, словно входил в клетку к тигру. Но кофе оказался натуральным, а серебряные чашки звенели, как колокольчики...

Однажды, еще мальчишкой, он сбежал из федерального приюта. Потом его поймала полиция и водворила обратно. Но за эти несколько дней свободы он успел пошататься по городу... Почти все стерлось из памяти, только не этот серебряный сервиз...

Олег увидел его в витрине антикварного магазина и несколько минут, как зачарованный, разглядывал удивительные сверкающие вещи. Возможно, он воспринял тогда серебряную посуду как некий символ — символ богатства и семейного благополучия, всего того, чего он был лишен навсегда.

Именно этот сервиз стоял у него на столе.

Покончив с кофе и с беконом, справившись за время завтрака с вихрем

противоречивых чувств, захлестнувших его, Олег задал прекрасной незнакомке первый вопрос:

— Для чего тебя послали? Что им от меня нужно?

— Меня никто не посылал, милый. Ты сам вырастил меня. Теперь я твой хранитель. Она пила кофе маленькими глоточками, изящно изогнув руку. Чересчур декольтированное вечернее платье, вряд ли пригодное для первого семейного завтрака, открывало гладкую, матовую, слегка загоревшую кожу, так поразившую его, когда он впервые увидел ее сквозь щель в двери. Такая кожа бывает лишь у красоток на обложках модных журналов или у роботов и не бывает у живой женщины.

Почему-то ее обращение «милый» хоть и резало слух, но не вызывало серьезного внутреннего протеста. Возможно, поэтому он излишне небрежным тоном спросил:

— Как тебя называть?

— Ты сам должен дать мне имя — то, которое тебе больше нравится.

— Хорошо. Я буду звать тебя Элем.

— Ты уверен, что это женское имя?

— Нет. Но я не уверен и в том, что ты настоящая женщина.

— Вот как? — Она улыбнулась, но огонь от этой улыбки мгновенно пробежал по его жилам, заставив проснуться инстинкты, без всякого сомнения подтверждавшие, что перед ним женщина. Та самая прекрасная женщина, которую он, возможно, мечтал увидеть всю свою неприкаемую и одинокую жизнь.

— Откуда ты все это берешь: посуду, завтрак, платье?.. — спросил он первое, что пришло в голову, лишь бы только разбить колдовское очарование, вызванное ее улыбкой.

— О, это очень просто. Достаточно лишь представить себе нужную вещь, и она появляется.

— Вещи не появляются сами собой из воздуха. Кто-то должен тебе помогать.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Вещи всегда появлялись сами. Скажи, что тебе нужно, или подумай об этом, и я покажу, как это делается.

Он подумал о вазе с цветами, и она тут же появилась на столе. Правда, цветы оказались искусственными. Но внешне они ничем не отличались от живых. Секунду назад вазы не было, и вот она уже стоит на столе, словно на киноплёнке сменился кадр.

— У меня так не получится.

— Конечно. Для этого существуем мы, хранители.

Он думал о том, что в ее маленькой головке, даже во всем ее теле, не мог бы поместиться генератор, способный преобразовывать материю.

Скорее всего она лишь передатчик какого-то внешнего воздействия и, вполне возможно, даже не подозревает об этом.

Если бы он решил продолжить свою разведывательную миссию на Острани, то самым важным в ней стало бы нахождение центра, из которого исходило подобное воздействие. Не существовало приборов, способных его уловить, о природе такого воздействия земная наука не имела ни малейшего представления.

Неожиданно он вспомнил о том, что любая его мысль немедленно становится ей известна, и ужаснулся незащищенности своего мозга. Когда он сам обладал похожими способностями, воля любого человека, в чью голову проникал его ментальный щуп, могла быть сломлена...

— Тебе не стоит этого опасаться. Хранители никогда не сделают ничего такого, что может нанести вред тому, кого они охраняют. Я читаю твои мысли лишь для того, чтобы лучше знать, чего ты хочешь. Чтобы можно было исполнить любое твоё желание. Именно для этого я здесь и появилась.

— Ну еще бы... Так значит те, у кого есть свои хранители, могут запросто ничего не делать? Даже инструменты, с помощью которых строятся дома или ведется охота, им не нужны? Ведь хранители могут воспроизвести любой материальный объект в готовом виде...

— Не всякий объект — пищу людям по-прежнему приходится добывать самим.

— А как же кофе?

— Это всего лишь суррогат, имитация. Все остальное я нашла в кладовке Эндерхила.

Значит, ей биологическая материя не подвластна, только те, кто создал ее самое, способны к подобным преобразованиям. Почему-то они решили ограничить ее возможности... В этом стоило разобраться более подробно.

— Хранители могут создать любой предмет, который им необходим?

— Мы делаем это только по желанию наших хозяев, если этот «предмет» способен доставить им удовольствие.

Ну конечно — «хозяев». Интересно, кто на самом деле исполняет эту роль. Теперь понятно, почему за сорок лет в колонии Таннов не появилось ничего, кроме примитивных хижин.

— Это зависело только от них.

— Конечно. Достаточно лишь учесть фактор природной лени, свойственный большинству из нас, и развитие общества будет остановлено.

— Ты все время чем-то недоволен, и я никак не могу понять, чего именно ты боишься. Если бы ты мне это объяснил, я могла бы ликвидировать любую угрозу.

— Даже если для этого придется уничтожить жизнь, другого человека, защищенного таким же, как ты, хранителем?

— Мы никогда не вмешиваемся в споры между людьми. Я понимаю значение слова «убить», но не знаю, почему простое распыление биологического объекта вызывает в тебе столько отрицательных эмоций.

Впервые за время этой беседы он почувствовал, как ледяной холод пронзил его с ног до головы. И впервые по-настоящему, уже не умом, а всем своим существом, ощутил он то чужое, что скрывалось под этой красивой соблазнительной оболочкой.

— Значит все же существует кодекс определенных правил твоего поведения... А откуда тебе известны эти правила? Откуда вообще ты знаешь так много? Ты училась этому? Что ты знаешь о самой себе?

— Ты задаешь странные вопросы. Я помню себя с момента пробуждения, и с этого момента я знала все, что необходимо знать.

— Но время от времени, когда возникают сложные, непредвиденные ситуации или тебе нужна помощь, можешь ты обратиться к своим хозяевам?

— Мой хозяин — ты.

Разговор снова, в который уж раз, зашел в тупик, и вряд ли ему удастся добиться большего. Она всего лишь инструмент. Биоробот. Она знает все, что ей положено знать — не больше и не меньше. И снова перед ним встала та же дилемма: принимать предложенную игру и постараться получить через свою «хранительницу» максимально возможное количество информации или попытаться избавиться от нее?

Если ему это удастся... Но тогда придется искать этот проклятый центр самому, и, возможно, на это ему не хватит всей жизни.

— За что ты так ненавидишь меня, Олег?

Эта фраза насторожила его больше всего остального. Если ей удастся перевести их необъявленный поединок в эмоциональную сферу, если она на самом деле способна на эмоции, он проиграет наверняка...

— Я ничем не отличаюсь от других людей. Разве только непривычным для тебя способом рождения, но во всем остальном...

— В этом-то я как раз и не сомневаюсь. Вот разве что детей ты иметь не сможешь.

— Откуда ты знаешь об этом?! — Впервые он почувствовал, что задел в ней что-то по-настоящему больное и, может быть, самое главное.

— Иначе просто не может быть. Ведь вы созданы для того, чтобы уничтожить на Острове человеческую колонию, а не для того, чтобы ее увеличивать.

— Если бы вас хотели уничтожить, это уже было бы сделано и куда более простым способом! Можешь не сомневаться и в том, что если бы не хранители, от людей здесь давно

не осталось бы и следа!

Глаза ее сверкнули от гнева, и он вдруг понял, что это не притворство, что он действительно задел ее за живое, а это означало...

В том-то и дело, что он не знал, что это должно означать. У биоробота ведь не бывает эмоций.

— Ты права. В том, что без помощи извне люди не смогут здесь выжить, я убедился на собственном опыте. Значит, существует гораздо более важная причина вашего появления. В чистый альтруизм твоих настоящих хозяев я не очень-то верю.

Неожиданно он замолчал, осознав, что вместо того, чтобы получать от нее информацию, он заполняет пробелы собственными догадками. И невольно открывает ей все, что знает сам. Ненавязчиво и незаметно они поменялись ролями.

Глава 18

Вечер неумолимо приближался. Олег, для вида копавшийся весь день в огороде, все яснее осознавал, как трудно ему будет выиграть предстоящее ночное сражение.

Все, что было до этого — так, пустячки, легкая разведка боем. Но если он ляжет с ней в постель, возврата уже не будет. Его зависимость от этого демона в облике земной женщины станет абсолютной. Он это прекрасно понимал, однако понимал и то, что никуда ему от этого не деться. Последний раз он был с женщиной почти полгода назад...

Он вспомнил лайнер, Илен, и на какое-то время эти воспоминания своей болью притушили пылавший внутри его огонь.

Оставался единственный способ уйти от предстоящего поединка. Сбежать. Сбежать прямо сейчас, не возвращаясь в дом.

Чтобы не передумать, он немедленно стал приводить в исполнение мгновенно возникший план.

Прежде всего — никаких мыслей об этом. В какой-то степени, когда он обладал ментальными способностями в полном объеме, Олег научился защищать свой мозг от посторонних проникновений. Сейчас пришло время использовать эти навыки.

Простенькие, ничего не значащие мысли завертелись на поверхности сознания — о том, что грядку стоит вскопать на самом дальнем конце огорода, поближе к лесу. Там, в тени деревьев, растения вырастают сочными. Корни придется вырубать, и для этого ему понадобится топор... Жара сегодня слишком сильна, ему все время хочется пить, и стоит захватить с собой флягу...

Наконец все было готово. Продолжая упорно думать о твердой почве в конце огорода, он незаметным скользящим движением нырнул в подлесок и побежал вперед со всей скоростью, на какую только был способен.

Через два часа такого бега, запыхавшийся, но счастливый и очень довольный собой, он без сил свалился на мягкую мшистую подстилку под огромным деревом, росшим на краю лесной поляны.

Вечер уже захватил лес своими мягкими лапами. В неверных сумерках двигаться бесшумно, не спотыкаясь о корни и гнилые ветки, стало теперь невозможно.

Олег решил, что убежал достаточно далеко. Найти его в этом лесу совсем не просто, сил оборудовать подходящий ночлег уже не осталось, и он решил провести ночь прямо под деревом.

Он не забыл о хищниках Остранского леса, но почему-то не вполне понятное, блаженное ощущение безопасности овладело его сознанием. Он попытался разобраться в источнике этого ощущения, но в голову ничего не приходило, кроме идиотской мысли о том, что раз он вырастил своего хранителя, тот обязан о нем заботиться, независимо от места нахождения хозяина. Какое-то время его беспокоила мысль о том, может ли хранитель выполнять возложенные на него обязанности, не зная точно, где находится объект его опеки. Сомнение какое-то время мешало Олегу заснуть — но не слишком долго.

Проснулся он от прикосновения и несколько секунд не мог понять, что с ним происходит и где, собственно, он находится.

Чьи-то нежные руки мягко массировали ему шею и затылок. Ярко светили обе луны Острана. Его голова покоилась на коленях Эль.

— Это замечательно, милый, что ты решил провести нашу первую ночь в лесу.

Ее долгий чувственный поцелуй заглушил его последний, не вырвавшийся наружу вопль ужаса.

Столица княжества Сейфов состояла из двух десятков маленьких хуторов, тесно прижавшихся друг к другу и плотным кольцом окружавших замок своего сеньора.

Сам замок, построенный с размахом и большой претензией на роскошь, являл собой странное сооружение, в котором мирно уживались различные эпохи и стили.

В этом не было ничего удивительного. Замок строили по сохранившимся в памяти князя обрывочным сведениям, почерпнутым из исторических книг еще во время жизни Таннов на Земле.

В строительстве замка сами Танны участия почти не принимали — все делали хранители. И можно было, не стесняясь в средствах и материалах, воплотить в жизнь почти любую фантазию.

В результате, несмотря на претенциозность, у князя Багранцева получилась неплохая крепость.

Замок строили в тот период, когда Танны еще не были уверены в том, что хранители останутся с ними навсегда, и старались обезопасить себя от многочисленных непрошенных гостей дикой планеты, куда их забросила судьба, направляемая произволом федеральных властей Земли.

Как выяснилось впоследствии, хотя дикие звери благодаря хранителям и не беспокоили колонию, мощная крепость сослужила им неплохую службу в период междоусобных войн. В эти трудные годы от сообщества Таннов откололась его меньшая половина, люди которой, назвавшие себя Вольными Охотниками, отказались выращивать хранителей и предпочли самостоятельно противостоять дикой природе Острана, ведя непрерывную изнурительную борьбу за выживание.

Видимо, не совсем случайно получилось так, что среди этих людей многие были женаты и во время раздела увели с собой почти всех выживших после эпидемии женщин.

В то время упоенные новизной и очарованные своими новыми, выращенными на грядках подругами Сейфы не возражали против этого. Но позже, когда они осознали, что полностью лишились потомства, начались походы в селения Вольных Охотников для похищения женщин и долгая междоусобная война, не прекращавшаяся до сих пор.

Несмотря на все просьбы Сейфов, хранители наотрез отказались участвовать в войне, даже косвенно. Они не соглашались производить не только оружие, но и материалы, которые могли быть использованы для его изготовления. Поэтому война велась весьма примитивными средствами, и конца ей не было видно.

Старый князь только что закончил завтрак, во время которого ему прислуживали сразу три хранительницы, положенные его высокому рангу, когда вошел глашатай.

— Светлейший князь! Твоего высочайшего внимания просит прибывший из нашего пограничного поселения Эндерхил. Он утверждает, что на его хуторе появился новый поселенец.

— Какая чепуха! После того как нас выбросили, здесь не приземлялся ни один корабль. Это наверняка шпион, подсланный Охотниками. Пусть Эндерхил войдет. Неужели я сам должен разбираться в каждом пустяке!

Эндерхил, впервые удостоившийся чести лицезреть светлейшего, тем не менее особого почтения не проявил. Его хватило лишь на короткий поясной поклон.

Новые традиции прививались с трудом, и князю, заботившемуся главным образом о почтительном отношении к власти как к таковой, приходилось зачастую утверждать их грубой силой.

В другое время стражники научили бы вежливости этого провинциального дикаря, но сегодня князь лишь недовольно поморщился.

— Так что там у тебя стряслось? Откуда взялся чужой человек?

— Он пришел с восточной стороны. Там степь, а дальше неисследованные земли.

— Пешком пришел?

— Пешком.

— Ты не слышал шума корабельных моторов, грохота, не видел вспышек?

— Ничего этого не было, светлейший.

— Тогда почему ты решил, что этот человек Танн?

— Потому что он ничего не знал о наших правилах, на нем была земная одежда. Кроме того, вначале, пока он не стал осторожнее, мне удалось прочитать некоторые его мысли.

— Ты хочешь сказать, что он умеет закрывать свое сознание?

— Несомненно, светлейший. Вначале он, видимо, просто не догадался этого сделать.

— Из всего, что ты рассказал, для меня совершенно ясно, что к тебе проник шпион Охотников. Как же ты с ним поступил?

— Вначале я так и подумал. Но Охотник никогда не согласится вырастить хранителя, а этот человек согласился.

С минуту князь задумчиво поглаживал свою ухоженную бороду, черным клином спадавшую на воротник.

— И что же, это ему удалось?

— Несомненно. Как только появился росток, я поспешил к вам с докладом.

С минуту князь молчал, его зеленоватые глаза внимательно изучали лицо Эндерхила, словно надеялись прочитать на нем некие утаенные от него сведения. Но Багранцева недаром называли мудрым. Бросив взгляд в сторону старшего члена совета, всем своим видом изображавшего глубочайшее раздумье, князь решил, что тот скорее всего в эту минуту подсчитывает, какую часть из утаенной сборщиком налогов суммы он положит в свой собственный карман. Отвернувшись от советника и еще раз проанализировав только что полученную информацию, князь вновь обратился к Эндерхилу:

— Насколько силен этот человек? Он выглядит опытным воином? Если я пошлю пятерых всадников, этого хватит, чтобы захватить его живым?

— Оружия у него нет, но и без оружия чужеземец в одиночку справился с Летящим Котом.

— В таком случае я пошлю десять.

Олег проснулся в умытом росой, ярком и неправдоподобно тихом лесу. Только созревающие стручки на деревьях своими щелчками изредка нарушали утреннюю тишину.

Рядом, отбросив в сторону сотворенное ночью одеяло и раскинув руки, словно хотела обнять ими утренний лес, спала Эль.

Олег не понимал, спала ли она на самом деле или только имитировала сон. Он все еще знал о ней слишком мало.

На соседнем кусте, словно флаг его капитуляции, трепыхалось на ветру ее вечернее платье. Белья, как он и предполагал, под ним не оказалось, Эль спала обнаженной.

Возможно, она не чувствовала холода. Возможно, ночью ее страсть была сплошным притворством.

Все это теперь не имело никакого значения. Он стал пленником хозяев этой планеты, и его охраняет красивый тюремщик. Для чего-то им понадобилось подсластить пилюлю. Возможно, лишь для того, чтобы...

Неожиданно Эль села, одним неуловимым движением скользнула внутрь своего платья и теперь стояла перед ним, пытаясь привести в порядок спутанную копну волос. Ее глаза насмешливо искрились.

— Прекрасное утро, правда, милый?

— Перестань называть меня «милый».

— Хорошо, милый, не буду. Но, знаешь, тебе следует привести себя в порядок. Сюда

едут чужие люди. Олег мгновенно оказался на ногах.

— Какие еще люди?

— Я могу узнать лишь одного из них. Это Эндерхил. Неожиданно Эль нахмурилась.

— Они закрывают свое сознание, но все же я сумела уловить кое-что... Они замышляют что-то недоброе. В их мыслях много коварства.

— Они ведь не знают, что мы здесь, в лесу?

— Эндерхил знает. Он сумел настроиться на твой мозг еще раньше и найдет тебя где угодно.

— Проклятье! Далеко они?

— Полчаса быстрой езды... Я не смогу тебе помочь. Даже предупреждать тебя я не имела права. Хранители не вмешиваются в дела людей.

— В таком случае будет лучше, если ты вернешься домой.

Она тут же исчезла. Не испарилась, не растворилась в тумане и никуда не убежала. Секунду назад стояла перед ним, расчесывая волосы шикарным гребнем, одним движением полученным из воздуха, и вот ее уже нет.

Странно, что он не проверил этот простейший способ избавиться от нее сразу, как только она появилась.

Теперь ничто не отвлекало его от предстоящего боя. Не зря Эндерхил ему не нравился. В конце концов их знакомство должно было закончиться схваткой.

Кроме топора, у него не было никакого оружия, и он чувствовал себя беспомощным. Если бы он имел дело с обычными ищейками, с собаками, например, он знал бы, как поступить. Но он не представлял, каким образом можно уменьшить запах собственных мыслей.

Они появились намного раньше, чем он предполагал. Олег не успел занять подходящую для обороны позицию и стоял теперь, упершись спиной в ствол толстого дерева, под которым провел ночь. Десяток верховых, вооруженных примитивным холодным оружием, неторопливо окружали его со всех сторон. Очевидно, предстоящая операция не казалась им слишком трудной.

— Эндерхил! Где ты там, покажись! — Стальные забрала, защищающие от прямых сабельных ударов, мешали ему рассмотреть их лица.

Олег понимал, что у него будет одна-единственная возможность послать топор в нужное место, и он не хотел ошибиться. До тех пор, пока среди них находилась эта ментальная лисица, ему не уйти от преследования, даже если удастся пробиться через их кольцо.

Они набросились на него, прежде чем Олег успел отыскать нужную цель. Почти сразу он понял, что не уступает в реакции настоящим Таннам, а в силе явно превосходит нападавших.

Кроме того, всадники, выполняя приказ князя доставить незнакомца живым, действовали осторожно, и это на первых порах давало Олегу известное преимущество.

Сейчас он использовал топор, как оборонительное оружие, и весьма успешно. Острое, как бритва, лезвие, которое не могли затупить никакие удары, перерубало пики и мечи так просто, словно они были сделаны из фанеры.

Однако этот неравный поединок не мог продолжаться слишком долго. Всадники осадили лошадей назад. А двое, растянув между собой веревочную сеть, с двух сторон обогнули дерево, спиной к которому оборонялся Олег.

После этого нехитрого маневра он оказался прижатым к стволу веревочными ячейками. И хотя единственным взмахом топора ему удалось прорезать в сети довольно широкую дырку, это мало ему помогло. Всадники, не приближаясь к нему на расстояние удара, несколько раз объехали вокруг дерева, все туже накручивая на него веревки.

В конце концов сопротивление пришлось прекратить.

Связывали его умело, со знанием дела, и вырваться во время этой процедуры ему не удалось.

Впрочем, убивать его явно не собирались, и значит он им зачем-то нужен. Впрочем, любое изменение в его теперешнем положении могло оказаться полезным. По крайней мере, это сулило новую информацию и возможное избавление из его сладкой тюрьмы.

Пленившие его дружинники обращались с ним не слишком грубо, возможно, потому, что во время короткой схватки он не успел ранить никого из них, а силу и ловкость в противниках они уважали.

Его привязали к седлу, и лишь теперь он обратил внимание на то, что сидит вовсе не на лошади.

Туловище животного, лишь спереди напоминавшего лошадь, постепенно переходило в толстый, закрученный спиралью хвост.

Хвост этот во время движения приподнимался, а на стоянках использовался вместо подставки. Он узнал, что таких животных называют «коньки».

Наконец кавалькада двинулась в путь. Солнце уже взошло над лесом. Сотни мелких дневных тварей странного вида выползли из своих укрытий и время от времени выпрыгивали прямо из-под широких мягких лап коньков.

Примерно через полчаса непрерывного однообразного движения Олег неожиданно услышал печальный голос Эль:

— Дальше я не могу за тобой следовать. Теперь ты остаешься один. Возвращайся скорее, милый.

— Будьте внимательны. Здесь кончается территория его хранителя, а до наших два дня пути, — проговорил старший из всадников, лишний раз подтвердив его догадку о том, что хранители не могли удаляться от дома дальше определенного расстояния. Вот почему сначала требовалось построить дом и лишь затем вскопать грядку для своего хранителя. Избавиться от него было гораздо проще, чем он это себе представлял.

Наверняка достаточно было попросить ее вернуться домой в тот вечер. Хотя сейчас он уже не жалел о том, что не сделал этого.

Когда граница зоны, в которой обитала Эль, осталась позади, Олег испытал нечто похожее на грусть, словно покидал близкого человека. Лишний раз отчетливо повторив про себя, что она не является человеком, он ничего не смог изменить в своем настроении...

К вечеру, после утомительного дневного перехода, когда Олег уже с трудом держался в седле, командир отряда наконец приказал сделать привал.

Они остановились в небольшой рощице, чем-то сразу же не понравившейся Олегу. Бывают такие места. Деревья здесь напоминали скелеты чудовищ, из болотной низины тянуло запахом протухшей тины, из логова какого-то местного монстра — прогорклым потом.

Руки ему развязали, чтобы дать возможность поесть и напиться, но они так сильно затекли, что Олег не смог сразу же утолить голод.

Из кустов, окружавших поляну, на которой начали уже разбивать походный лагерь, донеслось подозрительное клацанье, словно кто-то играл в лесу гигантскими кастаньетами.

Олега поражала та молчаливая слаженность, с которой действовали Танны в момент появления любой опасности.

Командир еще не успел подать нужной команды, а дружинники уже выстроились кольцом, развернув пики в сторону враждебного леса и прикрывая животных и поклажу. Олег, по-прежнему привязанный к седлу и чувствовавший себя от этого совершенно беспомощным, оказался внутри этого живого кольца.

— Крабсы. Здесь их целая стая. Прошлый раз нам удалось проскочить, но на этот раз стычки не избежать... — проговорил один из воинов, обращаясь к Олегу, единственному из всех не понимающему, что происходит.

Подтверждая его худшие опасения, из леса показались кошмарные твари.

Плоские костяные коробки около двух метров в поперечнике поддерживали над землей шесть пар лап, увенчанных спереди огромной клешней. Твари казались увеличенной копией земных сухопутных крабов, вот только мощный плоский хвост, отталкиваясь которым от

земли эти создания могли проделывать длинные и неожиданно высокие прыжки, выбивался из этого сходства.

Крабсов было штук двадцать, и атаковали они сразу со всех сторон, стараясь своими тяжелыми костяными корпусами, пролетавшими по воздуху, прорвать кольцо пикейщиков.

Но Танны, похоже, не первый раз отражали подобные атаки и действовали дружно и слаженно.

Половина воинов длинными пиками отбрасывала крабсов и держала их на безопасном расстоянии, не позволяя пустить в ход острую клешню.

Остальные, вооружившись кожаными пращами, раскручивали над головой тяжелые камни и, улучив момент, обрушивали удар на очередного хищника. От каждого такого удара панцирь крабса лопался, и оглушенное чудовище переворачивалось на спину или начинало в агонии судорожно и бессмысленно носиться по кругу, пока не наступала смерть.

Но число нападавших было слишком велико, да и удержать на острие пики валившегося сверху крабса, весившего не одну сотню килограммов, задача не из легких.

В конце концов кольцо оказалось прорванным сразу в двух местах. Один из прорвавшихся крабсов ударом клешни отсек ногу соседнему с Олегом коньку. Несчастное животное дико завизжало, и это послужило сигналом к паническому бегству всех остальных.

Прежде чем животное под Олегом рвануло к лесу, второй крабе, оказавшийся в этот момент совсем рядом, попытался нанести по всаднику смертоносный удар клешней.

Ближайший в кольце оцепления воин частично парировал удар, успев просунуть в щель клешни наконечник пики. Но даже стальное лезвие не выдержало напора этих живых ножиц.

Клешня лязгнула совсем рядом с несущимся во весь опор коньком Олега. Он просто чудом избежал второго удара. Нет ничего отвратительней, чем чувствовать свою полную беспомощность в пылу всеобщей схватки.

Секундой позже он понял, что конек вынес его из кольца схватки и бешеным галопом направлялся к лесу.

Стараясь избежать падения во время этой беспорядочной скачки, Олег сильно рванул веревки, которыми был прикручен к седлу, и вдруг понял, что стягивавшие его путы перерезаны в нескольких местах.

Удар крабса освободил его, Олег повернул конька обратно, к смертоносному кольцу. Не в его правила было бежать с места схватки, однако подоспел он уже к самому ее концу, столь быстротечен и стремителен был этот бой. Половина крабсов оказалась перебита точными ударами пращей, остальные повернули к лесу, преследуя нескольких коньков, вырвавшихся из кольца. Позже он узнал, что их выпустили специально, чтобы отвлечь атакующих монстров от обоза.

Увидев вернувшегося Олега, командир усмехнулся и сказал:

— Ты поступил мудро. В этом лесу человек недолго живет в одиночку.

— Я бы не вернулся, если бы не хотел выяснить, для чего я вам понадобился.

— Спроси об этом у нашего князя. Мы лишь выполняли приказ.

Однако с этого момента никто уже не обращался с Олегом как с пленником. Вместе со всеми он принял участие в поисках разбежавшихся по лесу коньков.

Найти до сумерек удалось лишь половину. На сооружение частокола для ночного лагеря не осталось времени, и ночевать пришлось на деревьях.

Привязавшись к стволу, чтобы во время сна не свалиться вниз, Олег долго не мог уснуть. Едва солнце зашло, небо прижалось к самым деревьям, а когда загорелись первые звезды, Олег подумал, что таким этот мир выглядел для него в самом начале, когда он раскачивался над планетой, подвешенный на стропах своего парашюта. Иллюзия полета была почти полной. Она помогала ему с помощью воображения переместиться в любое место. Например к дому, который он совсем недавно построил собственными руками. Какой-то очень древний и важный ритуал скрывался в строительстве дома... Потом была грядка, ночной визит в огород и завтрак. Не так уж много воспоминаний, но последнее...

Бегство в ночь, остановленное внезапной вспышкой страсти, совершенно не похожей на то, что он испытал с Илен.

В этом чувстве не было желания подчинить себе женщину или причинить ей боль. Возможно, потому, что Эль и так всецело принадлежала только ему, она помогла ему избавиться от комплекса, возможное развитие которого его так пугало. Хранители не способны на предательство, на ложь... И в том, что ему показалось вначале специально подготовленной для него тюрьмой, скрывалось так много прелести...

Вся эта планета со всеми ее хранителями, людьми и чудовищами, со всей бурной и непонятной со стороны жизнью целиком зависела теперь от того, сумеет ли он вовремя отыскать разгадку ее главной тайны — чья злая воля, чей коварный разум руководил отсюда развязанной против людей космической войной. Его интуиция обострилась этой ночью... Да и не нужно обладать никакой особой интуицией для того, чтобы догадаться — рано или поздно Земля нанесет ответный удар по агрессору. От этого удара Остран может погибнуть и, как всегда, в первую очередь пострадают те, кто ни в чем не виноват.

Он подумал о том, что до сих пор ему чертовски везло. И этот отряд подвернулся весьма кстати. В одиночку скорее всего он не сумел бы добраться до столицы Таннов...

Нашупав в темноте висевшую на поясе пряжку передатчика и убедившись, что с ней все в порядке, успокоенный Олег погрузился в короткий и чуткий сон, каким спят воины, вынужденные засыпать на поле боя.

Глава 19

На третий день пути отряд, пленивший Олега, подошел к Багранграду.

Домишки фермеров терялись на фоне крепостных стен. Своими мощными фортификационными сооружениями замок поразил Олега.

Если уж не города, то по крайней мере крепости здесь строили по-настоящему.

Стены из темного полированного гранита потрясали воображение непосвященного человека. Только хранители могли себе позволить подобное расточительство. Благо им для этого не требовалось физических усилий. Из-за тройной зубчатой стены выглядели узорчатые башни, купола и шпили.

Подъемный мост, гремя сверкающими никелированными цепями, опустился лишь после того, как один из воинов протрубил в серебряный рог.

Олег никак не мог отделаться от ощущения, что находится на огромной театральной сцене.

Весь замок да, если хорошенько разобраться, и все местное сообщество производили впечатление какого-то бесконечного карнавала.

В реальных условиях за прошедшие сорок лет с тех пор, как Танны покинули Землю, человеческие взаимоотношения, структура общества, производство, все это вместе не могло измениться так сильно. Оторванные от своих истоков, от искусства и информационного потока родной цивилизации Танны, во многом руководствуясь чувством протеста, создали этот странный карнавальный суррогат сообщества, благо хранители могли воплотить в жизнь любые фантазии своих хозяев и в кратчайшие сроки.

Спешившись во внешнем дворе замка, воины повели Олега бесконечной анфиладой лестниц во внутренние покои.

За время долгой дороги благодаря пережитым вместе опасностям его взаимоотношения с этими людьми стали почти дружескими. Но сейчас, на виду у княжеских телохранителей, они вели себя нарочито грубо.

Комната, в которую Олега довольно бесцеремонно втолкнули, вряд ли предназначалась для официальных приемов — скорее уж здесь проводились допросы и, кажется, с применением пыток.

Олег оказался в нескольких шагах от высокого кресла, в котором сидел пятидесятилетний мужчина в роскошных одеждах, украшенных драгоценными камнями.

— Я задам тебе только один вопрос. Если ты ответишь на него правду, то тебе удастся избежать всех этих неприятностей. — Князь кивнул в сторону палача, раздувавшего мехи возле своей коллекции инструментов.

«Быстро они вернулись в средневековье...» — подумал Олег. И это лишний раз доказывало, как непрочен культурный слой цивилизованного человеческого сообщества.

Времени у него оставалось совсем немного. Пока князь и в самом деле не приказал перейти к пыткам, нужно в корне изменить ситуацию.

Два охранника, не считая палача и самого князя, конечно, Танны, но теперь он знал, что сверхлюдей из них не получилось. А что касается навыков рукопашного боя, то те приемы, которым его обучали в разведшколе, им даже не снились.

Они сделали большую ошибку, не связав его снова, прежде чем доставили сюда. Начальнику отряда скорее всего за это не поздоровится, но это уж их внутренние проблемы.

Хранительницы вмешиваться не станут, а что касается остального, так это мы сейчас посмотрим...

Не раздумывая больше, он упал на пол, одновременно двумя руками подсекая стоявших перед ним стражей. Оба упали одновременно, а Олег, оттолкнувшись от пола, уже снова стоял на ногах.

Палач еще только нащупывал правой рукой щипцы, когда левая рука Олега послала в его сторону кинжал, который за секунду до этого торчал за поясом одного из упавших стражей.

Князь, только теперь начавший понимать, что, собственно, происходит, медленно поднимался из своего глубокого кресла — слишком медленно. Олег был уже рядом и, надавив пальцами правой руки на точки, парализующие мышцы его спины, мгновенно усадил князя обратно.

— Сидите спокойно, ваша светлость. Я шел сюда так долго вовсе не для того, чтобы беседовать с палачом, мне необходимо поговорить с вами в нормальной обстановке.

— Там, за занавеской, арбалетки. Стоит мне сделать знак... — задышавшись, выдал из себя князь.

— Но вы ведь его не сделаете. Вы понимаете, что умрете раньше меня. И ради чего? Я не собираюсь причинять вам никакого вреда. Мне всего лишь нужно побеседовать с вами без этих аксессуаров! — Олег кивнул в сторону раздутой жаровни, уткнувшись в которую, неподвижно лежал палач. — Вы чувствуете, здесь уже пахнет паленым. Давайте выйдем.

Князь колебался недолго. Идя впереди Олега и все время чувствуя острие кинжала на своем боку, он отдал необходимые распоряжения, и вскоре они оказались в комнате на самом верху юго-восточной башни.

Олег заметил эту изолированную башенку еще когда отряд подъезжал к замку, и теперь оставалось надеяться, что стража в точности выполнит указания князя и не станет форсировать события.

Снизу слышался топот сапог и звон оружия. Вооруженная охрана, похоже, уже заполнила всю лестницу.

— Ты ведь понимаешь, что тебя за это распнут на дыбе? — задышавшись от ярости, спросил князь, когда они остались одни.

— Возможно. Но сначала мы побеседуем.

— Кто ты такой и что тебе нужно?

— Надеюсь, вы знаете, что в космосе сейчас идет война?

— Знаю. И что дальше?

Самообладание к князю возвращалось слишком уж быстро. Возможно, в плане, экспромтом разработанном Олегом, существовал какой-то изъян. Самым главным теперь становилось время. Ему нужно было успеть всерьез заинтересовать князя до того, как прервут их уединенную беседу.

— Крейсера Рутян поднимаются отсюда, с Острана.

— Земные проблемы нас больше не касаются. Мы изгой, над которыми проделывали

преступные опыты. И если сегодня Земля понесет расплату за содеянное зло...

— Подождите. Все гораздо хуже, чем вы себе представляете. Земляне собираются сжечь Остран. И, поверьте, они могут это сделать. У меня осталось сорок дней. Если за это время я не отправлю сообщения с точными координатами Рутянской базы, с которой поднимаются космические крейсера, федеральный флот начнет бомбардировку по площадям и сожжет здесь все живое.

Никто Олегу об этом не докладывал и в материалах, с которыми его ознакомили перед высадкой, о бомбардировках не было сказано ни слова. Но существовала еще и интуиция. Он не лгал сейчас князю. Он просто знал, что так оно и будет.

— Даже такие преступники, как федералы, вряд ли на это решатся. Если они все же собираются это сделать, почему не сделали раньше?

Кажется, чего-то он все же добился. Напускная спесь постепенно, как сухая шелуха, слетала с князя.

— Ответ очень прост. Они до сих пор не уверены в том, что это остановит Рутян. Локаторные снимки не обнаружили на Острани ничего похожего на космодром. Федеральные власти в растерянности — но именно поэтому готовы пойти на любой отчаянный шаг. Последний удар Рутянского флота нанес им очень серьезный вред, они прижаты к стенке и вполне способны начать бомбардировки планеты.

— Вы хотите меня убедить, что прилетели с Земли? Что за странную игру вы ведете, юноша? Ни один человек не может прилететь оттуда. Если бы федералы могли заслать сюда своих агентов, они бы сделали это уже давно. Но небо Острана закрыто.

— Закрыто для всех, кроме Таннов, не так ли?

— Вы хотите сказать, что вы Танн?

— Вы могли бы это проверить.

— Зачем проверять то, в чем я не сомневаюсь? Конечно, вы Танн и пришли из земель Вольных Охотников. Под разные личины рядились их шпионы — но вы придумали нечто новенькое. Признаться, я вам почти поверил, пока вы не назвали себя Танном...

Во время последней фразы рука князя сделала легкое, едва уловимое движение, словно погладила завитушку лепнины на камине, возле которого стоял князь, и пол под Олегом провалился.

Время в темнице шло быстро. Слишком быстро. Никогда раньше Олег не предполагал, что такое возможно. Но звук бадьи, спускавшейся на дно ямы раз в сутки, напоминал ему свист нейтронной бомбы. Еще один день прошел. Еще на один день Остран приблизился к собственной гибели.

На дне бадьи он находил кусок черствого хлеба и глиняную кружку с водой. Воду тюремщики отпускали экономно. Умыться он не мог себе позволить, так как все время испытывал жажду.

Свет появлялся лишь на то короткое время, пока сверху спускалась бадья. Олег давно уже оставил всякую мысль о побеге. Веревка, на которой спускали бадью, была такой тонкой, что с трудом выдерживала ее вес.

Стены ямы, достаточно широкой, чтобы узник не мог упереться в них ногами, чтобы вылезти, выглядели совершенно гладкими. На подкоп у него все равно не хватило бы времени.

На вторые сутки он попробовал прослушать окружающее его пространство внутренним слухом, но ничего не услышал.

Ментальные способности, подававшие признаки жизни, вновь исчезли. Он мог слышать лишь очень сильные сигналы, направляемые ему специально с близкого расстояния. Даже Эль он не слышал ни разу с тех пор, как его увезли. Зато ночью его вновь посетило видение распадавшегося мира...

На этот раз детали увиденного были так отчетливы, словно он сам находился внутри макромира, надвинувшегося на его собственный...

Он плавал во всеобъемлющей гигантской пустоте, заполненной лишь редкими

вспышками энергетических полей или отблесками пронесившихся фотонов.

Самым удивительным в этом видении было остававшееся у него ясным сознание. Он понимал, что с ним происходят не совсем обычные вещи. Он слушал, запоминал, старался вынести из этой физической фантасмагории хоть какую-то полезную информацию...

Все вокруг него выглядело так, словно он сам уменьшился до размеров элементарной частицы, нейтрона например...

Он несся с огромной скоростью навстречу темному шару. Он не знал, что это было: ядро какого-то атома или поверхность другой такой же частицы?

Эта штука притягивала его, искривляя в пространстве светящуюся траекторию, которую вычерчивало его тело. В момент контакта или удара о поверхность этого шара мир вокруг него во второй раз мгновенно преобразился, словно в неведомом объективе поменяли фокусное расстояние.

Теперь он был заключен в небольшой объем, ограниченный темными мячиками атомов и прозрачными, но непроходимыми стенками геометрически правильных плоскостей. За прозрачными стенками виднелся бесконечный ряд похожих друг на друга ячеек.

Кристаллическая решетка какого-то твердого материала... По расположению отдельных атомов и по их размерам он попытался определить элемент периодической таблицы, к которому относилась эта решетка, но сингония была слишком сложной. Кроме того, мешали примеси, вторгнувшиеся извне, чужие атомы, искажавшие стройную, геометрически правильную картину его теперешнего мира.

И наконец в центре отведенного ему тесного пространства он вновь увидел существо из своих ночных кошмаров.

Оно висело, как паук, в центре ячейки, на невидимых силовых линиях, и ждало, когда он приблизится. Олег знал, что существу не придется ждать слишком долго.

Тесное пространство прозрачной клетки не позволяло маневрировать. И одного взгляда на это существо было достаточно, чтобы ясно представить, что его ждет.

Это был раздутый мешок с отверстием, обрамленным шевелящимися щупальцами, жадно выметавшими из пространства все, что можно съесть.

А затем появилось что-то еще... За стеклянными стенками его тюрьмы как из тумана возникли образы.

Уходящие в бесконечность ряды стеклянных комнат, соседствующих с его тюрьмой, одновременно наполнились странными видениями. Там что-то происходило. Что-то очень важное. Нечто такое, что он должен был понять.

От этого зависела судьба целого мира и его собственная судьба. К сожалению, он мог рассмотреть лишь ближайшие ячейки, примыкающие к геометрическому сооружению, в котором он находился.

Но и этого было достаточно, чтобы почувствовать... Две грани перед ним, и две разные картины за каждой из них...

Вот первая. Там ясно видно, как он выходит из лесу, недалеко от построенного им дома под руку с рыжеволосой женщиной. Счастливая улыбка блуждает на его лице... Но зато дальше полыхают огненные отблески пожаров...

Другая, противоположная грань. За ней застывшие космические корабли. Лидо Корсинского, склонившегося над приемником, и совсем близко, заслоня эту картину, две туманные фигуры — его и князя.

Он сидит в кресле, в той самой круглой башне, где прервалась их встреча, князь стоит перед ним... Неправдоподобная, малопонятная картина, и все же...

Все тот же выбор перед ним. Два пути. Та же дилемма, что мучила его перед отлетом сюда. Забыть про федералов, про войну, остаться здесь, обрести наконец свой собственный дом... И этот путь вел к гибели всей планеты — именно там, в дальних ячейках, полыхал огонь.

Или продолжить свою миссию, попытаться разгадать тайну Острана, забыв о собственной мечте, о собственной свободе, к которой он так рвался — зато тогда у него

появится возможность... Всего лишь возможность... Остановить войну...

От него требовали выбора — сейчас и здесь. Он понял это совершенно отчетливо. И, не раздумывая более ни секунды, Олег потянулся к той грани, что обещала остановить войну, спасти планету, которую, несмотря ни на что, он успел уже полюбить.

Он шагнул за грань, и дирижер всей этой невероятной симфонии, висевший над ним на силовых нитях, усмехнулся... Странная это была усмешка у существа, не имеющего даже намека на человеческое лицо, но зато способного если и не управлять будущим, то, во всяком случае, открывать в нем альтернативные пути...

Утром, когда ему спустили бадью с водой и неизменным куском черствого хлеба, он помнил все так же ясно, как будто это только что случилось.

Две прозрачные стены, сходящиеся под углом и ведущие в две разные инвариантности будущего.

Временная развилка, вот что это было такое, то самое мгновение, по прошествии которого будущее выберет одну из двух возможных дорог.

На этот раз выбор зависел и от него...

Несколько утолив постоянно мучившие его в этой яме жажду и голод, Олег стал думать над тем, что же собой представляло это таинственное явление, прикоснувшееся к его сознанию вот уже в третий раз. Первые два случая смутно напоминали попытку контакта. И во всех этих трех случаях — в этом он совершенно не сомневался — не было места ни галлюцинациям, ни игре больного воображения. Он хорошо умел контролировать свой мозг и знал, что подобные штучки ему просто не свойственны.

Значит контакт. Контакт с иным разумом, настолько не похожим на человеческий, что обычному обмену мыслями в нем просто не было места.

Он принял это как аксиому и стал рассуждать дальше. Если это контакт, если ему действительно предоставили возможность выбрать один из альтернативных путей, то в ближайшее время что-то должно произойти. И если его догадка подтвердится, то к видениям, посещавшим его время от времени, придется относиться со всей серьезностью.

Если это подтвердится, круг его поисков значительно сузится. Во всяком случае, Танны определенно не имели к этому отношения, вот разве что хранители, вернее те, кто их создал, кто зарядил их энергией и информацией. Нужно узнать о самых первых случаях, о том, где именно и почему появился первый хранитель. Что послужило толчком к этому совершенно непонятному и внешне вполне доброжелательному взаимодействию чужого могущественного разума с маленькой человеческой колонией. И еще одно он не забывал ни на секунду. Корабли, несущие смерть всем прочим земным поселениям, поднимались, вопреки этому дружественному контакту, именно отсюда. И это противоречие мешало Олегу выстроить все известные факты в стройную логическую цепочку — чего-то в добытой им информации не хватало, чего-то очень важного...

К полудню наверху послышался непривычный шум. Сверху упало кольцо толстой веревки. Он почти не удивился этому.

Одна ячейка жизни осталась позади. Начиналась новая.

Глава 20

Олег сидел в кресле, в той самой угловой башне, где состоялась предыдущая встреча с князем. Его руки были прочно привязаны к подлокотникам кресла, а само кресло стояло прямо над люком, достаточно было одного движения той коварной завитушки на камине, чтобы он снова отправился в яму. На этот раз они приняли все меры предосторожности...

На нем была чистая одежда, ему даже позволили вымыться. И картина в точности соответствовала ночному видению — не хватало пока только князя, но теперь можно было не сомневаться — он скоро появится... Очевидно, произошло нечто, заставившее его изменить отношение к пленнику, скоро он об этом узнает...

Больше всего Олега поразило совпадение мельчайших деталей в его видении и в

наступившей теперь действительности — он и в самом деле сидел в кресле, а князю во время их встречи придется стоять. Второго кресла здесь не было...

Больше не оставалось сомнений в серьезности предоставленного ему выбора. Интересно, каким образом он освободился бы из тюрьмы и попал на ферму, если бы выбрал второй вариант? Впрочем, теперь это имело чисто теоретическое значение.

Скрипнула дверь, и вошел князь. Телохранители остались на лестнице, и уже одно это говорило о том, насколько серьезно относился князь к предстоящему разговору.

С минуту он разглядывал похудевшее, только что выбритое лицо Олега, потом прошелся по комнате и остановился у камина. Сегодня камин топили, и от него шла волна тепла, доходившая до Олега. Ему казалось, что промозглая сырость глубокого подземелья, в котором он находился так долго, пропитала все его тело до самых костей. Но сейчас этот парализующий холод медленно покидал его, вытесненный живым теплом.

— Прошлая наша встреча закончилась не слишком удачно. Но в этом виноват ты сам. У меня были все основания не верить тебе. На Земле не осталось Таннов. И нам известно, что все данные и технологии, связанные с этим преступным медицинским экспериментом, были уничтожены по распоряжению правительства.

— Прошлый раз я не успел вам объяснить, что я стал Тайном лишь наполовину — меня донашивали в ваших баках после шести месяцев, проведенных в утробе женщины, отказавшейся впоследствии стать моей матерью.

— Я предполагал что-нибудь подобное. После нашей встречи я послал отряд и приказал обыскать все окрестности вокруг фермы Эндерхила. С помощью его хранильницы они кое-что нашли, и сегодня утром я получил сообщение...

— Они нашли остатки парашютной системы?

— Не только. Спрятанное тобой снаряжение в целости и сохранности будет доставлено в замок.

— Хорошо хоть за сорок лет вы не успели забыть, как выглядит парашют.

— Мы ничего не забыли. Скажи-ка мне, дорогой мой гость, что было в металлической коробке, найденной в среднем кармане твоего рюкзака?

Значит, это продолжение проверки. Здорово они боятся Вольных Охотников.

— Там был универсальный анализатор. На коробке крупно напечатан его номер «Джи-Эй-943845».

— У тебя хорошая память...

— Иначе меня бы сюда не послали. Князь кивнул и дернул за шнурок колокольчика. Появилась стража.

— Развяжите его, накормите и доставьте в голубую гостиную. Беседу продолжим там.

Это была странная комната. Во всяком случае, весьма необычная для средневекового замка. На небольшом столике в углу стоял современный видеокомплекс. Компьютер и навигационные приборы на рабочем столе. Подробная топографическая карта в полстены...

— Удивлены? Даже моя личная охрана не имеет права сюда входить. Так что гордитесь оказанным доверием.

— Но откуда все это?

— Собирал понемногу. Кое-что выменяли у бродячих торговцев, кое-что привезли с собой мои люди. Мне было двадцать, когда изгнали Таннов, я уже учился в колледже. Самым трудным оказалось сохранить тайну этой комнаты. У нас есть религиозное сообщество, которое объявило настоящую войну всему, что связано с материнской цивилизацией.

— А как на это реагируют хранильницы?

— Думаю, им это безразлично. Я даже попробовал однажды воспользоваться их помощью при ремонте вышедшей из строя микросхемы — но из этой затеи ничего не получилось.

— Почему?

— Они способны воспроизвести в материале лишь то, что имеет четкий отпечаток в

нашей памяти. Чем сложнее вещь, тем подробнее должны быть знания о ее устройстве. На определенном этапе вы получаете просто муляж. Никто из нас не в состоянии помнить, как устроен чип, содержащий несколько миллионов транзисторов.

— Но ведь они постоянно пропускают через себя весь поток информации, связанный с деятельностью людей. Я уверен, что эта комната не осталась ими незамеченной.

— Я думал об этом. Обратите внимание на стены. За этими двойными панелями установлены листы заземленного железа. Даже лучшая моя хранильница не слышит меня, когда я здесь нахожусь. Я проверял неоднократно.

Князь устало опустился в современное кресло с удобной спинкой, обтянутое плохо выделанной кожей какого-то местного животного. Странное сочетание. Впрочем, на этой планете все выглядит странно и несколько несуразно наверное, так бывает всегда, когда в сложившуюся среду обитания вторгается инородное образование.

— Что же вы молчите? Задавайте ваши вопросы. Представляю, сколько вы их накопили, пока я вас выдерживал в этой яме.

— Ну, для начала скажите, как здесь становятся князем? — спросил Олег, стараясь поддержать полушутливый тон беседы, предложенный Багранцевым.

— Хотите попробовать?

— Отчего бы и нет?

— В основном силой. Вам придется уничтожить всех остальных претендентов. Олег заметил, как потемнело лицо князя, отвечавшего на его вопрос, и понял, что время для шуток кончилось.

— Самое главное, что меня интересует, это, конечно, место, из которого стартуют корабли Рутян.

— Оно мне не известно. Есть только слухи, легенды и нет никакой достоверной информации. Однако, если соединить их вместе с современной топографией... — Князь встал и подошел к карте. — Когда нас высаживали, была произведена полная фотосъемка планеты.

— Я ознакомился с этими картами. На них нет ничего интересного.

— Совершенно верно. Съемочная аппаратура орбитальных зондов видит далеко не все. Вот здесь темная полоса. Если верить съемке — опушка леса, и ничего больше. На самом деле тень от деревьев скрывает узкую и длинную щель, идущую от подножья этих гор.

— Вулканический разлом?

— Возможно. Хотя разлом выглядит слишком уж свежим.

— Там были ваши люди, они его видели? Багранцев отрицательно покачал головой.

— Он слишком далеко. Да и не в разломе дело. Он ведет в еще более интересное место. На снимке это обширное пятно, закрытое облаками. Здесь постоянно присутствуют облака или какие-то вулканические испарения. Похоже на огромный кольцевой кратер. Возможно, там находится жерло древнего вулкана. Пасть Дьявола — так называют этот каньон, и вам придется до него добраться, если вас интересует информация о Рутянских крейсерах. Потому что, мне кажется, они поднимаются именно отсюда.

— Почему вы так думаете?

— Достоверной информации об этом районе нет. Он слишком далеко расположен за пределом маленькой полоски цивилизованных нашей колонией земель. Вся остальная планета — это огромное неисследованное пространство.

— За сорок лет вы не удосужились сделать даже этого — познакомиться с миром, в который забросила вас судьба! — с горечью заметил Олег.

— У нас были другие проблемы. Слишком много проблем. Главная из которых состояла в том, чтобы попросту выжить в этом враждебном человеку мире. Но вернемся к Рутянским кораблям.

На Острани нет других крупных поселений, кроме нашего. Будь иначе, мы бы об этом знали. Рутяне используют Остран как пересадочную станцию и приходят откуда-то извне. Как я уже говорил, достоверной информации об этом у нас нет, главный источник — слухи и

легенды охотников, доставлявших на наши рынки свежую дичь.

— Даже если вы правы, у них должна быть на Острани какая-то база, технический центр или пространственные ворота для гипертранспортировки что-то должно быть.

— И это «что-то» скорее всего находится в Каньоне Дьявола. Вы знаете, где расположен ближайший к нам магнитный полюс Острана?

— На севере, я полагаю.

— Он находится здесь, в каньоне.

— Вы хотите сказать, что до сих пор никто не удосужился произвести магнитной съемки планеты?

— Видимо, никому не пришло в голову, что магнитный полюс может так сильно не совпадать с географическим. Мы сами обнаружили это далеко не сразу. Аномалия интересная, но выяснить, чем она вызвана, мы не смогли. Таннов мало интересуют проблемы федералов. Кроме того, каньон расположен в глубине неисследованной территории и отделен от нас землями Вольных Охотников. Добраться туда совсем не просто. Но кто-то из Охотников, несомненно, там побывал, возможно, у них вы получите более полную информацию, если, конечно, останетесь живы.

— Многообещающее напутствие.

— Вся ваша миссия похожа на жест отчаяния. Плохи у федералов дела, если они послали одного-единственного человека с задачей исследовать целую враждебную планету.

— В этом вы, несомненно, правы. К сожалению, на Земле нашелся один-единственный человек, способный пройти через охранную зону планеты. Вы знаете, что она собой представляет?

— А что собой представляют хранители? У этой планеты много скрытых от людей тайн. Не думаю, что мы когда-нибудь разберемся в них полностью.

— Ну что же... Кто-то должен начать. Когда я смогу отправиться?

Что-то неуволимо изменилось во взгляде князя после этой фразы Олега. С какой-то непонятной грустью смотрел он теперь на него, словно вспомнил о собственной давно прошедшей молодости, когда любые трудности не воспринимаются всерьез.

— Вы хоть понимаете, куда собрались? Из Каньона Дьявола еще никто не возвращался.

— Значит, были попытки туда проникнуть?

— Сумасшедших везде хватает. Одна из Таннских легенд гласит, что в каньоне спрятано сокровище древней Лидянской цивилизации и что там может исполниться самое заветное желание.

— Ну вот видите — совсем не плохо для начала. Так когда я смогу отправиться?

— Если хотите получить свое снаряжение, придется подождать еще два дня. Вам все равно понадобится время, чтобы как следует подготовиться. Дорога будет нелегкой. Конвой я вам выделю, но он сможет сопровождать вас только до границы княжества. По землям Вольных Охотников вы пойдете в одиночку, а это больше тысячи километров. Выючных коньков и все необходимое для похода я вам тоже предоставлю — но это все, чем мы сможем помочь.

— Я, пожалуй, дождусь снаряжения, так у меня будет больше шансов добраться до цели. Могу ли я свободно передвигаться по городу?

— Конечно — вы мой гость. Но мне придется выделить вам телохранителя. Отношение к федеральным агентам у наших людей не самое дружественное.

Следовательно, без присмотра его не оставят. Но это не важно. Главное, Багранцев понял, что его миссия касается не только федералов. Благодарить он его не стал, вовсе не альтруизм им двигал. Похоже, князь поверил, что возможность бомбардировки Острана — вовсе не пустая фантазия Олега.

Время — вот что сейчас самое важное. Но ему придется пожертвовать эти два дня. Расставаясь со своим снаряжением, он не планировал подобного похода — он вообще ничего не планировал, он поступил как мальчишка, сбежавший со школьных занятий. Ощущение свободы его опьянило. Теперь за эту глупость приходится расплачиваться. Будет большой

удачей, если снаряжение вернется к нему в целости и сохранности. Судя по оборудованию этой комнаты, князь равнодушен к современной технике и вполне может оставить себе все приглянувшиеся вещи в качестве платы за содействие. Главное, сохранить за собой оружие. Хорошо хоть по внешнему виду никто, кроме него, не сможет отличить его от других приборов.

Присматривать за Олегом во время его прогулок по городу назначили того самого командира отряда, который руководил его захватом на ферме.

За время пути в столицу у них сложились если и не дружеские, то вполне уважительные отношения. Карил — как звали десятника, родился уже на Острани и Земли не знал. Обучение своих немногих детей Танны почти полностью передоверили хранительницам, но и те о Земле знали не много. Лишь обрывочные сведения, которые хранительницы извлекали из памяти своих хозяев, искаженные временем и старыми обидами Таннов, доходили до молодежи.

Карил вежливо, а порой с неподдельным интересом выслушивал рассказы Олега о технократической Федерации Земли, о полетах к звездам, о подводных городах, о поездах, способных за сутки пронестись через всю планету. Но было видно, что все это для него не более чем фантастические образы совершенно чужого мира. Так порой с интересом дети слушают сказки о драконах и волшебниках, чему-то верят в них, чему-то нет, но даже когда верят, этот мир для них слишком далек от повседневной жизни.

Первый выход в город разочаровал Олега прежде всего тем, что «городом» это скопление нескольких десятков огороженных крестьянских дворов вряд ли стоило называть. Спрятанные за крепостной стеной узкие улочки, отделенные от домов высоченными глухими заборами, производили странное впечатление.

В городе не было ни одного общественного здания, если не считать небольшого крытого рынка, где торговали только продуктами питания и домашними животными.

Не было ни одежды, ни предметов утвари, ни тех милых сердцу любого иностранца безделушек, без которых не обходится ни один рынок Земли.

Впрочем, в торговые ряды их привело весьма важное дело. Карил считал необходимым, чтобы Олег сам выбрал конька для предстоящего путешествия.

Конек значил для любого остранитянина гораздо больше, чем лошадь для древнего наездника Земли. В лесах, где опасность подстерегала почти на каждом шагу, от него зависела жизнь седока.

— Вообще-то конька хозяин выращивает с малолетства, и он остается верным ему. Это очень преданные и ласковые животные. Жаль, что у тебя нет времени вырастить своего конька — придется покупать дикого и объезжать его, постепенно приручая. Ни в коем случае нельзя приобретать того, что потерял своего хозяина. Такие животные опасны. Сохраняя до поры до времени видимость послушания, они в самый опасный момент выместят на седоке все свои накопившиеся обиды.

Олег внимательно рассматривал в торговых рядах странных животных, лишь с первого взгляда похожих на земных лошадей.

Морду конька украшали два подвижных кожаных уса, способных обхватывать и отправлять в рот внушительные пучки травы и древесных стручков. Длинная шея помогала им добывать себе пропитание с очень высоких деревьев. В лесу, похоже, с кормом для них проблем не будет, но вот дальше, в пустыне...

Об этом тоже следовало подумать сейчас. Олег попытался отыскать на рынке несколько подходящих выючных тюков, но когда Карил узнал, что, собственно, он ищет, откровенно развеселился и повел его к своей ферме, откуда и вернулся через пару минут с готовыми тюками, в точности соответствовавшими описаниям Олега.

В дом его не пригласили, но к этому странному местному обычаю Олег уже начинал привыкать. «Мой дом — моя крепость...» У Таннов это стало одним из основных правил жизни.

Постепенно Олег понял, насколько сильно зависел весь уклад жизни Таннов от

хранительниц, взявших на себя большую часть производства. Исчезни завтра хранительницы, и Танны останутся совершенно беспомощными перед лицом дикой и суровой природы Острана.

В отказе Вольных Охотников от хранительниц было не только желание сохранить потомство. Они выбрали более суровый и трудный образ жизни. Зато у них оставалась надежда выжить.

Эти люди уже только своим решением жить независимо вызывали у него уважение. Олег подумал, что ему будет интересно с ними встретиться, и не сомневался, что с ними ему легче будет найти общий язык. Намного легче, чем с Истинными Тайнами, как высокопарно именовали себя те, кто предпочел жить под опекой хранительниц.

Олег попытался узнать у Карила, как появились первые хранительницы, когда и почему это произошло. Но тот весьма неохотно говорил на эту тему. Танны вообще избегали разговоров обо всем, что происходило за плотно закрытыми воротами их ферм.

Наконец этот долгий день, заполненный подготовкой к предстоящей дороге, закончился.

Первый день вновь обретенной свободы, первый день на долгом пути в то туманное будущее, что привиделось ему за гранями кристаллической решетки.

Вечером Карил отвел его в гостевую комнату замка. Роскошные гобелены на стенах, пушистая мягкость ковров под ногами и ослепительная белизна шелковых простынь не могли компенсировать то особое обостренное чувство одиночества, которое он испытывал в колонии Истинных Таннов.

Здесь не бывает дружеских вечеринок. Здесь никого не приглашают в гости. Здесь нет ни баров, ни ресторанов, ни даже общественных столовых.

Едва заканчивался день, как город замирал, разбитый на крошечные ячейки, уединенные и оторванные друг от друга.

Свет тушили рано... Впрочем, в некоторых домах он все еще горел, и тем острее чувствовал Олег свое одиночество. Если бы здесь была Эль... Мысль поразила его самым своим появлением. Только этого не хватало! Тосковать по этому растению, приставленному к нему для слежки неизвестно кем! Совсем недавно он называл ее демоном. И все же ему пришлось признать — он скучал по этому существу. Он хотел вновь увидеть эту волшебную женщину из далеко не детской сказки...

Глава 21

Два дня прошли незаметно. Князь сдержал слово, и в точно назначенный срок Олегу вернули доставленные в замок остатки планетарного комплекта.

Рюкзак со снаряжением лежал на столе, по всей комнате валялись открытые коробки и разбросанные в беспорядке вещи.

Не хватало самого главного — коробки с бластером.

Все остальное, беспорядочно перемешанное и сложенное как попало, свидетельствовало о том, что над его вещами кто-то основательно потрудились, и Олег не сомневался, кто именно.

В сущности, он выбросил все свое снаряжение, оставил его на произвол судьбы. Теперь приходилось расплачиваться за собственную глупость, хотя, с другой стороны, если бы княжеские посланцы не нашли этих вещей, он бы до сих пор сидел в яме.

Однако оружие придется вернуть во что бы то ни стало. Олег достаточно хорошо познакомился с Остраном и понимал, что без современного оружия и снаряжения в диких местах этой планеты его экспедиция обречена на провал.

Часа через два после того, как княжеский посланник принес Олегу доставленные дружинниками вещи, появился и сам Багранцев.

— Вижу, вы все основательно решили проверить. Это правильно. Мои воины нашли вещи в ужасном состоянии, все было разбросано, коробки пришлось выкапывать из песка.

Надеюсь, они ничего не пропустили?

— Да нет, все основное на месте. Не хватает мелочей, без которых я смогу обойтись.

— Проверьте хорошенько, мой друг, если нужно, я пошлю их туда снова и заставлю перекопать весь песок. В этом лесу водятся древесные ревуны. Отвратительные создания, похожие на земных обезьян, правда будто выбритых и фиолетового цвета. Они крадут все подряд. Иногда вещи находят за несколько километров от места кражи. Но если нужно, я заставлю обыскать весь лес.

Князь знал, как дорого Олегу время, и действовал наверняка. Если здесь и водились фиолетовые ревуны, то один из них стоял перед ним.

Еще раз поблагодарив князя за заботу, Олег, оставшись один, стал думать над тем, как вернуть оружие.

В северную башню, в которой располагался рабочий кабинет князя, нужно было проникнуть так, чтобы этого не заметила стража — задача почти неразрешимая. Но сделать это все равно придется.

Олег встречался с князем в этой комнате, хорошо запомнил ее расположение и знал, что стены в ней экранированы.

Оружие могло находиться только там. Нигде в другом месте, опасаясь вездесущих хранилищ, князь не решится его оставить.

Башня охранялась так, что там и мышь не прошмыгнет незамеченной. Если бы не остатки планетарного комплекта, которые передали Олегу, пришлось бы распрощаться с бластером навсегда. Однако с использованием современной техники ему все же удалось разработать вполне приемлемый план.

Весь долгий день готовясь к ночному визиту в башню, Олег, используя любой подходящий предлог, старался приблизиться к объекту своего пристального внимания. Сборы к отъезду, назначенному на следующее утро, были в самом разгаре, и, пользуясь этим, ему удалось один раз даже заглянуть внутрь башни.

К вечеру у него был готов график смены караула и схема внутренних постов. Теперь все зависело от удачи и от его снаряжения.

Закутавшись в тонкий, почти невесомый плащ с капюшоном, Олег включил искусно замаскированную в подкладке батарею. Слава Богу, князя не интересовала одежда.

Теперь этот маскировочный плащ, используя эффект кругового отражения, сделал Олега практически невидимым.

Даже луч фонаря, направленный в упор, освещал все, что угодно, кроме его фигуры.

Положив в карман небольшую катушку тонкого троса, способного выдерживать нагрузку до пятисот килограммов, и прикрепив к нему складную кошку, Олег решил, что полностью готов к ночному предприятию.

Кто-кто, а техники на разведбазе свое дело знали.

Была еще граната с усыпляющим газом, но Олег так и не решился ее использовать.

Утром спящую стражу наверняка обнаружат, а он должен сделать все так, чтобы его отряд успел беспрепятственно покинуть город.

Двор замка утопал в сероватых вечерних сумерках. Луны Острана еще не взошли, и площадь освещали лишь редкие факелы на дозорных башнях. В их неверном прыгающем свете плащ сделал его совершенно невидимым.

Подойдя к наружной стене, напротив которой возвышалась северная башня, Олег достал кошку и, слегка раскрутив, послал ее вверх. Сплав был изготовлен таким образом, чтобы звук удара был минимальным. И все же приглушенное звяканье привлекло внимание ближайшего часового на стене.

Олегу несколько минут пришлось стоять совершенно неподвижно, пока тот с факелом в руке бродил над ним, пытаясь обнаружить источник непонятного звука.

Плащ обладал одним неприятным свойством — во время движения он отбрасывал в стороны подвижные световые блики, хорошо заметные на темном фоне двора.

Наконец не в меру бдительный часовой уgomонился и удалился на свое место метрах в

десяти от зубца, выбранного Олегом для подъема.

Упершись ногами в стену и держась руками за натянувшийся трос, Олег медленно и осторожно, контролируя скорость каждого своего движения, начал подъем.

Если бы не специальные прижимы для рук, тончайшая проволока разрезала бы ему ладони, но с этим приспособлением он мог намертво фиксировать захваты в любом месте троса и передвигать их по мере подъема.

Наконец его голова оказалась на уровне верхнего края стены. Часовой, освещенный факелом, был отсюда отлично виден. Судя по тому, что он не проявлял ни малейшего интереса к той стороне, откуда появился Олег, подъем прошел незамеченным. Трудно сразу привыкнуть к тому, что ты стал невидим для окружающих.

Взобравшись на стену, Олег по-прежнему очень медленно, контролируя каждый шаг, двинулся в сторону башни и через несколько минут оказался напротив нужного ему окна.

Стену от башни в этом месте отделяло метров пять. Пришлось снова использовать кошку.

Добравшись наконец до окна, Олег прочертил мизинцем своей перчатки небольшой круг на стекле. Легкий характерный скрип сообщил о том, что алмазный резец сделал свое дело.

Теперь оставалось бесшумно выдавить стекло. Чему только не учат в разведшколе! Не зря ему говорили, что в воровских гильдиях больше всего ценятся отставные разведчики.

Вакуумная присоска, имевшаяся все на той же перчатке, позволила ему выдернуть вырезанный стеклянный круг на себя. Стекло, сделанное хранительницами из чистого кварца, оказалось чрезвычайно хрупким, и Олегу пришлось действовать с особой осторожностью, извлекая один за другим мелкие обломки, на которые развалился вырезанный круг.

Даже один такой осколок, упав он вниз, своим звоном привлечет внимание часовых.

Наконец с этой операцией было покончено, и он смог, просунув руку в отверстие, открыть раму.

Очутившись внутри, Олег включил поляризационный фонарь, свет от которого можно видеть лишь в специальных очках, и осмотрелся.

Комната, куда он попал, представляла собой нечто среднее между музеем и арсеналом. Здесь Багранцев хранил свою любимую коллекцию оружия.

На стенах в образцовом порядке были развешаны различные виды холодного оружия, довольно грубо выполненные.

Огнестрельного оружия не было и в помине. Ничего удивительного, во всех областях, где Таннам приходилось действовать без помощи хранительниц, их производство оставалось на средневековом уровне.

Даже эти грубо сработанные образцы скорее всего были вывезены из земель Вольных Охотников.

На одном из стендов он увидел свой собственный топор, повешенный здесь совсем недавно.

Очевидно, до его схватки с Летающим Котом такой топор у Таннов оружием не считался. Теперь же Олег с удовольствием водрузил его на привычное место у пояса.

На полке ниже его внимание привлекла странная трубка с прикрепленным к ее хвостовой части футляром, заполненным совсем маленькими, не больше десятка сантиметров стрелами.

Пытаясь понять, что это такое, Олег осторожно взял трубку в руки, открыл крышку в ее средней части и опустил в совпавшую по размерам полость одну из стрел.

Увидев в хвостовой части трубы костяной загубник, он наконец понял, что держит в руках духовое ружье, стрелы которого, скорее всего, были отравлены. Здесь с каждым предметом следовало соблюдать максимальную осторожность.

Не собираясь расставаться и с этой находкой, Олег опустил ее в заранее приготовленную сумку. Однако все это было совсем не то, ради чего он затеял свое опасное

предприятие. Наконец после долгих поисков в одной из витрин тускло блеснул металлом знакомый ящичек. Но радость Олега оказалась несколько преждевременной. Коробки с запасными батареями нигде не было.

Нужно было срочно решать, что теперь делать. Он потерял на поиски слишком много времени, приближался рассвет, от окна на полу уже появился сероватый прямоугольник.

Неожиданно все решилось само собой. Олег услышал шаги и скрип открываемой двери.

Несмотря на всю его осторожность, часовой на лестнице услышал в комнате какой-то шум, и теперь появился на пороге, подняв над головой коптящий факел.

Проникнув в комнату, Олег отбросил мешавший поискам капюшон плаща и, услышав шум открываемой двери, забыл натянуть его обратно на голову.

Это и была та самая единственная оплошность, которая иногда разрушает тщательно продуманные планы.

Олег представил себе ту ужасную картину, которая предстала сейчас перед воином. Посреди комнаты среди витрин, возвышаясь над грудой оружия, неподвижно висела человеческая голова с моргающими от яркого света глазами.

Наверно, с секунду они молча и неподвижно взирали друг на друга.

Наконец Олег, действуя скорее по наитию, приложил палец к губам, призывая воина к молчанию. Очевидно, рука, появившаяся рядом с витающей в воздухе головой, произвела на воина еще большее впечатление. Издав какой-то сдавленный нечленораздельный горловой звук, он так и не двинулся с места.

Тогда Олег, стараясь не делать резких движений, достал из сумки, скрытой под плащом, заряженное духовое ружье и стремительным движением поднес костяной наконечник ко рту.

Эффект от этого выстрела превзошел все его ожидания. Выронив факел, воин обеими руками схватился за горло, куда вонзилась крошечная стрелка, и, не издав ни звука, рухнул на пол.

Олег подхватил факел и, затушив его, несколько секунд стоял, прислушиваясь, но все было тихо.

Теперь о поисках батарей не могло быть и речи — необходимо срочно возвращаться, если он хочет покинуть город до того, как поднимется тревога.

Нужно было еще скрыть следы своего визита в башню, чтобы выиграть хотя бы несколько часов.

Спрятав труп воина в одном из шкафов, Олег закрыл дверь, ведущую на лестницу, вынул из рамы последние осколки стекла и засунул их в укромное место.

Пока не взойдет солнце, отсутствие стекла вряд ли обнаружат — другое дело пропавший часовой...

Отъезд необходимо ускорить, но, к сожалению, это зависело не только от него...

В эту последнюю перед отъездом ночь Карил остался в казарме вместе со своим десятком воинов, назначенных Багранцевым для сопровождения Олега к границам княжества.

Он спал чутко, как и положено опытному воину, Олег еще не успел прикоснуться к его плечу, а тот уже сидел на постели.

— Что-нибудь случилось?

Олег приложил палец к губам, призывая к тишине, и жестом попросил Карила выйти.

— Случилось, — сказал он, едва они оказались снаружи. — Случилось так, что нам надо немедленно уезжать.

У Олега был выбор: попытаться заморочить Карилу голову или сказать правду. С этим человеком ему предстояло делить долгие опасности нелегкой дороги, и он не хотел омрачать их взаимоотношения ложью. Ему оставалось лишь надеяться, что десятник поймет его правильно.

— Княжеские слуги похитили мое оружие. Я только что вернул его из оружейной

князя. Нам необходимо уехать, пока охрана не обнаружила пропажу.

— Как тебе удалось проникнуть в башню?

— Вот по этой веревке.

— Ты издеваешься надо мной?

— А ты попробуй ее разорвать. Только осторожней, не разрежь руку.

Карил попробовал и долго задумчиво смотрел на Олега

— Надеюсь, когда придет время, ты не забудешь о том, что сегодня я тебе помогу.

— Не забуду.

Карил кивнул и, не сказав больше ни слова, отправился поднимать своих людей.

Когда они миновали последние, внешние ворота замка, рассвет уже окрасил восточную часть горизонта.

Они мчались во весь опор, пока башни замка не скрылись за надвинувшейся кромкой леса. Карил спешил так, словно сам спасался от княжеской погони, и Олег дал себе слово, что на досуге постарается разобраться в причинах, которые заставили старого вояку так спешить.

Погоня по всем расчетам Олега уже должна была появиться, но ее все не было, и это тоже наводило на размышления.

Очевидно князь решил, что экспедиция Олега важнее утраты оружия.

Как бы там ни было, но маленький отряд продолжал без остановки двигаться в сторону границы до самого полудня. Лишь когда коньки окончательно выбились из сил, Карил дал команду остановиться.

Хотя мысленно Олег называл отряд своим, он прекрасно сознавал, что фактическим командиром здесь является Карил и так будет до самой границы княжества. Лишь перейдя ее, он может считать, что ночной визит в башню закончился благополучно.

Олег знал, что у Багранцева существует какой-то способ быстрой передачи сообщений на значительные расстояния — если учесть любовь князя к электронным безделушкам, в этом не было ничего удивительного.

Олег старался не выпускать из виду Карила, но следить за ним все время ему было не под силу — командир отряда то и дело менял свое положение в колонне.

Наконец ему надоело это неопределенное состояние и, догнав Карила, он просто спросил:

— Почему за нами до сих пор нет погони?

— Потому что князь решил отпустить тебя, несмотря ни на что. Ему нужно, чтобы ты дошел до каньона. Во всяком случае он тебе в этом мешать не будет.

— Багранцев мудрый человек.

— Да, мудрый и жестокий.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что он приказал мне не возвращаться и следовать за тобой до конца.

— В Каньон Дьявола?

— Если дойдем до него.

— А они? — спросил Олег, указывая на остальных всадников конвоя.

— Они пойдут с нами лишь до границы. Затем повернут обратно.

— Почему же ты согласился, ведь ни один из ваших разведчиков не вернулся из земель Вольных Охотников?

— Мне не оставили выбора. Князь обещал сжечь мой дом, если не получит от меня сообщения, отправленного из самого каньона. И он всегда выполняет подобные обещания.

— Что ему так нужно в этом каньоне?

— Он считает, что там находится что-то очень ценное, что-то такое, что управляет всем нашим миром.

— Понимаю... вам запрещено строить второй дом, и человек, лишившийся его...

— Становится изгоем. Его хранилища погибает, а сам он уже никогда не сможет вернуться в родные края. Он становится бродячим псом и носится с места на место, пока не

погибнет.

— Или не присоединится к Вольным Охотникам... Не горюй, Карил, никто не знает, какая сторона жизни лучше на самом деле. Возможно, мир за рекой не хуже вашего. И спасибо за откровенность. Я этого не забуду.

Глава 22

Уруслан медленно катил свои мрачные темные воды. Вода была непрозрачной, малоподвижной и плотной, как ртуть.

Отряд достиг пограничной реки на шестой день пути. Земли княжества Истинных Таннов остались за ними, впереди лежали неведомые края, где обитали Вольные Охотники.

Отсюда они пойдут лишь вдвоем, он и Карил. Олег оглянулся последний раз, словно прощаясь со всем, что оставлял позади, и махнул рукой стоявшим на берегу людям. Олег и Карил налегли на шесты, и большой плот, оторвавшись от берега, медленно поплыл в неизвестное. Шесть вьючных коньков, оставшихся с ними, должны обеспечить их всем необходимым на долгие дни пути по пустыне, лежавшей на той стороне реки.

— Надо было подождать до утра! — проворчал Карил. — Нам придется ночевать в незнакомом месте без охраны.

— Нам придется провести без охраны много ночей. И только от нас с тобой будет теперь зависеть, чем закончится это путешествие.

Река медленно несла их вперед, хотя течение почти не ощущалось. Группа всадников, все еще стоявших на берегу, постепенно превращалась в неразличимые темные силуэты, сливавшиеся с вечерним берегом. Последняя живая точка, связывавшая их со знакомым миром, наконец исчезла.

Они налегли на шесты, стараясь поскорее достичь противоположного берега. В полной темноте легко терялись всякие ориентиры.

Наконец плот уткнулся в песчаную отмель. И хотя больше он им был не нужен, Карил не пожалел времени, отыскивая подходящую корягу, и не успокоился, пока прочно не привязал к ней плот.

— Зачем он тебе?

— Я собираюсь вернуться.

— К тому времени его здесь не будет, все равно придется строить новый.

— Может быть, да, а может, и нет. Пойду поищу хворост для костра.

Олегу нравился этот человек. Своей обстоятельностью, искренностью и мужеством. Ему повезло со спутником.

Поужинали сушеным мясом крабса, напоминавшим по вкусу мясо креветок, запив его изрядной порцией местного пива, вполне приличного напитка, когда его хранили в глиняных жбанах. Сейчас же, извлеченное из бурдюка, пиво отдавало запахом сыромятной кожи.

Они долго молчали, следя за огнем костра. Наконец Олег решился задать вопрос, который мучил его давно и задать который он почему-то стеснялся. Возможно, оттого, что вопрос казался ему слишком личным.

— Ваши хранительницы... Почему они никогда не путешествуют вместе с вами?

— Раз в неделю они вынуждены возвращаться к своему стеблю. Не знаю уж, что они там делают, но без этого не могут существовать. Ты не слышал об этом?

— Я многого здесь не понимаю. Вначале хранительницы казались мне чем-то вроде тюремщиков. Я не знал, что в любой момент от них можно уйти.

— Они никогда не нарушают прямого приказа своего хозяина. Вначале из-за этого у нас возникало немало недоразумений.

— А почему я ни разу не видел их в городе? Ни на улицах, ни на рынке?

— Они не любят посторонних глаз. Предпочитают общение только со своим хозяином. Поэтому мы ведем замкнутый образ жизни. А уж туда, где одновременно находится много чужих людей, их зайти не заставишь. Они чувствуют их мысли. Все сразу. Так что им не

позавидуешь.

— Ты жалеешь о... — Олег так и не решился спросить прямо то, что хотел. О своем доме?

— Такого тесного общения, как с хранильницей, у человека не может быть ни с родителями, ни с друзьями. Через несколько лет каждая наша семья становится единым целым, так что, если ты об этом спрашивал...

Олег кивнул, и опять они долго сидели молча, слушая, как трещат поленья в догорающем костре.

— Пойду, пожалуй, спать, завтра двинемся дальше с восходом.

Карил поднялся, но Олег неожиданно насторожился.

— Ты ничего не слышишь?

— Река шумит, еще ветер в деревьях. Ничего необычного.

— Я не о звуках.

— Ах, об этом... Да, здесь у нас такое бывает. Словно кто-то невидимый подходит к тебе совсем близко и заглядывает внутрь, в самую душу, такое здесь бывает...

— Но ты сейчас это чувствуешь? — продолжал допытываться Олег.

Карил отрицательно покачал головой:

— Это каждый чувствует по-своему.

Карил ушел, и Олег остался один. Ощущение необъяснимой тоски усилилось, словно приблизилось к нему.

Утром он проснулся с сознанием того, что источник его беспокойства не исчез и находится теперь совсем близко.

Олег встал и посмотрел на реку. В этот предрассветный час она лежала перед ним широкой темной лентой. Противоположный берег терялся в предутреннем тумане. То тревожное находилось где-то за рекой, в той стороне, откуда они ушли. И это было все, что он смог определить.

Коньки, сбившись в тесную кучку под высоким деревом, лениво и равнодушно жевали свои стручки. Время от времени то один из них, то другой вытягивал свою длинную шею к кроне дерева и, сорвав очередную порцию стручков, долго и терпеливо пережевывал хрустевшую на зубах добычу.

Животные вели себя совершенно спокойно, следовательно, они не чувствовали ничего тревожного. Во всяком случае, они не чуяли хищника. Да и какой хищник мог им угрожать, находясь на противоположной стороне реки?

Карил еще спал, завернувшись в свою походную кошму, сделанную из толстого шерстяного войлока. Видимо, внутри этой шерстяной трубы, которую он навернул на себя, ему было тепло и уютно.

Олег не стал его будить и, осторожно двигаясь, чтобы ненароком не наступить на сухую ветку, пошел к реке. Потом он и сам не мог объяснить, что заставило его в этот ранний час спуститься к самой воде, преодолев пространство, отделявшее лагерь от воды.

Далеко, там, где поднявшийся над рекой туман смыкался с серым предрассветным небом, появились какие-то темные пятна, болтавшиеся в воздухе, словно большие черные листья.

«Что-то рано разлеталось воронье», — подумалось ему. И тут он вспомнил, что находится не на Земле, и никакие это не вороны, и даже не птицы. Здесь вообще не бывает птиц, а только смертельно опасные твари, с одной из которых ему уже пришлось иметь дело.

Он допустил непростительную беспечность, выйдя из лагеря без оружия. И теперь стремительно бросился обратно. Но черные ромбы приближались слишком быстро, и по характерному свисту, раздававшемуся за его спиной, Олег понял, что атака началась.

Летающие Коты атакуют на бреющем полете. Они гонят воздух под брюхо волнообразными движениями своих огромных крыльев и одновременно хлещут по земле длинным тонким хвостом, вооруженным на конце мощным костяным жалом.

Его яд так силен, что даже одной капли, попавшей на кожу, бывает достаточно, чтобы

человек умер от страшных, мучительных судорог. Именно из-за своего яда коты считались самыми опасными хищниками на планете. И сейчас под каждым из мчавшейся за ним шестерки стригла землю смертоносная коса хвоста.

Олег знал, что, только ужалив жертву и убедившись в ее полной неподвижности, коты приступали к своей страшной трапезе.

Но от этого ему было ничуть не легче, разве что не грозила перспектива еще живому почувствовать на своем теле их мелкие и острые зубы, похожие на плотничьи пилы.

Он бежал изо всех сил, лихорадочно ощупывая ремень в тщетной надежде найти там хоть какое-то оружие. Его близкое знакомство с анатомией убитого на ферме Эндерхила кота лишь увеличивало охватившее его чувство безнадежности.

У него не было ни единого шанса добежать до того места, где лежало так беспечно оставленное оружие.

До лагеря оставалось еще метров двести, когда он споткнулся и, падая, перевернулся на спину, чтобы лицом встретить приближающуюся смерть.

Свистящая черная машина уже заслонила над ним небо, направляя вниз длинную ленту хвоста. Костяное жало смотрело прямо в середину его груди.

В этот момент к Олегу пришло одно из тех импульсивных решений, что уже не раз спасали ему жизнь в самых сложных, порой безвыходных ситуациях.

Он выбросил вперед обе руки и изо всех своих немалых сил ухватился за хвост кота в полуметре от несущего смерть костяного наконечника, покрытого голубоватой слизью.

Рывок был страшен. Его тело взлетело вверх метра на два, а затем ударилось о землю. Это повторялось снова и снова, но он все-таки не выпускал хвоста, не разжимал своих онемевших пальцев и не отрывал взгляда от жала, стараясь избежать соприкосновения с ним.

Коты продолжали свой бесшумный полет к лагерю, не изменив направления. Ему пришлось закричать, чтобы привлечь внимание Карила к приближавшейся опасности.

Олегу казалось, что этот кошмарный полет никогда не кончится. Удары о землю следовали с неизменной периодичностью. Коту с грузом человеческого тела на хвосте не удалось набрать высоту, зато он сохранил свою скорость, и уже через пару минут Олег понял, что несется над лагерем. Оттолкнувшись ногами от земли в последний раз, он сумел послать свое тело вверх и вперед, избегая удара о землю и одновременно уворачиваясь от жала.

Самым главным было не потерять сознания во время этого смертельного акробатического трюка, и ему это удалось.

Когда он вскочил на ноги, черные тени котов уже пронеслись над лагерем и разворачивались для новой атаки.

Но теперь у него появились драгоценные секунды, необходимые для того, чтобы выхватить из висевшей на дереве перевязи свой бластер и, упав на одно колено, шесть раз нажать на его гашетку.

Шесть огненных цветков распустились в небе, и, когда прекратился дождь из кусков разорванных в клочья туш, он смог наконец осмотреться.

Карила он заметил далеко не сразу, в развилке самого высокого дерева тот надежно укрывался за толстыми ветвями.

— Спускайся. Больше никого не осталось.

— За всю свою жизнь я не слышал ничего подобного. Воин, летящий на хвосте кота. Если нам удастся вернуться, твой подвиг прославят менестрели.

Похоже, несмотря на пережитое потрясение, Карил не потерял своего обычного юмора.

— Смотри, как бы они не сочинили песню о воине, который быстрее всех лазает по деревьям.

— Знаешь, я только сейчас понял, почему князю так хотелось завладеть твоим оружием, — проговорил Карил, слезая наконец с дерева и с уважением поглядывая на бластер.

— Лучше будет, если ты о нем забудешь. Заряда в батарее почти не осталось, а

запасную коробку я так и не нашел.

— Теперь, по крайней мере, нам не придется беспокоиться о мясе.

— Не думаю, что смогу есть эту гадость.

— Еще как сможешь. В пустыне едят даже пауков, — многообещающе произнес Карил, решительно направляясь к развороченным тушам.

Когда эта неприятная, но необходимая работа была завершена, солнце наконец взошло. Карил, закончив развешивать тонко нарезанные для вяления, посоленные ломти мяса, пошел к ручью умыться. Проходя мимо Олега, занятого обработкой своих многочисленных ссадин и ушибов, он проговорил:

— Помнишь наш вчерашний разговор о неслышимых звуках?

Олег молча кивнул.

— У нас существует поверье, что коты никогда не нападают без причины. Они чувствуют обращенную к нам чужую боль, тоску тех, кого мы оставили, и мстят за нее.

Не сказав ничего больше, Карил ушел, и Олег долго еще размышлял над его словами.

Поверье поверьем, но, похоже, весь биоценоз этой планеты связан между собой какими-то невидимыми, с трудом ощутимыми людьми нитями.

Они провели на этом месте целый день, решив дожидаться, пока мясо провялится. Кроме того, Карил счел необходимым проделать еще одну весьма опасную и неприятную работу. Он отыскал и собрал в специально выкопанную яму все хвостовые жала убитых котов.

Затем, достав весь запас дротиков и стрел, начал по очереди осторожно погружать наконечники в зеленоватую слизь, густо покрывавшую костяные жала. Покончив с этим, на каждую стрелу он сшил и натянул длинный кожаный чехол, а древко поместил красной тряпкой.

— Теперь каждая такая стрела стоит четыре конька. Одним выстрелом можно остановить любого зверя. В той трубке, что ты мне показывал, стрелы тоже покрыты таким ядом — это очень дорогое оружие.

Олег вспомнил мгновенно отключившегося часового и с уважением посмотрел на колчан Карила.

— А тряпка зачем?

— Чтобы в бою не спутать. Не всякого противника следует убивать.

К концу второго дня пути пустыня полностью поглотила их. Каждая пустыня имеет свое лицо, свой характер и даже свою собственную душу. Пустыня Марахама на Острани напоминала Олегу равнодушного к человеку огромного сонного зверя, затаившего до поры свой норы.

В первый день пути ноги коньков ступали по раскаленному солнцем серому базальту.

Полоса растительности осталась далеко позади и, оглядываясь, Олег видел все те же лежащие под солнцем серые камни, словно привычный цветной пейзаж сменился теперь черно-белым.

Оглядываясь он довольно часто и, придерживав своего конька, иногда отставал от каравана, чтобы ненадолго остаться одному и дать выход странному чувству тоски, так и не оставившему его даже после схватки у реки.

Что-то за ними шло. Что-то или кто-то. Это существо знало, где они находятся, несмотря на большое расстояние, разделявшее их. Оно постепенно приближалось, сокращая это расстояние.

Вот когда Олег по-настоящему пожалел об утрате своих телепатических способностей. Нет ничего хуже, чем ощущение приближающейся опасности.

Жара, жажда и боль от мелких, но многочисленных ран, полученных во время воздушного путешествия на хвосте кота, лишь усугубляли мрачное настроение Олега.

К полудню, когда жара стала совершенно невыносимой, они сделали, наконец, привал. Натянув тент в расселине скалы, они укрыли под ним животных, напоили их и напились сами. Эта операция значительно уменьшила запас воды, который они везли с собой, и Олег поделился своими сомнениями с непривычно молчаливым Карилом.

— К счастью для нас, полоса пустыни в этом месте не слишком широка. Через три дня мы должны оказаться в местах, где будет вода.

— А если этого не случится? Наша карта не слишком точна и составлена со слов торговцев. Крупномасштабная съемка всей местности, которой меня снабдили перед посадкой, говорит о том, что больших рек или озер поблизости нет.

— Это верно. Но здесь должны быть колодцы.

— Колодцы? Кто же их выкопал?

— Вольные Охотники, конечно. Не забывай, что мы уже давно находимся на их территории.

К вечеру характер местности изменился, плавившиеся от жары камни уступили место песку, который, как показалось Олегу, вобрал в себя еще больше жара.

Появились первые барханы, их странная пирамидальная форма была для Олега совершенно непривычной.

— Здесь никогда не бывает ветров, — пояснил Карил, — зато часто случаются землетрясения, во время них песок и принимает такую странную форму.

— Землетрясения в пустыне? Никогда о таком не слышал. На Земле они обычно случаются там, где образуются молодые горы.

— Это Остран. Здесь нет вулканов — по крайней мере, мы о них не знаем, если не считать Каньона Дьявола. А землетрясения тем не менее обычное явление. Они бывают практически в любой местности.

Их небольшой отряд вот уже несколько часов двигался в узких проходах между холмами песка, поражающих воображение своей причудливой, но в большинстве случаев геометрически правильной формой.

— Странная симметрия, — пробормотал Олег, рассматривая очередное творение чуждой природы, — то у них пять лучей, то шесть, этот похож на окаменевшую морскую звезду.

— Хорошо бы их не было вовсе. Из-за этих проклятых песчаных языков впереди ничего не видно. Лучшего места для засады трудно придумать. Держи свое могучее оружие наготове.

— Ты на него не слишком рассчитывай, еще одно такое нападение, и заряд в батарее кончится. Осталось два-три выстрела, — отозвался Олег, проверяя индикатор бластера.

— Жаль. Мы еще в самом начале пути. Тебе придется беречь эти последние огненные стрелы на крайний случай. Используй лучше духовое ружье — для большинства местных животных яд кота так же опасен, как и для человека.

Поздним вечером, когда на небе высыпали первые звезды, а луны Острана еще не взошли, они сделали двухчасовой привал. Хотя драгоценная ночная прохлада позволяла двигаться значительно быстрее, нужно было дать отдых конькам, да и их самих дневная жара выматывала настолько, что днем заснуть в раскаленном мареве песка так и не удавалось. Однако и теперь сон бежал от Олега.

Оставаясь в одиночестве, отрезанный от своего товарища пологом ночной тьмы, он вновь слышал этот странный, идущий из глубины сознания не то зов, не то мольбу, не то угрозу...

То, что шло вслед за ними, за последние дни пути приблизилось еще больше.

Глава 23

Солнце, едва выглянув из-за горизонта, обрушило на них огненный водопад своих лучей. В утренние часы воздух в пустыне абсолютно прозрачен и краски неправдоподобно яркие.

Вокруг все казалось застывшим, притаившимся, сжавшимся перед предстоящим дневным пеклом.

Характер местности вновь изменился, исчезли последние остатки каменных россыпей,

песок стал полновластным хозяином пространства. В земных пустынях хоть изредка встречаются какие-то растения, насекомые — здесь все было абсолютно мертво.

Единственное, на чем мог остановиться глаз — это барханы. Их форма все время причудливо и разнообразно менялась, словно путники попали в какой-то странный зоологический музей.

Утром вершины песчаных холмов нагревались солнцем в первую очередь, и над ними начинали струиться потоки разогретого воздуха, создавая что-то вроде миражей. При небольшой доле воображения, глядя на такой бархан, можно было представить себе все, что угодно. Но Олегу в этой фантазмагорической пляске раскаленного воздуха все время мерещились морды каких-то чудовищ. Возможно, виной тому была еще одна бессонная ночь. Или предчувствие... Что-то опять должно произойти. И произойдет это именно сегодня.

— Не делай этого, Дз... (Далее следовало сочетание звуков, не произносимое на человеческом языке)

— Я не Дз... Он назвал меня Эль.

— Хорошо. Пусть Эль. Не будем спорить по пустякам. Не делай этого!

Эль лихорадочно продолжала собираться, не обращая внимания на голос, который зудел у нее в голове, словно назойливое насекомое. Она даже не была уверена, приходит ли голос извне или это всего лишь отголоски ее собственных мыслей.

Она сложила в заплечную котомку большую связку из ломтей сушеного мяса и глиняную флягу с водой.

Никогда раньше не приходилось ей думать о еде, но если она собирается осуществить свое намерение, ей придется самой заботиться обо всем. Одна только мысль о незнакомой свободной жизни вызывала в ней одновременно страх и пьянящий восторг.

— Если ты это сделаешь, он никогда не вернется! Вы оба погибнете!

— Он и так не вернется. Он уже подошел к границе. Он не собирается возвращаться.

— Ты должна его ждать! Хранительницы никогда не покидали своих домов!

— Значит, я стану первой.

— Ты лишишься всего. Ты станешь совершенно беспомощной. Как только кончится запас Кха — ты погибнешь.

— Зато я увижу его, хотя бы еще раз.

— Ты ему не нужна. Ты станешь для него обузой.

Этот довод показался ей заслуживающим внимания, и она не стала возражать. Только хмуро сдвинула брови и продолжала лихорадочные сборы, боясь передумать в последний момент.

В конце концов, если она действительно окажется для него обузой, она уйдет к Эларе. Все равно это лучше, чем бесконечное, мучительное ожидание ожидания, которое не кончится никогда.

— Если ты это сделаешь — я уничтожу вас обоих!

— Только попробуй. Я открою людям все твои тайны.

— Ты не успеешь этого сделать. Он человек. Он такой же, как все они. Люди хотят нашей гибели.

— Он не такой, как все. Он прилетел, чтобы спасти нас.

— Положи на место все эти вещи!!

Эль задумчиво взялась за древко копья. Теперь ей придется заботиться даже о собственной безопасности.

Она была уверена, что звери все равно ее не тронут, потому что все они создания одной Элары.

Другое дело — люди. Там, куда она собиралась, обитали те, кто отверг законы Элары, те, кто объявил войну всему миру и уничтожал даже хранительниц. Если она попадет к ним в руки...

Нет, оружия она все равно не возьмет. Не ее дело братья за оружие. Пусть этим

занимаются мужчины.

— Ты станешь одной из тех, кто отверг наши законы. Ты станешь одной из них, — продолжал зудеть голос.

Не слушая его больше, она вышла во двор. Теперь надо попробовать вызвать Черную Молнию. Раньше это получалось совсем просто. Но сейчас она знала, что все силы Элары обернутся против нее, и не была уверена, что сможет противостоять им.

Но они были друзьями с Черной Молнией, и она надеялась на его помощь.

Где-то высоко в поднебесье, над лазурными горами Андира, она нашла его и передала свой призыв.

Огромный Летающий Кот вздрогнул и изменил направление полета. Вокруг него сразу же собралась гроза, преграждая путь, заблестела чередой молний. Но, обогнув грозу, Черная Молния упрямо продолжал полет в нужном направлении, повинуюсь зову.

Каждый раз, когда кот появлялся в небе, Эль поражалась тому, какой он огромный. Снижаясь, он загородил собой половину неба.

Если бы он промахнулся при посадке, то весь огород, дом, и даже соседняя ферма Эндерхила оказались бы раздавлены его гигантским телом.

Но он никогда не промахивался. Он лег на лужайку перед домом и, опираясь о землю концами крыльев, приподнял голову.

Пищевые усы, расположенные вокруг невероятных размеров пасти, переплелись между собой, образуя удобное и прочное сиденье.

Медленно, но решительно преодолевая слабость, сковавшую все ее движения, Эль двинулась ему навстречу. И лишь усевшись в приготовленное для нее кресло, она последний раз взглянула на родной огород, который теперь покидала навсегда.

Голос молчал, не пытаясь больше переубедить ее. Она делала сейчас то, чего до нее не делала ни одна хранительница. Она навсегда покидала свой дом. И ужас от одной только мысли об этом заставил ее сжаться от страха, крепче ухватиться за прочные канаты усов. Она не смогла даже выдать из себя нужной команды, но Черная Молния понял ее без слов.

Его крылья затрепетали, поднимая вокруг тучи песка и пыли. Мгновение спустя она уже неслась вперед и вверх, раскачиваясь в своей гибкой корзине над мелькавшими внизу полями.

Поля сменились лесом. Земля отдалилась, и стали совсем неразличимы тропинки в знакомом лесу.

Расстояние между ней и Олегом постепенно сокращалось, но даже могучей Черной Молнии требовался не один день, чтобы долететь до великой пустыни Марахамы.

Когда впереди, метрах в пятнадцати, из-за поворота показался этот бархан, он сразу же привлек внимание обоих путешественников, хотя до этого они совершенно равнодушно проезжали мимо сотен подобных образований.

— Тебе не кажется, что он слишком сильно блестит? — Видимо, Карил тоже провел не слишком спокойную ночь. И теперь проявлял излишнюю нервозность. Хотя странный бархан Олегу тоже не нравился, он попытался успокоить своего спутника:

— Не может же быть песок везде совершенно одинаковым. Наверно, в его составе много слюды.

— Я, пожалуй, посмотрю поближе. Олег, не ожидавший такой реакции на свои слова, теперь попытался остановить Карила:

— Вообще-то он мне тоже не нравится. Этот странный блеск и форма... Он напоминает чудовищную морскую звезду. Слышал о таких подводных хищниках? Он будто затаился и поджидает добычу...

— Это просто гора песка, в пустыне вещи часто кажутся не тем, что они есть на самом деле.

Может быть, конечно... Все может быть. Но песок блестел слишком уж ярко, и слишком симметрично располагались световые блики на этой необычной горе.

Природные образования более хаотичны. В расположении блестящих точек на

поверхности бархана чувствовался какой-то рисунок. Если долго, пристально смотреть на этот песчаный холм, он невольно начинал притягивать к себе. Возникало желание подойти к нему поближе, и это еще больше не понравилось Олегу.

— Мы пойдем вместе, и очень осторожно. Мне кажется, он хочет, чтобы мы подошли поближе. Давай исполним его желание.

Олег достал бластер, убедился, что заряда в батарее хватит на пару выстрелов, и медленно двинулся к вызвавшему у них интерес бархану. Не от жары ли разыгралось у обоих воображение? Но Карил был опытным воином и путешественником, он не станет волноваться по пустякам, и если здесь, среди песков, их поджидала новая неведомая опасность, Олег предпочитал знать, что она собой представляла.

Подъехать вплотную им не удалось. Метров за десять песок стал таким сыпучим, что коньки начали проваливаться в него почти по колено и, в конце концов, остановились.

Карил спешил и осторожно, пробуя перед собой поверхность ногой, двинулся дальше.

— Может быть, не стоит? Ты слышал о зыбучих песках?

— Здесь не бывает зыбучих песков, и я хочу понять, что это такое.

— Зачем?

— Когда ты видишь в своем доме или у себя в огороде что-то новое, разве ты не подойдешь к незнакомому предмету, чтобы выяснить, что это?

Кажется, теперь Олег наконец понял, что движет Карилом. Такое же, как у него, желание идти навстречу опасности, усиленное сознанием того, что он находится у себя дома.

Разумеется, он не родился на этой планете, но это не значит, что его не касается то, что сейчас происходит...

Лишь теперь он заметил, что его психика реагирует слишком бурно на пустяки, словно кто-то пытается отвлечь его внимание от подлинной опасности. «Это просто бархан, черт возьми! Всего лишь обыкновенный бархан!» — попытался он себя убедить, но из этого ничего не вышло. Тревога не исчезала.

Тогда он достал из чехла духовое ружье и вложил в трубку отравленную стрелу. Возможно, за песчаным холмом притаился какой-нибудь зверь. Жаль, если придется израсходовать на него один из последних зарядов бластера.

В эту невыносимую жару от странной горы песка веяло холодом. Олег знал, что все вокруг по-прежнему изнывает от зноя, и тем не менее мурашки бегали у него по коже.

— Не ходи туда, не ходи! — шептал голос у него за спиной, или, быть может, это шелестел ветер? Ах да, в этой пустыне не бывает ветра...

Карилу оставалось сделать еще шагов пять, чтобы подойти к бархану на расстояние вытянутой руки, когда это случилось.

Один из отрогов симметричного песчаного холма, в точности повторявшего форму гигантской морской звезды, дрогнул и медленно сдвинулся со своего места.

Движение было мгновенным и почти незаметным.

Его можно было принять за отблеск миража в раскаленном мареве.

Но вот и второй луч шестиконечной звезды изогнулся и двинулся навстречу первому. Сомнений не оставалось. Мертвая куча песка начала оживать у него на глазах.

Олег закричал и попытался послать конька вперед — но тот не сделал ни единого шага. Ему пришлось спешиться, но его ноги тут же увязли в песке по колено.

Олег двигался медленно, словно в ночном кошмаре. К счастью, нужно было преодолеть лишь несколько метров. Но за то короткое время, пока он их преодолевал, отрogi чудовищного холма успели сомкнуться, образуя кольцо вокруг Карила, а сам холм медленно, но неуклонно начал двигаться навстречу своей жертве.

Тонкие на концах лучи звезды (или ноги холма) — черт знает, чем там они были на самом деле! — не закрывали полностью тела Карила, и Олег отчетливо видел все, что происходит.

Карил даже не пытался защищаться. Он стоял совершенно неподвижно, словно

сраженный молнией. И тут Олег понял, что так оно и было. Яркое солнце помешало ему рассмотреть первые разряды. Но теперь одна из молний ударила из вершины холма ему под ноги.

Песок в месте удара зашипел и расплавился.

Если он хотел сохранить способность двигаться, то переходить границу оплавленного песка не следовало.

Вторая молния тут же ударила рядом с первой. Олег стоял слишком близко к месту, где чудовищный холм захватил свою добычу, и проклятой твари это явно не нравилось.

Однако теперь расстояние сократилось настолько, что можно было уверенно стрелять. Сообразив это, Олег отбросил в сторону топор, который сжимал в правой руке, мечтая лишь о том, чтобы добраться до этой гадины и всадить стальное лезвие в ее тушу.

Но хищник немного поспешил со своим трескучим фейерверком разрядов, неверно оценил расстояние до новой жертвы, и к Олегу успела вернуться способность трезво оценивать обстановку.

Поднеся к губам трубку духового ружья, он навел ее в сторону холма и дунул что было сил. Крохотная стрелка погрузилась в кожу чудовища почти полностью.

Не слишком надеясь на эффективное действие яда для такой громады, Олег повторил выстрелы еще и еще раз.

На холм это не произвело ни малейшего впечатления — он продолжал свое вращательное движение вокруг беспомощного Карила.

Отшвырнув в сторону духовое ружье, Олег выхватил бластер и, не думая больше о последних зарядах, опустил рычажок мощности на самое последнее деление. Затем он тщательно прицелился в верхнюю часть холма.

Он все еще медлил, потому что боялся своим выстрелом зацепить Карила — тот стоял слишком близко.

Но теперь времени на раздумья не оставалось, да и выбора уже не было. Холм начал медленно выворачивать вверх свою подошву, опираясь на землю чудовищными ногами-отрогами.

В нижней, плоской части тела чудовища стал виден широкий рот, по форме напоминавший человеческий, к тому же, казалось, сложенный в издевательскую усмешку.

Когда этот рот растянулся и выбросил из себя узкий язык, Олег нажал гашетку бластера, не давая этому жадному трепещущему языку коснуться тела Карила.

Взрыв бластерного заряда снес верхушку холма. Кольцо лап-лучей мгновенно разжалось. Весь холм подбросило вверх и швырнуло в сторону. Кажется, Олег немного переборщил с мощностью...

Он не видел агонии чудовища. Все его внимание теперь сосредоточилось на Кариле, не шевельнувшимся за время всей схватки.

Ему пришлось тащить негнущееся, парализованное ударом неизвестной энергии тело Карила назад, к стоявшим по колено в песке конькам.

Он надеялся, что его спутник получил шок от электрического удара. Или от какой-то энергии, близкой по характеру поражения. По крайней мере, он знал, как с этим бороться, используя универсальную аптечку из своего планетарного комплекта.

Лишь часа через два ему удалось привести Карила в сознание. О том, чтобы двигаться дальше, в этот день не могло быть и речи. Еще один день потерян.

Он ухаживал за Карилом до самого вечера, и, когда жара спала, тот почувствовал себя немного лучше. У Олега появилась надежда справиться с последствиями болевого шока

— Как ты думаешь, отчего она здесь появилась? — Это были его первые слова.

— Ты имеешь в виду холм?

— Ты назвал ее морской звездой. Пусть так и будет. Раньше я не слышал о таком монстре.

— Слишком красивое имя для этой твари. Впрочем, морские звезды на Земле пожирают кораллы и губят еще большую красоту.

— Так почему она здесь появилась? Чем питалась до нашего прихода?

— Это действительно серьезный вопрос. За все время нашего пути я не встретил следов крупных животных.

— В песках большие животные не выживают — здесь для них слишком мало пищи, тем более здесь не может жить такой монстр.

— Она заблестела, только когда мы появились, она словно ждала именно нас. Мне придется проверить одну вещь.

Взяв топор, Олег решительно направился к останкам монстра. Одного дня жары оказалось достаточно, чтобы появился неприятный запах. Значит, это все же биологическая масса, организм... Но тогда ему нужна была влага и пища, чтобы поддерживать в рабочем состоянии несколько тонн биомассы, в этом Карил, безусловно, прав. Много влаги и пищи...

Подойдя вплотную и обвязав лицо платком, чтобы хоть немного уменьшить вонь, Олег принялся за неприятную работу, желая получить ответ всего лишь на один, но очень важный вопрос...

Он врубался в вонючую тушу, как в скалу, выгрызая в ней нечто, похожее на туннель.

Весь забрызганный слизью, забыв о времени, он рубил эту гадину с такой яростью, словно она все еще была жива, и упорно продвигался вперед — к пищеводу.

Наконец он обнажил связку глотательных мускулов вокруг гортани и обнаружил, что короткая и широкая труба горла чудовища никуда не вела.

Не было пищевода, не было желудка, не было сердца.

Вообще ничего не было, кроме мощных мускулов и кремневого скелета.

Больше всего это непонятное образование напоминало специально сконструированного биоробота. Сконструированного с одной-единственной целью подстеречь определенную жертву и уничтожить ее.

Теперь можно было не сомневаться в правоте Карила. Эта штука ждала здесь именно их, и если бы не бластер...

Олег подумал о том, что живая ловушка, встреченная ими на пути, не была первой и вряд ли будет последней.

Стоило вспомнить яростную атаку сразу шестерки Летающих Котов. Карил сказал, что эти животные никогда не объединяются в стаи. Но эти объединились, и теперь Олег не сомневался, что объединились они специально для нападения на них. К тому же выбрали для этого подходящее время.

Дождались, пока они расстанутся с конвоем, пока один из них окажется за пределами лагеря без оружия. Все было учтено. Если слишком много совпадений и случайностей направлено в одну сторону, то за этим чаще всего скрывается чья-то злая воля. Больше Олег не верил в случайные совпадения. Против них действовал умный и могущественный враг.

Похоже, тот, кто решил их уничтожить, располагал достаточной мощностью, чтобы добиться своего. И спешить ему некуда. Рано или поздно он это сделает, несмотря на все предосторожности, на то, что теперь они будут продумывать каждый свой шаг.

Вернувшись к Карилу, он лишь мрачно покачал головой, не желая посвящать своего и без того измученного товарища в эти неутешительные выводы.

Следующее происшествие обрушилось на них через день после того, как их маленький отряд покинул место битвы с сухопутной морской звездой.

Они только что остановились для очередного привала, измученные длительным переходом и еще не оправившиеся после предыдущей битвы.

Едва Карил закончил установку тента над местом, отведенным для коньков, как небо на юге потемнело. Словно огромная туча закрыла солнце, и, похоже, туча эта шла по их следам на север не первый день...

— Кажется, оно нас все-таки нагнало... — тихо произнес Олег, чувствуя, что тоска, преследовавшая его все дни нелегкого пути через пустыню, наконец оформилась во что-то определенное — в гигантское существо, застилавшее солнце.

Он опустил предохранитель бластера и стал ловить нового монстра в перекрестье

прицела, не слишком надеясь на успех — уж больно велик был противник.

Затем он услышал сухой щелчок спускового механизма и понял, что жить им осталось всего несколько секунд. В поединке с морской звездой он полностью израсходовал свою единственную батарею.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 24

Глен Ветрин официально считался самым плохим охотником в колонии Олина Сына Небесного Духа. И не потому, что у него были слабые ноги, неверные руки или недостаточно зоркие глаза. На самом деле на ежегодных играх он легко мог бы победить любого из членов семьи Олина. Но на все уговоры духовного пастыря Глен отвечал решительным отказом. Со дня своего появления в колонии вот уже четвертый раз он бросал вызов устоявшимся традициям духовной семьи.

Дело дошло до неприличия. Молодой, полный сил мужчина четвертый год подряд отказывался завоевать для себя в честном поединке женщину, лишая тем самым свою духовную семью возможного (хотя и маловероятного) потомства.

Правила, регламентирующие взаимоотношения мужчин и женщин в общине Олина, были разумны и понятны всем ее членам.

Поскольку молодых женщин охотникам всегда не хватало, а дети рождались чрезвычайно редко, Олин решил, что любая способная к воспроизведению потомства женщина в течение года будет принадлежать тому мужчине, который отобьет ее в честных поединках на ежегодном турнире у всех возможных претендентов.

Если в течение года женщина не беременела, то она выставлась в качестве приза на следующих играх Небесного Духа. И ее бывший муж уже не имел права участвовать в борьбе за нее.

Таким образом увеличивалась вероятность деторождения при всех последующих браках, исключался фактор взаимной несовместимости и, кроме того, женщины доставались лишь наиболее сильным и искусным в бою членам общины.

Казалось, трудно придумать более справедливые и полезные для семьи правила, но Глену Ветрину они почему-то не нравились, и он, не боясь гнева святого отца, открыто демонстрировал свое неповиновение.

Предстоящие игры между тем обещали стать весьма значительным событием хотя бы потому, что долгожданное время наконец наступило и шестнадцатилетняя красавица Ульма, вступив в пору зрелости, впервые должна была быть разыграна на турнире.

Многие охотники мечтали о дне, когда смогут вонзить свое копьё в доску претендентов напротив ее имени, и вот этот день наконец наступил.

С утра глашатаи ходили по улицам поселка, сотрясая воздух звуками своих труб и грохотом барабанов — как будто без них каждый мальчишка в поселке не знал о том, что завтра с восходом солнца начнется турнир.

Глен, хмурый, как никогда, одиноко сидел в своей хижине, заперев ворота на внутренний засов, словно надеялся таким образом преградить доступ в свой дом уличному шуму и воплям, всегда сопровождавшим подготовку любого торжества.

Ночью, когда взошла вторая луна, снаружи послышался робкий, едва различимый даже для его ушей стук. Глен встал и открыл калитку. Укутанная с ног до головы в покрывало женская фигура проскользнула в его двор. Глен захлопнул калитку, проверил прочность засова и, повернувшись к неподвижно стоявшей у ворот женщине, сказал:

— Сегодня они будут следить за тобой всю ночь. Ты слишком рискуешь, Уль.

— А что мне остается делать? Если завтра ты не выступишь на турнире, если я достанусь другому охотнику, что мне делать потом, когда узнают о наших встречах?

— При всем народе я поклялся, что никогда не стану участвовать в этих игрищах. Я просил тебя уйти со мной еще год назад, но ты отказалась...

— Уйти — куда? Жить, как дикие звери?!

— А что ждет нас здесь, если даже я завтра выиграю турнир, что мы будем делать, если ребенок не родится, что мы будем делать через год, когда тебя отдадут другому мужчине, я что, должен буду спокойно с этим согласиться?

— Ты хочешь, чтобы это случилось уже завтра?

— Я этого не хочу. Но я не буду плясать под дудку этого ненормального, который называет себя Сыном Небесного Духа. Если ты согласишься, мы сегодня ночью покинем колонию, и навсегда уйдем из этого сумасшедшего дома. Наши отцы жили по другим законам. Мужчины и женщины свободно выбирали друг друга и объединялись в семьи по любви.

— Сын Небесного Духа Олин запретил слово, которое ты произнес, он проклянет тебя. Если мы с тобой убежим из поселка, нас будут травить нольдами, как диких животных. Они будут преследовать нас до тех пор, пока не поймают. Потом тебя принесут в жертву Небесному Духу. А меня... В этом поселке только один сумасшедший — и это ты, Глен. Открой калитку!

Глен снова остался один. Он не сомкнул глаз всю ночь, а утром, когда глашатаи протрубили в последний раз перед началом турнира, так и не отпер своей калитки.

Не спал в эту ночь и Святой Олин, обдумывая свое новое судьбоносное решение.

Застарелая вражда с чужаком Гленом, своим дурацким упрямством успевшим смутить умы многих молодых охотников, должна, наконец, закончиться. Глен пришел в общину четыре года назад, никто не знал, откуда он появился. Впрочем, это бы никого не касалось, если бы он уважал правила дома, в который пришел. Община по большей части состояла из тех, кто по тем или иным причинам не ужился в своих прежних поселениях.

Глен хоть и был им официально объявлен худшим охотником общины, на самом деле был лучшим воином и пользовался заслуженным уважением у молодежи.

Поэтому избавиться от него без достаточно веской причины сам Олин не мог.

Однако в эту ночь Сын Небесного Духа решил поймать сразу нескольких улатов.

Любой охотник знал, что лишь один улат водится на огромной площади в десятки квадратных километров леса и нельзя в один день поймать двух улатов, именно поэтому поговорка — «нельзя поймать нескольких улатов» — стала популярной в селении. Но Олин на следующее утро собрался опровергнуть эту поговорку.

Едва солнце позолотило своими лучами верхушки ближайших деревьев, как он взобрался на специально построенный для этого помост и сел в расписанное голубой краской кресло, соответствующее его сану.

Вокруг помоста собралась пестрая толпа его духовных подопечных: десяток молодых женщин (всего десяток — в прошлом году их было двенадцать), двое младенцев и их гордые счастливые отцы, а также около пятидесяти молодых, способных к работе и битве мужчин.

«Неплохая община, совсем неплохая, — подумал Олин, — жаль, конечно, что мало детей, но тут уж ничего не изменишь, я делал все, что было в силах, чтобы укрепить колонию и обеспечить ее будущее».

«Дух Неба наказал нас болезнями и лишил потомства». Произнося в мыслях эту привычную фразу, Олин знал, что по-настоящему повинны в этом люди и живут они далеко отсюда.

Олин был образованным человеком и читал запрещенные книги, сложенные в его хижине.

— Дети мои! — произнес Олин стандартную фразу начала проповеди, с удовольствием обводя взглядом мгновенно притихшую толпу.

— Ночью меня посетил Наш Отец. Великий Дух Неба.

Тишина стала полной, теперь был слышен даже шелест стручков на отдаленных деревьях.

Каждый из жителей общины знал, что за этой фразой последует нечто, способное перевернуть жизнь любого из них.

За годы его духовного руководства вера еще не успела пустить глубокие корни в головах подопечных, и ему часто приходилось поддерживать свой авторитет иными средствами.

Одним из таких средств стал гипноз. Несложные приемы он изучил по одной из запрещенных книг и успешно применял на практике во время исповеди своих духовных детей.

Не всякий поддавался гипнозу, но в большинстве люди выкладывали ему все, что знали, все, что слышали от друзей и близких.

Таким образом, скрыть от него что-либо важное из назревающих событий было практически невозможно. Ему всегда удавалось быть в курсе всего, что происходило в общине, и вовремя принимать нужные решения.

Олин был неплохим психологом и дипломатом — возможно, в ином месте и в иное время ему была бы уготована карьера премьер-министра или известного политика, здесь же он был всего лишь Сыном Великого Духа Неба и ничуть не жалел об этом. Он всегда помнил величайшее изречение римского философа: «Лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме».

— Дети мои, Великий Дух сказал мне, что сегодня, единственный раз за всю историю нашей общины, мы должны нарушить незыблемое правило и вместо законных претендентов, готовых рисковать своей жизнью во славу Великого Духа...

Он выдержал нужную паузу и в который раз всмотрелся в замершую толпу своими цепкими, все подмечающими глазами.

— Дух сказал мне, что наша духовная дочь, прекрасная Ульма, должна быть отдана этому строптивцу и отщепенцу Глену Ветрину. Без всякого турнира.

Он опять выдержал долгую паузу, вслушиваясь в тишину, повисшую над площадью.

— Я скорблю вместе с вами. Я не понимаю, почему так решил Великий Дух. Но я вынужден подчиниться его решению. Пути Великого Духа неисповедимы. Возможно, он решил доказать нашему неверному брату, что милость Духа безгранична и в равной мере распространяется даже на тех, кто от него отвернулся...

В этот момент и были пойманы сразу несколько улатов.

Во-первых, Сын Олин вызвал всеобщую ненависть претендентов на Ульму к своему давнему врагу Глену, зная, что лучшие воины колонии не оставят без внимания несправедливо свалившуюся на голову Глена удачу.

По законам, установленным ранее, если воин погибал на охоте или отходил в мир иной по любой другой причине, его женщина разыгрывалась через день после смерти мужа на специальном турнире, устроенном в честь поминовения безвременно покинувшей общину души усопшего.

Олин не сомневался в том, что Глену не придется слишком долго наслаждаться свалившейся на его голову удачей. Но даже если Глену удастся обмануть судьбу и уничтожить всех своих врагов, даже если ему удастся это, Сын Олин знал, как быстро проходит один год человеческой жизни...

Вторым улатом можно было считать то, что он узнает имена всех непокорных, всех, кто осмелится вслух осуждать решение Небесного Духа. Он узнает их имена, даже если они выскажут свое недовольство лучшему другу.

И, наконец, в-третьих, лучший воин племени, возможно, оставит им свое потомство прежде чем отойдет в мир иной.

Был и еще один улат — самый тайный. Если слухи, дошедшие до него, соответствуют истине, если Ульма, нарушив святое правило, потеряла девственность до первых игр и виновник тому все тот же Глен Ветрин, то ему, по крайней мере, не придется устраивать публичный суд над женщиной, которая ему слишком нравилась, чтобы принести ее в жертву Небесному Духу.

Лучше уж подождать. Время бежит так быстро... Когда придет срок, он объявит им о новом решении Небесного Духа. И Ульму назовут Дочерью Великого Духа... Она будет выполнять любые его фантазии, любые капризы — так долго, как он сам того пожелает.

Если бы он сделал это сейчас, весь гнев обманутых претендентов обрушился бы на него самого. Слишком редко девственницы разыгрываются на турнирах, слишком редко рождаются новые дети и слишком коротка человеческая жизнь на этой планете.

Когда глашатаи, объявив решение Небесного Духа, оставили Ульму у ворот Глена, он сразу же понял, что на этот раз Сын Один решил с ним покончить. Теперь это было лишь вопросом времени.

Целых двенадцать дней Глен не выходил из своей хижины, проводя все свое время с молодой женой и вызывая этим зависть соседей. Но совсем не утехи медового месяца заставляли его сидеть дома.

В поселке запрещались убийства и даже ссоры. Погибнуть на охоте считалось почетным делом, причем совсем не обязательно от зубов дикого зверя. Все счеты между членами общины сводились в лесу.

Но мясо в доме в конце концов кончилось, и, чтобы не показаться Ульме трусом, ему пришлось собираться на охоту.

Он так и не обмолвился ей о том, что его ждет в лесу. Зачем лишний раз травмировать бедную женщину? Она сама определила свою и его судьбу.

После того как на погребальном костре сожгут его труп, на следующий же день она станет игрушкой в руках других мужчин. Глен знал, что перед турниром Сын Один посвящал некоторых женщин в таинства Небесного Духа, и о том, что происходит в его храме во время этой мистерии, по поселку гуляли самые чудовищные слухи.

Девственниц в храме не трогали, боялись гнева охотников, зато всех остальных женщин, за исключением самых уродливых, обязательно пропускали через обряд посвящения, и те потом ни разу не обмолвились о том, что с ними делали.

Каким-то колдовством Олин умел заставить молчать свои жертвы, возможно, с помощью того же колдовства он развязывал языки на исповеди, и, узнав об этом, Глен перестал посещать храм по субботам.

Собственно, именно с этого началась его ссора с Сыном Небесного Духа. Олин не мог позволить, чтобы в поселке жил человек, открыто нарушавший его постановления и откровения Небесного Духа. Рано или поздно, под тем или другим предлогом, все должно было закончиться сборами на последнюю охоту...

Глен наточил свой любимый нож, который сам выковал в кузнице. Каждый охотник делал там для себя оружие — но ножи Глена пользовались особой популярностью, потому что только он один мог так отцентровать рукоятку, чтобы брошенный нож летел в цель, равномерно вращаясь, и входил лезвием в жертву по самую рукоятку.

Свои ножи он мог выменивать на любое другое оружие. Однажды ему предложили даже стальной самострел. Он берег его до особого случая и лишь теперь проверил тетиву и тщательно смазанную жиром крабса пружину.

Но нож оставался его самым любимым оружием. Тонкий металл лезвия, закаленный особым, одному ему известным способом, звенел от прикосновения. А тяжелая, хорошо сбалансированная рукоятка придавала оружию особую мощь во время поражения цели.

При удачном броске этот нож пробивал даже кожаную защитную куртку с нашивками из кусков панциря крабса.

Им дорого придется заплатить за его жизнь, в этом Глен нисколько не сомневался, как не сомневался и в том, что это их все равно не остановит. Никто из тех, кто нарушал заветы Небесного Духа, не возвращался из лесу живым. Значит, не вернется и он. Хотя, возможно, ему повезет, как однажды повезло Олаву одноглазому. Четыре раза уходил он на свою последнюю охоту, четыре раза из лесу приносили трупы верных сподвижников Олина, и лишь на пятый произошло то, что должно было произойти.

Если бы Ульма согласилась покинуть общину, он увел бы ее так далеко, что никакие

охотники не нашли бы их стоянку. Вокруг полно диких, никому не принадлежащих земель. Но об этих местах, расположенных вблизи Каньона Дьявола, ходило слишком много страшных рассказов, и он не осуждал женщину за ее нерешительность.

В конце концов, он мог бы уйти один — но это нужно было делать раньше, до того, как в его жизни появилась Ульма. Никогда Глен Ветрин не сделает ничего такого, что покроет позором доверившуюся ему женщину. Да и не выжить в тех местах человеку одному. Калин попробовал однажды и через месяц приполз обратно в поселок, оставив в Каньоне Дьявола свой рассудок и гордость.

Вдвоем с Ульмой у них была бы надежда выжить, а так ему остается лишь с честью провести свою последнюю охоту.

Преследователей он обнаружил сразу после Ковровой заросли. Обойдя их и выйдя на их собственный след, он узнал все, что ему было нужно.

Его преследовали трое, один из них хромотал, второй не слезал с конька, которого вел в поводу третий. Близнецы Кула. Вот, значит, как Олин решил распорядиться его судьбой — он направил по его следу своих самых верных псов, свою главную опору — мутантов Кула. Даже одного дня, даже надежды на победу он ему не оставил.

Никто из тех, кого преследовали Кула, не вернулся в поселок. Эти уродливые великаны обладали чудовищной силой и ловкостью. Они родились уже здесь, на Острани, в то время, когда началась эпидемия. Но они выжили непонятным образом там, где погибли все остальные. Никто не знал, как могли уцелеть трехмесячные младенцы в мертвом поселке. Мало что знали о них и после. Их пригрел и вырастил Олин.

Хитрый и коварный Олин уже тогда понимал, что ему понадобятся верные псы. И он не ошибся в близнецах, беспрекословно выполнявших теперь любое его желание. Один из них, Лурак, отличался огромным ростом и нечеловеческой силой. Он никогда не расставался с палицей, сделанной из целого ствола, толщиной в половину человеческого туловища. Дерево для своей палицы он вырвал из земли голыми руками на глазах всего поселка.

Второй, квадратный и невысокий Друм, никогда не слезал с конька. Его короткие и тонкие ножки с трудом удерживали уродливое тело на земле, зато если ему удавалось поймать взгляд своего противника, тот мгновенно застывал неподвижно, словно пораженный параличом, и стоял столбом до тех пор, пока Друм не прикасался рукой к его лбу. Впрочем, делал он это не часто, большинство его жертв умирало с выпученными глазами, так и не изменив позы, в которой застал их взгляд этого маленького чудовища.

У Гризла, руководившего уродливой троицей, было четыре руки, и он пользовался ими всеми с обезьяньей ловкостью, в считанные секунды взбираясь на любые деревья и перепрыгивая с ветки на ветку так, словно вообще не имел веса. Он умел становиться совершенно невидимым, растворяясь в кронах деревьев и неожиданно бросаясь оттуда на противника, используя в схватке острые, как бритвы, ногти и зубы.

Глен понимал, что самым опасным противником был именно Гризл. Если не смотреть в глаза Друму, его взгляд не сможет причинить вреда. От сильного, но неповоротливого Лурака можно увернуться во время схватки или попросту убежать, занять более выгодную позицию — сила не всегда определяла успех в рукопашном поединке.

Зато от Гризла спастись было почти невозможно. Именно его Глен должен был обнаружить в первую очередь в самом начале схватки. И именно ему должен предназначаться первый выстрел его духовой трубки. Если этот выстрел окажется неверным, об остальном можно не беспокоиться. На повторный у него не останется времени.

По сути поединок настоящих охотников начинался задолго до самой схватки. Кто лучше и раньше возьмет след, кто сумеет выйти наперерез противнику в наиболее выгодном месте, наконец, кто первым применит оружие — все это и определяло результат поединка.

Раз уж Глену удалось зайти в тыл преследователям, он старался использовать свою удачу полностью, хорошо понимая, что Гризл очень скоро узнает о том, что он висит у них на хвосте.

Глен старался по свежести следа точно определить расстояние до своих противников и

держаться от них в отдалении до тех пор, пока не представится удобный момент.

Но они обнаружили его хитрость раньше, чем он рассчитывал, и приготовили для него ловушку у Листой пади, вернувшись по собственному следу назад.

К счастью, он вовремя обнаружил засаду и, не подав виду, продолжал спокойно ехать вперед. Едва расстояние стало достаточным для выстрела духового ружья, как Глен стремительно бросился вниз на землю, в падении выхватил из-за пояса духовую трубку, прицелился и дунул. Все это он ухитрился проделать до того, как его плечи приняли на себя удар о землю.

Человек, в которого он стрелял, взвыл совершенно нечеловеческим голосом и, выкатившись из кустов, сразу же затих. Яд кота действовал мгновенно.

К сожалению, это был не Гризл, и остальные, несмотря на вопли брата, не выдали своего местонахождения. Однако теперь Глен оказался в более выгодном положении, чем в начале схватки, во-первых, ему удалось подстрелить Дурака, самого сильного из близнецов, что само по себе неплохо. Но, самое главное, после падения он оказался в овраге, укрывавшем его своими крутыми стенками с двух сторон.

А его противники по-прежнему оставались на открытой местности.

Воспользовавшись этим преимуществом, Глен вставил в трубку новую отравленную стрелу и теперь почувствовал себя гораздо уверенней. Однако он недооценил коварство Гризла.

Услышав над своей головой в кроне дерева шум, Глен мгновенно повернулся, ловя концом трубки новую цель.

Стрелок должен видеть место, в которое посылает стрелу. И Глен его увидел. Два широко раскрытых глаза среди ветвей.

Гризл, ухватив Друма за пояс, взобрался с ним на дерево и теперь выставил брата навстречу Глену.

Последнее, что Глен запомнил, прежде чем его язык прилип к гортани, это черное пятнышко от стрелы, появившееся между этих леденящих глаз.

Глава 25

Огромное черное чудовище коснулось поверхности пустыни в ста метрах от того места, где стоял Олег, и почти сразу же рванулось обратно вверх.

Песчаная буря, поднятая взмахами его крыльев, не утихала несколько минут. А когда она наконец рассеялась, когда Олег снова смог различать окружающее, на вершине ближайшего бархана, в том месте, где чудовище только что коснулось земли, он увидел женщину.

Она стояла совершенно неподвижно, в спортивной куртке и брюках, с рюкзаком за плечами, словно только что сошла с обложки модного журнала, рекламирующего сафари в марсианских пустынях.

Волна светлых волос спадала из-под спортивной шапочки, знакомый разлет бровей, глаза, от глубины которых у него перехватывало дыхание...

Мираж... Это всего лишь мираж. Он все еще не мог поверить. Даже когда она, отбросив рюкзак, побежала ему навстречу, он продолжал не верить в реальность происходящего до той самой минуты, пока ее руки не упали на его плечи, пока ее губы не коснулись его губ. Пока она, наконец, не заметила его окаменевшего состояния.

— Ты очень удивился, милый, да? Это ничего, что я прилетела так неожиданно?

Словно она только что сошла с пригородной электрички...

Вечером они ужинали недожаренным мясом и пили чай, по вкусу напоминавший вареную свеклу. Но имело ли все это хоть какое-нибудь значение, раз Эль твердо решила научиться делать все, что умеет делать обыкновенная земная женщина?

Улучив минуту, когда Эль в сторонке училась мыть посуду, Олег спросил Карила, что он думает о ее появлении.

— Я думаю, что это невозможно. Когда происходит что-то невозможное, это или очень хорошо, или очень плохо. Мы скоро узнаем, какой стороной повернется твоя удача.

Больше по этому поводу Карил не сказал ни слова, но во взглядах, которые он искоса бросал на Олега, появилось нечто новое. Уважение? Зависть? Странная смесь того и другого?

Бесконечно долго продолжался этот день, и когда он все-таки кончился, когда Олег и Эль оказались вдвоем в тесной палатке и настала минута, о которой Олег мечтал так долго, они не приникли жадно друг к другу.

Вместо этого они говорили, умолкали, тихо и неподвижно лежали рядом и говорили снова.

— Когда ты поднял свою черную штуку, выбрасывающую огонь, и направил ее на меня, я подумала, как несправедливо будет умереть, не увидев тебя. Наверно, Элара слышала мои слова, она была сильно рассержена моим отлетом, но, возможно, ее гнев прошел...

— Я не знал, что ты летела на этом огромном монстре. Летающие Коты уже нападали на нас. К счастью, во время предыдущей схватки я израсходовал всю энергию.

— Черная Молния вовсе не монстр. Когда-то он действительно был Летающим Котом, но потом вырос из этого детского состояния, и мы с ним подружились. Я не смогла бы долететь до тебя, если бы не он. Энергии Кха почти совсем не осталось. Я не могла даже отдавать ему команды, но он все равно летел в нужном направлении. Я очень рада, что ты промахнулся.

— Я не промахивался. У меня не осталось зарядов. Сколько дней ты была в дороге?

— Пять дней. Ты ушел так далеко...

— Но ведь ты... Карил говорил, что ты не можешь уходить от дома дальше определенного расстояния.

— Он говорил правду. Пока я была хранительницей...

Олег не знал, как реагировать на это известие. Он все еще не пришел в себя от происшедшего. И сейчас, услышав ее слова, поднялся так резко, что едва не свалил палатку.

— Что значит «была»? Ты хочешь сказать, что больше ею не являешься?

— Конечно, нет. Иначе, как бы я здесь оказалась?

— Действительно... Так ты можешь по своему желанию становиться хранительницей?

— Какой ты глупый, милый. Хранительницей нельзя стать. Но можно стать обыкновенной женщиной, отказавшись от всего остального. Я знала, что тебя это расстроит. Я ведь не смогу оберегать тебя больше от опасностей. Я не слышу твоих мыслей и не смогу угадывать твои желания. Даже звери в этой пустыне не слушаются теперь моих приказов.

Он поверил ей сразу, безоговорочно. Она никогда не обманывала его, не предавала — и никогда не сделает этого. И он понял, какую цену ей пришлось заплатить только за то, чтобы увидеть его вновь.

Олег не знал, как называется чувство, которое он испытал впервые в жизни. Наверное, счастьем. Обыкновенным человеческим счастьем, которого был лишен так долго.

По сравнению с этим ощущением все сложности, появившиеся с прибытием Эль, все удвоившиеся тяготы дороги показались ему пустяками, не стоящими внимания. Но она неверно истолковала его затянувшееся молчание.

— Я знала, что это тебе не понравится, и все равно решилась прилететь, чтобы увидеть тебя хотя бы один раз. Если захочешь, я завтра оставлю тебя. Слишком трудно быть обыкновенной женщиной, во всем зависеть от мужчины и даже не знать, о чем он думает...

— Я думаю о том, какая ты глупенькая, Эль. И еще о том, что мне будет приятно заботиться о тебе.

— Я рада, если это правда...

— Если правда? Раньше ты никогда не сомневалась в моих словах!

— Раньше я слышала каждую твою мысль, а сейчас я словно глухая!

Впервые он увидел слезы на ее глазах и впервые по-настоящему понял, как велика для

нее утрата. Он попытался утешить ее, как умел.

— Настоящие женщины никогда не слышат мысли своих мужчин.

— Этого не может быть. Ты говоришь неправду, чтобы успокоить меня.

— Это правда, Эль. С годами только самым лучшим из них удастся угадывать мысли своих мужей. И мужей это радует далеко не всегда. Но у тебя-то это наверняка получится. Я знаю по себе, когда-то я тоже мог читать мысли других людей, и во время одного очень тяжелого боя навсегда лишился этой способности. Но потом, со временем, какая-то часть этого вернулась. С тобой обязательно произойдет то же самое.

В ответ она его поцеловала так, что слова растворились в огненной волне.

Утром выяснилось, что для дальнейшего движения им необходим еще один конек. Карил сделал все, что было в его силах, увеличив груз на остальных и полностью освободив одного для Эль.

Но оказалось, что у них нет лишнего седла, а Эль не умеет ездить верхом.

В конце концов вместо седла они использовали спальный мешок Олега. Эль в который уж раз заявила, что намерена научиться всему, что умеет делать обыкновенная женщина.

Правда, на этой планете никто из них до сих пор не встречал ни одной обыкновенной женщины и не знал, что именно они умеют здесь делать.

Тем не менее сборы в конце концов были закончены и они двинулись дальше.

Уже в дороге выяснилось, что Эль, до сих пор питавшаяся все той же пресловутой энергией Кха, теперь нуждается в пище и воде.

Все старанья Олега узнать побольше об энергии, которой она управляла, пока была хранильницей, и о том внутреннем голосе, который руководил ею самой, закончились неудачей.

Сама Эль знала об этом слишком мало. Вряд ли это могло быть иначе.

Первое время им приходилось экономить каждый глоток воды и делать это так, чтобы Эль ничего не заметила. К счастью, на второй день пути появились едва заметные для опытного глаза признаки растительности, а вместе с ними и надежда найти наконец долгожданный колодец.

В конце концов любой путь кончается. Даже пустыня, которая в своем раскаленном мареве кажется путнику, бредущему среди ее белого пекла, бесконечной, имеет конец. Он может быть разным — этот конец. Не зря так много белеющих костей встречалось им среди безжизненных барханов.

Но им повезло. Пустыня кончилась во время последнего ночного перехода так неожиданно, что утром, когда взошло солнце, они не поверили своим глазам.

Прямо перед ними стоял лес, плавно переходивший в предгорье, увенчанное вдали снежными вершинами.

Не в силах поверить в эту нереальную картину, показавшуюся ему очередным миражом, Олег обернулся. Пустыня лежала за его спиной совсем рядом.

Олег не смог отказать своим спутникам в удовольствии сделать в этом благословенном месте двухдневный привал — они должны были запастись продовольствием и подкормить совсем обессилевших коньков, прежде чем двигаться дальше.

Когда загон для коньков был наконец сооружен, а палатки разбиты, Олег и Карил стали собираться на охоту.

— Я пойду с вами, — решительно заявила Эль. — Я должна учиться быть женщиной.

— Но женщины не ходят на охоту — этим у нас занимаются мужчины, и потом кто-то должен остаться охранять лагерь.

Она нахмурилась и секунду обдумывала услышанное, затем сказала:

— Хорошо. Мне было бы трудно научиться убивать животных, которых родила одна Элара.

— Одна что? — не понял Олег.

— Некоторые животные, коты, например, мои братья, ведь так вы называете тех, кто родился от одной женщины?

— Что собой представляет эта Элара, которая вас родила?

— Земля, вода, небо! — Она обвела рукой пространство вокруг себя. — Все это. Но раз я не должна ходить на охоту, тебе придется научить меня всему тому, что делают женщины, пока мужчины охотятся.

— Не мучай ты ее своими расспросами, — сказал Карил, когда они отошли достаточно далеко от лагеря. — Хранительницы вырастают с готовым запасом сведений в голове. Почти по всем общим вопросам эти сведения одинаковые. Разница лишь в информации о своем хозяине, которую они получают, пока он их выращивает. Все остальное — это уже процесс обучения, как и у каждого из нас. И знает она о своих родителях не больше твоего. Стручок — ее родитель. Больше всего меня удивляет то, что ей удалось справиться с проблемой самостоятельного существования. Никогда я ни о чем подобном не слышал — в этом существе так много мужества...

— Стручки не растут из камня, и не из простого любопытства я задаю свои вопросы. Чем больше мы узнаем о тех, кто управляет Остраном, тем больше шансов на то, что наша миссия закончится успешно. Тем скорее найдем мы этот чертов центр.

— Мне иногда кажется, что здесь нет никакого центра.

— Кто же тогда выращивал всех этих тварей, созданных специально для того, чтобы нас уничтожить? Кто запускает отсюда космические корабли?

— Может быть, действительно, земля, вода, небо, вся планета?

— Не говори ерунды. Что же тогда находится в Каньоне Дьявола?

— Этого я не знаю. И не уверен, что нам с тобой станет лучше после того, как ты в этом разберешься. Не все тайны стоит разгадывать.

— От этой тайны, между прочим, зависит жизнь всей этой планеты.

— Я не верю в то, что жизнь планеты может зависеть от людей. Скорей уж наоборот.

Они охотились часа два не слишком успешно, пока Карилу не удалось, наконец, обнаружить и загнать в кусты небольшого крабса.

Отрезав ему путь к отступлению, они забросали его камнями и вскоре, покончив с разделкой туши, довольные, с запасом свежего мяса двинулись обратно к лагерю.

Неожиданно Карил остановился, бросил свой груз и долго, как ищейка, исследовал землю, ходя кругами по заинтересовавшему его месту. Круги эти все расширялись, и Олег начал уже терять терпение.

— Что ты здесь увидел?

— Следы.

— Чьи следы?

— Я не знаю.

— Тогда что же ты ищешь?

— Я пытаюсь понять, кому они принадлежат.

— Зачем тебе это? Мало ли здесь животных, которых мы не знаем?

— Этот след не принадлежит животному. Мы находимся в самом центре земель Вольных Охотников и должны быть очень осторожны, если хотим благополучно миновать этот район.

В конце концов он закончил свои исследования и мрачный вернулся к Олегу.

— Три всадника везли что-то тяжелое — в том направлении.

— Получается, что следы идут от нашего лагеря?

— Выходит, так.

— Тогда что же мы теряем время, поехали быстрее!

— Если они там уже побывали, спешкой ничего не изменишь, гораздо важнее знать, куда они уехали.

Ничего на это не ответив, Олег стремительно бросился к лагерю, пробиваясь сквозь низкие кусты.

Вскоре мрачная картина разорения предстала перед их глазами. Сорванные палатки валялись на земле. Не было ни одного конька и ни одного вьючного тюка. Эль тоже

исчезла...

Только через час, обшарив весь лес вокруг и сорвав голос, пытаясь докричаться ее, он поверил словам Карила, что главной целью нападения на лагерь была именно Эль.

— Мы должны догнать их!

Карил долго задумчиво смотрел на Олега, ничего не отвечая.

— Мы должны ее найти! Человек не бросает в беде того, кто ему предан. Даже собаку. Даже кошку. Я найду ее!

— Что ты собираешься делать, если мы ее найдем?

— Как это что? Мы ее освободим.

— Каким образом? В поселке, куда ее уже наверняка отвезли, десятки опытных воинов, прекрасно знающих эти места. Они покончат с нами в несколько минут. Или твоя огненная трубка снова начала работать?

— Откуда ты знаешь, куда ее повезли? Может быть, нам удастся перехватить их в дороге.

— Следы уже старые: роса высохла, листья травы распрямились. На лагерь напали сразу после нашего ухода. Объясни, почему ты хочешь рисковать нашими жизнями ради какого-то биоробота. Мне кажется, ты именно так ее назвал, когда впервые рассказывал о своей хранильнице.

— Она не биоробот. И даже уже не хранильница. Она постепенно становится человеком, уже стала моим другом.

— Вот теперь ты сказал все, что нужно. Но Олег не сказал ему самого главного — это существо искренне любило его. Он все еще боялся называть ее в своих мыслях женщиной, но знал уже, что это не имело слишком большого значения. В конце концов он и сам всего лишь Танн, а Ганны на Земле никогда не считались настоящими людьми. И только здесь, рядом с этим существом, он перестал чувствовать то леденящее одиночество, которое сопровождало его все годы, даже когда он бывал рядом с «настоящими» женщинами.

Уезжая от нее, он помнил, что огонек горит в его доме, что его там ждут, и он всегда может вернуться. Теперь кто-то попытался потушить этот огонек, и Олег знал, что не позволит этого сделать.

Глава 26

Олег и Карил шли по следу напавших на лагерь Охотников уже третий час. Постепенно следы становились свежее, но с теми, кого они преследовали, их все еще разделяло значительное расстояние. Стало ясно — до наступления темноты им не удастся настигнуть похитителей Эль.

— Ты хоть понимаешь, почему они это сделали? Они не взяли ничего из наших запасов, только все разломали, подожгли и бросили — зачем?

— Им нужна была твоя хранильница. Они специально за ними охотятся, чтобы затем убить. Никто из Истинных Таннов не понимает, почему они это делают. Но когда мы догоним этих людей, я заставлю их ответить... Сегодня это вряд ли удастся. Мы плохо знаем местность, и в темноте у них появится большое преимущество, но завтра с рассветом мы возобновим погоню.

— Если не будет слишком поздно... Эль чувствовала беду, знала, что нам недолго быть вместе. Она говорила, что Элара обязательно отомстит ей за измену.

— Мы должны выполнять свой долг воина, а над остальным не властны. Будь доволен тем, что еще можешь отомстить своим врагам. Здесь это удастся далеко не каждому. Ему вот уже не удастся...

— О ком ты говоришь?

— Посмотри, впереди толстое дерево с развилкой. К нему привязан человек...

Картина, которую они увидели, подойдя ближе, заставила содрогнуться обоих.

Нижняя часть туловища привязанного к дереву обнаженного мужчины наполовину

находилась в термитнике.

Остранские термиты не чета земным муравьям — они крупнее и обладают мощными челюстями, смазанными ядовитой слизью, при укусе вызывающей жгучую боль. Тот, кто висел тут, должен был умереть в страшных мучениях.

Преодолевая отвращение, вызванное выпученными глазами и посиневшей кожей человека, испещренной многочисленными следами укусов, Олег все же подошел ближе и, к собственному удивлению, не почувствовал трупного запаха. Чтобы исключить любые сомнения, он протянул руку и прикоснулся пальцами к его шейной артерии.

Он стоял долго, не отнимая руки, словно не верил собственным ощущениям.

— Кажется, он еще жив. Никогда о таком не слышал. Три-четыре удара сердца в минуту, и никакого дыхания. Ну-ка, помоги мне его отвязать.

Убедившись, что обнаруженный ими человек несмотря на свое окостенелое состояние еще жив, Олег начал действовать стремительно и умело.

В данной ситуации наиболее полезным в его планетарном комплекте оказался универсальный медицинский блок. Без его помощи он не сумел бы установить диагноз и отобрать нужные препараты.

Буквально через минуту после экспресс-анализа и инъекции сведенные в параличе мышцы человека расслабились, тело обмякло и появились первые признаки дыхания.

— Твой железный ящик способен оживить даже мертвеца.

— Однажды я на тебе его тоже испробовал, — пробормотал Олег, сосредоточенно чередуя массаж с горячими компрессами и одновременно считывая инструкции, появлявшиеся на кристаллическом дисплее, не превышавшем по размеру спичечный коробок.

Почему-то его слова задели Карила за живое.

— Послушай, нельзя так говорить, что значит — ты испробовал этот ящик на мне? Когда это было?!

— Хорошо, что ты этого не помнишь. Да ладно, считай, что я пошутил. Этот человек может оказать нам неоценимую помощь. Он из местных Охотников, вполне возможно, что эту подлую штуку с ним проделали те самые люди, которых мы ищем.

— В этом можешь не сомневаться. Я узнал их по характерным следам одного из коньков.

Лица, которые увидел Глен, открыв глаза, были ему совершенно незнакомы. Он помнил все, что с ним произошло, даже боль от укусов термитов. Эта боль мучила его еще долго после того, как ушел последний из братьев Кула, закончив свои страшные приготовления к его мучительной смерти.

— Кто вы?

— Не волнуйся. Мы твои друзья.

— У меня нет друзей. Вы Сейфы?

— Он Сейф, а я Землянин. Теперь у тебя будут друзья.

— Сейфы всегда убивают Вольных Охотников, они не берут пленных. Вы оживили меня, чтобы убить еще раз?

— Этот Сейф не такой плохой. Видишь, он даже компрессы тебе делает.

— Хорошо, что ты еще умеешь шутить, Землянин. Здесь тебя от этого быстро отучат.

Позже, когда спасенный ими Охотник немного оправился, они продолжили разговор. Олег решил пожертвовать несколькими часами, надеясь получить нужные сведения. До заката они все равно уже не успеют догнать похитителей.

Когда Глен закончил свой рассказ, начало смеркаться. Из всего услышанного Олег сразу же выделил самую главную информацию: время у них еще было.

Вечер и целая ночь впереди. Только утром, после того как закончат все приготовления к «празднику», они возьмутся за Эль всерьез.

— Почему вы убиваете хранительниц?

— Это придумал Один. Его Небесному Духу нужны жертвы. Иногда ими становятся

немошные старики, но настоящее празднество устраивают, только когда удастся захватить в плен хранильницу. Олин считает их порождениями дьявола.

— А ты как считаешь?

— Я считаю, что ему нужна власть, такая же, какая была у инквизиторов в средние века. И насаждает он ее теми же самыми методами.

— Ты не похож на безграмотного Охотника.

— Это уж точно.

— Откуда ты пришел в колонию Олина?

— А это уж мое дело, Землянин. Возможно, когда-нибудь я и расскажу тебе об этом. Отсюда до поселка всего час езды, и сейчас не время для долгих разговоров.

— Ты думаешь, что уже сможешь двигаться?

— Обо мне не беспокойся, Землянин. Чтобы использовать завтрашний праздник, нам понадобится вся сегодняшняя ночь.

Этот человек нравился Олегу все больше. И своей образованностью, и умением избегать лишних слов.

Было в нем, однако, нечто странное. Он говорил медленно, точно специально подбирал для них нужные слова. Тогда Олег подумал, что это результат пережитого паралича, и лишь позже узнал, что причина совсем в другом.

Часа два, пока совсем не стемнело, они сидели в кронах деревьев на опушке леса у самого поселка Вольных Охотников. Пользуясь оптическим умножителем и подсказками Глена, они старались запомнить лица всех братьев из гвардии Олина, снующих по улицам и занятых приготовлениями к предстоящему празднеству.

— Именно этих людей нам и придется уничтожить в первую очередь. Собственно, только их. Не ошибитесь. Если наша атака будет направлена против Олина и его людей, остальные скорее всего сохраняют нейтралитет и будут наблюдать, что у нас получится. В сущности, они жертвы этого сумасшедшего, хотя сами этого не понимают.

— Люди здесь довольно беспечны, нет даже часовых, — заметил Карил, которому, чтобы рассмотреть поселок, не понадобился оптический умножитель.

— Это не так. Все члены общины опытные охотники и воины. Они знают, что вас всего двое и что вы не знакомы с местностью. На наше счастье, они не сомневаются в том, что я уже умер. Потому и не боятся нападения.

— Откуда они знают, сколько нас?

На вопрос Олега за Глена ответил Карил:

— По следам, по нашим конькам и по нашему лагерю. Я ведь тоже знаю, сколько человек там побывало.

— Может быть, нам стоит напасть сейчас, используя темноту?

— Землянин, видно, плохо знает наш мир. Танны прекрасно видят в темноте. Если мы сейчас нападём на поселок, в поднявшейся неразберихе нас перебьют за несколько минут. Только утром, когда все от мала до велика будут заняты захватывающим зрелищем сожжения ведьмы, только тогда у нас появится хоть какой-то шанс на успех.

— Я не хочу рисковать жизнью Эль.

— Ты собираешься ее спасти или красиво погибнуть?

В конце концов, Олегу пришлось согласиться с правотой Карила и Глена.

— Даже утром одним нам не справиться.

— Ну подкрепления, как я понимаю, нам ждать неоткуда...

— Как знать, как знать... — задумчиво проговорил Карил. — Ты помнишь рассказ своей хранильницы о том, что она считала другом чудовищного Летающего Кота, который принес ее к нам?

— Конечно, помню. Но она больше не хранильница, она лишилась всей своей силы, и рассчитывать на ее помощь не приходится.

— В момент смертельной опасности она может его позвать. И, несмотря ни на что, он может ее услышать. Когда между двумя существами устанавливается телепатическая связь,

не так-то просто ее оборвать. Нам ведь нужно немного... Лишь бы он появился и добавил паники во время атаки.

— Даже если ты прав и она его действительно позовет, будет слишком поздно. Хоть его и зовут Черной Молнией, передвигается он не быстрее любого кота и должен находиться где-то поблизости, чтобы успеть...

— Вот в этом все дело! Я хочу попробовать вызвать сюда ее монстра.

— Каким образом?

— Иногда по ночам у меня бывает контакт с моим домом — Карила явно смутило это вынужденное признание.

— Ты хочешь сказать, что можешь попросить свою хранительницу направить сюда этого кота?

— Я могу лишь попробовать. Я не знаю, что из этого выйдет, я не знаю, услышит ли она меня и захочет ли этот монстр выполнить ее приказ. Эти существа слишком капризны. А в короткой передаче мне не удастся объяснить всего, что здесь происходит. Связь на больших расстояниях ненадежна и требует огромной затраты сил.

— В любом случае — попробуй. Вреда от этого не будет, даже Великий Дух Неба, которому поклоняется Глен, не знает, как нам сейчас нужна чья-нибудь помощь.

Импровизированный колокол звонил долго, собирая колонистов общины Сына Небесного Духа на внеочередную сходку. Настоящий колокол отлить не смогли. Олин, сидя в своем роскошном голубом кресле посреди помоста, подумал об этом с огорчением. Старые технологии постепенно утрачивались, и сохранить их ему не помогли даже запрещенные книги, привезенные с Земли. Бронзу получить не удастся. Хотя бы потому, что здесь нет олова. Зато сталь получается вполне качественной.

Он думал о насущных, ежедневных проблемах, время от времени совершенно случайно натываясь взглядом на привязанную к столбу женщину, под ногами которой лежали толстые вязанки хвороста.

Впрочем, это была не женщина. Женщина давно бы кричала от ужаса, умоляла о пощаде, а это существо молчало словно вязанки хвороста у нее под ногами предназначались для рождественского пикника. Может быть, эти существа вообще не способны испытывать боль?

Хотя нет. В прошлый раз по решению совета они подвергли пыткам захваченную во время набега на поселок Сейфов хранительницу, добываясь от нее признания связи с дьяволом. Ее крики были вполне натуральными.

Но сразу после этого на колонию напали полчища крабсов, они потеряли много людей... Хранительницы обладали непонятным ему могуществом. Во всяком случае, ни один охотник не станет отрицать того, что дикие звери выполняют их приказы. Олину не хотелось рисковать еще раз. Смерть этой ведьмы будет быстрой и легкой. Ей повезло еще и в том, что ее пленение совпало с гибелью заклятого врага общины Глена Ветрина.

Сын Небесного Духа спешил устроить по этому поводу роскошный праздник и не мог оставить без внимания такую удачу, как захват хранительницы.

Настоящий праздник не может обойтись без принесения жертвы Небесному Духу. Так что хранительница подвернулась весьма кстати. Гризл сказал, что с ней были еще два человека и они пока на свободе. Вряд ли это опасно. Во всяком случае, ими придется заняться. Сразу же после праздника он пустит по их следу лучших следопытов общины. Далеко они не уйдут.

Наконец, в последний раз окинув взглядом площадь, Олин решил, что пора начинать праздничную проповедь. Здесь уже собрались все, кроме двух больных стариков. Именно их Олин собирался принести в жертву Небесному Духу, но поимка хранительницы изменила его планы.

— Дети мои! — Площадь мгновенно затихла, слышно было бы, как пролетит муха, если бы они здесь водились.

Момент, когда наступала подобная тишина, всегда вызывал в нем внезапное волнение,

такое сильное, что иногда даже слезы выступали на глазах, и он был рад, что помост стоит далеко от толпы и этого никто не видит.

Настоящее могущество не зависит от количества людей, которыми управляешь, оно начинается там, где наступает тишина, вызванная всего двумя твоими словами.

Языки пламени скрыли от Эль ухмыляющиеся лица в толпе, и крики «Ведьма! Ведьма горит!» уже не долетали до ее ушей.

Их заглушил треск поленьев и рев приближающегося пламени.

Лишь тогда она позвала Черную Молнию. Она вложила в этот призыв всю свою волю и весь свой смертельный ужас.

Нет. Она не надеялась на помощь. Она понимала, что коту требуется время, чтобы пересечь огромные пространства, разделявшие их. И все-таки позвала, надеясь хотя бы на то, что он отомстит за ее смерть.

И Черная Молния услышал ее призыв.

Небо над поселком неожиданно потемнело. Многоголосый вопль ужаса перекрыл остальные звуки на площади.

Огромный Летающий Кот ударил по разгорающемуся костру такой мощной воздушной волной, что горящие поленья долетали до ближайших домов, а стоявшие на площади люди ощутили на себе жар того огня, который был приготовлен для жертвы.

Сухие плетеные крыши домов воспламенялись от попавших на них раскаленных углей, а вспыхнувшие пожары увеличили панику.

Один, сидевший к костру ближе остальных, был ослеплен волной дыма и пепла. Одежда на нем начала тлеть. На несколько минут он совершенно потерял контроль над происходящим.

А когда пришел в себя, увидел мелькнувший в воздухе метательный нож Глена, который закончил полет в его горле.

Кот между тем опускался все ниже и, зависнув над площадью, оплел своими пищевыми усами столб, к которому была привязана Эль.

Затем он рванул вверх с такой силой, что воздушная волна сбила с ног всех, кто еще находился на площади, а сам, прижав к себе свою хранильницу, вместе с привязанным к ней столбом начал быстро набирать высоту.

В то же мгновение на обезумевшую толпу со свистом полетели ядовитые стрелы.

Они летели с крыш ближайших хижин, и объатым ужасом людям казалось, что огонь породил новую небесную кару.

Но эти стрелы выпускали умелые руки тех, кто точно знал, в кого надо стрелять. В течение нескольких минут Олин лишился всех своих людей, всех, кто был связан с ним многочисленными преступлениями.

Когда ошарашенные люди понемногу начали приходить в себя, они поняли, что гнев Небесного Духа обрушился и на самого Олина. Он лежал рядом с помостом, а в его горле торчала рукоять метательного ножа Глена.

А затем из лесу вышел тот, кто, не побоявшись гнева Небесного Духа, принес им свободу.

Глава 27

После того как Глена избрали главой административного совета и новая власть в поселке была установлена, он пригласил своих друзей на семейный ужин, чтобы познакомить с Ульмой и отпраздновать победу над Олином.

И этот первый в жизни Олега праздник в узком кругу друзей, за семейным столом, ломившимся от местных яств, омрачало лишь одно обстоятельство: Эль найти не удалось, хотя отряды охотников обшарили всю округу.

Очевидцы рассказывали, что гигантский кот унес свою хозяйку в южном направлении, туда, где возвышался хребет Хорасана, пересечь который им предстояло на пути к Каньону

Дьявола.

Было ли это совпадением? Больше Олег не верил в случайные совпадения на этой планете. Может быть, поэтому его не оставляла надежда, что с Эль все в порядке, что он отыщет ее.

Этот вечер оказался единственной передышкой, единственной короткой остановкой на трудном и опасном пути, который он выбрал в комнате со стеклянными стенами.

Метроном отсчитывал секунды срока, отведенного до конца его задания, но он уже знал — то, с чем люди столкнулись на этой планете, важнее его задания. Важнее всего, с чем они имели дело до сих пор.

Он не смог бы точно объяснить, откуда возникло это убеждение, но космическая война, которую в этот момент вели все флоты Земной Федерации, может оказаться всего лишь частью, крошечной частью той тайны, к которой они здесь прикоснулись.

Мысль об этом напомнила ему о другой незавершенной миссии. Что, если Остран и есть та самая планета, которую искал Лидянец? Олег расстегнул рубашку и потрогал плоский кожаный мешочек ладанки. В нем ничего не изменилось. Песок оставался песком. Выходит, Остран всего лишь пересадочная станция — короткая остановка на пути, конца которому не видно.

Карил, заметив мрачное настроение Олега, пересел к нему поближе с огромным глиняным кувшином в руках.

— Это Сарара, ее делают из корней травы, похожей на земной папоротник без листьев. Попробуй. Снимает любую печаль.

— Никогда не видел папоротника без листьев.

— Вот и попробуй. Олег попробовал:

— По-моему, ужасная гадость.

— Это потому, что ты выпил мало. Только после третьей кружки начинаешь по-настоящему ощущать вкус этого напитка.

Олег выпил четыре, после чего жизнь стала ему казаться если и не прекрасной, то вполне терпимой.

Глен, оставив наконец свою красавицу жену, тоже перебрался к ним поближе.

— Я договорился с членами нового совета. Завтра нам выделяют все необходимое. Удалось найти двух из трех ваших коньков и почти все выючные мешки.

— Ты уверен, что закончил здесь все дела? — неожиданно вмешался в разговор Карил. — Я что-то не заметил среди убитых четырехрукого мутанта, которого ты просил оставить для себя.

Глен помрачнел:

— Этот негодяй сумел скрыться. Но никуда ему не деться. После возвращения я все равно найду его и посчитаюсь за все, что он учинил, воспользовавшись моим беспомощным состоянием.

— Подожди, я чего-то не понял. — Олег постарался выбраться из обволакивающего состояния опьянения и сосредоточился на каком-то важном слове, проскользнувшем в сообщении Глена. — Мне показалось, ты сказал «после возвращения», и еще ты сказал «нам», что ты имел в виду?

— А разве вам не нужен проводник через горные перевалы Хорасанского хребта? Никто лучше меня не знает тамошние места. Я охотился в этих горах и доходил почти до самого плато, за которым начинается каньон.

— Я не об этом. — Олег медленно, но точно подбирал нужные слова. — Нам действительно нужен проводник. Но ты ведь, кажется, женат? Это твоя жена сидит там одна в конце стола?

— Да, это моя жена. Но вы спасли мне жизнь. Вы помогли избавиться от Олина. Моя жена подождет.

— Послушай, Глен. По-моему, это опасно, оставлять одну такую красавицу. Особенно после того, что ты нам рассказал. Как только ты уедешь, они устроят турнир в твою честь и

разыграют на нем Ульму в знак особого уважения к Глену Ветрину.

— Турниры я отменил.

— Ну-ну. Женщин от твоих распоряжений в поселке не прибавилось.

— Это мои проблемы. Так вы хотите, чтобы я стал вашим проводником?

— О чем ты спрашиваешь, Глен? Мы немного времени провели вместе, но времена бывают разные. Ты стал нашим другом. Конечно, мы будем рады, если ты поедешь с нами. Втроем из нас уже получится неплохая армия. Как ты думаешь, Карил, я прав?

— Лучшего проводника нам не найти.

Четвертые сутки маленький вьючный караван пробивался к заснеженному перевалу Седло Хорасана. Это было единственное место, где высоченные горные пики, надежно отгородившие дорогу к каньону, опускались до трехтысячной отметки.

Их продвижение затруднялось тем, что никакого намека на дорогу или хотя бы горную тропу не было и в помине. Они шли по девственному насту, и на много километров вокруг им не встретилось ни единого следа, оставленного каким бы то ни было живым существом.

— А ты говорил, ваши охотники бывают в этих местах. — Карил уже не скрывал своего недовольства, обращаясь к Глену, словно проводник был повинен в том, что горы, снег и холод вымотали их последние силы.

Олег понимал, что несдержанность Карила прежде всего вызвана непривычной обстановкой. В равнинных местах планеты снега в этих широтах не бывает. Жару пустыни все они переносили легче. Еще больше ухудшал их состояние недостаток кислорода.

Ледяной разреженный воздух резал легкие при каждом вдохе. Олегу иногда казалось, что внутри у него все замерзло, превратилось в белые ломкие кристаллы льда, причинявшие боль при каждом движении.

Если бы не меховая теплая одежда, которой их снабдил Глен, они бы уже вернулись.

— Сам-то ты здесь бывал? Здесь нет никаких следов!

Глен демонстративно ничего не отвечал на высказывания Карила. Тяжелое молчание могло вылиться в настоящую ссору, и, предотвращая ее, Олег сказал:

— Разве ты не заметил, Карил, что еще вчера мы вступили в мертвую зону? Охотникам здесь нечего делать, на этой высоте не водятся животные. Даже на Земле горные козлы не забредают на такую высоту — здесь им трудно дышать.

— Труднее, чем нам?

— Человек самое выносливое существо из всех земных биологических видов. Только он может адаптироваться к совершенно противоположным условиям существования. Завтра мы перейдем Седло, с той стороны дуют южные ветры, начнется спуск — всем станет легче, и нам, и конькам.

Глен усмехнулся, глянув в сторону Олега. Словно показывая, что его опасения напрасны.

— Твои драгоценные коньки чувствуют себя отлично. Но ты говорил, что доходил до границ каньона, так ли это на самом деле? — с ехидцей спросил Глена Карил.

— Не в это время года. Если бы вы согласились подождать два-три месяца дорога стала бы намного легче, — ответил Глен.

— У нас нет этих месяцев. Возьми себя в руки, Карил, не Глен придумал этот поход, — оборвал их спор Олег.

Все трое надолго замолчали, перемешивая ногами хрустящий рассыпчатый снег.

С каждым шагом они почти проваливались по колено, но коньки уже настолько выбились из сил, что никому не приходило в голову сесть в седло.

Звериное чутье и ненависть вели это странное существо, лишь отдаленно похожее на человека.

Вторые сутки, забыв об отдыхе и пище, Гризл шел по следу своего врага. Того, кто был повинен в смерти его братьев. Того, кто сумел выбраться из приготовленной для него могилы.

Временами он терял след и тогда часами кружил на одном месте до тех пор, пока не

находил его снова. Привычный для него, сытый и приятный мир рухнул в один день.

Ядовитая стрела не пробила его толстую, покрытую густыми волосами кожу. Тогда он притворился мертвым так, как умел притворяться лишь он один, и, когда стемнело, выбрался из оврага, в котором пролежал неподвижно весь день и первую половину ночи.

До того, как в него попала эта стрела, он успел получить несколько серьезных ран. Видимо, в него целила не одна рука.

Зализывая свои раны и прикладывая к ним целебные травы, он потерял много времени, прежде чем смог начать преследование.

«Хозяин. Он посмел поднять руку даже на хозяина! — Эта мысль казалась Гризлу самой ужасной. — Но он заплатит за это, он заплатит...»

Методичность, упорство и нечеловеческая выносливость рано или поздно должны были привести его к заветной цели, и на пятые сутки преследования он впервые заметил свежий след, а к вечеру уловил запах костра.

Но Гризл был слишком осторожен, чтобы напасть немедленно. Он знал, что его враг теперь не один, и значит, нужно было выждать удобный момент. И он будет ждать столько, сколько потребуется, сливаясь с ветвями деревьев, с камнями, с кустами, он все равно дождетсЯ своего часа и ударит наверняка.

Даже на привале чувство предельной измотанности не покидало Олега, а он еще гордился своей выносливостью. Впервые попав в высокогорье, он понял, что его организм с трудом справляется с кислородным голоданием и горный воздух не для него.

Застегнув двойной полог надувной палатки, он почувствовал себя немного лучше. Внутри стало тепло и дышалось легче. Он подумал о том, каково там, снаружи, его друзьям, разбившим на ночь меховой шатер.

На все его уговоры лечь в палатке всем вместе они решительно отказались, хотя места здесь было вполне достаточно.

Земные предметы вызвали у них чувство неприязни, словно обида, причиненная сорок лет назад их отцам, передалась по наследству.

Хотя Глен относится к этому несколько иначе. Возможно, он отказался от палатки из чувства солидарности с Карилом.

Если хорошенько поразмыслить, в этом человеке было что-то странное, что-то такое, что не укладывалось в старательно демонстрируемый им образ полудикого охотника. Он слишком быстро осваивал навыки обращения с незнакомыми предметами, входившими в планетарный комплект Олега.

Однажды Олег даже увидел у него в руках дозиметр Глен довольно уверенно с ним обращался, но когда заметил, что Олег на него смотрит, засмеялся и сказал: «Забавная игрушка». Человек из поселения Таннов не назовет незнакомый прибор «забавной игрушкой» — он просто не возьмет его в руки. Что-то Глен от них скрывает, и, похоже, что-то важное. Хорошо, если это касается только его прошлого.

Заснуть удалось далеко не сразу, хотя дорога была каждая минута отдыха. Но когда человек переходит определенный предел нагрузки, усталость долго не дает заснуть.

Наконец упражнение для дыхания помогло ему забыться тяжелым сном. Во сне он снова видел прозрачные плоскости, пересекавшие друг друга. Теперь они снились ему чуть ли не каждую ночь. В одной из стеклянных ячеек лежала Эль. Ему удалось приблизиться к ней почти вплотную и он понял, что она спит спокойным, глубоким сном. Потом он увидел толстый зеленый стебель, присосавшийся к ее спине, и закричал от ужаса.

Этот крик все еще звенел у него в ушах, когда он вскочил и расстегнул полог палатки.

Снаружи стояла неправдоподобно яркая горная ночь. Еще светила последняя из Остранских лун, и длинные тени от черных скальных выступов рисовали на белом снегу подобие лунного пейзажа.

Морозный воздух приободрил Олега, но одновременно принес странный, едва различимый звук. Хруп, хруп, хруп, хруп... Так хрустит снег под ногами. Он хрустел так уже вторые сутки, и Олег настолько свыкся с этим звуком, что понадобилось какое-то время,

прежде чем он понял — сейчас этот звук неуместен.

Когда он выскочил из палатки, какая-то серая тень метнулась в сторону от мехового шатра, в котором спали Глен с Карилом, и тотчас скрылась среди скал. Схватив топор, Олег бросился к шатру.

Его друзья вели себя слишком беспечно. Однако вокруг все выглядело настолько мертвым, что никому не пришло в голову выставить ночной дозор.

К счастью, они были уже на ногах, когда Олег подбежал к шатру. И Карил запалил один из своих драгоценных, пропитанных смолой факелов.

— Что случилось?

— Кто-то подкрадывался к вашему шатру.

— Животное, человек?

— Не знаю. Я видел это существо не больше секунды В полумраке оно показалось мне слишком маленьким для человека, и передвигалось как-то странно, согнувшись.

— Давайте поищем следы.

Следы начинались с глухой стороны шатра. И ровной цепочкой уходили к скалам.

— Похоже у него шесть лап — это не человек.

— Как сказать. Одного такого я видел, — проговорил Карил, задумчиво глядя на Глена.

— Возможно, ты прав. Это мог быть Гризл. Он знает, что я все равно найду его и убью.

— Может быть, стоит поискать сейчас?

— Это бесполезно. Он прекрасно видит в темноте и бежит быстрее любого из нас, к тому же он легко взбирается на скалы, недоступные нормальному человеку.

— Если он и дальше будет нас преследовать, рано или поздно он выберет подходящий момент для нападения.

— Теперь мы знаем об опасности и станем осторожней, по ночам придется дежурить

— Посмотрите сюда, он почти добрался до нас... — Карил указал на длинный тонкий разрез, сделанный ножом в шкуре шатра.

— Если бы не Олег...

— Или не мой сон...

— Какой сон?

— Мне приснился кошмар, и, похоже, очень вовремя он мне приснился...

— Ты еще раз спас мне жизнь. Такие долги я привык возвращать.

— Успеешь еще. Дорога длинная...

— Ну с этим вряд ли он будет слишком торопиться, — пробормотал Карил непонятную фразу, вновь забираясь в свой шатер. Он тоже заметил нечто странное в поведении Глена, и неприязнь, возникшая между ними с первых дней совместной дороги, постепенно пускала все более глубокие корни.

На следующий день седло перевала осталось позади. Дорога пошла под уклон, и каждый шаг больше не отдавался мучительной болью в мышцах.

Внизу, под ними, насколько хватало глаз, расстилалась коричневая поверхность высокогорного плато, кое-где покрытого небольшими зелеными пятнами растительности и перечеркнутого блестящими на солнце нитями горных рек.

— Каньона отсюда еще не видно?

— Он в конце, за теми невысокими холмами. Если ничего не случится, через неделю мы будем на месте.

— Кроме твоего четырехрукого приятеля, нам здесь никто не угрожает. И меня это начинает удивлять. Куда подевались все монстры и ловушки, расставленные для нас в пустыне? Такое впечатление, словно кому-то надоело с нами играть... Я ищу хоть какую-то последовательность, какую-то логику событий, но нить все время обрывается, — задумчиво проговорил Олег.

— Ты удивишься еще больше, если внимательно посмотришь на снег, по которому мы идем.

— Что же в ней удивительного?

— То, что он осел от тепла. На такой высоте еще не должно быть таяния. А здесь слой очень уж тонок и совсем близко граница снежного покрова.

— Разве это не зависит от погоды?

— Зависит, но не до такой степени. И очень мало влаги. При таком интенсивном таянии здесь должно быть сплошное половодье.

— Ну это можно объяснить. На большой высоте водяные пары уходят в воздух, не успев сконденсироваться. А вот что касается температуры, то это действительно странно... Если внимательно посмотреть на склон, по которому мы спускаемся, можно заметить, что граница таяния изгибается и напоминает по форме дугу. Такое впечатление, словно потепление в этом районе было локальным, именно в том месте, по которому мы сейчас идем.

— Вот это и показалось мне странным, — проговорил Глен. — Два года назад здесь не было ничего подобного.

— Не слишком ли многое изменилось за два года? — спросил Карил, уже почти не скрывая своего недружелюбного отношения к Глену.

Больше всего Олега удивляло не постоянное бурчание Карила, а то, как спокойно реагирует на все его выпады Глен. Этот человек прекрасно владел собой.

На следующий день снега кончились. Теперь путники не могли с первого взгляда замечать все следы вокруг, и у Гризла появилось больше возможностей для внезапного нападения. Однако за прошедшие двое суток он не появлялся, скорее всего потому, что с момента нападения на шатер, сменяя друг друга каждые три часа, они несли постоянные ночные дежурства.

В горах дорога кажется длиннее, чем она есть на самом деле. Она требует от человека дополнительных усилий на каждый метр пройденного пути.

Ущелье, по которому они шли, постепенно сужалось, на его пологих стенах, напоминавших края овального блюда, тут и там виднелись пятна фиолетовой растительности. То ли мхи, то ли лишайники. В любом случае они годились в пищу всеядным конькам.

Дороги как таковой не было. Они шли по руслу пересохшей горной реки, все время снижаясь. С каждым пройденным километром стены ущелья сближались, закрывая от них окружающую местность, а дно становилось все круче.

Олег достал карту, всю испещренную пометками. Он не расставался с ней с того дня, как они покинули Багранград.

— Где-то рядом тектонический разлом. Плато, по которому мы идем, здесь заканчивается.

— И что там дальше?

— Возможно, кольцевой кратер какого-то гигантского вулкана. Трудно сказать наверняка. Это место постоянно закрыто облаками, на снимках ни черта не видно.

— Сейчас здесь нет облаков, — заметил Глен. Олег удивленно огляделся, словно впервые увидел ослепительный фиолетовый горизонт, заполненный прозрачным воздухом.

— Идите сюда! — крикнул Карил, ведущий в поводу конька и ушедший вперед, пока они с Гленом рассматривали карту.

Сейчас он неподвижно стоял на краю обрыва, открывавшего внизу, под ними, широкую горную долину.

Здесь русло реки кончалось, словно отрезанное ножом. Вниз уходила отвесная стена пропасти, заканчивавшаяся метрах в двухстах под ними пологой долиной.

Давно несуществующая река пробилась в долине широкое ущелье. На его дне, скрытое в глубокой черной тени, что-то блестело.

Олег достал оптический умножитель и не отрывал от глаз его окуляр до тех пор, пока Глен чуть ли не силой отобрал у него прибор.

— Что вы там видите? — не выдержал наконец Карил, относящийся к приборам Олега с откровенным недоверием, смешанным с суеверным страхом.

— Строения, — задумчиво проговорил Олег. Неправдоподобная картина все еще стояла у него перед глазами. — Современные строения. Какие-то купола с блестящими крышами. Вокруг нет ни дорог, ни подъездных путей — никакого движения. Только эти купола.

— Их не было два года назад! — заявил Глен, опуская прибор. Он выглядел мрачным, почти испуганным. Впервые Олег видел его таким. — Мне все это не нравится. Два года назад здесь ничего не было. Я хорошо помню это ущелье. Невозможно построить эти здания за столь короткий срок.

— Это то, что мы ищем? — Прищурившись от слепящих лучей заходящего солнца, Карил попытался рассмотреть строения, о которых ему говорили, но видел лишь пятнышки света, отраженного от их блестящих крыш.

— Слишком рано. И слишком открыто для управляющего центра. Он должен находиться где-нибудь под землей. Эти здания можно уничтожить простой бомбардировкой. Еще удивительней то, что к ним не ведут дороги — нет даже намека на тропы. Совершенно дикая местность.

— Это как раз можно объяснить. Там могут быть подземные коммуникации. Мне хотелось, чтобы ты еще раз все обдумал, прежде чем решишь спускаться.

Олег внимательно посмотрел в глаза Глену после этих слов, и тот не отвел взгляда.

— Почему ты мне это говоришь?

— Потому, что ты спас мне жизнь, и потому, что ты ничего не знаешь о том, что там нас ждет.

— Так просвети меня.

— Спуститься туда будет далеко не просто. Нам придется расстаться с нашим вьючным транспортом. Для такой стенки нужно специальное альпинистское снаряжение. Оно у тебя есть?

Секунду Олег не отвечал, понимая, что Глен снова уходит от прямого ответа, затем спросил:

— Ты знаком с земной альпинистской техникой?

— Увидишь, когда начнем спуск.

Почувствовав, что Глен готов к серьезному разговору, иначе не стал бы так откровенно раскрываться, Олег решил подождать и не торопить события. Отвернувшись к обрыву, он вновь поднял к глазам окуляр прибора.

— Около зданий никого нет, но надо бы это проверить, прежде чем начнем спуск.

Шесть сверкающих чечевиц из белого металла перегораживали ущелье, соединяясь друг с другом толстыми трубами тоннелей. Ни окон, ни дверей, никакого намека на движение. Все вокруг было абсолютно мертво, и оставалось таким до самого вечера.

Когда полностью стемнело, они отошли на безопасное расстояние, нашли подходящую пещеру и, убедившись, что огонь невозможно заметить снизу, разожгли костер. Глен молчал, демонстрируя полное безразличие к предстоящему разговору, только Карил заметно нервничал:

— Так что мы решим? Будем здесь спускаться? Олег знал, что именно ему придется преподнести Карилу неприятную новость.

— Кто-то один должен остаться с коньками. И охранять припасы. Если со снаряжением что-нибудь случится, нам отсюда не выбраться. Завтра, как только рассветет, двое из нас спустятся на веревках вниз и попробуют проникнуть внутрь этих куполов, если там нет охраны. Давайте бросим жребий, кому идти вниз. Жребий бросал Глен. Короткая палочка досталась Карилу. Олег не сомневался, что так оно и случится.

Глава 28

Вблизи масштаб восприятия изменился. Они видели лишь громадную, плавно изгибающуюся стену одного из зданий. Стена уходила ввысь на двадцатиметровую высоту, и

на ней резко выделялись грани слагавших ее плоских шестиугольников. На их стыках не было заметно никаких следов сварки, никаких заклепок или болтов.

Слой пыли и вулканического пепла покрывал всю поверхность почвы вокруг строений. И эта девственная поверхность говорила о том, что никакие живые существа здесь не появлялись уже очень давно. Тем не менее прежде чем подойти вплотную, они следили за строениями несколько часов, соблюдая максимальную осторожность. Чистый и прозрачный воздух казался застывшим. Да и сами строения производили впечатление материализовавшегося миража, настолько неожиданно выглядели они среди диких нетронутых скал.

Обойдя все шесть куполов, они убедились в том, что окна и двери таинственными строителями не предусмотрены и проникнуть внутрь будет нелегко.

Сознание того, что сооружения созданы неизвестным разумом, преследовавшим совершенно необъяснимые для людей задачи, действовало на них подавляюще. Разговор не клеился. После вчерашних намеков и недоговоренностей Олег ждал от Глена объяснений, но тот молчал или ограничивался Ничего не значащими замечаниями:

— Тем, кто это построил, нравится число шесть. Ты заметил? Шесть граней, шесть строений.

— Сложенные вместе плоские шестигранники всегда образуют купол — это общепринятая конструкция. Если есть подземные горизонты, строений может быть больше. — Олег по примеру Глена старался быть предельно кратким и не поддерживал разговор без крайней необходимости.

Они обошли все здания и начали второй круг. Ничего не случилось, никто не проявил к их визиту ни малейшего интереса, хотя новенькие конструкции не производили впечатления заброшенности, скорее наоборот. Казалось, их поставили здесь совсем недавно — возможно, за несколько дней до появления этой троицы.

Олег уже понял, что они не найдут здесь ни единой щели, и, в конце концов, придется применить взрыв, чтобы пробить дорогу внутрь. Ему очень не хотелось грубого взлома этих странных и по-своему красивых зданий. Кроме всего прочего, это могло иметь для них весьма опасные последствия. У них не было ни малейшего представления о том, что на самом деле находится внутри, кроме предположений, и все же...

— Странно все это... ты искал управляющий центр? Вот и головоломка из шести зданий, расположенных в недоступном ущелье без дорог, без подъездных путей, без энергопроводов. Стоят себе посреди горной пустыни шесть новеньких зданий...

Олег чувствовал в этом какой-то подвох, и нарастающий внутренний протест против нелепости находки не позволял ему уйти отсюда, ничего не выяснив.

— Придется пожертвовать моей единственной шашкой.

— Что такое «шашка»?

— Разве ты не знаешь? — Глена явно смутил этот неожиданный вопрос, и тогда с легкой усмешкой Олег пояснил: — Это устройство для пробивания дырок в стенах, которые по какой-то причине вас не устраивают. Называется кумулятивным зарядом направленного действия. Она пробивает даже метровую броню, но, к сожалению, производит слишком много шума.

— Внутри никого нет. Но что-то мне не нравится. Я проходил эти места во время зимней охоты. На дне ущелья ничего не было, никаких строений.

— Ты уверен, что не ошибся, что это то самое ущелье?

— Я могу найти в лесу спрятанную шкуру зверя, сколько бы времени ни прошло, — обиженно заявил Глен.

— Что ж, верю. Тем более придется исправить конструкцию и добавить к ней хотя бы одно входное отверстие. Ты не станешь против этого возражать?

— Но ты ведь все равно это сделаешь, не так ли?

— Пожалуй...

Олег выбрал для установки заряда стену первого купола, примыкавшую к

соединительному коридору. Хотя в самом коридоре стены казались тоньше, не стоило рисковать единственным зарядом. Коридор от купола мог быть отгорожен. В таком случае они все равно не попали бы внутрь.

Шашка крепилась к поверхности вакуумной присоской и представляла собой круглую пластмассовую коробочку весом всего в двести граммов. Но внутри находилась самая мощная взрывчатка, недавно изобретенная военными инженерами.

— Плистор, насколько я понимаю? — спросил Глен, и Олег внимательно посмотрел на него.

— Да, ты прав. Это заряд плистора. Его изобрели на Земле всего два года назад. Откуда ты знаешь об этом?

— Подожди, пока мы проникнем внутрь, тогда расскажу.

Взрыв ударил с такой силой, что почва дрогнула под ногами и со стен ущелья посыпались камни.

В центре шестигранника, на котором был установлен заряд, образовалось круглое черное отверстие — достаточное для того, чтобы в него мог пролезть человек.

Они ждали реакции на свой взрыв около часа, но вокруг зданий по-прежнему ничего не происходило. Вблизи отверстие, пробитое шашкой, выглядело черным овалом с неровными, завернутыми внутрь краями. Олега удивила толщина стены слишком тонкой для подобной конструкции.

С первого взгляда внутренности купола напоминали пультный зал большой энергостанции.

Когда они пролезли через отверстие, оказалось, что стены пропускают свет внутрь купола. Сквозь них также было видно, что происходит снаружи.

Убедившись, что внутри, как и снаружи, никого нет, они начали медленный, осторожный обход помещения, заполненного приборами неизвестного им назначения.

Олегу показалось, что внутри купол больше всего напоминает увеличенную в несколько раз рубку управления космическим кораблем. Те же овальные столы вдоль стены, те же наклонные панели, заполненные индикаторами и циферблатами.

Олегу не удалось определить ни одного прибора. Хотя все они находились в рабочем состоянии.

Каскады цветных огней пробегали по индикаторам, загорались и гасли экраны, на которых высвечивались сложные электронные схемы с двигавшимися по ним цветными огнями.

И вся эта впечатляющая работа происходила совершенно бесшумно — даже щелчка реле или мурлыканья сервомоторов нельзя было услышать.

В полной тишине гигантская рубка мигала цветными огнями, словно огромная рождественская елка.

Лишь одна деталь нарушала общую урбанистическую картину зала. Тут и там между столами вверх тянулись пушистые стальные елки. Другого сравнения он не мог придумать, пока не понял, что эти образования больше всего похожи на длинные плети морских водорослей.

Внешне они казались сделанными из металла, и их тончайшие нити, направленные во все стороны, время от времени вздрагивали, меняя свое местоположение.

Они не решались прикасаться к этим непонятным образованиям и старательно обходили их стороной — усы могли быть сенсорными датчиками каких-то охранных устройств. Олег все еще ждал какой-то реакции на их вторжение, но зал жил своей собственной жизнью и не обращал на людей ни малейшего внимания.

В конце концов Олег попытался вскрыть кожух одного из электронных блоков, чтобы понять его назначение. Но на аппаратуре, так же как и на плитах наружных стен, не было ни винтов, ни заклепок, ни каких-либо иных креплений. Каждый прибор выглядел монолитом.

— Ни одной линии подвода. Никаких внешних контактов. Не могу понять: вот этот прибор — вроде бы оптический анализатор, но линии задержки не видно и нет ни одного

наружного управляющего элемента. Не представляю даже, как его включить.

Неожиданно Глен сказал:

— А он и не должен включаться. Все это туфта.

— Туфта... Туфта... Какая туфта?.. — не сразу понял Олег. — Если бы этот умножитель соединялся с тем блоком, это было бы похоже на усилитель мощности светового потока, но и здесь нет никаких соединительных линий...

— Я же говорю — туфта.

— Что ты, собственно, имеешь в виду?

— Мне уже попадались здесь такие приборы. Не в этом здании. Даже не в этом ущелье. Однажды мне удалось дойти до Каньона Дьявола. В каньон я, естественно, не спускался. Но и этого оказалось достаточно, чтобы увидеть, что вокруг все заполнено какими-то куклами, муляжами, подобиями или, скорее, копиями предметов, созданных человеческой цивилизацией.

— Интересно, я об этом не слышал.

— В это трудно поверить — нужно убедиться самому. Разбей один из этих приборов. Разбей, разбей — ничего не случится. Я уже пробовал однажды...

— Муляжи?.. Что ж, давай попробуем...

Олег взмахнул топором и изо всех сил опустил его на ближайший блок. Искры и обломки камня полетели во все стороны, и одновременно все металлические елки в этом огромном помещении повернулись и потянулись к ним, выставив острия всех своих иголок.

Олег между тем схватил отколовшийся угол и уставился на него так, словно нашел по крайней мере бриллиант. На ровном матовом сколе камня не было видно ничего, кроме его собственной структуры.

— Ты хочешь сказать, что здесь все такое же? Ненастоящее?

— Может быть, не все. Этого я не знаю. Чтобы это установить, понадобится расколотить содержимое всех шести куполов, но большая часть этого барахла создана специально, чтобы привлечь внимание любознательных посетителей, родившихся на Земле.

— Но для чего?

— Этого я не знаю. Это ты должен установить для чего.

— Давай осмотрим другие помещения.

— Там будет то же самое. Все эти здания сооружены совсем недавно. Разве ты не заметил, что внутри нет даже пыли? Их отлил специально к нашему приходу какой-то шутник. Теперь он спрятался где-то здесь, украдкой наблюдает и хихикает над нами.

— Ничего себе шуточки! Да ты знаешь, сколько мегаватт мощности нужно затратить, чтобы так расплавить и отформовать камень?

— А что, если он не считает эти самые мегаватты, что, если их у него полно, очень много?..

— Тогда мы столкнулись здесь с чудовищной силой.

— А вот этого я не отрицаю. Не забывай только, что здесь не Земля, и если бы эти приборы местная цивилизация строила для себя, они не были бы похожи на человеческие, они вообще не были бы похожи ни на что, знакомое тебе.

— Откуда же они знают, как должно выглядеть все это?

— Из нашей памяти. Возможно, из наших снов. Они предложили нам то, что мы хотели найти. Во всяком случае, внешнее подобие этого.

— Откуда ты, черт побери, знаешь все это?!

— Я думал, ты догадался... Я один из тех, кто не вернулся с задания. Один из тех, кто был послан сюда перед тобой.

— Так вот ты кто, Вольный Охотник Глен Ветров...

— Да. Это моя настоящая фамилия. А та, которую ты знаешь по спискам федералов, была Ларсон.

— Но ты не отправил даже сообщения...

— Мне нечего было сообщать. Во всем этом нет ни малейшего смысла. В бред

сумасшедшего трудно поверить, а все происходящее здесь похоже на бред.

— Каким образом тебе удалось уцелеть? Как ты прошел защитный слой в атмосфере, ведь ты же не Танн?

— Конечно, Танн. Но это долгая история. Я ее тебе обязательно расскажу, а сейчас посмотри на стену слева от тебя. Снаружи, по-моему, происходит что-то интересное.

Вдоль прозрачной с их стороны стены здания осторожно пробиралось существо, отдаленно напоминавшее человека. Оно шло медленно, иногда опускаясь на четвереньки и что-то вынюхивая. В этот момент две из четырех его рук упирались в землю, а две другие шарили по траве, приподнимали и отбрасывали в сторону мелкие камешки.

— Это Гризл?

— Да. Он идет по нашему следу.

— В таком случае через пару минут он окажется рядом с отверстием, в которое мы проникли.

— Там мы его и встретим

— Надо поторопиться, пока он не проник внутрь здания. Здесь с ним справиться будет гораздо труднее. Они встали с двух сторон отверстия и приготовились. Глен держал в руках длинное лассо из сыромятной кожи, а Олег, предпочитавший более современное оружие, достал свой парализатор. Этот маленький приборчик на местных зверей не производил никакого впечатления, но вот наконец и для него нашлось применение.

Гризл, обладавший звериным чутьем, заметил засаду гораздо раньше, чем они рассчитывали. Однако вместо того чтобы повернуть обратно, он с душераздирающим воплем прыгнул в отверстие.

Его тело, оторвавшись от пола, взвилось вверх метра на два и оказалось над ними. Парализатор стрелял узким энергетическим пучком, и Олег никак не мог поймать Гризла в перекрестие прицела. Его прыжок оборвала натянувшаяся ременная петля Глена, сработавшая в этой ситуации более эффективно.

От рывка Гризл сильно ударился об пол в метре от них, но, похоже, этот удар его даже не оглушил.

Олег и сам обладал реакцией, значительно превосходившей нормальную, но это существо двигалось еще стремительней — не прошло и доли мгновения, как оно вновь было на ногах и бросилось на Глена.

Оба противника превратились в рычащий клубок двух тел, катавшихся по полу, и Олег не мог теперь стрелять, боясь зацепить Глена.

Пока Глена выручало лишь то, что ременная петля прижала все четыре конечности Гризла к туловищу.

Но зубы и длинные когти на босых ступнях Гризла оказались достаточно грозным оружием.

Поджав обе ноги, Гризл улучил момент и нанес Глену сокрушительный удар в живот, который отбросил охотника на всю длину лассо, привязанного к его поясу.

Олег немедленно воспользовался этим и, поймав наконец Гризла в перекрестье парализатора, нажал спуск.

Парализатор взвыл, словно большой кот. Мощности не хватило, чтобы парализовать Гризла полностью, и он все еще продолжал двигаться, пытаясь подняться, хотя теперь его движения напоминали кадры замедленной кинохроники.

Глен был уже на ногах и, выхватив из-за пояса нож, бросился к своему противнику. В то же мгновение все металлические елки и гирлянды, заполнявшие большую часть купола, повернулись в его сторону.

— Остановись, Глен! — крикнул Олег, но тот не услышал или просто не обратил внимания на его крик, бросившись к противнику.

Тогда Олег повернул в его сторону парализатор и вторично нажал спуск, стараясь зацепить лучом его руку с ножом, вытянутую вперед, но промахнулся. Глен споткнулся и, как подкошенный, рухнул на пол. Очевидно, его организм, лишь недавно оправившийся от

подобного шока, сопротивлялся излучению парализатора гораздо слабее, чем дикий и могучий организм Гризла.

Тот хоть и покачивался, но был уже на ногах, ременная петля ослабла и упала на пол. Переступив через нее, Гризл медленно двинулся к Глену, издавая глухое звериное рычание. В его руке сверкнуло оружие. Олег не успел заметить, откуда оно взялось.

В третий раз он попытался использовать парад и — затор, но вместо знакомого мяуканья разряда раздалось лишь короткое шипенье, известившее его о том, что батарея села окончательно.

Он бы, наверно, успел на помощь Глену, если бы не истратил на этот неудавшийся выстрел оставшиеся у него доли мгновения. Расширившимися от ужаса и отчаянья глазами он следил за тем, как лезвие ножа в руках Гризла приближается к Глену. Ему оставалось до него два-три сантиметра, когда все елки одновременно вспыхнули холодным голубым пламенем.

С каждой иглы слетела крохотная молния и вошла в Гризла. Сойдясь на его теле, молнии мгновенно превратили его в огненный протуберанец.

Когда грохот разряда стих, на полу рядом с неподвижным, но невредимым Гленом лежали лишь обуглившиеся останки его врага.

— Именно этого я и боялся, когда пытался тебя остановить. Ты двигался слишком быстро. Прости, друг, за то, что я промахнулся и причинил тебе боль.

Ему вновь пришлось использовать медикаментатор, чтобы вернуть Глену подвижность. Первые слова, которые тот произнес, когда смог разомкнуть губы, были:

— Выходит, они все время наблюдали за нами?

— Несомненно, и, очевидно, они полагают недопустимым атаку на беспомощного, лишенного возможности сопротивляться противника.

— Ты хочешь сказать, что этим металлическим елкам известны некие этические правила?

— Елки всего лишь датчики или разрядники, или то и другое одновременно. Разум, который наблюдает за нами и одновременно управляет всей этой планетой, находится не здесь.

— Откуда ты это знаешь?

Олег промолчал, потому что еще сомневался. Картина того, что происходит на этой планете, только начинала вырисовываться в его мозгу. Она была туманной и неясной, в ней было слишком много нелогичного. Цепочки причин и следствий все время обрывались, не выстраиваясь в единое целое.

— Ты считаешь, что здесь есть большой компьютер, который управляет всем, что происходит на планете?

— Нет, Глен, я так не думаю. Решения и действия машин гораздо логичнее. Тут все намного сложнее.

— Ты собираешься осматривать остальные помещения?

— Конечно, раз уж мы здесь.

— А эти елки... Ты уверен, что они безопасны?

— Здесь задействованы такие мощности, что, если бы они захотели нас уничтожить... Мне кажется, это будет зависеть от нас самих, от наших поступков... Вот уж никогда не думал, что существуют охранные устройства, руководствующиеся моральными принципами, но здесь, похоже, работают именно такие.

Глава 29

Смеркалось. Продолжение осмотра зданий решено было перенести на следующий день. Никому из них не пришло в голову предложить разбить лагерь внизу слишком неудобно чувствовали они себя рядом с чужими, холодными громадами куполов. Пришлось подниматься в верхний лагерь. Забитые при спуске костыли сделали подъем не слишком

сложным.

Первое ночное дежурство на этот раз досталось Глену. Когда прошло часа два и Олег уже начал дремать, кто-то осторожно постучал по столбику его палатки.

Олег лежал, не раздеваясь и не залезая в спальник, он ждал этого визита и сразу же встал, откинул полог.

Глен стоял снаружи, переминаясь с ноги на ногу, словно не мог решить, правильно ли он поступает.

— Заходи, я тебя ждал.

— Да я вроде бы должен дежурить снаружи...

— Здесь никого нет. Единственная опасность заключалась в Гризле, не так ли?

— Если говорить о явной опасности, то ты прав. — Глен наконец вошел в просторную палатку Олега и опустил полог, чтобы перекрыть доступ холодному воздуху, а может быть, и для того, чтобы звук их голосов не распространялся слишком далеко в ночи.

— Есть еще и не явная? Зачем тебе понадобился дозиметр? Помнишь, я заметил, как ловко ты с ним обращался, и ты поспешил положить его на место. Уже тогда я почти догадался, кто ты на самом деле.

— Радиации здесь нет, но характер фона говорит о близости инородных объектов, таких, как эти здания.

— Значит, ты уже видел их раньше?

— Примерно через год после того, как я прижился в колонии Сына Небесного Духа, я решил предпринять экспедицию к каньону. Не знаю, что мной двигало может быть, остаточное чувство долга, хотя я ничего не должен федералам. В этой войне гибло слишком много невинных людей, и мне хотелось разобраться в ее истоках или хотя бы увидеть тех, кто ее направляет отсюда, с Острана. Я шел один, и мне было в то время гораздо труднее продвигаться вперед совершенно незнакомой дорогой.

Так гораздо короче.

— Почему же сейчас ты не предложил идти этой дорогой?

— В это время года она недоступна. Тот перевал, который мы преодолели, считается самым легким. Вспомни, каково нам было идти в этих снегах. Снег здесь совершенно особенный, похож на сухой песок.

Наверно, это зависит от мороза и от сухости воздуха. Не знаю. Я не специалист. Как бы там ни было, я преодолел восточный перевал и начал спускаться вниз.

Ты, конечно, заметил, что хребет Хорасана прикрывает плато с севера огромной дугой в несколько сот километров. Вся южная сторона плато покрыта ущельями, пробитыми в нем горными реками. Они сходятся к центру лучами. Туда, где расположен Каньон Дьявола. Каньоном почему-то называли кратер старого вулкана, хотя по его гигантским размерам трудно поверить, что это кратер.

Ущелья, которые к нему идут, как две капли воды похожи друг на друга и расположены слишком уж симметрично для природных образований. Как ты думаешь, что я увидел на дне того, к которому спустился с другой стороны хребта?

— Шесть круглых зданий... Шесть куполов...

— Совершенно верно. Они были точно такими же, за одним единственным исключением. У меня не было взрывной шашки, и, следовательно, там должна была быть дверь. Вскоре я ее обнаружил.

— Ты полагаешь, ее наличие зависело от того, есть ли у тебя шашка?

— Коль скоро оба мы с тобой подозреваем, что купола эти создаются индивидуально для каждого визитера, они должны учитывать его возможности, в конце концов, главная цель всего этого действия — пригласить нас внутрь, желательно, с преодолением препятствий.

— Что же ты увидел внутри зданий?

— То же, что и здесь — нагромождение бутафорской электроники, заросшей этими елками. А дальше, в шестом куполе... В общем, он был почти пустой, если не считать некой самодвижущейся тележки и туннеля, уходящего в стену ущелья, возможно, он шел до самого

каньона — не знаю. Было похоже, что меня приглашали проехать туда, откуда никто еще не возвращался. Но я не воспользовался этим приглашением.

— Почему?

— Во-первых, потому, что если завтра мы обнаружим то же самое, нам придется бросить здесь наших коньков. Пищи для них в этих местах почти нет, и если наше отсутствие будет достаточно долгим, они просто не выживут. Без них мы не сможем вернуться, не сможем преодолеть перевал. Ни одному человеку еще не удавалось без выючных животных пересечь Хорасанский хребет, так что, как ни крути, дорога получается в одну сторону...

— В общем, ты вернулся.

— Не совсем. Я еще попытался приблизиться к каньону по плато, не спускаясь в ущелье, насколько это было возможно.

— И как далеко тебе удалось продвинуться?

— До того места, откуда начинается сам каньон. Фактически я стоял на стене, отделяющей его от остального мира, и мог видеть довольно большой участок дна со всем, что там находилось. Сам каньон громаден — десятки, может быть, сотни квадратных километров хорошо защищенного от внешних посягательств пространства. Я не знаю, какие силы создали этот геологический феномен, но проникнуть в каньон сверху по стене невозможно. Где-то на глубине ста метров начинается кольцо вулканической активности — гейзеры, серные испарения, иногда даже выбросы лавы. Спуститься там может разве что птица...

— Ладно, не тужи. Что ты увидел?

— Это трудно описать. Не забывай, что я видел все на очень большом расстоянии и дно каньона закрывала дымка вулканических испарений. Тем не менее мне показалось, что там нет ничего живого и, во всяком случае, ничего такого, что можно объяснить с помощью нашей, человеческой логики. Разве что отдельные детали. Но в целом они слагаются в какую-то шизофреническую картину. Части странных механизмов. Куски каких-то урбанистических статуй. Обломки зданий. Иногда целые механизмы совершенно непонятного назначения. Перевернутые, засыпанные песком и пеплом. Повторяю, это невозможно описать именно потому, что трудно подобрать известные нам понятия, образы, сравнения. Там словно веселился какой-то ненормальный. В целом это напоминало гигантскую свалку. Но не забывай, я видел лишь малую часть каньона.

Целый день я ждал каких-то изменений, любых проявлений активной деятельности. Какого-то движения или хотя бы живого существа, но не было ничего. К вечеру я уехал. Это место вызывает странное, тоскливое чувство. Там невозможно долго оставаться одному. Мне некому было даже рассказать об увиденном. Ты — первый, кто об этом узнал.

Они долго молчали, слушая, как ветер уныло свистит на скальных выступах и хлопает пологом палатки.

— Почему ты раньше не рассказал обо всем?

— Необходимости в этом не было, пока мы не дошли до зданий. Я решил навсегда остаться на Острани. Федералов здесь не слишком-то любят, и мне не хотелось усложнять свою и без того непростую жизнь. Отсюда привычка говорить о себе поменьше. Ну а это... — Он обвел неопределенным широким жестом вокруг. В это трудно поверить, пока сам не увидишь хотя бы купола.

— Ты обещал рассказать, каким образом тебе удалось остаться на Земле во время переселения Таннов. Глен тяжело вздохнул:

— Вообще-то это очень личная история, и мне тяжело о ней вспоминать. Но у Вольных Охотников есть одно хорошее правило. Если человек спасает кому-то жизнь дважды, он становится его побратимом. Так что от тебя у меня нет секретов, брат. Однако рассказ будет длинным и тебе придется запастись терпением.

Перед тем, как было принято решение о переселении, Таннов держали в бывшей индейской резервации в горах Колорадо. Федералы перепугались то ли нас, то ли

результатов того, что натворили. Вернее, ответственности за свое деяние. Как бы там ни было, они старались сохранить в тайне все, что касалось генетических экспериментов по выведению новой расы, и особенно ее результатов.

Я был мальчишкой, когда мы жили в резервации, но у Таннов хорошая память. Я помню все так, словно это произошло вчера.

У нас был там собственный маленький домик, он стоял под огромной секвойей. Однажды я попытался влезть на это дерево — таннские мальчишки росли и выросли быстро... Попытка оказалась неудачной, я сорвался, сломал ногу — она зажила без всякого гипса через неделю. Так что уже тогда я начал понимать, как сильно мы отличаемся от обычных людей.

В нескольких километрах от резервации располагался маленький провинциальный городок. Иногда таннским мальчишкам удавалось обмануть бдительность охраны и побывать в запретном наружном мире, так что мне было с кем сравнивать свои способности. Когда депортация на чужую планету стала неизбежной, родители предприняли отчаянные усилия, чтобы оставить меня на Земле. Они полагали, что правительство решило окончательно замести следы своего преступного эксперимента и отправляет нас на верную гибель.

Еще до того, как для Таннов был введен строжайший режим изоляции, родители познакомились с семьей русских эмигрантов, которые собирались вернуться на свою далекую родину. Те откликнулись на просьбу моих родителей взять меня в Россию... Не знаю, как им удалось подделать документы о моей смерти и подкупить чиновников... В общем, у меня появилась новая фамилия, новые родители, а потом и новая родина.

Я полюбил эту далекую страну. Люди там доброжелательны и удивительно терпимы к чужеземцам. Будь на то моя воля, я бы остался там навсегда.

Но когда началась война с Рутянами, разведке срочно понадобились Танны. Наверное, они подозревали, что во время высылки кое-кто из Таннов мог остаться на Земле, и предприняли значительные усилия, чтобы их разыскать. В шестнадцать лет меня похитили федеральные агенты и переправили на Аркур. Так я попал в разведшколу.

Ветер снаружи усилился и в конце концов принес заряд дождя. Капли бешено барабанили по крыше палатки, пока наконец шум воды не превратился в сплошной монотонный гул.

— Завтра трудно будет спускаться.

Олег ничего не ответил, лишь молча кивнул. После этого разговора между ними установилось пока еще хрупкое доверие, которого им обоим так не хватало последнее время в этом полном опасностей враждебном мире.

— Мне Карил рассказал, что та хранильница, которая спаслась во время штурма деревни, принадлежала тебе, это правда?

— Я ее вырастил. Но потом она уже не принадлежала мне, она стала самостоятельной личностью.

— Разве такое возможно?

— Именно это и произошло, хотя я и сам долго не мог поверить. Но самостоятельным человеком она становилась у меня на глазах.

— Все Вольные Охотники считают, что хранильниц подослали в колонию Таннов специально, чтобы держать под контролем все наши поступки.

— Поэтому Охотники решили отделиться от Сейфов?

— Это была одна из главных причин.

— В этом есть доля истины. Во всяком случае, таким мог быть первоначальный замысел. Но его воплощение натолкнулось на сопротивление самих хранильниц. Они слишком буквально восприняли заложенную в них установку служить своим хозяевам. Никто толком не знает, что собой представляет разум, который способен контролировать все живые существа на этой планете. Как бы там ни было, удастся это ему далеко не всегда. Личность, когда она начинает задумываться над смыслом собственного существования,

постепенно превращается в отдельную вселенную, управлять которой со стороны становится все сложнее.

— Ты хотел бы ее увидеть снова?

— Конечно. И это одна из причин, по которой завтра я уйду в Каньон Дьявола. Мне кажется, там кроются ответы на многие наши вопросы. Кстати, ты можешь остаться с Карилом, если хочешь.

— За что ты меня обижаешь, брат?

Впервые за этот долгий и трудный путь Олег поверил, что у него появился друг, а вместе с ним и надежда.

— Может быть, нам повезет, и ты ее найдешь?

— Может быть. Но ты слишком мало рассказал о том, что с тобой произошло после высадки. Ведь ты провел на Острани почти четыре года.

— Это еще одна долгая история. Я расскажу тебе об этом когда-нибудь в другой раз. Да и нет в ней ничего интересного, ничего такого, о чем стоило бы говорить специально. Наверное, как и любому Танну, с малолетства узнавшему, что такое насильственная изоляция от человеческого сообщества, мне хотелось найти место для своего дома.

Я надеялся, что таким местом станет Остран. Но... По разным причинам этого не случилось, и вот я здесь, в той самой точке, откуда начинал четыре года назад.

— А как же Ульма?

— Она неплохая жена, но, когда я решил уйти из колонии Вольных Охотников, она отказалась разделить мою судьбу. С тех пор все стало между нами каким-то ненастоящим, во всяком случае, для меня.

Утром, спустившись к строениям, они продолжили исследование. Четыре купола из шести при поверхностном осмотре ничем не отличались друг от друга. Возможно, какие-то мелкие отличия все же были, но, в сущности, это не имело значения. Олегу хотелось быстрее увидеть содержимое шестого, по которому, если все здесь окажется таким, каким видел Глен, должна проходить дорога... Или туннель... Или монорельсы, или что-то еще, ведущее в самое сердце этого мира.

Никаких препятствий в своем передвижении они не встречали. Соединительные туннели, сделанные из такого же, пропускающего в одну сторону свет материала, защищали их от ветра, разбушевавшегося снаружи и несущего с собой непрерывные заряды дождя.

Мельком Олег подумал о том, каково там наверху Карилу, опять оставленному охранять лагерь. Он подумал также о том, что записка, лежащая в его палатке, вряд ли попадется ему на глаза слишком скоро. Там было всего две коротенькие фразы: «Ушли в каньон. Если не придем через двадцать дней, возвращайся».

Словно угадав его мысли, Глен спросил:

— Почему ты его не предупредил?

— Он бы ни за что не согласился. Да и вообще, я не люблю слишком долгих уговоров и прощаний.

Это был единственный выход. Кто-то должен позаботиться о коньках.

— Ты думаешь, ему удастся найти для них достаточно корма?

— Карил опытный воин и путешественник, он будет менять пастбища и, если нужно, отгонит коньков ближе к перевалу. В зоне таяния снегов достаточно зелени.

— Ты и меня не предупредил о том, что собираешься идти дальше именно сегодня!

— Окончательно я решил лишь утром. Откладывать этот поход опасно. Надо либо идти, либо нет. Я ведь прекрасно понимаю — обратно мы можем не вернуться. Чтобы не передумать в последний момент, я и оставил эту записку.

Соединительный туннель наконец кончился, и последняя перед шестым куполом дверь со скрипом распахнулась.

Огромное пустое пространство встретило их мрачной тишиной. Здесь не было ничего, на чем мог бы остановиться глаз, лишь голые прозрачные стены да усыпанный песком пол. Однако чернеющее в противоположной стене отверстие свидетельствовало о том, что дорога

все-таки существует, что последний туннель не уперся в скалу, как это казалось снаружи.

— У тебя тоже последний купол был пустым? Глен кивнул:

— Все повторилось, только на этот раз они забыли позаботиться о транспорте.

— Не спеши. Лучше прислушайся.

Из темной трубы туннеля, перед которой они теперь остановились, вместе с холодным ветром доносился едва различимый звук.

Легкое равномерное поскрипывание, словно кто-то крутил педали огромного велосипеда.

Слишком взволнованные, чтобы обмениваться мнениями по поводу происходящего, они молча ждали. Олег проверил наручным локатором направление туннеля и убедился, что тот ведет строго на север. По крайней мере, видная им часть. Дальше могли быть повороты, но он чувствовал: в любом случае эта дорога приведет их в сердце каньона. Больше того, он почти не сомневался, что она и построена здесь специально для этого.

Транспортная станция — вот что это такое. Интересно, каким будет транспорт...

Наконец далеко в глубине туннеля появились два желтых пятна света, похожих на огни неярких фар.

Прошло еще какое-то время, звук продолжал усиливаться, и наконец они одновременно увидели экипаж, неспешно приближавшийся к ним из черневшего впереди овала.

Это была детская pedalная машина образца девяностых годов, увеличенная до размеров «мерседеса» или, может быть, «линкольна» с откидным верхом.

Рука Олега непроизвольно потянулась к оружию, и он с трудом остановил ее движение. На водительском месте кто-то сидел. Когда огромный pedalный автомобиль выехал на свет, они увидели за рулем большую пластмассовую куклу с ярко и грубо нарисованным плоским лицом. Правой руки у манекена не хватало, на ее месте болтался обрывок толстой веревки, некогда крепившей отсутствующую конечность к туловищу.

Руль своего pedalного чудовища водитель сжимал одной левой рукой и, казалось, проделывал это достаточно уверенно.

— Средство подано! — отчетливо произнес водитель, поравнявшись с ними. При этом ни один мускул не дрогнул на его пластмассовом лице, голос шел откуда-то из района живота, где, очевидно, располагался динамик.

— Какое средство? Что он имеет в виду?..

— Транспортное, наверно. По-моему, нас приглашают прокатиться.

Олег решительно направился к машине, распахнул скрипящую дверцу и уселся на заднее сиденье. Места в этой странной колымаге было больше чем достаточно.

— Ты едешь?

Секунду Глен колебался, с опаской поглядывая на водителя, но, наконец, глубоко вздохнув, словно бросаясь в ледяную воду, последовал за Олегом.

Дверца захлопнулась. Послышался знакомый скрип, колени водителя начали равномерно подниматься, и машина плавно тронулась с места.

Едва они въехали в туннель, как их окружила плотная тьма. Лишь пятно света от слабеньких фар выхватывало из темноты кусок неровной, покрытой песком и пылью дороги.

Машина медленно, со скрипом двигалась вперед, и водитель подправлял рулем ее движение так, чтобы колеса не съезжали с проложенной колеи.

Отблески света иногда зажигали на стенках туннеля недолгие, быстро исчезающие искры.

— Куда мы едем? — спросил Олег у сосредоточенно выполнявшего свою работу водителя. Никакого ответа.

— Ты думаешь, он умеет разговаривать?

— Сообщил же он нам о своем прибытии.

— Это могла быть звукозапись.

— Может, да, а может, нет. С машиной он управляется достаточно ловко. Все зависит от класса, к которому принадлежит этот робот.

— Я не робот. Я управляющий средством передвижения, — услышали они в ответ.

У Олега сразу пропало желание задавать новые вопросы. Каждая фраза, сказанная здесь, могла иметь особое значение. Почему-то вспомнилась комната психологических тестов, в которой он побывал при поступлении в колониальный колледж.

Через какое-то время впереди появилось зеленоватое свечение — нечто вроде светящейся пленки полностью перекрывало туннель. Когда радиатор машины коснулся этой пленки, по ней пробежала волна искр и возникло темное пятно, в точности соответствующее размерам автомобиля.

— Похоже на силовую защиту.

Когда они проехали, Олег обернулся и увидел, что отверстие тут же за ними затянулось. Ровное свечение вновь перекрывало весь туннель.

— Скорее всего обратно без этого «средства» здесь не пройти.

— Отсюда еще никто не возвращался, — мрачно напомнил Глен.

Глава 30

Бледное пятно света приблизилось и постепенно заполнило все пространство перед ними. Туннель кончился.

Это было мрачное место. Почва под ногами, скалы, на вершине которых запутывались облака — все казалось зыбким и непрочным. И дело было даже не в том, что пробегающие время от времени судороги у них под ногами создавали иллюзию вот-вот готового разразиться землетрясения.

Тогда в чем же? Может быть, в сумеречном освещении или в холодном ветре, дующем сверху, с предгорий Хорасана? Может быть, во всем этом вместе? Нет, главным виновником впечатления преддверия преисподней, в которую они вступили, был все же пейзаж.

Человеческий глаз привыкает к симметричности природных ландшафтов, к их определенной упорядоченности, к плавному изгибу рек, к четким границам леса здесь же все было смешано, создавало странную фантасмагорию несовместимых друг с другом обломков. Даже на свалках существует определенный порядок, даже в отбросах, выброшенных на задворки цивилизации, есть своя закономерность. Здесь ее не было. С паровозом двадцатого века соседствовал некий монстроподобный механизм с четырьмя согнутыми стволами, обращенными в небо, и беспомощно тонущими в пыли гофрированными шлангами ног. Тут же, неподалеку, валялась явно недоделанная свихнувшимся скульптором голова какого-то великана. То ли отлитая из металла, то ли вылепленная из папье-маше.

Водитель, доставивший их на дно каньона, какое-то время неподвижно сидел за рулем, словно ожидая чего-то. Но вот вновь раздался знакомый скрип, машина развернулась и исчезла в отверстии туннеля. Они остались одни.

Чтобы окончательно не утратить ощущения реальности, оба, не сговариваясь, двинулись в сторону строения, издали напоминавшего нормальный человеческий дом. Им хотелось сузить перспективу и хоть немного прийти в себя от этого свистящего бедлама вокруг, замешанного на ледяном ветре. Но когда они подошли ближе — дом оказался чем-то вроде отстойника для нечистот, и, спасаясь от ужасной вони, они вынуждены были торопливо пройти мимо.

Впереди, среди куч мусора, консервных банок и битого стекла, возвышалось еще одно строение — нечто вроде замка, построенного из песка ребенком великана. Возможно, того самого, чью голову они только что видели неподалеку.

Оплывшие, покосившиеся башни, неровные стены, раза в три превышающие человеческий рост. Был даже внутренний двор.

Сам замок выглядел так, как и должен выглядеть замок, построенный из песка. Здесь не было дверей. А от стен веяло такой непрочностью, что они, не сговариваясь, повернули назад к отверстию в стене, двумя покосившимися башнями обозначавшему место несуществующих ворот. Оба невольно ускорили шаг, стремясь поскорее покинуть этот двор,

где сами стены были готовы в любую минуту превратиться в лавину праха.

— Эти башни... Мне кажется, они шатаются. — Глен решительно ускорил шаг, и Олег охотно сделал то же самое, потому что ощущение нараставшей опасности, не покидавшее его с той минуты, как они вышли из педального экипажа, во дворе замка усилилось.

Снаружи их поджидали все тот же ледяной ветер и груды хлама различных эпох и цивилизаций.

— Откуда все это?

— Похоже, специально сюда свезли из разных мест. Здесь все новое. Даже мусор, даже обломки, даже искалеченные механизмы. Нет следов ржавчины, потертостей, следов износа, вообще никаких следов времени. Создается впечатление, что эти груды образовались относительно недавно. Больше всего меня удивляет, что каждый обломок, деталь механизма или здание являются чем-то самостоятельным, никакого отношения ко всем прочим предметам не имеют. Здесь трудно найти две или три части какого-то единого целого. Каждая из них самостоятельное произведение искусства.

— Ты называешь это искусством?

— Все зависит от точки зрения. Я знаю федералов, провозглашенных чуть ли не гениями, которые всю свою жизнь провели за странным занятием: они поэтизировали помойки. Они воспевали их в своих кинофильмах, картинах и поэмах. Они купались в них и умилялись ими. Они считали, что таким образом борются с окружающим злом, открывая людям глаза на ту мерзость, в которой те живут.

— И что же, на самом деле они этого не делали?

— Конечно, нет. Люди знали о своей жизни гораздо лучше их. А те лишь зарабатывали деньги. В помойках, знаешь ли, тоже можно найти золото. И, кстати, это намного проще, чем создавать настоящее искусство.

— Если я не ошибся, то вон там, левее, находится нечто такое, что совсем не походит на новую вещь. — Глен вытянул руку по направлению к огромному, ис-, калеченному прямым попаданием бронированному монстру. Даже издали было видно, что ржавчина основательно потрудилась над его останками, довершив, начатое разрушение, хотя во всех прочих обломках ее не было и в помине.

Заинтересованный Олег подошел ближе и долго осматривал разбитый механизм, не поленившись даже залезть под корпус машины.

— Ну и что ты там нашел?

— Заводской номер. Ты был прав. Этот механизм сделан на Земле. Это ракетный танк, снятый с одного из наших космических крейсеров. Выходит, здесь есть и настоящие вещи.

— Ты хочешь сказать, что все остальное не настоящее?

— Конечно, нет. Это всего лишь незаконченные или сломанные копии, муляжи, подделки — называй как хочешь. Ни одна из этих вещей не могла работать. Но кроме них были, очевидно, и образцы, с которых пытались копировать часть этого хлама.

— Работала же машина, на которой нас сюда привезли!

— Работала. Колеса вертелись. Педали тоже двигались. Мое утверждение относится к чему-то более сложному.

— А как же тогда водитель?

— А вот это уже совсем другой вопрос. И на него у меня пока нет ответа. Возможно, именно за этим ответом мы и спустились в Каньон Дьявола.

Затем они долго шли молча, каждый по-своему обдумывая увиденное и не замечая порывов ледяного ветра.

— Куда именно мы идем?

— До самого центра. До того места, откуда взлетают корабли Рутян.

— Но каньон слишком велик. Он простирается на десятки, если не на сотни километров. Понадобится не один месяц, чтобы дойти до его центра. Пешком мы с этим не справимся.

— Значит, придется поискать транспорт. Мне почему-то кажется, что если хорошенько

поискать, здесь можно найти все, что угодно.

Весь день Олега не покидало ощущение слежки, но лишь к вечеру ему удалось заметить среди куч мусора мелькнувшую серую тень ростом чуть ниже взрослого человека.

Тень мелькнула слишком быстро, и он ничего больше не успел рассмотреть, однако теперь отпали последние сомнения — мертвый пейзаж обманчив. Среди обломков и куч мусора кто-то прятался. И если эти новые, неведомые противники на них нападут, они окажутся в невыгодном положении.

На открытой местности, по крайней мере, можно подготовиться к обороне здесь нападение могло последовать в любой момент, из-за любой груды мусора...

— Не оборачивайся. За нами следят, — предупредил он Глена.

— Ты тоже это заметил? Нам нужно подходящее на случай атаки место. Вон там, впереди, какая-то большая конструкция, возможно, она подойдет.

Железный остов разрушенного звездолета напоминал развороченное чрево кита. Олег не сразу понял, что это такое, все его внимание было сосредоточено на том, чтобы как можно раньше обнаружить преследователей и постараться определить, насколько они опасны.

Спины у них теперь были прикрыты, и это сейчас казалось самым важным. Сверху нависала часть разрушенного корпуса, они стояли внутри огромной пробоины метров трех в диаметре, упершись спинами в глухую переборку.

— Подходящее место, — пробормотал Глен, снимая колпачок с ядовитого наконечника стрелы от духового ружья.

— Что ты сделал со своим планетарным комплектом? — спросил Олег. — Бластер бы нам сейчас не помешал, в моем батарее давно разрядилась.

— Я его закопал, сразу же, как приземлился. С тех пор прошло много лет. Я так и не удосужился посмотреть, что с ним стало.

Олег усмехнулся. Он и сам поступил точно так же и хорошо понимал Глена. Оба они, попав на Остран, не собирались возвращаться. Приходить в новый дом с чужим оружием казалось им неприличным. Вот только он оказался не слишком гостеприимным, этот новый дом...

Прошло уже с полчаса, как они стояли, напряженно всматриваясь в обломки. Преследователи не подавали никаких признаков жизни. К тому же быстро смеркалось.

— Вероятно, они ждут, когда совсем стемнеет. Нам бы не помешал костер, но деревья здесь, как я понимаю, не найти.

— Зато в большом количестве имеется ситрилон. Этот пластик неплохо горит. Прикрой меня.

Олег вышел из отверстия, в котором они прятались, и вскоре вернулся с охапкой пластмассовых обломков.

Ситрилон разгорался с трудом, но потом дал ровное белое пламя без копоти. Правда, во время горения этого пластика в воздухе распространялось отвратительное зловоние. «Но, может, оно и к лучшему, — подумал Олег. — Не всякое существо способно вынести эту вонь».

Сами они довольно быстро притерпелись к резкому запаху горячей пластмассы и почти перестали его ощущать. Костер разгорался все ярче. Круг света белого пламени, похожего на свет ацетиленовой горелки, постепенно расширялся. Высветилась большая куча мусора метрах в десяти от их укрытия, а рядом они вдруг увидели шевелящийся черный холм.

Олег подбросил в огонь еще несколько кусков пластика, и, когда пламя разгорелось поярче, он заметил в очертаниях холма нечто знакомое.

— Это звезда...

— Какая звезда? — не понял Глен.

— Когда мы с Карилом проходили пустыню, нам встретилась такая, правда желтого цвета, похожая на песчаный бархан. Это очень опасная тварь — скорее даже не тварь, а биологический робот, созданный для убийства. И можешь спрятать свою трубку — к яду

кота она не чувствительна.

— Как же вы с ней справились?

— Тогда у меня еще была заряжена батарея бластера.

На всякий случай Олег проверил индикатор своего бесполезного оружия. В окошке стояли одни нули.

Словно понимая, что ее жертвы никуда не денутся, звезда приближалась неторопливо, выбросив в их сторону два из шести своих лучей и медленно подтягивая все туловище.

— Чего мы ждем? Если она доползет до отверстия, мы окажемся в ловушке.

— Она может двигаться значительно быстрее, чем сейчас. Нам все равно ее не опередить. Придется драться здесь. Позиция не слишком удобная, зато ей не удастся охватить нас своими щупальцами: дыра для этого слишком узкая.

Не сказав больше ни слова, Глен спрятал духовое ружье и обнажил свой длинный, около полуметра, нож, скорее похожий на меч. В правой руке он держал другой, короткий и тяжелый, предназначенный для метания.

— У нее есть какие-нибудь уязвимые места?

— Я их не обнаружил. По-моему, она вся состоит из груды мышц и огромной пасти с мелкими, но острыми зубами.

— Пасти я пока не вижу.

— Ее ты увидишь в самый последний момент. Она расположена внизу, под туловищем, и появляется лишь после того, как жертва теряет способность двигаться.

Медленные, неотвратимые движения звезды, повторявшиеся с четкой периодичностью, производили гипнотизирующее впечатление. Две ноги вперед, короткая остановка, подтягивание туловища. Затем цикл повторялся.

— Нужно что-то придумать — холодным оружием нам с ней не справиться.

Огромное, черное, слегка блестящее в свете костра туловище заполняло теперь все пространство, которое они могли видеть из своей дыры. Оба инстинктивно отступили в глубь разбитого корпуса и уперлись спинами в переборку.

Звезда остановилась перед препятствием и, казалось, ощупью изучала его. Тонкие концы лучей скользили по кромке отверстия.

В их отчаянном положении оставалась лишь одна возможность — атаковать первыми. Выбрав момент, когда один из лучей, выдвинувшись на всю длину, начал изучать отверстие с внутренней стороны, в полуметре от них, Олег взмахнул топором и изо всех сил послал лезвие вперед, направляя его так, чтобы кромка отверстия сыграла роль второй части ножниц. Он немного перестарался и сам едва устоял на ногах. Инерция удара повлекла его вперед, и если бы не своевременная помощь Глена, он оказался бы снаружи.

Прямо перед ним на полу валялась отрубленная часть луча, не меньше сорока сантиметров в диаметре и длиной почти в метр.

Лишившись большей части одной из своих конечностей, звезда дернулась и подалась назад. Вслед за этим последовал сокрушительный удар в наружную часть корпуса, от которого задрожала вся древняя конструкция, прикрывавшая их от врага.

Сверху посыпались куски перекрытия, какие-то болты, и целое облако пыли обрушилось на них, на какое-то время лишив способности видеть окружающее.

Неожиданно снаружи возник новый, совершенно непонятный звук, словно кто-то равномерно бил в огромные металлические литавры.

Когда пыль немного рассеялась, они увидели, что их противник отступил назад, метра на два от отверстия. Но это не было следствием удара Олега, как им показалось вначале. У напавшего на них монстра появился новый противник.

— Ущипни меня, кажется, начались галлюцинации, — попросил Глен. Но потрясенный Олег никак не отреагировал на эту просьбу, думая, что было бы неплохо, если бы кто-нибудь ущипнул его самого.

Звезда в оборонительном движении приподняла вверх одно из своих уцелевших щупалец. Напротив нее стоял рыцарь трехметрового роста, закованный в сверкающие

золотым блеском доспехи.

Он широко замахнулся своим огромным двуручным мечом, приподняв лезвие над головой, и вслед за этим обрушил чудовищный удар на отступавшую звезду.

Лезвие рассекло туловище монстра от верха до низа. Две половины гигантского туловища еще какое-то время судорожно вздрагивали. Лучи беспомощно приподнимались и опадали. Наконец звезда перестала шевелиться, и тогда рыцарь, не обратив ни малейшего внимания на свет догорающего костра и на них, пошел прочь.

Каждый его шаг сопровождался звоном доспехов, именно этот звук, напоминавший звон литавр, слышали они, пока не рассеялось облако пыли.

Вскоре блестевший в темноте панцирь затерялся среди куч мусора, шаги постепенно затихли, и они вновь остались одни.

— Что это было? Мы действительно видели рыцаря?

— Видели. Вспомни водителя. Здесь возможны любые формы.

— Откуда они знают, как должен выглядеть рыцарь?

— Оттуда же, откуда берут остальное — из наших снов, из наших видеокристаллов, из наших воспоминаний. Гораздо важнее понять, почему он пришел нам на помощь.

— А что, если он уничтожил звезду вовсе не из-за нас, и мы оказались всего лишь случайными зрителями?

— Тогда это должно означать, что по какой-то неизвестной причине эти звезды не нравятся тому, кто его создал.

— Нам пора придумать для него имя.

— Возможно, это кибернетическая система или гигантский мозг. Назовем его Правителем. В конце концов, ведь он управляет большинством биологических объектов на планете.

— Похоже, не всеми.

— Да. И это странно, потому что, я думаю, создателем всех этих существ был именно он. На Острани нет нормальной биосферы — все здешние существа в той или иной степени связаны с Правителем, и почти наверняка их предки создавались искусственным путем.

— Любопытная теория...

— Это уже не теория — скорее, итог наблюдений. Сменяя друг друга и забываясь ненадолго коротким сном, они с нетерпением ждали утра. Наконец наступил ветреный холодный рассвет, несущий с собой новые заряды дождя.

Завтракали всухомятку. Ни одному из них не пришлось в голову вновь раскладывать вонючий костер из пластмассы ради такого пустяка, как горячая пища. Солнце, выглянув в разрыве между облаками, разогнало туман, окружавший их в предутренние часы плотной стеной.

— Мне кажется, за ночь там что-то изменилось, — Глен махнул в сторону разрубленной надвое туши.

Внимательно всмотревшись в останки, Олег понял, что Глен прав. За ночь туша значительно уменьшилась, кто-то срезал большую часть щупалец. Вокруг было множество мелких следов, не похожих на следы известных им живых существ.

Ступней у ночных визитеров не было вообще или они оказались совершенно круглыми. Цепочки таких круглых лунок тянулись к туше со всех сторон.

— Разве мясо этой твари съедобно?

— Попробовать не пришлось, хотя Карил утверждает, что мясо всех живых существ здесь примерно одинаково на вкус, — пробормотал Олег, достав свой универсальный анализатор и набрав команду провести детальный анализ мяса.

— Аминокислоты, белки, углеводы. Нормальное строение клетки, нет ядовитых веществ. В общем, эта штука съедобна даже для нас.

— К счастью, продуктов у нас достаточно.

— Я хочу побольше узнать о тех, кто здесь был ночью. Меня беспокоит нож, которым резали тушу. Куски отделяли каким-то острым орудием.

— В этом ты, несомненно, прав, хотя я не могу; понять, почему мы ничего не слышали во время этого ночного действия.

— Это меня тоже беспокоит. Как и та слежка, которую за нами ведут с начала нашего появления в каньоне. Надо поискать более подходящее оружие, чем наши ножи и трубки. Давай в первую очередь займемся этим. Будем искать сохранившийся Земной звездолет.

— Чем плох этот?

— Он слишком старый. Слишком давно здесь лежит. Все энергетическое обеспечение давно сдохло. Нам нужны системы, способные зарядить батарею бластера. Здесь мы их не найдем, только зря потеряем время. Но раз есть один корабль — найдутся и другие. Над Остраном проходило много сражений, и ни разу нашей разведке не удавалось обнаружить обломки сбитых кораблей. Все они куда-то исчезали. Теперь мы знаем, куда именно.

Глава 31

Они шли уже третий час. Солнце давно скрылось за горизонтом, вновь близился вечер, а никаких останков земных кораблей обнаружить так и не удалось. Глен начал сомневаться в их существовании...

— Должны же куда-то деваться сбитые корабли. Не все они сгорели в атмосфере. Некоторые боролись до конца, шли на аварийную посадку. Над Остраном проходил не один бой.

— Мы много раз делали магнитную съемку планеты, пытались обнаружить упавшие корабли, и ничего не находили.

— Именно поэтому мне кажется, что они должны быть в каньоне. Падающий корабль можно вывести на нужную траекторию, каньон закрыт для съемок, его нет ни на одной фотокарте. Это единственное место, где они могут находиться, если, конечно, здешние твари не едят металл. И потом был же здесь один — хоть и очень старый.

— Он мог попасть сюда еще до войны. Но ты прав, здесь, возможно, есть и другие. Вот посмотри.

Глен указал на широкую гладкую полосу, начинавшуюся в нескольких метрах впереди и затем пропадавшую под горами мусора.

— Завалы могли образоваться позже. Почва сгорела, а камень сплавился. Очень похоже на след врезавшегося в землю звездолета. Давай попробуем найти противоположный конец этой канавы.

Несколько раз они теряли след в кучах обломков и развороченных механизмов, но каждый раз Глен упрямо находил его и решительно шел дальше. Даже сильно разрушенный корабль они могли бы использовать как ночное убежище.

Казалось, поискам не будет конца. Если бы не угроза, которую оба они ощущали в белесом жемчужном свете, просачивавшемся сквозь постоянное облако тумана, висевшее над каньоном, даже Олег, предложивший найти Земной звездолет, давно отказался бы от своей затеи.

— Если это след корабля, мы бы увидели корпус. После касания земли под такой плоскостью он не мог улететь слишком далеко.

— Он мог уйти в породу на глубину нескольких метров. Все зависит от того, насколько автоматика и двигатели сумели погасить энергию удара.

— Хорошо. Еще два часа, и если мы его не найдем, в оставшееся светлое время займемся устройством ночлега.

Под ногами все время хрустели пластмассовые обломки. Пластмасса здесь встречалась чаще всего, но некоторые сорта пластика больше смахивали на металл или стекло.

Безумный инженер, воплощавший свои параноидальные идеи на всей огромной площади каньона, больше всего любил работать с пластмассой и достиг в ее изготовлении впечатляющих успехов.

Олег не понимал, откуда взялось такое количество пластика в этом диком,

труднодоступном месте. Никаких следов заводов по производству пластмассы они не встретили. Оставалось предположить, что создатель этого впечатляющего хаоса умел преобразовывать горную породу в пластик, не используя никаких промежуточных механизмов.

Местами в базальте встречались огромные выемки, на стенах которых они не видели никаких следов выработки. Будто камень просто зачерпывали ладонями, точно воду, и лепили из него все, что угодно Олег попытался представить, как должны выглядеть подобные ладони, но его воображение оказалось бессильно перед такой задачей.

Через какое-то время они попали в настоящий — лабиринт, состоящий из груд беспорядочно сваленных человеческих останков — во всяком случае, таково было первое впечатление.

Тут и там из-под бесформенных обломков торчали части человеческих туловищ и конечностей огромного размера. Лишь через несколько минут, остановившись перед кучей, целиком состоящей из ступней и голеней неведомых великанов, они поняли, что это тоже пластик

— Он что, практиковался в изготовлении манекенов?

— Или армии... Его куклы могут двигаться и неплохо справляются с поставленными перед ними задачами.

Мрачное чувство охватило Олега и Глена. Слишком уж смахивал окружающий их пейзаж на гигантское захоронение. Слишком услужливо их воображение рисовало картины недавно происшедшей здесь битвы, и разум безуспешно пытался доказать, что они видят перед собой всего лишь отходы производства или, возможно, издержки некоего научного эксперимента.

Наконец начало смеркаться, и они поспешили выбраться из этого места.

Два часа прошли. Олег наметил для себя еще один, последний временной рубеж. Еще полчаса, и придется прекратить поиски. Правда, они все это время продвигались вперед, к центру каньона, но приближавшийся вечер и перспектива провести еще одну ночь под открытым небом в конце концов заставили их остановиться.

Олег внимательно осмотрелся, пытаясь обнаружить в окружавшем их хаосе достаточно большие обломки, которые можно было использовать для сооружения ограды. Но в большинстве случаев куски пластмассы представляли собой не листы или плиты, а некие округлые окатыши неправильной формы, словно их вынули из гигантской плавильной печи.

Из этих легких пластмассовых валунов за короткое время не удастся построить даже простой забор.

Неожиданно Глен остановился и попросил у Олега оптический умножитель.

— Вон там, метрах в трехстах справа, похоже, есть какое-то строение. Давай посмотрим, что это такое.

Вблизи домик напомнил им Земной загородный коттедж. Уже одним своим видом он казался совершенно неуместным в окружающем его пейзаже и резко выделялся среди обломков своей законченностью.

Двери не открывались, окна заменяли полосы слюды, приклеенные прямо к стенам, состоящим все из того же вездесущего пластика.

Внутри они проникли без особых усилий, сломав одно из таких окон.

В домике было сухо и чисто, если не считать толстого слоя пыли, покрывавшего пол и части странной, неуклюже сделанной мебели. Тут был шкаф с неоткрывающимися дверцами, широкая кровать с плотно сбитым куском ваты вместо матраса и даже туалетная комната — разумеется, бутафорская, без воды и с унитазом, похожим на валун.

Зато в доме оказалось значительно теплее, чем снаружи, сюда почти не проникал холодный ветер, а после того, как они заделали лаз в окне, стало даже уютно.

Но самое главное заключалось в том, что этот дом создал дистанцию между ними и сводящим с ума хаосом, оставшимся снаружи.

Здесь они почувствовали себя почти в безопасности, хотя прекрасно понимали, что

тонкие пластиковые перегородки не создадут серьезных препятствий какому-нибудь местному монстру, если тот пожелает добраться до них.

И все же даже эти стены создавали преграду, достаточную, для того чтобы успеть подготовиться в случае внезапного нападения извне. Правда, одновременно они лишали их и важного преимущества. Разводить открытый огонь в доме, сделанном из легковоспламеняющейся пластмассы, невозможно, а позаботиться об очаге создатель этого инженерного чуда не подумал.

Никто из них не захотел спать на куске ваты, заменявшем матрас, испытывая к этой пародии на постель необъяснимое и едва ли оправданное отвращение.

В конце концов проблема разрешилась довольно просто. Одному из них приходилось дежурить, а второй в это время спал в единственном спальном мешке.

Олег разбил свою палатку прямо в комнате, и они смогли получить внутри нее на короткие часы сна дополнительную защиту от холода.

Когда совсем стемнело и серебристый свет, проникавший сквозь окна, померк настолько, что трудно было различить собственную руку, Олег пододвинул кусок пластмассы, согнутый буквой «П» и изображавший, очевидно, табуретку, к самому окну.

Шел второй час его ночного дежурства. Глен уже крепко спал. Снаружи не доносилось никаких посторонних звуков, кроме свиста ветра, сопровождавшего их здесь постоянно.

Но, несмотря на эту тишину, Олег по-прежнему чувствовал на себе посторонний взгляд, проникавший даже сквозь стены.

Сейчас их невидимые преследователи, пользуясь темнотой, наверняка подобрались ближе. Почему они не нападают и даже не показываются? Что им от них нужно?

Ни один хищник не обладает подобным терпением, преследуя свою добычу. Однако это было верно лишь по отношению к земным хищникам.

Если завтра они не найдут корабль, поиски придется прекратить. У них слишком мало времени до срока, назначенного Карилу, запасы уменьшаются слишком быстро — особенно плохо дело обстояло с водой. Лужи, которые им встречались по дороге, оказались отравлены свободными радикалами, выделявшимися из вездесущей здесь пластмассы.

Сейчас Олег уже не верил, что найденная Гленом полоса ведет к кораблю. Она становилась все незаметнее, и все труднее было найти ее продолжение под горами мусора. Слишком много времени уходило на петляние в лабиринте обломков. Олег решил предложить Глену прекратить это бессмысленное занятие. Жаль, конечно, расставаться с надеждой на приобретение настоящего земного оружия. Оно дало бы им ощущение защищенности от враждебного мира, притаившегося за окном. Но с этим придется примириться. Гораздо хуже, что они не нашли механизм, способный послужить транспортом. Тем не менее с завтрашнего дня он предложит двигаться к центру каньона, не тратя времени на безуспешные поиски.

Осторожный стук в дверь раздался во втором часу ночи. Уже возшла первая из Остранских лун, и серебристый полумрак снаружи слегка посветлел. Олег, недавно сменившийся со своего первого дежурства, еще не успел уснуть и мгновенно выскочил из палатки. Глен стоял около двери, сжимая в руках топор.

— Я бы ее, пожалуй, открыл, если бы знал, как это сделать, — тихо проговорил он. — А ты мог бы одеться. Все-таки к нам гости. Тот, кто так стучит, вряд ли станет сразу вышибать стену.

Торопливо набросив на себя одежду, Олег разобрал заграждение, которое они соорудили, чтобы прикрыть разбитое окно, и выглянул наружу, не надеясь, впрочем, что-нибудь увидеть в неверном лунном свете, ослабленном испарениями каньона.

Однако рассеянный жемчужный свет, лившийся, казалось, со всех сторон, давал неплохой обзор в пределах пространства, ограниченного ближайшими кучами мусора.

Дверь находилась с той же стороны, что и окно, и Олег заметил неясный силуэт на пороге дома.

В первое мгновение силуэт напомнил ему человеческую фигуру, одетую в скафандр

или закутанную в широкий плащ с капюшоном. Освещение не позволяло рассмотреть детали, но от одной этой мысли сердце стремительно забилося в груди, а руки сами собой потянулись к пролому в окне. Он высунулся наружу почти наполовину и закричал, не сдерживая радости:

— Идите сюда! Там нет двери!

Фигура молча двинулась к нему, и пока она шла, недоброе предчувствие какой-то серьезной ошибки возникло в голове Олега. Уцелевший член экипажа одного из земных кораблей должен был жить где-то поблизости не один день и даже месяц. Полное отсутствие следов в комнатах и пыль, покрывавшая здесь каждый предмет, указывали на то, что дом не посещали много месяцев, а быть может, и лет. Если бы поблизости жили люди, они бы не оставили без внимания дом, похожий на земное строение.

Все эти мысли пронеслись в его голове за то короткое время, пока ночной визитер шел от крыльца к окну.

Но когда фигура приблизилась, не проявляя ни малейшего признака страха, и Олег увидел протянутую ему в окно руку, он чисто рефлекторно протянул навстречу свою, чтобы помочь незнакомцу преодолеть препятствие. И лишь когда коснулся чего-то очень горячего и скользкого, совершенно не похожего на человеческую ладонь, он понял всю глубину своей ошибки. Рука Олега инстинктивно отдернулась — однако это движение лишь помогло странному гостю очутиться внутри помещения.

— Свет! — крикнул Олег. Наверно, в его голосе было что-то такое, что заставило Глена мгновенно включить фонарь, не заботясь об экономии единственной оставшейся у них батареи.

Увидев стоявшее перед ним существо, Олег невольно попятился, пожалев о том, что подошел к окну безоружным. Но все же он сумел подавить в себе мгновенный импульс броситься к стене, у которой оставил вчера свой топор.

По форме фигура незнакомца напоминала перевернутое ведро, увеличенное до размеров взрослого мужчины. Голова и туловище представляли собой единое целое. Ни шеи, ни талии на этом сероватом, отливающим металлическим блеском туловище не было. Одежды, впрочем, тоже.

Зато где-то в районе живота сверкали два огромных глаза, величиной с хорошее чайное блюдце. Стояло существо на четырех коротких, растущих из одного места и расходящихся в стороны под небольшим углом колоннообразных ногах с круглыми ступнями.

Кроме них, имелись еще и две руки. Гибких и длинных, с бессуставчатыми пальцами. Именно их прикосновение Олег и ощутил на себе секунду назад. Сейчас он стоял совершенно ошарашенный, не зная, что предпринять дальше.

Кто бы ни был их ночной посетитель, он пришел как гость, а не враг. В его руках не было оружия. Кроме того, он вежливо постучал в дверь, и, несмотря на его кошмарный вид, это, несомненно, было разумное существо.

На нем было даже ожерелье или, скорее, пояс, закрывавший нижнюю часть туловища.

Олег услышал сдавленное восклицание Глена и понял, что решение нужно принимать немедленно, иначе ситуация выйдет из-под контроля.

Постаравшись, чтобы его голос звучал возможно естественней, Олег проговорил громко и четко, так чтобы у Глена не осталось сомнений в смысле его слов:

— Проходите. Вы наш гость. Вы здесь в безопасности.

Вполне естественное молчание было ему ответом. Но словно принимая приглашение, гость неторопливо проследовал в угол комнаты и, подогнув свои гибкие, похожие на змеи ноги, опустился на пол. В стуле он, судя по всему, не нуждался.

— Что это? — донесся возбужденный полусшепот Глена. — Я никогда не слышал ни о чем подобном, ты уверен, что он один?

— Я ни в чем не уверен.

— Ну так сделай что-нибудь!

— Например, что? Напасть на него?

— Попробуй выгнать его обратно!

— А если он здесь живет? Нам лучше всего вести себя спокойно и посмотреть, что будет дальше. Зачем-то он сюда пришел и даже не забыл постучать.

— Провести ночь вместе с этим?

Ничего не ответив Глену, Олег достал из своего рюкзака пакет с сушеным мясом и протянул кусок ночному визитеру.

Огромные глаза смотрели на Олега внимательно и совершенно спокойно, через какое-то время мягкая гибкая рука протянулась, взяла мясо и, повертев его, словно не зная, что с этим делать, положила кусок на пол.

— Местные существа не нуждаются в пище, даже плотоядные хищники охотятся скорее ради спортивного интереса и годами могут обходиться без еды.

— Кто-нибудь пытался установить, почему это происходит, как они могут существовать без пищи?

— Хранительницы тоже обходятся без пищи. Я думал, ты об этом знаешь.

— Эль всегда садилась за стол вместе со мной, и я полагал...

— Они делают это лишь для того, чтобы их поведение ничем не отличалось от нашего. На самом деле они заряжаются энергией от своего стручка. Большинство местных организмов получают энергию извне. Некоторые выработали способность получать ее изнутри, расходуя на это часть своей массы. Но в пище они не нуждаются.

До утра никто из них не сомкнул больше глаз, каждую минуту ожидая каких-нибудь событий, связанных с необычным гостем, или визита новых незваных гостей. Но больше ничего не произошло. Серое существо в углу сидело абсолютно неподвижно, напоминая огромную сову.

Постепенно они привыкли к его молчаливому присутствию. Глен выключил фонарь, и в наступившей темноте мир, в котором жили люди, летали корабли, а события подчинялись закону причин и следствий, отдалился еще больше, стал почти нереальным.

Вдруг Олег почувствовал, что к его ноге прикоснулась рука Глена. Он вздрогнул от неожиданности и сразу же успокоился. Ему это прикосновение нужно было, возможно, больше, чем самому Глену.

— Когда адмирал Корсинский отправлял меня на Остран, он догадался, что я не собираюсь возвращаться, — тихо проговорил Олег в темноту.

— И не отменил приказ?

— Он сказал, что я не смогу здесь жить, что этот мир слишком чужой для человека. Кажется, только сейчас я начинаю понимать, насколько он был прав.

Глава 32

Утром, как только стало достаточно светло, они начали собираться.

Существо сидело там, где его оставили вчера. Казалось, даже поза его не изменилась. Только широко открытые глаза следили за каждым движением людей, и время от времени совершенно бесшумно приоткрывался расположенный под ними небольшой клюв.

Олег, прикинув вес своего рюкзака, удрученно покачал головой:

— Может, оставим здесь пустые емкости и часть альпинистского снаряжения, а на обратном пути заберем их?

— Ну уж нет, — решительно возразил Глен, взваливая на плечи плохо упакованные тюки с палаткой и спальником. — Я бы не доверил этому монстру даже своих носков.

Стараясь не делать резких движений, они приблизились к окну и стали разбирать возведенную на ночь баррикаду. Когда путь оказался свободен и Глен первым вылез наружу, существо начало проявлять признаки беспокойства. Оно привстало, затем снова село, опять привстало и сделало нерешительный шаг к окну.

Олег шикнул на него, передавая Глену свой рюкзак, и оно покорно отступило в глубину комнаты, но едва Олег оказался снаружи и вслед за Гленом отошел от дома на

несколько десятков метров, как в раме разбитого окна появилась морда с клювом и блюдцами огромных глаз, словно явившаяся из ночного кошмара.

— Какого черта ему нужно?

— Хотел бы я это знать... Зачем-то оно приходило... Оно боялось не меньше нашего и все-таки пришло, осталось в доме... Если он решит пойти с нами, не будем его прогонять. Нужно выяснить, зачем мы ему понадобились.

Существо стояло совершенно неподвижно, явно ожидая, когда люди отойдут подальше. Как только расстояние между ними увеличилось метров до ста, Остранитянин одним стремительным движением, с ловкостью, которой трудно было ожидать в таком неуклюжем теле, выпрыгнул из окна и бросился в противоположную от людей сторону.

В его руках что-то блестело, какая-то толстая серебристая труба с утолщением на одном конце и ремнем, прикрепленным к обоим ее концам. Олегу понадобилась ничтожная доля мгновения, чтобы узнать этот предмет.

— Интегратор! Так вот за чем он приходил... Как же я не догадался раньше, что у него здесь что-то спрятано... — Олег произнес эти слова уже на бегу, бросившись в погоню и вложив в свой бросок всю скорость Танна, избежавшего эпидемий и болезней Острана. Он бежал так, как никогда еще здесь не бегал, хорошо понимая, что от того, удастся ли ему догнать ночного гостя, почти наверняка зависит их жизнь. Какое-то мгновение он еще тешил себя надеждой на то, что Остранитянин не умеет обращаться с самым мощным земным оружием, которое держал в руках.

Но эти надежды улетучились, как дым, когда тот, кого он преследовал, неожиданно остановился, повернулся к нему навстречу и, положив трубу на плечо, медленно и старательно стал наводить ее тонкий конец на Олега.

Иногда в самые напряженные моменты жизни кажется, что время обретает звук. Звук смерти. Последние мгновения, оставшиеся до выстрела, свистели Олегу в лицо, грохотали под ногами. И он знал, что не успеет добежать, не успеет вцепиться в этот черный раструб, готовый выплюнуть ему в лицо испепеляющий сгусток плазмы.

Щелкнул спусковой механизм. Металлический щелчок отдался в голове Олега оглушительным грохотом. Однако он все еще бежал, мир вокруг него не раскололся, и прежде чем до его сознания дошло, что выстрела не произошло, его руки уже вцепились в конец трубы мертвой хваткой, отводя ствол в сторону.

Остранитянин легко выпустил оружие, но его руки тут же обвили вокруг Олега, с неожиданной силой прижимая его к себе. Захват был таким мощным, что Олег почувствовал, как хрустнули суставы у него в плечах и перед глазами поплыли темные круги боли.

Не выпуская интегратора, он изо всех сил ударил согнутым коленом в туловище Остранитянина. Захват ослабел совсем немного, но и этого оказалось достаточно, чтобы Олег сумел упереться обеими ногами в туловище своего противника и, используя всю свою нечеловеческую силу, окончательно разорвать захват.

Он упал, отброшенный собственным рывком на кучу мусора, а когда поднялся, Остранитянина уже и след простыл.

Все произошло настолько быстро, что Глен, сразу же бросившийся ему на помощь, только теперь оказался рядом.

— Ну и скорость у тебя... — проговорил он, задыхаясь и не отрывая взгляд от оружия, оставшегося в руках Олега. — Не понимаю, почему он не выстрелил...

— Может быть, осечка? Сейчас посмотрим... — Олег щелкнул механизмом, закрывавшим магазин и раскрыл широкую плоскую коробку, в которой должны были находиться энергетические капсулы. Коробка оказалась пустой.

— Разряжен...

— Зато теперь мы точно знаем, что здесь есть разбившиеся корабли. Это оружие могло попасть в его руки только с одного из Земных звездолетов. Там, где он его нашел, возможно, есть и заряды.

Они вернулись в дом и почти сразу обнаружили место, в котором хозяин прятал

оружие. Но в тайнике под полом не осталось ничего, кроме масляных тряпок.

— Откуда он знал, как им пользоваться?

— Он мог научиться этому одним-единственным способом — наблюдая, как это делали люди. И значит, кто-то из наших здесь все-таки уцелел. Он наверняка видел, как этим оружием пользовались.

— Даже если ты прав, человеку в этом месте долго не продержаться... В любом случае мы должны рассчитывать только на свои силы. Еще одно обстоятельство кажется мне чрезвычайно странным. Остранитянин мог дожидаться, когда мы уйдем. Он видел, что мы уходим, и тем не менее схватил оружие и попытался бежать у нас на глазах. Что, если он сделал это специально, чтобы привлечь наше внимание? Возможно, он даже знал, что оружие не заряжено. Зачем вообще он приходил?

— Ты любишь пофантазировать. Приходил он за своим сокровищем. Когда увидел, что мы оказались слишком близко от его тайника, нервы у него сдали. Причины его поступков с нашей точки зрения могут оказаться совершенно не логичными.

— Это стоит проверить.

— Каким образом?

— Если он хотел привлечь наше внимание, он не уйдет далеко и не станет прятаться. Нужно его поискать — слишком многое зависит от того, удастся ли нам наладить контакт с аборигенами. Сами мы не много найдем в этом хаосе. Да и вернуться отсюда без серьезной помощи будет сложно.

Следы обнаружили в нескольких метрах от дома. Цепочка знакомых круглых ямок змеилась между пластмассовых обломков. Она показалась Олегу гораздо четче тех, что встречались раньше. Вот только трудно было определить, в какую сторону они вели. От дома или, наоборот, к дому? Однако Глен сразу же развеял его сомнения на этот счет.

— В передней части ступня немного расширяется. Ты оказался прав. Следы слишком уж четкие. Он хотел, чтобы мы знали, в какую сторону он ушел.

Через некоторое время следы привели их на обширную круглую площадь, огражденную высокими завалами мусора со всех сторон. Единственный узкий извилистый проход, по которому они пришли, заканчивался на открытом пространстве площади. Площадь выглядела очищенной и даже подметенной. Если бы не груды мусора, охватывавшие ее со всех сторон, это место вполне могло бы сойти за цирковую арену.

— Не нравится мне здесь, — мрачно проговорил Глен, осматривая пустую площадь. — Идеальное место для засады, не лучше ли вернуться, пока не поздно?

Однако эта проблема решилась сама собой. Позади них раздался грохот обвала, и облако пыли возвестило о том, что единственный проход за их спиной перекрыт.

Через минуту одинаковые серые фигуры, до того скрывавшиеся в завалах, выдвинулись на открытое пространство площади и окружили их сплошным кольцом.

Аборигенов было человек двенадцать. Каждый из них сжимал в руках жалкое подобие копья с плохо обработанным наконечником. Впрочем, у двоих в руках было что-то весьма похожее на земные лазеры.

Но эти двое стояли слишком далеко, и Олег не мог в точности определить, что за оружие они направили в их сторону.

— Что вам нужно? Чего вы хотите?! — громко спросил Глен, не надеясь получить ответ. По тому, как медленно начал он пятиться назад, стараясь проникнуть в оставшуюся не заваленной узкую часть прохода, Олег понял, что его попытка заговорить всего лишь отвлекающий маневр.

Он по достоинству оценил тактический ход своего товарища — если план удастся, в проходе перед ними будет всего лишь один нападающий и появится некоторый шанс выбраться из ловушки, в которую они так глупо попали из-за его нелепой надежды найти друзей в этом кошмарном мире.

Прежде чем им удалось осуществить свое намерение, прямо за их спиной послышался грохот второго обвала. Теперь они стояли, упершись спинами в рухнувшую груду

пластиковых обломков, лицом к открытому пространству.

Один из аборигенов поднял руку и медленно двинулся к ним.

— Убери нож. В его руках нет оружия. Этот жест везде означает одно и то же — он хочет вступить с нами в переговоры.

— Хотел бы я знать, каким образом ему это удастся, — пробормотал Глен, однако вложил в ножны свой длинный тесак.

Позади группы, стоявшей у противоположного края арены, Олег заметил какое-то движение.

Бочкообразные фигуры Остранитян раздвинулись, и вперед вышел высокий бородатый человек, одетый в грязную, залатанную форму земного космолота. В первое мгновение Олег не поверил собственным глазам, но видение не исчезло, и восклицание, сорвавшееся у Глена, подтвердило, что перед ними отнюдь не призрак.

Неторопливой походкой, вразвалку человек пересек арену, все сорок метров, отделявшие его от Олега и Глена.

Пока он шел, никто из Остранитян не шелохнулся. Слышно было, как ветер катает по земле округлые обломки да хлопает у них за спиной листами пластика.

Олег смотрел на приближавшегося космонавта так, словно боялся, что с минуты на минуту тот может исчезнуть. У него было широкое лицо, заросшее бородой почти до самых глаз. Нестриженные волосы, завязанные сзади в пучок, спадали на плечи. Глаза смотрели холодно и чуть насмешливо, словно он наслаждался их растерянностью и всей этой ситуацией. Словно сам он не испытывал ни малейшей радости по поводу встречи с соотечественниками, словно земляне каждый Божий день появлялись в этом проклятом месте.

Лишь теперь Олег заметил, что он вооружен. На плече, заброшенный за спину на длинном ремне, болтался мощный лазер.

Подойдя вплотную, незнакомец четко отдал честь и представился:

— Джон Грин, второй звездный корпус, механик с «Дейнеба».

Олег не мог забыть захлопнувшуюся у них за спиной ловушку и, не сводя глаз с оружия на плече Грина, ответил:

— Особый разведотряд. Агенты Крамов и Стенько. Зачем ваши друзья закрыли за нами проход? Вы любите театральные эффекты?

— Здесь тоже идет своя маленькая война. Идемте, я вам кое-что покажу, агенты Крамов и Стенько.

Усмехнувшись, он повернулся к ним спиной и исчез в соседнем, не замеченном ими раньше проходе между лежащими на боку двумя огромными цилиндрами, напоминавшими обломки колонн какого-то древнего храма.

Олег и Глен последовали за ним и вскоре оказались перед узкой металлической лестницей, приставленной к стене, сложенной из обломков.

Стена выглядела достаточно прочной. Олег подумал о том, какую бездну труда и времени пришлось потратить, чтобы сложить эту стену из обломков разной формы и размера. Должна была быть очень серьезная причина для такой титанической работы. Очень скоро он убедился в собственной правоте.

Едва все трое оказались наверху, Джон заставил их пригнуться и, осторожно выглянув сквозь узкую щель наружу, поманил к себе.

Внизу перед ними открылась та часть долины, по которой они шли по следам Остранитянина. Вдали резко выделялись белые стены коттеджа, приютившего их на ночь, а внизу под самой стеной, у недавно образовавшегося завала, стояло шестеро совершенно одинаковых существ, похожих на средневековых лучников.

— Это Гласты. Шли по вашим следам. Они стреляют без промаха из своих самострелов. Мы едва успели преградить им путь.

— Кто они такие?

— Куклы, роботы — называйте как хотите, у них нет собственного разума, ими

управляют извне. Но стреляют они отменно. Так что вам сегодня повезло. Если бы не Крипе, это утро стало бы для вас последним.

— Крипе — это Остранитянин, приходивший за своим стайером?

— Стакер спрятал там я, и я научил его, как привлечь ваше внимание.

— Вы знаете их язык, умеете с ними общаться?

— Я живу здесь третий год, из всей команды «Дейнеба» мне одному удалось выжить.

За три года многому можно научиться.

— И вы не пытались выбраться отсюда?

— Конечно, пытался. Но одному мне это оказалось не под силу. От «Дейнеба» остались одни обломки. К тому же здесь идет постоянная война, Гласты стараются уничтожить тех, кому я обязан жизнью и сейчас помогаю. После падения корабля они вытащили меня из-под горящих обломков, выходили, сумели раздобыть подходящую пищу... Так что я особенно не раздумывал, на чьей стороне воевать, когда на нас напали Гласты.

— Вы догадываетесь, в чем причина войны, почему напали Гласты?

— Здесь почти все существа подчиняются единому богу этой планеты. И он существует на самом деле, я в этом убедился. Ну а те, кто пытается жить своим умом, очень скоро уничтожаются. Возможно, чтобы другим было неповадно, а может быть, их богу просто нравится воевать.

— Что он собой представляет, здешний бог, почему вы так уверены в его реальном существовании?

— Ну если вы не верите в существование бога, то вам придется поверить в дьявола. Ведь кто-то же производит эти кошмарные существа, смыслом жизни которых являются убийства. Вон они стоят сейчас внизу, под нами. Они могут ждать сутки или месяцы Им все равно, они не испытывают ни боли, ни жалости. Они могут принимать разные обличья. Иногда это рыцари в золотых доспехах, иногда черные медузы или даже живые космические корабли. Но у всех у них один хозяин и одна цель: убивать. Снова и снова убивать всех, кто отличается от них, кто смеет мыслить самостоятельно, у кого есть собственная воля и собственная цель в жизни...

Джон говорил, не скрывая боли и гнева, чувствовалось, что он лишь сейчас получил возможность излить накопившиеся за долгие годы горечь и разочарование.

— Зачем вы-то здесь очутились? Что ищете? Никогда бы не подумал, что могут найтись люди, добровольно спустившиеся в это пекло. Вы собираетесь возвращаться?

— Сразу же, как только узнаем, кто ведет отсюда войну против Земной Федерации. Вы что-то сказали о живых кораблях, я не ослышался?

— Они выползают из лавового озера, в центре этого каньона есть озеро расплавленной магмы.

— Выползают?

— Точно. Как медузы, как эти твари, что ждут вас внизу. Сначала все они беспомощны и, едва выбравшись на берег, часами лежат неподвижно, пока не остынут и не наберутся сил. Что, трудно поверить? Это надо видеть собственными глазами. Если вы поможете мне выбраться отсюда, я покажу вам дорогу к лавовому озеру.

— А как же ваши подопечные? Они позволят вам уйти? Мне показалось, вы руководите здесь всей местной обороной.

— Так оно и есть. Это я научил их делать оружие, строить западни и укрытия, научил выживать в этом смертоносном мире. Без меня они бы давно погибли, так же, как и я не мог бы здесь выжить без их помощи. Но теперь, пожалуй, мы квиты, я вернул свой должок и хотел бы снова очутиться дома... Надо прожить здесь три года, чтобы по-настоящему ощутить вкус этого слова «дом»... А вы действительно знаете, как отсюда выбраться? У вас есть план, вы уверены, что сможете пробиться через заслоны из монстров?

— Для этого нам понадобится земное оружие. Твой лазер заряжен?

Джон горестно покачал головой:

— Батарея не держит заряд больше года. Даже если ею не пользоваться, она все равно

выйдет из строя. Я пытался собрать простенький генератор из уцелевших обломков, но у меня ничего не вышло.

— Неужели все корабли так сильно разрушены? Здесь ведь упал не один «Дейнеб».

— Наверное, это так и есть. Но только попробуйте высунуть нос из укрытия, и вас сотрут в порошок. Чем ближе к центру каньона, тем больше монстров. Ночью еще можно передвигаться, а днем здесь и шагу не ступишь. Так что искать корабли я не мог, все силы уходили на то, чтобы выжить.

Мрачная картина раскинувшегося внизу пейзажа и неподвижные фигуры лучников, застывшие, как изваяния, лишний раз подтверждали правоту Джона.

— Вообще-то, я думаю, вы забрались слишком далеко. Отсюда почти невозможно выбраться, никакое оружие не поможет, а вы собираетесь идти еще дальше... Но мне уже все равно, я присоединюсь к вам, чем бы это ни кончилось.

Один из аборигенов поднялся по лестнице и, остановившись напротив Джона, едва слышно свистнул. Казалось, звук был слишком коротким, чтобы содержать в себе какую-то информацию, но Джон нахмурился и издал в ответ странный, почти не слышимый для человеческого уха свист.

— Грает говорит, отряд безликих атакует нас с севера. Там нужна моя помощь. Пойдемте, вам стоит на это посмотреть, по крайней мере, вы получите представление о том, что вас ждет, если не передумаете идти к центру каньона.

— Ну у нас здесь впечатлений было больше чем достаточно.

— Обстановка меняется с каждым километром, чем ближе к центру каньона, тем все более странные вещи происходят в этом чертовом мире.

— Он нарисовал жутковатую картину, — сказал Глен, когда они ненадолго остались одни.

— Да. Не забывай только, что это его собственные, субъективные выводы. Никто из нас не может быть полностью объективным. Только сопоставляя мнения многих людей, можно приблизиться к истине. И это тем вернее, чем сложнее задача.

— Ты хочешь сказать, что Джон недостаточно узнал место, в котором живет третий год?

— Вряд ли он сумел правильно оценить факты, с которыми здесь столкнулся. Разбился его корабль. Погибла команда, все его товарищи. Сам он очутился здесь против собственной воли — уже одно это обстоятельство способно сильно повлиять на его оценку очень сложного и противоречивого мира Острана.

Закончив разговор с Трастом, Джон начал стремительно спускаться по лестнице, они за ним едва успевали. Если он и не достаточно правильно разобрался в обстановке, то чувствовал себя здесь достаточно уверенно.

После того как вся группа пересекла открытое пространство площади, они попали в новый лабиринт узких проходов. Отвесные стены несли на себе явные следы высокотемпературной сварки.

— Вы научились обрабатывать пластмассу?

— Пришлось для этого приспособить кислородные баллоны, найденные мною на «Дейнебе». Примитивно, но сварочный аппарат получился неплохой.

— Как вам удастся общаться с Остранителями? Мне показалось, что их язык не содержит членораздельных звуков.

— Честно говоря, я и сам этого не знаю. Когда меня подобрали после аварии, я несколько дней был без сознания, а когда очнулся, стал понимать их язык. Он строится на основе не свойственной людям телепатии, звуковые сигналы служат лишь для стимуляции этого процесса. Во всяком случае, информации их речь содержит ничуть не меньше, чем наша.

Извилистый проход кончился, и они вышли к полуразрушенной крепостной стене.

— У вас довольно солидные укрепления... — пробормотал Глен, с интересом рассматривая стену.

— Это не наше. Здесь можно найти все, что угодно. Мы воспользовались готовой конструкцией и лишь укрепили ее.

Наверх вела широкая лестница, казавшаяся слишком легкой, но Олег уже усвоил, что местная пластмасса, из которой здесь было отлито почти все, что их окружало, по прочности не уступала стали.

Наверху массивная стена, защищенная причудливыми зубцами с бойницами, представляла собой полосу двухметровой ширины, огибавшую центральную площадь. За ней, снаружи, насколько хватало взгляда, тянулось открытое пространство, заполненное странным воинством.

Вначале Олегу показалось, что оно мало чем отличается от тех лучников, что преследовали их по дороге сюда. Разве что эти вооружены были короткими копьями, а идущие впереди командиры держали в руках блестящие на солнце мечи. Но очень скоро он понял, что есть и более существенные отличия.

Воины двигались медленно, слепо, размеренно повторяя одни и те же простые движения. Приподнять одну ногу, перенести ее вперед, сделать следующий шаг. Синхронность мельчайших движений сотен этих существ производила жуткое, почти гипнотическое впечатление.

Вокруг наступающих цепей поднимались клубы пыли. Казалось, войску нет конца. Оборонявшихся выручало лишь то, что армия противника не проявляла никакой инициативы. У него не было ни осадных орудий, ни таранов, ни лестниц.

Достигнув неприступной стены, отряды пехоты останавливались и начинали бессмысленно ковырять ее своими короткими пиками.

Джона позвали на внешнее кольцо стены, где человек сто аборигенов успешно отражали все атаки с помощью самодельных огнеметов и какой-то горючей жидкости, продолжавшей гореть, даже когда ее выливали из котлов вниз.

Едва пламя касалось нападавших, как они вспыхивали, словно сухое дерево.

Но даже загоревшись, солдаты противника пытались пробить стену с помощью своих коротких копий. И продолжали свое бессмысленное занятие до тех пор, пока огонь не превращал их в бесформенную, горящую ярким белым огнем массу.

Лишь густой смрад, поднимавшийся снизу, да изредка долетавшие из тыловых шеренг противника стрелы представляли для оборонявшихся какую-то проблему.

Воспользовавшись тем, что они остались одни, Олег, не желавший без особой нужды показывать посторонним, что у него осталась часть земного снаряжения, достал оптический умножитель и, затаив дыхание, целую минуту молча разглядывал отряды атакующих.

Мелкие детали, которые он увидел, поразили его еще больше, чем общая картина осады.

У нападавших не было одежды. Вернее, она была, но составляла общую серую массу с телом и практически не отличалась от открытых частей тела. Это производило такое странное впечатление, что Олег не сразу заметил самую главную, еще более чудовищную черту нападавших.

— Ну что ты там видишь? — Глен, наконец, потерял терпение.

— У них нет лиц! Вообще никаких лиц, только плоские блины на их месте. Нет ни носа, ни глаз. Не понимаю, как они ориентируются в пространстве...

— Даже если у них нет зрения — они идут в нужном направлении. Кто-то руководит их движением.

— Несомненно. Они всего лишь солдатики. Безликие оловянные солдатики. Они идут туда, куда их ведет хозяин или, скорее, партнер...

— Партнер? Какой партнер?

— Партнер по игре, Глен. Партнер по игре...

— Разве то, что мы видим, игра? Ты хочешь сказать, что все, что нас здесь окружает, все эти нападения монстров, все это — игра? Мы участвуем в игре?! Это ты хочешь сказать? — Глен почти кричал. И Олег хорошо понимал его состояние, он только что

пережил его сам, сделав свое открытие, но теперь совершенно неожиданно успокоился, словно то, что увидел, лишний раз подтвердило начавшую складываться в его голове общую картину сумасшедшей логики этого мира.

— Мы, может быть, и не играем. Для нас это слишком серьезно. У нас одна-единственная жизнь. Но тот, кто играет с нами искусственными куклами, видимо, не знает, что такое смерть. За него умирают другие. Для него это всего лишь игра, возможно, даже космическая война с Земной Федерацией для него тоже игра...

— Ты считаешь, что все космические корабли, все нападения на наши колонии, тысячи погибших — это дело рук одного-единственного существа, играющего с нами?

— Мне начинает казаться, что это именно так. Никто никогда не видел ни одного из тех существ, с которыми мы воюем. Мы придумали для них имя, но никто не видел Рутянина — ни живого, ни мертвого. Никто не брал в плен их корабли, возникающие неизвестно откуда на пустынной планете. Космические сражения, после которых не бывает победителей, да и плодами победы никто не пользуется — все это весьма смахивает на игру, как и все на Острани.

— Кто же он такой, играющий нашими судьбами, Дьявол?

— А может быть, Бог? Откуда мне знать? Случается, что и Архангелы становятся Демонами. Зло и добродетель зачастую похожи друг на друга. Некоторые философы утверждают, что и зло и добро иллюзорны, как и все в этом мире. Игра нашего воображения, не более того.

— А страдания, боль сотен людей, их гибель — тоже иллюзии?

— Для него, быть может, это именно так.

— Хотел бы я с ним встретиться...

— Для этого мы и спустились в этот ад. Но мне начинает казаться, что даже если произойдет подобная встреча, нам никогда не понять друг друга — у него иная логика. Да и возможности слишком несоизмеримы. Ты бы стал беседовать с докучающим тебе комаром?

Глава 33

Бой окончился к вечеру так же бессмысленно и безрезультатно, как и начался. Утром, кроме нескольких бесформенных обломков, валявшихся под стеной, ничто уже не напоминало о вчерашнем сражении.

— Теперь пару дней они сюда не сунутся. Если вы собираетесь идти дальше, времени терять не стоит.

Джон освободился от своих обязанностей главнокомандующего армией аборигенов, похожих на перевернутые ведра и теперь деловито снующих по всей площади на своих гибких, не знающих усталости ногах.

Сейчас у него появилось много свободного времени. Олег заметил, что Пандорцы (так Джон называл аборигенов) полностью игнорируют его во всем, что не связано непосредственно с военным делом.

— Вы твердо решили идти с нами? Здесь у вас все-таки безопаснее...

— Даже ради одной только надежды вернуться домой я готов рискнуть своей жизнью. Но мне хотелось бы знать, что вы собираетесь делать, когда попадете в центр каньона. В кратере нет ничего, кроме лавового озера и ядовитых испарений. Без специального снаряжения человек там не протянет больше суток.

— Вы были у озера?

— Нет, конечно. Этой информацией поделились со мной Пандорцы.

— Вся наша информация получена с чужих слов, нет ни одного очевидца, который бы за все долгие годы войны сумел побывать в центре каньона.

— Люди там бывали, вот только никто из них не сумел вернуться обратно.

— Это не меняет сути дела — мы почти ничего не знаем об этом месте, а ведь там, несомненно, скрывается что-то важное — может быть, самое важное на всей этой планете, да

и не только на ней. Ради этого стоит туда проникнуть.

— Наверное, вы правы. Но война научила меня не верить в героев. Почти все они придуманы отделом пропаганды.

— Если вы имеете в виду меня, то о героизме тут нет и речи, я удовлетворяю собственное любопытство. Очень мне любопытно, почему пятый год с этой проклятой планеты поднимаются военные корабли. Почему после каждого сражения домой не возвращаются тысячи наших солдат? Кто стоит за всем этим? И когда прекратится этот кошмар? Когда люди снова смогут жить спокойно? Да разве только люди? А ваши Пандорцы, все другие существа, живущие на Острани? Рано или поздно федеральный флот ответит на постоянные удары, идущие с Острана. Если у него не будет конкретной цели, флот обработает нейтронными бомбами всю планету.

— Рано или поздно? Вы не знаете о том, что назначен конкретный срок для ковровых бомбардировок?

— Срок? Какой срок?

— Через двадцать дней, если не считать сегодняшнего числа.

— Но это же за пять дней до числа, определенного адмиралом для моего возвращения... Откуда у вас такие данные? Если не ошибаюсь, вы находитесь на Острани довольно давно?

— Трудно поверить? Я тоже не сразу поверил в то, что федералы готовы уничтожить собственную колонию. Но у меня есть приемник, снятый с «Дейнеба». Это специальный приемник, настроенный на волну, по которой связываются между собой военные корабли федерального флота. В нем есть блок дешифратора для секретных сообщений.

Здесь много свободного времени — я слушаю почти все их переговоры, записываю на информационный кристалл, когда занят, и потом прослушиваю, анализирую, отбираю наиболее существенную информацию. Можете не сомневаться, армагеддон они здесь устроят именно через двадцать дней. Я почти ничем не рискую, отправляясь с вами.

Олег поверил ему сразу, потому что внутри него беспрерывно стучал метроном, с той самой минуты, как он ступил на землю Острана. Потому что за гранями кристалла, на временной развилке, которую он выбрал в своем видении, где-то далеко все же полыхало пламя... Потому что он знал, в любую секунду Корсинский может предать его, бросить на произвол судьбы, если решит, что так выгодней для его собственной большой игры в государственную политику.

Олег понимал: высокопарные речи о том, что корпус никогда не оставляет своих людей на произвол судьбы — не более чем пустые слова, предназначенные для простачков, отправляемых на задания, с которых не возвращаются...

— Выходит, нам придется спешить... Если мы обнаружим конкретную цель, это может изменить планы Корсинского, но даже если мы ее не найдем, перед тем как здесь начнут падать нейтронные бомбы, неплохо было бы узнать, отчего это произошло.

Больше они не возвращались к этой теме, но Олег заметил, что отношение Джона к нему несколько изменилось. Исчезла постоянная настороженность, а ядовитая усмешка, с трудом пробивавшаяся сквозь густые заросли на его лице, стала появляться все реже.

На следующий день, захватив с собой свежие запасы продовольствия и воды, они покинули укрепление Пандорцев. Их маленький отряд увеличился на одного человека и одного Пандорца. Совет старейшин разрешил Криксу — так звали их старого знакомого, приходившего за спрятанным интегратором, сопровождать их до самого озера. Лучшего помощника им трудно было найти, он нес на себе без всяких признаков усталости большую половину всех грузов, да к тому же не нуждался ни в воде, ни в пище.

Олег подозревал, что решение совета не бескорыстно. Совет старейшин надеялся получить через Крикса бесценную информацию о глубоких тылах своих врагов и о способах применения земного оружия.

Именно оружие и стало главной целью их похода. Джон повел отряд прямо к тому месту, где упал «Дейнеб». Уже через несколько часов они увидели его ржавый корпус, весь

покрытый пробойнами.

Корабль наискось торчал из кучи спрессованного вулканического пепла, окруженный валом породы, выброшенной тепловым взрывом.

— Здорово вас угораздило... — пробормотал Олег, разглядывая корабль, до которого оставалось несколько сотен метров. — Как же ты уцелел после такой посадки?

Впервые у него сорвалось дружеское «ты» при обращении к Джону, и он удивился, как долго тот сумел поддерживать прохладное, почти официальное отношение к себе своих спутников, за исключением разве что Крипса, не отходившего от него ни на шаг.

Джон ответил не сразу, было видно, какие нелегкие воспоминания нахлынули на него при виде останков «Дейнеба».

— Мне просто повезло. Корабль уже падал, но капитан все еще надеялся вырвать его из тисков гравитации, выбраться хотя бы на орбиту спутника. В этот ответственный момент что-то случилось с подающим топливо энерговодом, и меня послали в кормовой отсек выяснить причину отказа.

Еще до нашего падения, до того как мы вошли в атмосферу, в корму попали несколько осколков от рутянских ракет. Там все было искорежено, мне пришлось надеть скафандр, и когда я добрался до нужного места, стены уже начали нагреваться от трения. Мы вошли в атмосферу... Собственно, я не один уцелел, были еще двое.

— Где же они?

— Погибли позже. Эта планета — жестокое место.

Джон замолчал, и Олег понял — сейчас его лучше всего оставить в покое. Слишком хорошо ему было знакомо чувство неоправданной вины, которое испытывает тот, кто оставил своих товарищей лежать там, где уцелел лишь он один.

С момента, когда они покинули укрепление Пандорцев, Олега не оставляло ощущение, что они перешли рубеж, из-за которого нет возврата. Обломки, холмы мусора, детали неоконченных строительных конструкций — все это хоть и производило мрачное впечатление, все же было следами какой-то деятельности.

Сейчас их окружал абсолютно мертвый пейзаж. Серые холмы вулканического пепла не несли на себе ни малейшего следа растительности. Застывшие потоки лавы свидетельствовали о недавних извержениях. Умом Олег понимал, что только так и может выглядеть кратер гигантского вулкана, но взгляд невольно искал посреди серых и черных тонов хотя бы небольшое зеленое пятнышко. Не было ничего, кроме мертвого остова сгоревшего корабля, к которому они теперь приблизились вплотную.

Его корпус, изуродованный многочисленными вмятинами и пробойнами, все еще производил грозное впечатление, хотя добрый десяток метров носовой части находился под землей.

— Хорошая броня, если она смогла выдержать такой удар, — с уважением проговорил Олег. — Странно, что кто-то уцелел. Носовые шлюзы, насколько я понимаю, находятся под землей. Как же ты из него выбрался?

— Вон та пробойна, метрах в десяти над нами, сквозная. Когда-то из нее висел трос. Я оставил его, надеясь в будущем вернуться сюда. Но, видимо, за это время трос кому-то понадобился. Здесь раньше было полно черных медуз и крабсов. Хотя сейчас все пусто. Такая миграция бывает только перед очередным извержением.

— И как это выглядит? — с вполне понятным интересом спросил Глен.

— Извержение? Да как обычно. Сильные землетрясения, всю поверхность вокруг заливают раскаленной лавой, и еще непрерывная бомбардировка раскаленными вулканическими бомбами или, если хотите, яйцами.

— Почему яйцами? — не понял Олег.

— Из раскаленных базальтовых обломков через какое-то время вылупляются черные медузы. Видимо, высокая температура идет им только на пользу. Этих тварей вообще почти ничего не берет.

После сообщения Джона они почувствовали себя неуютно на открытой местности.

Осмотрев корпус «Дейнеба» со всех сторон, они не нашли более подходящего пути внутрь, чем та пробоина, из которой спустился Джон.

В конце концов Олег достал свою легкую складную кошку и, привязав к ней трос, забросил в отверстие.

Через несколько минут, переправив весь груз наверх, они уже стояли внутри корабля.

Наклонный пол межпалубного коридора так круто уходил вниз, что люди с трудом удерживались на ногах, пришлось сооружать веревочные крепления, чтобы спуститься в находящиеся в носовой части грузовые отсеки. Пожалуй, только Крипе чувствовал себя уверенно на скользком наклонном полу.

Очутившись на корабле, Олег сразу же начал осуществлять план, возникший еще в тот день, когда в руках у него оказался станер. С тех пор он не расставался с этим мощным энергетическим оружием, несмотря на изрядный вес и полную бесполезность из-за отсутствия зарядов.

Олег знал, что на крейсерах среднего класса, к которому принадлежал «Дейнеб», есть специальный арсенальный отсек, где хранится оружие ближнего боя, использовавшееся лишь во время редких высадок на планеты.

Его местонахождение, да и само существование этого отсека, держалось от команды в тайне, из соображений безопасности — федеральное командование не слишком доверяло своим солдатам. На кораблях, уходивших в дальние рейсы и находившихся в полете помногу месяцев, а иногда и лет, довольно часто вспыхивали бунты.

Джон скорее всего не знал, есть ли на «Дейнебе» такой отсек. И Олег своими вопросами не собирался без надобности открывать эту часть информации, известной ему благодаря службе в корпусе разведки.

Весь его жизненный опыт предостерегал от излишнего доверия малознакомым людям. Он хорошо усвоил одно простое правило — в сложной ситуации преимущество всегда на стороне того, кто больше знает.

Джон сказал, что существует возможность восстановить один из генераторов корабля, но времени на такой сложный ремонт может не хватить. До бомбардировки оставалось всего девятнадцать дней... Олег решил проникнуть в арсенальный отсек «Дейнеба» и постараться отыскать энергетические капсулы к станеру. Для этих устройств не требовалось никакой зарядки. Сгусток плазмы, заключенной в оболочке мощного магнитного поля, мог существовать в таком законсервированном виде неограниченно долгое время. Задача осложнялась тем, что он твердо решил не посвящать в эту часть своего плана Джона.

Многое в этом человеке казалось ему подозрительным, а иногда просто необъяснимым. Он не понимал, каким образом Джон, один из всей команды, сумел выжить во враждебном, полном опасностей мире дьявольского каньона. Еще более странной выглядела его дружба с Пандорцами. И его фантастическая способность изъясняться на их языке, совершенно недоступном обычному человеку.

Спуск в грузовые отсеки оказался сложнее, чем они предполагали. Пришлось преодолевать многочисленные завалы, образовавшиеся из искореженных перегородок и лопнувших креплений стрингеров.

Картину полного разрушения дополняли следы давнего пожара. Впрочем, на «Дейнебе» и так все выглядело слишком старым и совершенно безжизненным. Мертвые корабли вообще производят удручающее впечатление.

Наконец, преодолев последнюю заклинившую дверь, они очутились под нижней носовой палубой, где начинались грузовые отсеки. Помещений было много, и Олег предложил разделиться для их осмотра. Так у него появилась возможность одному продолжать поиски. Арсенальный отсек находился недалеко — ему предстояло спуститься еще на один ярус палуб и затем пройти к носу корабля около двадцати метров.

Его фотографическая память помогала правильно выбирать направление, хотя схему крейсера класса «Дейнеба» с помеченным местоположением арсенального отсека он видел на инструктаже перед высадкой всего один раз.

Через какое-то время Олегу слышался звук шагов за спиной. Когда он останавливался, звук пропадал, с удивительным постоянством возникая сразу же, как только он начинал двигаться. Это могло быть эхо или какой-то психологический феномен, возникший от того, что он слишком старательно прислушивался к посторонним звукам, но могло быть и нечто вполне реальное...

В который раз он пожалел о том, что лишился своего телепатического дара, позволявшего ему ощущать близкое присутствие чужого сознания.

С причиной звуков следовало разобраться, прежде чем идти дальше. Олег передвинул висевший на поясе топор, чтобы в нужный момент легко можно было схватить его рукоятку, и, выбрав удобную позицию, остановился, упершись спиной в дверцу какого-то шкафа. Он знал, что может неподвижно простоять в этой позе, если понадобится, несколько часов, и не собирался идти дальше до тех пор, пока его преследователь не выдаст себя или пока он полностью не убедится в том, что звук — всего лишь игра его воображения.

Прошло полчаса, Олег умел определять время, даже не взглянув на часы. В полной тишине его слух обострился настолько, что он стал различать шаги людей в грузовых отсеках, доносившиеся сверху через несколько металлических переборок. Он попытался их сосчитать, чтобы определить, все ли его спутники остались наверху, но из этого ничего не вышло.

Наконец его терпение было вознаграждено, и преследователь первым обнаружил себя. Он двинулся напролом, больше не таясь.

Через пару минут после того как Олег услышал за поворотом коридора стук башмаков по железному полу, в узком проеме овальной двери появилась фигура Джона.

Они увидели друг друга практически одновременно и не схватились за оружие лишь потому, что оба испытывали неловкость от сложившейся ситуации и еще не решили, как поступить.

— Что ты здесь ищешь, на моем корабле?

— На твоём? Он такой же твой, как и мой.

— Я провел на нем многие годы. На нем сражались и погибли мои товарищи. По корабельному кодексу последний из живых членов экипажа становится капитаном. Так что ты делаешь на моем корабле?

В голосе Джона слышалось странное возбуждение и даже совершенно неоправданная ярость, словно Олег забрался в его собственную квартиру. Психика у него явно была не в порядке. С человеком, несколько лет прожившим в адских условиях каньона, следовало вести себя осторожно, и потому Олег примирительно сказал, следя за тем, чтобы в его голосе не проскользнула ирония:

— Простите, капитан, я всего лишь искал оружие для нашей экспедиции.

— Почему ты решил, что оружие должно находиться в этой части корабля? Похоже, ты знаешь об арсенальном отсеке. Я должен был догадаться. Ищейки из разведкорпуса всегда знают, где лежат лакомые кусочки.

— Послушай, Джон, чего ты, собственно, хочешь? Мы пришли сюда именно за оружием, ты сам привел нас сюда.

Произнося все эти фразы, Олег ни на секунду не выпускал из виду руку Джона, сжимавшую рукоятку широкого и длинного тесака. Он пока не предполагал, чем закончится этот разговор, и на всякий случай готовился к самому худшему.

— В этом ты прав. Но я не думал, что кто-то из вас в тайне от остальных станет рыскать по кораблю.

Казалось, Джон специально распалял себя и лишь искал повод, чтобы переступить последнюю черту.

— Неужели тебе мало тех, чьи кости здесь сгнили? Ты хочешь увеличить количество наших могил на Острани? Или ты забыл, что твой корабль упал на вражеской территории и сейчас мы находимся в глубоком тылу у тех, кто посылает на Землю свои эскадры? Поверь мне, Джон, все обстоит именно так!

Он старался вложить в свои слова максимум убежденности, на которую был способен. Олег не обладал особым красноречием, но ему во что бы то ни стало хотелось избежать конфликта. Его последние слова подействовали на Джона. Рука механика оставила в покое рукоятку оружия.

— Ты ведь хотел вернуться домой, Джон. Так давай помогай. Я знаю, долгие годы на Острове тебя окружали враги, но сейчас это не так.

Губы Джона дрогнули, на лице появилась знакомая ироническая усмешка.

— Так что именно ты собирался найти в арсенальном отсеке? — По напряжению, возникшему в его голосе, Олег понял, что ответ на этот вопрос будет иметь для Джона решающее значение, и потому сказал правду:

— Я хотел найти энергетические капсулы для станера.

— Значит, ты знал, что его нельзя зарядить от генератора?

— Я думал, что ты этого не знаешь.

Джон усмехнулся. Напряжение исчезло. Дальше они пошли вместе и через пару часов, разобрав несколько завалов, оказались внутри арсенального отсека.

Глава 34

На «Дейнебе» даже через три года после катастрофы не выветрился запах смерти. Высохшие человеческие кости, беспорядочно перемешанные и разбросанные в коридорах, говорили о страшной силе удара и о том, что Джону не удалось похоронить всех своих товарищей. Ключья полуистлевшей одежды, груды старинных книг, валявшихся посреди коридора... Все эти детали, сопровождаемые запахом ржавого металла, преследовали их еще долго после того, как они проникли в загерметизированный арсенальный отсек.

Эта часть корабля сохранилась несколько лучше других, но и здесь царил хаос. Инерция удара разрушила полки, превратила в мелкие обломки упаковочные ящики и коробки. Вся эта масса подалась вперед, обрушилась на носовую переборку и теперь представляла собой подобие некоей почвы у них под ногами.

Отыскать здесь что-либо стоящее без специальных механизмов оказалось совершенно нереальной задачей. Часа два они пытались проводить раскопки в груды мертвого металла и пластика, пока наконец Олег не признал полную безнадежность этого предприятия.

Перед тем как возвратиться на верхние палубы, они устроили небольшую передышку. Оба чувствовали себя совершенно измотанными и разочарованными.

— А ведь здесь наверняка есть оружие, и немало. Нам просто не повезло, весь хлам оказался сверху.

— Несколько месяцев не хватит, чтобы до него добраться. Времени у нас нет.

Словно подтверждая слова Олега, глухой удар подземного толчка встряхнул корабль, с переборки посыпалась сухая рыжая пыль, корпус застонал и заскрипел всеми своими перебитыми сочленениями.

— Сейсмическая активность постепенно возрастает, не зря отсюда убрались все твари.

— Кстати о тварях... Тебе не приходилось видеть среди здешних монстров огромных летающих скатов? Наверху их почему-то называют котами. — Наконец Олег нашел подходящий момент задать Джону вопрос, который мучил его с первого момента встречи.

— Они иногда пролетают над нами. Внешне похожи на гигантских черных змеев с тонким хвостом — если ты имеешь в виду именно этих тварей. Почему они тебя интересуют?

— Один из них унес женщину, с которой я был близок.

— Женщину? Разве здесь есть женщины?

И Олег рассказал Джону все, что знал о хранилищах, и о том, как он вырастил себе существо, превратившееся в близкого ему человека, утрата которого до сих пор отдавалась в нем глухой тоской.

Звучало все это, наверно, достаточно странно, но, начав рассказывать, он уже не мог

остановиться. Потребность поделиться с кем-нибудь своим горем оказалась сильнее его природной сдержанности, и то обстоятельство, что он мало знал Джона, лишь помогло ему быть до конца откровенным.

Внимательно выслушав его, Джон надолго задумался.

— Я слышал одну историю от Пандорцев, возможно, она имеет отношение к тому, что ты рассказал. На противоположной стороне каньона, там, где начинаются горные хребты, опоясавшие его сплошным кольцом, есть одно место. Совершенно неприступные скалы образовали некое подобие башни, Пандорцы называют ее башней Летающей Смерти. Это необычное название скала получила из-за того, что на ее вершине гнездятся монстры, которых ты называешь Летающими Котами, Среди них есть один экземпляр, почти вдвое превосходящий своими размерами обычного кота. Так вот Пандорцы рассказывали, что примерно месяц назад во время сезонного перелета этот кот нес с собой нечто, напоминавшее своими очертаниями человеческое тело.

Как правило, коты расправляются со своими жертвами на месте и никогда ничего не переносят, этот случай показался им настолько странным, что о нем доложили старейшинам племени, а от них эта история дошла до меня.

Теперь Олег надолго задумался.

— Далеко до этого утеса?

— Километров триста. Скала находится на противоположном краю каньона. Пешком туда не добраться.

— Я хотел бы попробовать... А вы постараетесь вернуться той дорогой, которой мы сюда пришли. Вместе мы пойдем только до озера.

Джон долго ничего не говорил, разглядывая Олега так внимательно, ровно только что открыл в нем для себя нечто новое и чрезвычайно интересное.

— Вообще-то я это берег для себя на крайний случай, но, видимо, придется тебе показать.

— О чем ты?

— Увидишь. Пойдем, пока не передумал.

Он решительно поднялся и двинулся к выбитой двери. Олег едва за ним поспевал. Они миновали два яруса палуб и прошли почти через весь корабль в хвостовой отсек. Джон то и дело менял направление, безошибочно выбирая путь в лабиринте разбитых коридоров и развороченных переборок. Олег сразу же заметил, что этой дорогой пользовались довольно часто: кто-то расчистил самые крупные завалы, мешающие движению, снял лишние двери, а в одном месте даже прорубил стену.

Человек, проложивший нелегкий путь через весь этот хаос, сделал это не зря, и Олег чувствовал, как его интерес возрастает с каждым поворотом.

Наконец Джон остановился перед последней огромной дверью, ведущей в один из грузовых отсеков. На стальных петлях висел древний, кое-как прилаженный замок, невольно вызвавший у Олега улыбку. Но Джон относился к каждому своему действию с подчеркнутой серьезностью, словно совершал некий ритуал.

Он медленно достал висевший на его шее ключ и открыл сначала висячий замок, а затем стал набирать цифровой код на внутренней панели двери, встав так, чтобы Олег не увидел комбинации цифр.

Все это было уже не смешно. Олег подумал, что здесь не может быть ничего, кроме очередной фантазии человека, у которого слегка поехала крыша. Никто не смог бы остаться полностью нормальным, оказавшись на его месте, и Олег стал думать над тем, какими словами он должен будет выразить свой восторг по поводу какого-нибудь никчемного куска железа.

Но вот дверь, завизжав, наконец уехала внутрь стены, открыв блестящие от свежей смазки рельсы, исчезающие в темном жерле отсека. Слабый свет фонаря терялся в этом огромном помещении, и Джон, чиркнув зажигалкой, запалил какую-то световую шашку, не пожалев для этого своих драгоценных припасов. Картина, которую затем увидел Олег,

стоила всех этих долгих священнодействий.

На широкой платформе грузового пандуса стоял планетарный танк высшей защиты. Его даже не сорвало с грузовой платформы, вместе с которой он был прикреплен к бортовым стрингерам толстенными скобами из титановой стали.

— Что это? — не поверил своим глазам Олег. — Ведь на кораблях класса «Дейнеба»...

— Не бывает танков высшей защиты, — закончил за него Джон. — Именно из-за него я и оказался здесь. Чтобы доставить его на Остран, корабль специально переоборудовали. Это была очередная неудачная попытка разведки Острана с помощью техники. Но, возможно, и не такая уж неудачная, если мы сумеем запустить его реактор.

— Так вот зачем тебе был нужен генератор... Он сильно поврежден?

— Внутри все цело. Он рассчитан на большие нагрузки. Но перед стартом из соображений безопасности реактор был заглушен, и теперь, чтобы запустить его, понадобится энергия.

— Сколько?

— Не меньше десяти мегаватт.

— Ты с ума сошел! Откуда мы возьмем такую мощность?

— Придется запустить главный генератор «Дейнеба».

— Но в машинном отсеке сплошная каша, мы же там были!

— Как ты думаешь, чем я здесь занимался все эти годы?

— Нет, ты все-таки сумасшедший...

— Хорошо, что ты наконец выразил свои мысли вслух. Я давно понял, что ты считаешь меня психом.

— Нет, Джон. Я хорошо понимаю, чего тебе стоило доверить мне свою мечту и единственную надежду. Но ты принял правильное решение, вместе мы скорее справимся с этой сложной проблемой, даже если на первый взгляд она кажется неразрешимой, тебе не придется больше работать одному.

— Но я работал не один. Мне помогали Пандорцы.

— Почему они это делали?

— Я был для них чем-то вроде божества — человеком, упавшим с неба. Знаешь, как они нас называют? «Те, которым подчиняются молнии».

— Похоже, твой последний бой здесь произвел на них глубокое впечатление.

— Да. И они до сих пор не могут понять, почему я больше никогда не использовал молний против наших общих врагов. Я не сумел им объяснить, что такое разрядившаяся батарея бластера. Мне иногда кажется, что они начинают терять терпение от долгого ожидания. Если мы в ближайшее время не сможем подтвердить нашу божественную сущность, их уважение к нам сильно уменьшится. С вашим появлением признаки их нетерпения стали слишком явственны.

— Надеюсь, он нам поможет и в этом... — Повинуясь внезапному порыву, Олег подошел к танку и ласково похлопал его лоснящуюся от свежей смазки броню, словно это было живое и доброе существо.

К сожалению, оно не было добрым. Олег слишком хорошо знал, какая колоссальная мощь проснется внутри мертвого механизма, если им удастся запустить генератор. Однако его поступок произвел на Джона сильное впечатление, и неожиданно тот спросил:

— Зачем ты это делаешь?

— Делаю что? — не понял Олег.

— Зачем ты идешь к озеру? Я уже спрашивал тебя, но твой ответ не до конца откровенен. Почему ты просто не хочешь вернуться, пока еще не поздно? Если то, что ты мне только что рассказал о своей хранильнице, является для тебя таким важным, почему бы тебе не обогнуть озеро и не направиться прямо к скале, на которой гнездятся коты, я знаю достаточно безопасный путь, а на танке мы доберемся туда за пару дней. Ты давно уже сделал для федералов все, что должен был сделать, и добытую тобой информацию наверняка высоко оценят земные генералы. Может быть, если твое донесение будет достаточно

убедительным, они даже соизволят выслать за нами шлюпку до того, как начнут бомбардировки.

— В этом ты прав, но есть еще кое-что...

Он так и не сказал, что именно. Отшутившись, ушел от ответа, но где-то глубоко внутри него этот вопрос сверлил его весь день, напоминая о том, что необходимость ответа, хотя бы для себя самого, давно назрела.

В самом деле, какого дьявола ему надо у этого озера? Почему ему кажется таким важным добраться до него? Что именно собирается он там выяснять и для чего?

Не слишком ли самонадеянно полагать, что ему удастся прекратить войну и разгадать загадки этой жестокой и странной планеты?

Было что-то еще чрезвычайно важное, скрытое в его подсознании. Именно это туманное «нечто» и определяло его поступки.

Задача запуска реактора танка на первый взгляд казалась неразрешимой. Образовался заколдованный круг: чтобы запустить реактор, нужен был генератор. Чтобы запустить генератор, нужен двигатель. Но даже если бы им удалось починить какой-то из корабельных моторов, для него, в свою очередь, необходима была энергия, которой у них не было.

Круг замкнулся. Олег думал об этом весь остаток дня. Чувствовал, как в нем постепенно нарастал гнев — плохой советчик в разрешении подобных вопросов. Тем более что раздражала его не сама задача, а бесконечная череда препятствий, словно специально увеличивающаяся по мере того, как они продвигались вперед. Невидимое сопротивление нарастало, и он подозревал, что это не простые совпадения и не игра его воображения.

К обеду внутри корабля стало невыносимо жарко. Хотя тучи, постоянно висевшие над каньоном, закрывали солнце, жары здесь хватало и без солнца. Вернувшись на верхние палубы и рассказав Глену о танке, они принялись разгребать проходы, ведущие к слишком уж хорошо замаскированному Джоном аварийному генератору. Все прочее оборудование в машинном отделении напоминало металлический фарш.

Казалось совершенно невозможным восстановить здесь хоть один механизм, но Джон утверждал, что сумел это сделать, и, когда они, наконец, добрались до генератора, тот оказался в гораздо лучшем состоянии, чем Олег ожидал увидеть.

Сразу стало понятно, какую колоссальную, работу проделал Джон для восстановления этого важнейшего агрегата. Заметив их удивление, Джон мрачно пояснил:

— Обмотки уцелели, а механическую часть пришлось заменять всю.

— Ты нашел новые подшипники?

— Здесь их было несколько комплектов. Кое-что снял с разбитых механизмов. Генераторов класса А-4 здесь было целых три. От них почти ничего не осталось, кроме корпусов, зато главный я восстановил практически полностью.

Внешне генератор походил на лежащую на боку огромную бочку. Снятая часть кожуха позволяла видеть блестящие рубиновым блеском щетки. Выходивший наружу вал заканчивался толстым шкивом, на котором не было ремня.

Но само наличие этого шкива на корабельном генераторе, не приспособленном для механической раскрутки, говорило о том, что проблема отсутствия энергии для запуска агрегата давно не давала покоя Джону.

— Чем ты собирался крутить этот шкив?

— Пока не знаю, все время ушло на ремонт самого генератора. Думал найти на корабле какой-нибудь подходящий движок из планетарного комплекта, но ничего не попало. Здесь уцелело слишком мало вещей.

— Ничего себе! — удивился Глен. — Прodelать такую работу, не предусмотрев, как запускать эту махину?! Может, ты собирался строить здесь паровой двигатель?

— Это как раз одна из тех идей, которые нам придется обдумать, совершенно серьезно заметил Олег. — Но мне кажется, технически проще сделать ветряной.

Своим полушутливым предложением он попытался загладить неловкость, возникшую после грубоватого замечания Глена.

— Вы что, серьезно? — Похоже, Глен еще не уяснил всю ценность обнаруженного в грузовом отсеке транспорта, и ему пришлось долго объяснять, что собой представлял танк высшей защиты.

Когда его автономный реактор снабжает энергией защитное поле, эта машина способна пройти даже по дну лавового озера, пересечь которое им, возможно, еще придется, если берега окажутся непроходимы.

— И самое главное, — закончил объяснения Джон, с удовольствием рассказывающий о достоинствах своего любимого детища, — внутри танка мы будем чувствовать себя в полной безопасности от нападения любых местных монстров.

— У него есть действующие лазеры?

— Там есть не только лазеры, но и стационарные ДЕЗы. Машина полностью укомплектована и исправна. Как только появится энергия, нам ни о чем больше не придется беспокоиться.

Наскоро перекусив сушеным мясом и горячим чаем, вскипяченным на небольшом костерке, разложенном на краю пробоины в корпусе, они расчистили от обломков одну из кают и приспособили ее для ночлега. Спать никому не хотелось, если не считать Крипса, неподвижно и молча сидевшего в своем углу на протяжении всего этого бесконечно длинного дня.

Впрочем, Олег так и не научился определять, когда это существо спит, а когда бодрствует. Он помнил о том, что Крипе в случае необходимости способен действовать достаточно быстро, и потому время от времени поглядывал в его сторону, но получал от этого впечатлений ничуть не больше, чем от лицезрения каменной статуи.

Разговор вновь вернулся к генератору. Джон принялся чертить на пыльном полу отсека схему привода, и, неожиданно для Олега, его полушутливое предложение об установке ветряного двигателя стали обсуждать всерьез.

— Почему бы и нет? — вдруг перешел на сторону Джона Глен, оставив Олега, теперь нападавшего на собственную идею, в единственном числе. — Здесь постоянно дуют очень сильные ветры, а хвост корабля приподнят высоко над равниной. Если нам удастся установить в отверстии, через которое мы сюда проникли, достаточно большой пропеллер, то подшипник для его оси можно укрепить в противоположной стене, а ременный привод пойдет вниз к генератору.

— Вы сначала подсчитайте, какой диаметр винта потребуется для необходимой нам мощности.

Все начали считать. В дело пошли клочки бумаги из блокнота Глена. Джон, видимо по привычке, упорно продолжал чертить свои формулы прямо на полу, и лишь один Олег пользовался встроенным в его универсальный анализатор калькулятором.

Очевидно поэтому он закончил расчеты быстрее остальных и, удивившись цифре, которая у него получилась, ничего не сказал о ней, дожидаясь результатов Джона.

— При скорости ветра в шестьдесят километров в час...

— Откуда ты возьмешь такой ветер?

— По утрам перед восходом он дует иногда даже сильнее, не забывайте, что полная мощность нам потребуется всего на несколько минут, пока разогреется котел реактора.

— Ладно, не тани — сколько у тебя получилось?

— При четырех лопастях пропеллер должен иметь в диаметре около шести метров.

— Не мало, но, в общем, вполне реально, — согласился Олег, мельком взглянув на окошко своего калькулятора, где горели такие же цифры.

— Где мы возьмем подобный пропеллер? — растерянно спросил Глен, все еще не веривший в серьезность всего этого проекта и поддержавший Джона скорее из упрямства, в пику Олегу.

— В долине, с северной стороны крепости, можно найти любые обломки, а уж плоских листов пластмассы там сколько угодно.

— И каким же образом ты получишь из плоского листа аэродинамическую форму

лопастей?

— Я и не собираюсь ее получать. В древности люди строили ветряные мельницы, их вращающиеся агрегаты и состояли как раз из таких плоских лопастей, повернутых к воздушному потоку под нужным углом. Современные ветряки появились далеко не сразу.

— Я где-то читал о ветряных мельницах и о рыцаре, воевавшем с ними, — со своей обычной усмешкой обратился Джон к Глену. — По-моему, ничем хорошим это для него не кончилось. — Давая понять, что на этом дискуссия на сегодня закончена, он демонстративно потянулся и отправился спать.

— Тебе не кажется, что Джон держится слишком уж независимо и все время пытается навязывать нам свои решения?

— Если ты имеешь в виду ветряной двигатель, то это была моя идея.

— Все равно ему слишком уж нравится играть роль нашего командира. Увидишь, он еще доставит нам немало неприятностей.

Глава 35

Гигантский пропеллер наконец провернулся, подхватив первый утренний ветер своими широкими, похожими на паруса, лопастями. Подшипники натужно закрипели, и из квадратного отверстия на потолке, в которое уходил длинный ремень передачи, донесся голос Глена, оставленного следить за тем, чтобы подшипники не вырвало из гнезд.

— Есть первый оборот!

Ремень рванулся и пронзительно завизжал, проскальзывая по шкиву. Натяжение было слишком слабым. Но Джон сразу же отключил передачу, и освобожденный от нагрузки вал начал бешено вращаться.

— Ну и что теперь? — спросил Олег, все еще не веря в то, что их неуклюжее творение сможет работать.

— Теперь я включу первую — здесь хороший редуктор, будем надеяться, что он выдержит. Главное — стронуть с места этот чертов ротор, дальше все пойдет как по маслу.

Джон рванул огромный, похожий на кочергу рычаг, отводя его вниз и в сторону. Шестерни выдали короткую пулеметную дробь, затем взвыли, постепенно набирая обороты. Ротор уже вращался.

— Включаю вторую! — крикнул Джон, стараясь перекрычать вой и грохот. Его почти не было слышно. На контрольной панели генератора вспыхнули неоновые индикаторы, и извивающиеся огненные змейки указателей медленно поползли к первым отметкам. Олег все еще не верил, что им это удалось. Каждую секунду он ожидал сверху чудовищного грохота, возвещавшего о том, что вся неуклюжая, держащаяся на честном слове конструкция развалилась. У них не было ни инструментов, ни материалов, чтобы все сделать как следует, и теперь приходилось надеяться лишь на чудо.

— Шесть оборотов в минуту, скорость увеличивается! — донесся голос Глена.

Джон переключил передачу. Редуктор взвыл более высоким тоном, и на подвешенной к потолку силовой проводке, проложенной до самого танкового реактора, слабым желтым светом зажглась контрольная лампа, свидетельствуя о том, что в линии появился первый настоящий ток. Олег по-прежнему боялся верить в то, что это произошло на самом деле.

Как только указатели индикаторов коснулись первых рабочих отметок, Джон бросился вниз, к реактору. Олег едва сдержал желание рвануться следом. Ему было поручено следить за генератором. Каждый из них находился теперь на своем ответственном участке. Операция по запуску реактора вступила в свою решающую стадию, и Олег с ужасом подумал, что случится, если сейчас ударит мощный подземный толчок. Корпус звездолета, несмотря на свой огромный вес, вибрировал и содрогался от каждого оборота чудовищного колеса, закрепленного на верхней оси вместе с пропеллером и выполнявшего роль первой ступени редуктора, увеличивая обороты вала в несколько раз.

Лампочка, подвязанная к проводке, постепенно разгоралась все ярче, стрелки

индикаторов вошли в рабочую зону. Теперь наступил самый опасный момент. Как только Джон внизу повернет рубильник, обмотки генератора превратятся в сильнейший тормоз и передадут этот эффект торможения сначала на вал, а затем и на верхнее колесо. Выдержит ли оно?

Подшипники на верхнем валу — самое уязвимое место во всей конструкции. Если они полетят, Джону скорее всего не удастся заглушить наполовину разогретый реактор. Что за этим последует, нетрудно себе представить. Начнется неуправляемая ядерная реакция. Впрочем, если это случится, все произойдет мгновенно. Последнее соображение неожиданно успокоило Олега.

Да и надеяться все равно было не на что. Разве что на длинную ременную передачу, она должна хоть немного смягчить рывок.

Нет ничего хуже ожидания и неизвестности. Все основные приборы находились внизу, на танке. Он мог следить лишь за напряжением. Теперь Олег пожалел, что послушался Джона, когда тот определил для каждого из них рабочий участок.

Цепочку его близких к панике мыслей прервал звук глухого удара. Корпус генератора содрогнулся, со щеток посыпались каскады сверкающих искр, ремень над его головой изогнулся восьмеркой. Казалось, он вот-вот лопнет, визг шкивов заглушил все другие звуки... Он должен был что-то сделать... Джон говорил, что если это случится, надо будет переключить скорость, но сейчас Олег начисто забыл, в какой именно момент следует это сделать. Достигла ли ситуация критической точки? Что, если он своим вмешательством еще больше усугубит положение?

Искры продолжали сыпаться, шкивы надсадно выли, скользя по поверхности ремня, и вдруг все это совершенно неожиданно кончилось. Олег похолодел неужели он опоздал? Неужели подача тока прервалась в самый ответственный момент?

Из ведущего вниз люка показалось лицо Джона, перепачканное в машинном масле.

— Почему ты не отключишь эту чертову визжалку?

— Отключить?

— Ну да. Поставь рычаг в нейтральное положение.

Не задумываясь над смыслом сказанного, он сделал то, что от него требовалось. Сразу стало совершенно тихо.

— Что?! — прохрипел Олег, он почти не мог говорить, во рту у него пересохло.

— Все в порядке. Реактор уже работает.

Он не отреагировал на это известие. Но даже потом, когда значение того, что им удалось сделать, обрело в его сознании более четкие формы, он все еще не мог поверить. И еще он думал о том, что природа не терпит перекосов и после такой удачи на них обязательно обрушится какое-нибудь несчастье.

— Мы потеряли на ремонт слишком много времени. Осталось всего пять дней, даже с танком мы не успеем. Мне придется поговорить с Корсинским и попросить перенести срок бомбардировки. Теперь у меня есть все основания потребовать этого.

— Вот так просто взять и поговорить с Корсинским? Ты что, спятил? Откуда ты возьмешь рацию? На «Дейнебе» не осталось ни одного устройства связи!

— У меня есть растровый передатчик. Не было энергии. Батареи на этой планете садятся намного быстрее, чем рассчитывали наши инженеры. Теперь энергия появилась. Есть даже необходимая мощность для того, чтобы пробить озоновый слой атмосферы, и мы сможем услышать ответ...

— А раньше, когда батарея была в порядке, ты пробовал с ним связываться?

— Не было причины, да и желания особого не было...

Как всегда, радиограмма, составленная для импульсного передатчика, получилась слишком сухой, слишком короткой и официальной. Вряд ли Корсинский прочтет между этих строчек все, что он хотел бы ему сказать...

«Обнаружил центр выхода Рутянских кораблей. Необходимо увеличить срок задания на десять дней. Отмените ковровые бомбардировки. Через десять дней получите координаты

конкретной цели».

Было ясно, что ответа придется подождать. Пока пройдет раскодировка, пока составят ответное сообщение, пока его закодируют. Лишь треск помех грохотом отдавался в наушниках, усиленный одной из уцелевших локаторных антенн «Дейнеба», напрямую подсоединенной теперь к его крохотному передатчику.

Когда Олегу уже начало казаться, что ответа не будет вообще, он все же пришел. На дисплее вспыхнули слова радиограммы: «Поздно. Бомбы сброшены. Ни одна не взорвалась. Флот уходит из этого района. Тебе разрешено остаться на Острани на неопределенный срок. Конец сообщения. Конец связи».

— Может быть, ты скажешь, что все это значит? Они что, не собираются выслать за тобой даже шлюпки?

— Это слишком дорогое удовольствие... Намного дороже жизни какого-то паршивого агента. Тем более теперь. После неудачных бомбардировок их интерес к Острану значительно уменьшился. Не по зубам оказалась для них наша милая планетка...

— И после этого ты все еще хочешь идти к озеру?

— Я собирался дойти до него не из-за федералов.

Мертвый остов корабля исчез за невысокой грядой холмов. Все трое почувствовали грусть с примесью необъяснимой горечи, словно прощались с другом, которого больше никогда не увидят.

Танк шел удивительно ровно. Антигравитационная подушка поддерживала многотонную махину корпуса в метре над землей, и компьютер заблаговременно изменял ее форму, учитывая малейшие неровности почвы.

На лице Джона, сидевшего за штурвалом танка, читалось нескрываемое блаженство.

— Давно не ездил на нормальной земной технике! — Он сказал это так, словно только что вывел машину из собственного конструкторского бюро.

Один Олег сидел мрачный, ему не нравилась всеобщая эйфория. Слишком хорошо он знал, что по сравнению с той мощью, которая ждала их в центре каньона, эта самая могучая земная машина вполне могла оказаться обыкновенной игрушкой.

Ложное чувство безопасности, возникшее у них внутри наглухо закрытой коробки кабины, ему тоже не нравилось, потому что ослабляло постоянную готовность встретить лицом к лицу неожиданную опасность.

Он ни словом не обмолвился о своих сомнениях, чтобы не портить спутникам праздничное настроение, в общем-то, вполне оправданное. После стольких опасностей, после нескольких дней каторжного труда, они наконец стремительно приближались к цели.

Курсограф вычерчивал на электронном планшете зеленую линию маршрута, и, едва взглянув на нее, Олег определил, что до озера оставалось всего километров двадцать. Если ничего не случится, уже к полудню они будут у цели.

— А куда подевался Крипе? — спросил Глен, с недоумением оглядываясь, словно только теперь заметил, что их в кабине трое. — Он все время вертелся рядом, когда мы собирались, а потом внезапно исчез.

— В самом деле, — заинтересовался Олег, — он же не мог уйти, не простившись с тобой.

— Да здесь он. Никуда не делся, сидит в грузовом отсеке. — Джон ухмыльнулся, и от этой усмешки борода его разделилась на две части.

— То есть ты хочешь сказать, что взял с собой аборигена, даже не предупредив нас об этом? — В голосе Олега неожиданно зазвенел металл.

— А что здесь такого, он все время собирался отправиться с нами. Его старейшины специально для этого отрядили.

— Договор был о том, что он проводит нас до корабля. Не знаю, какие порядки были на «Дейнебе», но в моей команде не принято брать с собой посторонних, не посоветовавшись с остальными членами группы.

— В твоей команде, может, и не принято, но сейчас ты на моей машине, и здесь я

устанавливаю порядки. — Борода Джона вновь раскололась надвое, и Олег почувствовал, как в нем поднимается холодная ярость.

Он хотел было сдержаться усилием воли, но подумал, что рано или поздно этот разговор должен был состояться, почему бы и не сейчас?

Если он промолчит, Джон вряд ли поймет его правильно и дальнейшие поступки механика «Дейнеба» полностью выйдут из-под контроля. Им только лидера с надломленной психикой здесь не хватало!

— Останови машину!

На секунду в глазах Джона мелькнуло настоящее удивление.

— Это еще зачем? Здесь не Бродвей для прогулок.

— А я вот собрался прогуляться с тобой вместе. Думаю, настала пора нам поговорить наедине.

Джон снова, теперь уже неуверенно, усмехнулся. Однако возражать не стал и нажал на тормоз.

На это Олег и рассчитывал. На то, что мужское самолюбие не позволит Джону игнорировать явный вызов, брошенный ему в присутствии третьего человека. Он, правда, не совсем ясно представлял, что будет делать после того, как они выйдут из машины. Но прекрасно понимал — в той сложной обстановке, в которой они сейчас находились, у группы может быть только один лидер.

Он должен быть уверен в том, что если наступит момент, когда ему придется отдать срочный приказ, никто не станет его обсуждать. Слишком хорошо Олег знал, что те группы, в которых позволялось обсуждать приказ командира, никогда не возвращались с заданий. Джон не был его подчиненным, и это значительно осложняло его задачу. Еще больше ее осложнял уход флота. Джон имел все основания не считать себя больше причастным к военной машине федералов.

Но вот они выбрались по тяжелому, метровой толщины пандусу наружу.

Корабля за низкой грядой холмов уже не было видно, и ветер, уныло завывая в эмиттерах танка, время от времени приносил с собой от центра кратера густые тучи пепла.

— Что ты собирался сказать мне такое, ради чего пришлось останавливать машину?

— Все очень просто, Джон. Мы сейчас не на Земле, но здесь каждый из нас очутился, выполняя свою часть задания. Ты механик боевого крейсера, я сотрудник военной разведки. Вопрос в том, собираешься ли ты войти в нашу группу или предпочитаешь действовать самостоятельно?

— Какая группа? Какое задание? О каком задании ты можешь говорить сейчас, когда они бросили нас здесь на произвол судьбы, флот ушел, что тебе еще надо?

— Оттого, что один конкретный человек оказался сволочью, мы не перестали быть людьми. И Остран все равно остался Остраном. То, что происходит здесь, намного важнее наших личных амбиций. Так что ты должен сейчас решить, идешь с нами или нет.

— Ну предположим, я выбираю самостоятельность, что тогда? Вы вылезете из машины?

— Вылезем, если потребуется. Во всяком случае, я не позволю тебе рисковать нашими жизнями до тех пор, пока мы остаемся в одной упряжке.

— Из-за чего весь этот шум? Из-за того, что я взял с собой Крипса?

— Не из-за самого Крипса, а из-за того, что ты сделал это, не посоветовавшись. Может быть, завтра ты сделаешь еще что-нибудь такое, что покажется тебе несущественным, но на самом деле от этого будет зависеть наша жизнь. Здесь все новое для нас. Весь этот мир чужой. Каждый из нас может ошибиться. Именно поэтому любое решение тебе придется согласовывать со мной.

— Почему с тобой, а не с Гленом, например?

— Потому, что не Глен, а я командир нашей группы.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что и я должен выполнять твои приказы?

— Только если в этом возникнет необходимость. Я не люблю отдавать приказы.

— А ты случайно не забыл, что я не твой подчиненный, и все, что находится на «Дейнебе», в том числе и этот танк, принадлежит мне?

— Вообще-то ты не прав. Хотя бы потому, что все, что находится на «Дейнебе», так же как и сам «Дейнеб», принадлежит нам всем. Всем землянам. Может, ты забыл, что мы, и ты в том числе, здесь чужие, или ты снова хочешь остаться один среди аборигенов?

Джон ничего не ответил, его напряженный взгляд ушел в сторону, уперся во что-то, видимо, неожиданное, и разговор мгновенно потерял для него всякое значение.

— Что там?

— Этот столб между холмами. Он появился совсем недавно. До того, как мы остановились, я проверял направление — горизонт был абсолютно чист. Теперь там вырос этот столб.

— Так давай пойдем и посмотрим.

Двадцатиметровое сигарообразное тело управляемой ракетной бомбы ушло в землю почти наполовину. По привычке Олег называл поверхность Острана землей. Почва еще дымилась, корпус ракеты раскололся от удара, и из трещины на землю сыпался какой-то сероватый порошок.

— Проверь радиацию, — мгновенно охрипшим голосом попросил Джон. — Это нейтронная бомба. Они все еще продолжают свои бомбардировки...

— Уже сделано. Нет никакой радиации, только естественный фон.

Олег достал анализатор и решительно направился к ракете.

— Свинец. Вся ее радиоактивная начинка превратилась в обыкновенный свинец. Они могут продолжать бомбардировки сколько им вздумается. На этой планете не произойдет ничего такого, что ей может повредить.

— Ты хочешь сказать, что Остран, сама планета, превратила нейтронные бомбы в обыкновенные свинцовые болванки?

— Я пока не уверен, Джон. Ответ где-то совсем рядом. Мы должны ехать дальше.

Равномерный, ритмично повторявшийся металлический грохот донесся из-за ближайших холмов. Оба, не раздумывая и не теряя ни секунды, бросились обратно к танку, слишком хорошо они знали, что означает этот звук.

— Видел его? — спросил Джон, протискиваясь следом за Олегом в узкую входную дверь танка.

— Мельком. Что-то вроде великана, одетого в бронзовые доспехи. Однажды ночью мы с Гленом сидели рядом, когда он сражался с черной звездой и разрубил ее надвое одним ударом.

— Доспехи на самом деле золотые — здесь не мелочатся, и это самая опасная тварь из всех, которые здесь встречаются.

— У него есть имя?

— Я зову его Клином. Это больше всего походит по созвучию на свист, который издают Пандорцы при его появлении.

— Почему ты не включаешь двигатель?

— Зачем? Первый раз я могу себе позволить не бежать от него. Пусть познакомится с возможностями хорошей земной техники. До сих пор ему удавалось выдавливать кишки в основном из безоружных людей.

— Это неразумно, Джон. Сам по себе он мало что значит, но за ним стоит сила, способная выбрасывать в космос флотилии боевых кораблей. И превращать нейтронные бомбы в свинец. Нам лучше убраться отсюда, пока не поздно.

— Ну уж нет! Только не сейчас.

— Джон! Ты снова все решаешь один?

— Я вас не держу. Вы можете выйти. — Он захохотал истерическим, визгливым смехом, и Олег опять подумал о том, что слепой случай поставил их жизни в зависимость от каприза свихнувшегося водителя.

Больше всего в сложившейся ситуации его угнетала беспомощность. Даже если бы им

удалось как-то нейтрализовать Джона, сами они не справятся со сложным управлением танка. И уж во всяком случае ничего не успеют сделать за немногие оставшиеся у них минуты.

Великан в золотых доспехах между тем уже показался из-за холмов. Он был ростом с трехэтажный дом, никак не меньше шести метров, и шел прямо к танку, стремительно и целеустремленно.

Ночью, во время поединка со звездой, Олег не смог рассмотреть его как следует, зато теперь он предстал перед ними во всем своем золотом блеске.

Уходить было уже поздно. Каждый шаг этого позолоченного чудовища сокращал расстояние между ним и танком на несколько метров. Несмотря на отсутствие прямых солнечных лучей, на доспехах великана вспыхивало множество световых бликов, а за плечами развевался, как знамя, огромный, небрежно заколотый на левом плече алый плащ.

Обеими руками Клин сжимал длинный и, видимо, очень тяжелый, стальной меч. Трехметровое лезвие, опущенное почти до самой земли, было направлено в сторону танка.

Еще не приблизившись на нужное расстояние, великан начал поднимать свой чудовищный меч, отводя его за голову для удара наотмашь.

С правого борта, к которому шел великан, находился один из мощных бортовых лазеров. Олег, сидящий недалеко от его панели управления, потянулся к гашетке — но прежде чем он успел до нее дотронуться, рывкнул бортовой станер.

Энергетическая бомба, эквивалентная сорока тоннам тротила, ударила в среднюю часть туловища Клина.

Время словно замерло. Олег видел, будто в нереальном сне, как в том месте, где только что находилось туловище великана, начал вспухать огненный шар. Хотя автоматика давно уже включила светофильтры на всей бортовой оптике, блеск наружных экранов на мгновение стал невыносимым для глаз. Затем экраны превратились в мертвые черные пятна.

Вслед за этим на них налетел ураган взрывной волны, приподнявшей машину в воздух и отшвырнувшей ее на десятки метров от эпицентра взрыва. Гравитационные подушки смягчили удар, а защитное поле не пропустило внутрь ни высокой температуры, жесткого излучения.

Но им хватило и перегрузок от механического удара. Все трое мгновенно потеряли сознание.

Глава 36

Олег очнулся от того, что ему на голову капала холодная жидкость. Сходящиеся грани огромного кристалла наполнились светом и пропитали им все вокруг. Он стоял внутри стеклянной клетки, стиснутый ее боковыми гранями так сильно, что не мог ни вдохнуть, ни пошевеливаться. Последнее время это видение преследовало его все чаще.

— Ты хотел у меня что-то спросить?

Вопрос, который он попытался из себя выдавить, застрял у него на губах. Не было ни воздуха, ни сил, чтобы протолкнуть слова сквозь плотно сжатые губы. Тогда он спросил так, как умел говорить когда-то, на том самом истинном языке, которому не надо звуков.

Он спросил, и его услышали — Олег получил ответ.

— Зачем ты это делаешь? Зачем ты издеваешься над собственными созданиями?

— Они поступают по своему усмотрению, они перестают считаться с моей волей, они забыли, кто им подарил жизнь.

— Отделившись от тебя, они обретают собственную волю, собственную индивидуальность, они получают право на собственную судьбу.

— Ты странное создание, человек, ты все время вмешиваешься в дела, которые тебя не касаются. Ты не относишься к нашему миру, и не тебе судить о законах, которые я здесь устанавливаю.

— Ты устанавливаешь жестокие, несправедливые законы. Ты сам вмешиваешься в дела

моего мира. Ты творишь зло повсюду.

— Да, потому что повсюду я создаю жизнь, но вместе с ней прорастают семена зла.

— Жизнь — это великий дар. Она не может быть злом. Я не собираюсь подчиняться твоим законам и твоим правилам!

— Правила не имеют значения. Значение имеет лишь сам процесс игры.

Олег почувствовал, как в нем нарастает гнев. От давления его сконцентрированной воли стены стеклянной тюрьмы стали раздвигаться, пока не лопнули. Их сверкающие осколки разлетелись в черной пустоте, а он летел сквозь нее, и вслед ему неслись раскаты издевательского хохота.

Олег очнулся от того, что ему на голову капала холодная жидкость. Он открыл глаза и увидел, что из лопнувшего трубопровода над его головой сочится вода. Тускло горели лампы аварийного освещения, в кабине танка стояла непривычная тишина — не работал ни один двигатель.

— Глен! — позвал Олег, Никто не отозвался. Тогда он, преодолевая боль, поднялся на ноги и увидел, что страховочные ремни кресел не выдержали удара, а оба его спутника лежали на полу без сознания. Он достал медиатор и оказал Глену первую помощь. Убедившись в том, что у Джона нет серьезных повреждений, он решил не торопиться приводить его в чувство.

Глен зашевелился, открыл глаза и секунду бессмысленно смотрел на неподвижного Джона, очевидно, стараясь вспомнить, что произошло. В конце концов, он спросил:

— Ты не собираешься обезопасить нас от этого сумасшедшего? Может, лучше его связать, пока он не пришел в себя?

Глен говорил медленно, с трудом преодолевая боль. Ему досталось больше всех, и Олег знал, что если бы не транквилизаторы, введенные медиатором, он бы еще долго не мог двигаться.

— В этом нет необходимости — ему досталось не меньше нашего. Надо решать, что делать дальше.

— Танком без него мы управлять не сможем, даже если у машины нет серьезных повреждений. Значит, надо снять оружие, какое сможем унести, и уходить.

— Снаружи нас ждет немало сюрпризов. С неприязнью посмотрев на скорченное тело Джона, Глен проворчал:

— Здесь этих сюрпризов не меньше. Мы должны сделать так, чтобы в его распоряжении не осталось современного оружия, с ним он тут может черт знает что натворить.

— Реактор работает, а в крепости Пандорцев остались лазеры, так что оружие у него будет в любом случае.

— Чтобы его получить, ему придется возвращаться, на это потребуется немало времени. Вряд ли он станет нас преследовать, особенно если будет знать, что у нас есть станер.

— Он и так не станет нас преследовать. Он немного свихнулся (хотел бы я знать, кто бы из нас не свихнулся на его месте), но он нам не враг.

В конце концов Олег согласился с предложением Глена и без всякого сожаления стал готовиться покинуть танк.

Конечно, внутри его стальной громады они чувствовали себя уверенней, но Олег все время помнил о том, что для сил, которые им здесь противостояли, танк не более чем очередная игрушка. Так что не имело особенного значения, останутся они внутри или пойдут дальше пешком.

Взвалив на плечи тяжеленные рюкзаки, они вылезли через бортовой люк наружу. Перевернутый танк лежал на боку, и плоскость борта, на которой они теперь стояли, возвышалась над обожженной взрывом поверхностью планеты метров на двадцать.

— Как насчет остаточной радиации? — спросил Глен, внимательно осматривая пустынный пейзаж, в котором ничто, кроме огромной воронки, не напоминало о недавней

схватке.

— Чуть выше обычного фона, — ответил Олег, мельком взглянув на прибор. Разряды стайера не вызывают наведенной радиации. Не понимаю, куда делись останки этого рыцаря? Такая огромная масса не могла аннигилировать полностью. Я не вижу ни одного обломка

— Может, масса не соответствовала объему?

— Все равно что-то должно было остаться.

Они спустились до самой земли по приводу гравитационной подушки. Раскаленная взрывом поверхность камня излучала дополнительное тепло.

— Давай посмотрим, как там Крипе.

Открыть дверь в багажное отделение удалось далеко не сразу. Автоматика работала в аварийном режиме, и бортовой компьютер отказывался принимать команды, не связанные с жизнеобеспечением машины.

В конце концов им пришлось вручную откатывать по направляющим тяжеленную стальную дверь.

Едва она приоткрылась, как появился Крипе. Он бодро прыгнул на землю, словно ничего не случилось, и заверещал на своем птичьем языке.

— Что он говорит?

— Говорит, что сожалеет о происшедшем.

— Ты еще можешь шутить?

— Это не совсем шутка... Джон был прав, коша сказал, что основу речи Пандорцев составляет телепатия. За последнее время я стал лучше слышать язык чужого сознания. Не сомневаюсь, что о Джоне Крипе позаботится. Мы можем идти дальше.

Когда силуэт поверженного танка исчез за скалами, Глен, словно прощаясь с ним, в последний раз обернулся:

— Думаешь, Джон сможет вновь заставить машину двигаться?

— Основная проблема состоит лишь в том, как его перевернуть без подъемных механизмов. Почва там твердая, и подкоп вряд ли получится, но если Пандорцы ему помогут, он с этим справится.

Некоторое время они шли молча, каждый по-своему принарамливаясь к изменившейся обстановке. Дыхание огненного озера с каждой минутой ощущалось все сильнее, в конце концов жара стала невыносимой, и им пришлось достать из рюкзаков защитные костюмы. Идти теперь стало еще труднее, зато высокая наружная температура не могла проникнуть сквозь теплонепроницаемый материал костюма.

Пейзаж постепенно менялся, принимая все более мрачный, безжизненный оттенок. Появились вулканические трещины, в бездонной глубине которых просвечивала красноватым недобрым огнем расплавленная лава. От нее на поверхность поднимались густые клубы ядовитых испарений.

Только фильтры, встроенные в шлемы защитных костюмов, давали им возможность двигаться и дышать в окружающей их раскаленной ядовитой атмосфере.

Хотелось пить, но защитные костюмы, в отличие от скафандров, не были снабжены системой жизнеобеспечения. Олег понимал, что довольно скоро им придется остановиться и снять шлемы, чтобы напиться.

Вот только он не был уверен, что после этого они смогут продолжать путь, все зависело от концентрации ядовитых паров и от того, как высоко поднимется столбик наружного термометра. Сейчас приборы сообщали, что человек может провести в окружающей среде, не нанося себе существенного вреда, не более двадцати минут. Но с каждым шагом, приближавшим их к озеру, ситуация постепенно ухудшалась.

Разговаривать можно было лишь через вмонтированную в шлем легкую рацию. Однако механический звук динамика внушал Олегу необъяснимое отвращение.

Наверное, и Глен испытывал нечто подобное, потому что они проделали в полном молчании почти восемь километров, пока жажда не стала совершенно нестерпимой и не вынудила их остановиться.

Прежде чем снять шлем, Олег все же включил рацию и предупредил Глена, что пить придется с максимальной скоростью, на которую они способны.

Глоток неочищенного наружного воздуха, который Олег вынужден был протолкнуть внутрь себя вместе с глотком воды из фляги, к его удивлению, не вызвал ожога, и он, не поверив себе, еще раз взглянул на термометр.

— Пятьдесят восемь градусов по Цельсию! Что за черт, мы должны себя чувствовать, как в паровозной топке!

— Прибор врет. Здесь не больше тридцати.

— Похоже, ты прав... Жарко, но не слишком. И, самое странное — я не чувствую никаких посторонних запахов. Может быть, они стали такими сильными, что перешли порог нашего восприятия?

— Или исчезли совсем. Оказавшись на этой планете, я разучился удивляться. Дальше попробуем идти без костюмов, пока это возможно. Сколько нам еще осталось?

— Судя по карте, километров пятнадцать.

— Значит, мы будем у центра кратера до наступления темноты, если ничего не случится.

— Я предпочел бы утро, а не вечер.

— На этот раз выбирать не приходится. Здесь нельзя останавливаться на ночлег.

Словно подтверждая его слова, скальные выступы перед ними на секунду смазались, с их вершин посыпались камни, и глухой рокочущий звук очередного подземного толчка прокатился по равнине.

Три часа они шли, не снижая темпа и не останавливаясь. Воздух оставался чистым, в нем не было никаких запахов. В безжизненном пейзаже ничего не менялось.

Лишь внутри каждого из них что-то неуловимо изменялось. Ощущение безнадежности? Сознание того, что каждый шаг все дальше уносит их от живых зон, в глубину этой мертвой долины? Мысли о том, что уже никогда им не вернуться обратно? Но тогда почему они продолжают идти вперед? Почему не повернут? Что ведет их? Обыкновенное человеческое упрямство? Любопытство? Или это была всего лишь гордость? То самое чувство, которое священники всех народов называли гордыней и которое иногда позволяло человеку бросить вызов судьбе, поступить наперекор обстоятельствам — узнать себе истинную цену...

Не это ли чувство помогало альпинистам покорять недоступные горные вершины? Не оно ли вело сквозь бесконечные опасности к неведомым берегам сначала парусные корабли землян, а затем и их космические фрегаты?

Как бы там ни было, они продолжали идти вперед. Постепенно мертвая неподвижность пейзажа, окружавшего их, начала изменяться.

Сперва возник равномерный звук. Больше всего он напоминал шуршание песка, стекавшего по горному склону. Иногда в этом общем звуковом фоне возникали отдельные, более четкие всплески.

Шум отчетливо доносился правее дна пологого ущелья, по которому они теперь шли, и, чтобы установить причину странного звука, им пришлось подняться на боковой, покатый край ущелья.

Отсюда, с высоты примерно сорока метров, хорошо было видно дно соседнего, параллельного и более глубокого каньона.

Даже дым не закрывал фантастической картины, представшей перед их взором. Воздух казался абсолютно прозрачным, и лишь над самым дном колеблющаяся завеса разогретых воздушных потоков несколько смазывала перспективу.

Вначале им обоим показалось, что под ними, в этой мертвой долине, протекает живая река. Но почти сразу же они поняли, что движущаяся внизу лента не представляла собой единого целого, а состояла из отдельных частей, перемещавшихся в одном направлении. И, вопреки законам тяготения, масса, составлявшая эту странную реку, двигалась вверх по склону. Олег достал из футляра оптический умножитель.

Бесконечная череда живых существ двигалась вверх по дну ущелья, направляясь к

выходу из мертвой долины. Здесь были черные звезды и отряды золотых рыцарей, ползущие по земле Летающие Коты и существа, похожие на Пандорцев. Здесь были, наверное, представители каждого вида фауны, населявшей Остран, если, конечно, можно было назвать фауной все эти странные, искусственно созданные существа.

— Возможно, где-то там внизу находится фабрика по их изготовлению, хрипло проговорил Глен.

— Там нет ничего, кроме Огненного озера. Мы уже подошли к нему почти вплотную.

— Значит, они выходят из озера.

— Обрати внимание — они совсем маленькие. Особенно это заметно на рыцарях, сейчас их рост не больше метра. И, кроме того, они все сделаны из одного материала. Даже цвет у них одинаковый — серый цвет базальта. Позже они обретут свой привычный облик.

— Значит, они все время растут.

— Выходит так, но для этого требуется колоссальная энергия, а ведь они ничего не едят...

— Энергии у них хватает.

Словно подтверждая слова Олега, вдоль ущелья прокатился гром, и ветвистый голубой разряд на секунду соединил под ними противоположные склоны ущелья.

— Электричество?

— Вряд ли. Скорее это побочный эффект энергетического поля, внутри которого они движутся.

— Ты собираешься туда спускаться?

— Это слишком опасно. Да и не нужно. Разгадка их возникновения находится там, откуда они пришли.

Картина безостановочного движения, бесконечно меняющихся форм захватывала воображение. Завораживала так же, как завораживает непрерывное движение водной поверхности реки, если смотреть на нее достаточно долго. И когда наконец оно прервалось, когда последний отряд оловянных солдатиков исчез за перевалом, в той стороне, откуда пришли они сами, Олег долго еще стоял неподвижно, жадно всматриваясь в теперь уже пустынную равнину, словно надеялся найти там какой-то ответ.

В его голове, как в калейдоскопе, наконец-то начала складываться из отдельных кусочков некая единая стройная картина. Лишь одно обстоятельство не укладывалось в ее четкие, логически стройные контуры. Чтобы проверить себя, он снова, в который уж раз, расстегнул рубашку и ощупал ладанку. Что-то в ней едва заметно изменилось. Кожа стала теплее наощупь, и сквозь нее отчетливо проступали острые углы граней...

Все еще не веря, он одним движением сорвал с себя ладанку, торопливо, дрожащими пальцами, развязал шнурок и выкатил на ладонь еще теплый кристалл, мгновенно вобравший в себя окружающий свет и бросивший им обоим в лицо целый сноп разноцветных лучей.

— Что это такое? — почему-то шепотом спросил Глен. — Твое сокровище?

— Сокровище, да только не мое.

«Когда ты окажешься на Черной Планете, когда наступит время контакта, отдельные частицы кристалла вновь соединятся. Я снабжу его для этого достаточной энергией, и тебе не придется сомневаться в том, действительно ли ты попал в нужное место».

Черная Планета. Так на самом деле называется Остран. Он давно догадался. Не хватало лишь этого, последнего доказательства. Теперь оно у него было. И оно означало, что именно здесь, на этой планете, нашла свой конец великая древняя раса Лидянцев, некогда правившая всей Галактикой... Во всяком случае, именно так думал о Черной Планете Олег, хотя Лидянец говорил иначе. Но Лидянский живой корабль, несмотря на всю свою мудрость, мог и не знать всего.

Надо было провести на Острани все эти долгие страшные дни, чтобы понять сущность этой планеты. А понял ли он ее на самом деле? Что представляла собой колыбель и могила древней могучей расы сегодня? Средоточие зла? Полигон для безумных экспериментов? Или что-то еще, гораздо более важное...

Он почти догадался. Не хватало последнего маленького штришка, чтобы картина полностью сложилась, и он собирался его получить — чего бы это ни стоило.

В его родной Галактике появился свихнувшийся мир, непрерывно производящий чудовищ, как будто производил детские игрушки...

Теперь он начинал понимать, что и в этом сумасшедшем мире существовали собственные законы или, точнее, правила — правила игры... Из глубокой задумчивости его вывел голос Глена:

— С тобой все в порядке? Ты стоишь так уже минут пятнадцать, скоро стемнеет, а нам еще идти не меньше часа.

— Мне кажется, нам стоит спуститься в ущелье, по которому только что прошли все эти существа, и продолжить путь по его дну. Эта дорога скорее приведет нас в нужное место, туда, где происходят главные события.

— Ты думаешь, это будет безопасно? Энергетический коридор не уничтожит нас, когда мы пересечем его границу?

— Сегодняшнее действие закончено. Хозяин этой планеты собирается спать.

— Откуда ты знаешь? Олег пожал плечами:

— Откуда я знаю? Откуда я знаю... Может быть, предчувствие или, скорее, уверенность. Потому что дети рано ложатся спать и редко производят подряд два одинаковых действия.

Произнеся эту загадочную фразу, Олег решительно спрятал кристалл обратно в ладанку и начал спускаться, не дожидаясь, пока Глен последует за ним.

Ко дну в этом месте вел довольно пологий спуск. Вскоре Олег уже стоял на дне ущелья. Здесь пахло озоном, воздух казался намного горячее, чем вверху, но зато теперь перед ними лежала прямая дорога к озеру.

Хорошо утрамбованная сотнями ног широкая тропа обрывалась у кромки раскаленной лавы всего в нескольких сотнях метров от Олега. Из ущелья он не мог видеть всей панорамы озера, но и увиденного было вполне достаточно, чтобы любой нормальный человек на его месте повернул обратно.

Багровая густая лава излучала интенсивный жар в инфракрасном диапазоне. Большую часть озера пока еще закрывали от нее стены ущелья, но нетрудно было представить, что их ждет, если Глен и Олег приблизятся к самому берегу. Даже от небольшого открытого взору багрового клина лавовой поверхности несло нестерпимым жаром.

Ощущением смертельной опасности веяло от этой раскаленной, первозданной магмы, словно они перешли некую черту, нарушили запрет, вторглись туда, куда не смеет вторгаться ни один человек.

Не оглядываясь, не проверяя, следует ли за ним Глен, Олег медленно двинулся вперед. Бывают ситуации, в которых каждый должен сам принимать решение, и он чувствовал, что не имеет права тащить за собой кого-то еще в эту раскаленную преисподнюю...

Это было его личное дело — только его. И осознав это, он крикнул нерешительно спускавшемуся вслед за ним Глену:

— Подожди меня здесь! Нет смысла рисковать обоим. Я подойду ближе, насколько позволит температура, посмотрю, что там, и сразу же вернусь.

— Вернусь! Верну-у-у-сь! Вер-нусь-нусь-нусь-нусь... — зарокотало эхо. И в его отголосках почудилась скрытая насмешка.

Если еще оставалась какая-то надежда на возвращение, то она ждала Олега вместе с теми, кого он оставил у себя за спиной. Он вернется лишь в том случае, если кто-то будет его ждать.

Вряд ли он мог рационально объяснить причину подобного ощущения, но оно существовало и помогало ему двигаться.

Минут двадцать, стиснув зубы и обливаясь потом, он продирался вперед, почти физически ощущая, как уплотняется раскаленный воздух, превращаясь во что-то, похожее на жидкость. Не помогал уже и защитный костюм, который ему снова пришлось надеть.

Казалось, несмотря на фильтры, его легкие наполнились раскаленным песком. Стены ущелья начали светиться тусклым багровым светом. Впрочем, в последнем он не был до конца уверен.

Мысли и ощущения начали путаться, казалось, он вот-вот потеряет сознание и упадет на протертую в базальте тропу, поверхность которой постепенно размягчалась.

Мир вокруг него сжался в крохотную ячейку, размером в несколько метров, доступную его органам чувств, и он знал — этот процесс сжатия будет продолжаться до тех пор, пока не замкнется на нем самом.

Как же все-таки ничтожно слаб и несовершенен человек! Как мог он надеяться без помощи множества защитных механизмов что-то здесь понять, что-то увидеть?!

Сам он говорил эти слова, или чей-то посторонний голос, незаметно прокравшись в его сознание, убеждал, уговаривал, почти просил вернуться...

Он не заметил, когда именно, на каком метре, на какой минуте прекратилась эта пытка, исчезло ощущение жары и сомкнувшегося мира.

Тропа кончилась. Он стоял на берегу огненного озера.

Глава 37

Жара исчезла. Здесь, на самом берегу, существовала еще одна зона умеренной температуры. Возможно, причина была в том, что сюда попадал поток скатывающегося с гор холодного воздуха, который не мог проникнуть на дно ущелья. Впрочем, Олег понимал, что нормальная человеческая логика не всегда способна справиться с сюрпризами Острана.

Как бы там ни было, сейчас он стоял у самого кратера, вернее у озера, образованного лавой, наполнившей чашу кратера.

Возможно, благодаря большой круглой впадине или умеренной температуре и достаточно чистому воздуху, это странное образование действительно напоминало озеро. До противоположной стороны было не меньше пятисот метров.

Берег, на котором стоял Олег, полого спускался к тускло блестевшей поверхности. Видимо, плотность и вязкость лавы были слишком велики, чтобы позволить ей полностью растекаться по плоскости дна, и поэтому над кромкой берега возвышался почти метровый вал, похожий на остановившуюся в своем движении волну.

Как только стены ущелья остались позади и перед ним открылась панорама всего озера, Олег остановился. Слишком велико было потрясение от увиденного.

Тропа, выходящая из ущелья, сбегала вниз и исчезала прямо под лавой. Но не это поразило его.

Правее, в сотне метров от того места, где он стоял, над самым берегом вознеслась белая мраморная ротонда. К ней вела узенькая тропинка, посыпанная желтым песком, словно приглашавшая вступить на нее.

Тропинка ответвлялась от дороги, по которой он пришел. Ни единого следа не было видно на этой девственной песчаной поверхности, заканчивавшейся под сводами небольшого мраморного сооружения.

На какую-то долю мгновения он позволил себе забыть, где именно он находится, и тогда странное очарование этого мертвого места пронзительной горькой нотой отозвалось в его душе. Похожее чувство охватывает человека на старых кладбищах, где десятки безымянных могил скрывают прах тех, кто ушел от нас навсегда — не в подобные ли места уходят их души?

Но это было еще не все. Буквально в десятке метров вокруг тропы, ведущей к ротонде, кто-то посадил и заботливо вырастил сад. Конечно, здесь не смогли бы расти живые растения. Это был металлический сад.

На стальных кустах под ветрам, словно колокольчики, звенели серебряные листочки и распускались золотые лепестки цветов.

Вид этой мертвой, кладбищенской красоты притягивал, как притягивает иногда взгляд

человека пространство бездны, если смотреть на нее с большой высоты.

У самого конца тропинки, чуть в стороне от нее, перед входом в ротонду стоял страж — рыцарь в золотых доспехах с опущенным забралом и в развевавшемся на ветру красном плаще. Это не был великан, с которым им довелось совсем недавно столкнуться. Рост рыцаря не превышал роста среднего человека.

Страж стоял совершенно неподвижно, опершись на рукоятку воткнутого в землю обнаженного меча, на лезвии которого играли красноватые блики.

Возможно, он стоял так уже не одну сотню лет, поджидая того, кто первым осмелится оставить свои следы на этой девственной тропинке.

Но, может быть, это была всего лишь статуя? Олег знал, что это не так. Живые существа на этой планете иногда бывают похожи на статуи, но они обладают неприятным свойством оживать в самый неподходящий момент. К тому же статуи не носят плащей...

Наверное, он мог повернуться и уйти прочь. Выбор все еще был за ним. Но вид этого стража, всего этого места, утонувшего в сером море мертвого камня, заставил его сделать последний шаг.

Теперь он находился уже на тропинке и, не останавливаясь больше, решительно шел к ротонде. Если его вынудят драться — он будет драться. Хотя вряд ли поединок с этим рыцарем закончится для него благополучно. Во всяком случае, он сделает все от него зависящее, чтобы попасть в ротонду. Только там мог он получить ответы на свои вопросы, только там он проверит чудовищную догадку, сложившуюся в его мозгу из обрывочных сведений, случайных впечатлений, напутствий его погибших друзей, из всего того, что сложило в его представлении образ планеты Остран.

Он ни на секунду не сомневался в том, что если ему удастся войти, ответы на все вопросы будут ему даны.

Пронзительно белеющий купол этой ротонды он видел в одном из своих вещих снов и узнал это место...

До нее оставалось шагов пятнадцать, когда страж пошевелился. Словно пробуждаясь от векового сна, он медленно выпрямился и вдруг с неожиданной силой и скоростью выдернул из земли меч и шагнул навстречу Олегу.

Золотые латы зазвенели, сопровождая каждый шаг рыцаря синтетическим хриплым звуком, состоящим из десятков мелких, издаваемых всеми сочленениями доспехов.

«Оркестр ударных инструментов», — почему-то подумал Олег, перебрасывая топор в левую руку и отстегивая от пояса рукоятку бластера.

Он выстрелил с расстояния в несколько шагов, почти не сомневаясь в результате. И его худшие опасения подтвердились. Вместо выстрела лишь легкое шипение сообщило ему о том, что батарея вновь разрядилась.

Она и должна была разрядиться. Если он хочет войти, то ему придется победить стража, и это будет честный поединок, по крайней мере, с его стороны. Современное оружие здесь неуместно. Таковы правила игры. Или этики. Или морали — в разных мирах этот термин звучит по-разному, но смысл его один и тот же.

Отбросив бесполезный бластер, Олег взялся за длинную рукоять своего топора обеими руками и остановился, занимая оборонительную позицию. На нем не было шлема, и пришлось слегка приподнять лезвие, защищая голову и оставляя открытой нижнюю часть тела. Впрочем, в отсутствии доспехов были и свои преимущества. Большая подвижность давала ему шанс использовать главное и, пожалуй, единственное свое преимущество — быстроту реакции.

Рыцарь остановился в двух шагах. Острие его меча выискивало в защите Олега наиболее выгодную для удара точку.

— Я пришел с миром! Пропусти меня!

Рыцарь не произнес ни звука в ответ, только ветер свистел в высоком плюмаже из страусовых перьев, украшавших его шлем, да кто-то переливчато рассмеялся внутри ротонды звонким ребячьим смехом.

Ну что же... По крайней мере, он попытался.

Теперь все внимание Олега сосредоточилось на кончике меча, выписывавшего в воздухе, на уровне его груди, сложную кривую. Сейчас главное — не пропустить выпад. Олег не знал, какой реакцией обладает его противник. Несмотря на внешнюю тяжеловесность, несмотря на громоздкие доспехи, она могла оказаться гораздо быстрее той, что он ожидал, и Олегу не хотелось погибнуть после первого выпада.

Наконец широкое стальное лезвие рванулось вперед, к его груди. Олег отпрыгнул, одновременно нанося удар своим топором поперек лезвия. Он хорошо помнил замечательные свойства стали, из которой был сделан его топор, и надеялся в случае успеха несколько укоротить слишком длинный меч противника.

Но рыцарь успел опустить меч, вывести его из-под удара, и Олег, промахнувшись, едва удержал равновесие.

Реакция стража почти не оставила Олегу шансов выйти живым из этого поединка, и все же он продолжал обороняться. Уклонялся, уходил в сторону, отбивал направленные ему в туловище прямые колющие удары. Видимо, масса меча была слишком велика даже для существа, обладавшего чудовищной силой. Только это и выручало пока Олега. Но долго так не могло продолжаться.

Обойдя противника, рыцарь начал наступать на него, и попытки Олега выдерживать дальнюю дистанцию закончились тем, что он уперся в стену ротонды. Дальше отступать было некуда.

В страже не было злобы или ярости. Наверно, это и определяло реакцию Олега. Рыцарь действовал методично и расчетливо — и только. Он был стражем и выполнял приказ.

— Эй! Послушай, я не хочу с тобой драться, пожалуйста, прекрати это!

Теперь Олегу приходилось прыгать каждый раз, чтобы увернуться от очередного удара. Сейчас борьба шла за каждый сантиметр, за каждую долю мгновения. Олег чувствовал, как покрывается потом его спина и как все ближе к его груди прочерчивает свой смертельный след стальная молния меча.

Неожиданно его нога ощутила под собой ступеньку. Сзади крыльцо. Крыльцо ротонды. Это давало ему шанс, пусть небольшой, но все же... Неожиданно для своего противника он оттолкнулся от ступеньки, подпрыгнул и на какое-то мгновение оказался в более выгодной позиции. Но даже сейчас он не хотел воспользоваться этим кратким преимуществом для того, чтобы опустить лезвие своего тяжелого и острого, как бритва, топора на шлем своего врага. Вместо этого, согнувшись почти пополам, он направил удар вниз и достал-таки на этот раз лезвие ненавистного меча.

Сталь жалобно зазвенела, и лезвие расколосось надвое.

Но это мало что изменило в их смертельном поединке.

Рыцарь, поднявшись на пару ступеней, вновь направил ему в грудь выброшенный вперед обломок меча.

Неожиданно для себя Олег наконец окончательно разозлился. Подпрыгнув вверх метра на полтора — благо высокие порталы ротонды это позволяли — он повернулся в воздухе вокруг своей оси и нанес по голове рыцаря сокрушительный удар ногой. Тот стоял на краю верхней ступени не слишком устойчиво и, потеряв равновесие, с грохотом рухнул вниз.

Олег слышал, что рыцари, облаченные в тяжелые доспехи, упав, не могут подняться. Но этот поднялся.

Вот только больше он не пытался взойти на крыльцо. Вместо этого он повернулся к ротонде спиной и направился к озеру. С содроганьем Олег следил, как страж погружался в расплавленную лаву, сначала по колена, потом по пояс. В конце концов рыцарь весь исчез под слоем раскаленной докрасна базальтовой корки. Она сомкнулась над тем местом, где он только что стоял. Послышалось громкое, отвратительное шипенье, словно невидимая паровая машина стравива свой пар. Над озером поднялось облако зеленоватого дыма, и лишь алый плащ, плавающий на поверхности, какое-то время напоминал о произошедшей здесь трагедии, пока неожиданно не вспыхнул неестественно ярким пламенем и не превратился в

пепел.

— Пошел купаться. — Эту жуткую фразу вновь сопровождал короткий детский смешок. Олег стремительно обернулся. Вокруг по-прежнему никого не было.

Голос шел одновременно со всех сторон, словно Олег стоял внутри огромного динамика. Стены, потолок ротонды, даже пол усиливали звук этого детского голоса.

— Почему ты не убил стража? Ты мог это сделать, я видел, — спросил детский голос.

— Он не сделал мне ничего плохого, зачем же его убивать?

— Плохого? Да он едва не изрубил тебя на куски!

— Он всего лишь выполнял приказ. Не твой ли? К тому же изрубить меня ему не удалось бы.

— Наверно, поэтому он и пошел топиться.

— Может быть, он снова выполнял приказ? Голос долго не отвечал, и вдруг совершенно другим тоном произнес:

— Ты хочешь, чтобы он вернулся? Это можно устроить.

По озеру прошла мелкая рябь. Корка лава недалеко от ротонды, в том месте, где недавно сгорел золотой рыцарь, треснула, обнажив внутренние слои лавы. Затем в глубине озера громко хлопнуло, словно кто-то выдернул пробку из гигантской бутылки шампанского, и на берег выплеснулся кусок магмы.

Формой магма напоминала лепешку или, скорее, огромную каплю ртути. Внутри этого огненного шара все время происходили какие-то мелкие внутренние подвижки, что-то непрерывно в нем менялось. Когда лава начала приобретать форму человеческого туловища, Олег крикнул:

— Прекрати это! Сейчас же прекрати!

Никто ему не ответил. Багровый от внутреннего жара кусок лавы превратился в фигуру недавно исчезнувшего в огненных недрах рыцаря. Проявился сначала шлем. Затем правая рука, сжимающая хорошо знакомый Олегу меч. Только теперь он снова стал целым. Не было пока плюмажа и плаща, не было золотого блеска на огненном панцире, но Олег понимал, что ждать их появления осталось совсем недолго.

Опершись левой рукой о землю, рыцарь приподнялся и сел. Затем, словно проверяя, хорошо ли работают сочленения вновь обретенного тела, несколько раз приподнял руку, повертел головой и поднялся на ноги.

Олег понял, что если он немедленно что-нибудь не придумает, поединок придется повторить. Только на этот раз он вряд ли закончится в его пользу.

— А у тебя здесь получилось очень красивое место, — произнес Олег почти искренне, осматривая металлический сад, со всех сторон окружавший ротонду, словно только что его заметил. — Но одну деталь в оформлении ты все-таки упустил. Весьма важную деталь.

С минуту ему никто не отвечал. На рыцаре между тем появились огненно-красный плащ и плюмаж из страусовых перьев. Он медленно сделал свой первый шаг по направлению к ротонде. Олег изо всех сил старался делать вид, что не замечает этих грозных приготовлений. Опершись о перила, он старательно рассматривал сад.

— Так чего же не хватает моему саду? — не выдержал наконец его невидимый собеседник.

— Конечно, статуи. Статуи золотого рыцаря. Звонкий детский смешок вновь прозвучал под сводами. Затем голос произнес:

— Ну хорошо. Давай сделаем из него статую.

Глава 38

Теперь у Олега вновь появилась передышка. Он прекрасно понимал, как сильно рискует. Он больше не сомневался в том, что имеет дело с ребенком. С ребенком, управлявшим чудовищными космическими силами. Малейшая ошибка, неверное слово или жест могли закончиться его гибелью. Ведь его жизнь, да что там его жизнь — судьбы целых

миров были для этого ребенка всего лишь игрой. И в этой игре действовали свои, непонятные для Олега правила, в которых он только начинал разбираться.

Статуя золотого рыцаря, застывшая у поворота тропинки, все время напоминала ему о том, что могло произойти с ним самим. Таинственный голос то ли ребенка, то ли демона молчал, и Олег не решался напомнить ему о своем присутствии, понимая, что все произойдет так, как решит хозяин этого мира. Он ничего не в силах здесь изменить. Неожиданно он вспомнил о камне. Сейчас это его единственная надежда. Если бы еще знать, что с ним делать...

Ладанка казалась холодной. Он осторожно оттянул ремешок и заглянул внутрь кожаного мешочка. Камень никуда не делся, и в нем застыли знания целой цивилизации. В каждой молекуле были зашифрованы гигабайты информации — не было цены этому камню, и он дал слово тому, кто пожертвовал ради него своей жизнью, доставить камень на планету, которую столько тысячелетий искала древняя, бесследно исчезнувшая из галактики цивилизация и на которой когда-то, возможно, был ее дом. Или колыбель. Или могила — никто этого не узнает. Тайны Лидян останутся навсегда погребенными в веках, если этот камень исчезнет.

Настало время выполнить обещание и завершить дело всей жизни его погибшего друга.

— Как я об этом узнаю, как я узнаю, что действительно попал на планету, которую ты ищешь?

— Ты узнаешь. Песок вновь обратится в камень...

Это были его последние слова. Но он так и не успел сказать, что именно нужно сделать с камнем. Просто бросить его в огненное озеро? Ведь если не предупредить хозяина озера о бесценном даре, информация может погибнуть. По воле слепого случая она бесследно растворится в расплаве магмы.

Но как предупредить его? Что он должен сказать? Как вообще к нему обратиться? Крикнуть: «Эй, ты, послушай!» Это казалось слишком нелепым. И потому он молча ожидал, когда хозяин Острана сам вспомнит о его существовании. Секунды потянулись, словно резиновые нити. Да и не хотелось разговаривать с этим хозяином. Слишком много смертей, слишком много трагедий каждый день совершалось на Остране, и не на одном Остране, по его воле...

Вот он стоит здесь — он готов отдать сокровище, не имеющее цены, тому, кто выбрасывал смертоносные космические флотилии на головы мирных людских поселений. После такого подарка сила этого чудовища может возрасти в сотни, в тысячи раз. А вдруг именно этого хотела исчезнувшая цивилизация Лидян? Создать космического демона, который будет править этой частью Вселенной по своим жестоким законам. Лидянец, доверивший ему кристалл, мог и не знать об истинных целях своих хозяев.

Олег старался не слышать этот тоненький подленький голосок в своем сознании, но не мог ничего с ним поделать. Истина состояла в том, что ему было бесконечно жаль расставаться с камнем.

Изнутри купол ротонды казался огромным, как свод неба. Хотя на самом деле от стены до стены было не более сорока метров.

Решившись наконец сдвинуться с места, Олег пересек ротонду, обходя по дороге упавшие сверху обломки лепных украшений. Не слишком-то здесь заботились о порядке. Интересно, сколько времени стоит здесь это необычное произведение архитектурного искусства? Если судить по тому, как глубоко въелась в трещины стен серая вулканическая пыль, многие столетия пронесли под этими сводами.

А сколько еще он должен ждать? И чего, собственно, он ждет? Что, если этот голос больше не заговорит?

Но голос заговорил:

— Ну хорошо! Хотя ты все время нарушаешь правила, будем считать, что ты победил стража.

— Это так важно?

— Конечно, важно! Каждый, кто сумел дойти до ротонды и победить стража у ее входа, получает право задать три вопроса и исполнить одно желание.

— Всего лишь одно?

— Да, именно одно. Это самое интересное правило во всей игре. Если израсходовать единственное желание на возвращение — тогда не было смысла, преодолевая такие трудности, сюда добираться. Если же этого не сделать, если израсходовать желание на что-нибудь иное, человеческое существо никогда не сможет вернуться обратно.

— Но сюда-то они иногда доходят?

— Очень редко, да и то потому, что никто специально не препятствует их движению.

— Что-то я этого не заметил... — проговорил Олег, внимательно рассматривая стены ротонды и стараясь определить хотя бы направление, с которого доносился голос. Но это по-прежнему не удалось.

— Итак, задавай свой первый вопрос. И, не раздумывая ни секунды, словно подготовившись заранее к этим условиям игры, Олег спросил:

— Кто ты?

— Я — это я. Существо разумное.

— Эго не ответ. Что ты собой представляешь? Где ты находишься? Что ты, наконец, такое?

— Ах, это... Не думал, что тебя интересуют незначительные подробности. Я нахожусь в каждой молекуле этой планеты. В каждой частице камня, на котором ты стоишь. В каждом глотке воздуха, которым ты дышишь. В каждой капле воды и кусочке пищи, которыми ты воспользовался после приземления на Остран.

Олег почувствовал, как от этого откровения мороз пополз у него по коже.

— Следовательно, я — это ты, — продолжил голос, подтверждая его худшую догадку. — Во всяком случае, твое тело — это всего лишь крохотная частица моего.

— Не говори глупостей! — хрипло произнес Олег, стараясь не показать охватившего его замешательства. — Мое «Я» — это, прежде всего, мой разум, а он тебе не подвластен.

— Это правда, но лишь потому, что твой разум мне просто не нужен. Я со своим-то не всегда знаю, что делать. К тому же забавно иметь дело с таким крошечным, беспомощным существом, обладающим собственным разумом. Особенно когда оно пытается нарушать установленные мной правила, рискуя при этом собственной жизнью.

— Ты хочешь сказать, что части твоего тела рассредоточены по всей массе планеты?

— Это твой второй вопрос?

— Нет. Это продолжение первого. Я по-прежнему всего лишь пытаюсь понять, что ты собой представляешь.

— Пусть будет так. У меня вообще нет тела в твоём понимании. Частицы моего «Я», разместившиеся в молекулах этой планеты, по своей сути — энергетические образования. Используя магнитно-гравитационное поле Острана, они могут обмениваться информацией, объединяться в общую систему или распадаться на сколь угодно большое число отдельных, изолированных друг от друга систем. Временно, разумеется. И, следовательно, меня невозможно уничтожить. Ты ведь именно это пытался выяснить, не так ли?

— Ты говоришь как ученый, а поступаешь как малый ребенок. Сколько тебе лет?

— Это второй вопрос?

— Пусть будет так.

— Мне всего лишь два миллиона четыреста восемьдесят тысяч лет по вашему, земному, летосчислению.

— Что значит «всего лишь»?

— Это значит, что представители моего вида живут достаточно долго.

— Сколько именно?

— Точного ответа, как ты понимаешь, быть не может, это зависит от многих причин. В среднем что-то около двадцати миллионов лет.

— Значит, тебе сейчас примерно одна десятая полного цикла развития индивидуума

вашего вида?

— Ты правильно понял, но два миллиона — достаточный срок, чтобы узнать за это время намного больше, чем знает вся ваша цивилизация.

— Ты развиваешься слишком быстро, информационный поток отстает от твоего развития. Вот в чем причина всех искажений, и это только начало. Лидянец был прав...

— Выражайся яснее, если хочешь, чтобы я не потерял интереса к нашей беседе.

— Тогда ответь мне на третий вопрос. Зачем ты начал космическую войну? Чем тебе не угодила человеческая раса?

— Но это же так интересно! Разве вы этого не чувствуете? Игра на таком огромном поле, с большим количеством фигур чрезвычайно меня привлекает. Она ни в какое сравнение не идет с тем, что у меня было на этой планете до того, как в космосе появились земляне. Пока над Острадом не закружились их звездолеты и не высадили сюда тех, кого вы называете Тайнами, я вообще не подозревал, что за пределами Острана существует жизнь.

Но Танны начали строить здесь колонию. Они хотели жить на моей планете по собственным правилам, и тогда началась совсем другая, куда более интересная игра.

Больше всего мне нравятся психологические игры с чужим сознанием.

— Именно поэтому ты калечишь и убиваешь тех, кто этим сознанием обладает? Превращая разумные существа в простые пешки своей отвратительной, грязной игры?

— Смерти не существует вообще. Когда жидкость переливают из одного сосуда в другой, она изменяет форму, но остается той же самой жидкостью.

— А тебе не кажется, что у людей может быть на, этот счет другая точка зрения?

— Даже если она и существует, меня это не интересует. И больше не называй мою игру грязной, если не хочешь превратиться в новую статую для украшения моего жилища.

Разговор постепенно терял смысл. Они подошли к вопросам, за которыми отсутствовало всякое понимание. Олег начал сомневаться в том, что смысл, вложенный в произнесенные фразы, имеет одинаковое значение для каждого из них.

И все же он спросил последнее, что еще его интересовало. Интересовало потому, что где-то здесь, совсем рядом, проходила та самая ниточка, которая могла соединить бездну непонимания, разделившую их.

— Почему ты позволил, чтобы я пришел сюда? Зачем тебе это нужно? Для чего ты все время являлся в мои сны, зачем тебе понадобился я, именно я?

— Это уже четвертый вопрос — но все равно я отвечу. Ты часто играешь не по правилам. Но игра почему-то становится от этого только интереснее. Я хочу понять, отчего это происходит.

— Наверное, правила у нас разные.

Олег развязал тесемки и выкатил из мешочка камень. Сейчас он показался ему огромным, больше лесного ореха. Его грани сверкали ослепительными сполохами. Казалось, камень излучает во все стороны маленькие радуги.

Если это алмаз, то его стоимость, независимо от всего остального, невозможно даже представить.

Но он знал, что подлинная цена камня заключена не в материале, из которого выточены его грани. Она, как и все настоящее, была скрыта глубоко внутри. И оттого, что он знал подлинную цену камню, расстаться с ним было в сотни раз труднее.

— Ты сумеешь прочесть информацию, записанную на субатомном уровне кристалла, который я сейчас держу в руке?

— Разумеется, я мог бы это сделать. Вопрос в том, для чего мне этим заниматься? Разве что это то самое твое единственное желание, которое я должен исполнить по правилам нашей игры?

— Тогда пусть так и будет. Что мне сделать с камнем?

— Ты уверен, что хочешь именно этого? Мне придется лишиться хорошего партнера по играм, если ты будешь настаивать на исполнении своего дурацкого желания.

— Я знаю. Возьми камень.

— Хорошо. Отдай его нашей статуе.

— Ты обязательно должен прочитать всю информацию, записанную на этом кристалле, всю — до самого последнего бита. Это главное условие нашей сделки.

— Это я понял. Я не понимаю, зачем это нужно тебе? Может быть, ты хочешь, чтобы я расшифровал и передал тебе записанную на кристалле информацию?

— Оставь ее для себя. Просто прочитай.

И в этот миг на несколько долгих мгновений он почувствовал себя сильнее и мудрее того юного существа, что плескалось у его ног в огненном озере, смотрело на него миллионами глаз из каждого камня, из каждой песчинки, Лежавшей у него под ногами.

Ничего больше не сказав, он повернулся и пошел к выходу. Над его головой чирикали птицы, свившие свои гнезда в ее каменном кружеве, и Олег мимоходом подумал о том, что и птицы не могут быть здесь настоящими.

Они сродни тем железным цветам, что кивали сейчас своими позолоченными головками, когда он задевал их, пробираясь по узкой тропинке.

Подойдя к рыцарю, он вложил кристалл в его протянутую мертвую руку и, не оглядываясь, двинулся дальше, словно все еще боялся передумать.

— Ты опять нарушаешь правила! Ты ничего не попросил для себя. Так не должно быть. Я готов прочитать твой кристалл и выполнить еще одно твоё желание. Говори его! В конце концов, один раз я тоже имею право нарушить правила!

В голосе хозяина Острана звучала явная растерянность, готовая, в любую минуту перерасти в неудержимый гнев. И еще там была целая гамма чувств, которую никогда раньше, даже во сне, не удавалось ощутить Олегу в этом холодном и не по-детски жестоком разуме.

— Мне от тебя ничего не нужно, просто прочти кристалл.

Олег не оглянулся и лишь краем глаза заметил, что рыцарь, сжимая в руке бесценное сокровище Лидян, медленно пошел к озеру.

Огненная пасть разверзлась и поглотила его у самого берега. Магма хлюпнула в последний раз, словно кто-то огромной ладонью с размаху шлепнул по ее мягкой поверхности. Затем наступила полная тишина.

Даже механические птицы в куполе ротонды перестали чирикать.

Олег шел по тропинке, ведущей от беседки к ущелью, медленно, словно гулял в настоящем парке. Ему и в самом деле некуда было теперь спешить. Он выполнил все обязательства, сжег за собой последние мосты. Терять ему стало нечего.

И вместе с пониманием этого пришло горькое сознание собственной неуязвимости. Человек, которому действительно нечего терять, перестает ощущать даже страх.

Когда тропинка закончилась, перед тем, как войти в ущелье, он обернулся и посмотрел на озеро в последний раз.

Оно лежало спокойное и темное. Яростное багровое пламя, бушевавшее в его глубинах, умерило свой пыл. На поверхности застывала корка, и Олег знал, что не пройдет и месяца, как вся эта магма превратится в камень.

Далеко-далеко у самого горизонта, с противоположной стороны озера, появилась маленькая черная точка. Еще одна птица возвращалась из своего дальнего полета.

Олег медленно повернулся спиной к озеру, шагнул в ущелье и вдруг застыл на месте, словно пораженный ударом молнии.

Отголоски подземной грозы, бушевавшей под Остраном, стихли, и вокруг стояла полная, неестественная тишина.

Медленно, словно боясь расплескать невидимую драгоценную жидкость, он снова повернулся к озеру.

Над самой его серединой, постепенно снижаясь, летела огромная черная птица. И не птица это была. Совсем не птица...

Гигантский Летящий Кот опустился на прибрежные камни в нескольких метрах от того места, где стоял Олег.

Женщина, сидевшая на его спине, легко спрыгнула на камни и побежала к Олегу. А он все стоял столбом, словно и в самом деле превратился в статую, не в силах сделать ни единого шага.

— Здравствуй, милый, я ждала так долго... Но сегодня утром мертвый сон, сковавший меня, неожиданно кончился, и Черная Молния согласился выполнить мою последнюю просьбу. Отнести меня к тебе.

— Почему последнюю? — Из всех вопросов он выбрал, казалось, самый незначительный. Но так только казалось.

— Потому, что управлявшее нами поле сегодня исчезло. И если оно не вернется...

— Оно не вернется.

— Откуда ты знаешь?

— Тот, кто играл в свои детские игры на этой планете, сегодня пошел в школу. А когда через много лет урок закончится, он станет на тысячи веков мудрее, и уже не захочет играть в свои игры.

— А как же мы?

— На многие годы Остран останется закрытой планетой. Никто не осмелится потревожить покой такого ученика. А нам всем предстоит научиться жить в мире друг с другом, и еще кое-чему...

Он бережно обнял ее и поцеловал нежно и осторожно, как не делал этого никогда раньше.

— Кажется, у нас с тобой появился свой собственный дом. Я имею в виду не тот маленький деревянный домик, который я для тебя построил. Весь этот мир теперь принадлежит нам.